Ш. ДЕ ГОЛЛЬ

ВОСПОМИНАНИЯ

(ВОЙНА 1914–1918 гг.)

ВВ250
ф 878

Ф. ФОШ

ВОСПОМИНАНИЯ

(ВОЙНА 1914—1918 гг.)

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Государственное Военное Издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
Москва — 1939

К. 1988
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

Ф. Фош. „Воспоминания (Война 1914—1918 гг.)"

Книга является изложением воспоминаний боевых действий на Западном фронте мировой войны, которыми руководил непосредственно Фош в качестве командира корпуса в Лотарингии, командующего группой и армией в Марнском сражении, помощника главнокомандующего по северному участку Западного фронта и главнокомандующего всеми вооруженными силами Антанты.

Книга рассчитана на командный и начальствующий состав РККА.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК КПСС
ВВ250
Ф 878
51205

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства 5

ТОМ ПЕРВЫЙ

От автора 11
Введение 22

Часть первая

20-й армейский корпус (25 июля—28 августа 1914 г.) 33
Глава первая. 20-й армейский корпус в прикрытии (25 июля — 13 августа 1914 г.) . . . . . —
Глава вторая. 20-й корпус при наступлении в Лотарингии. Сражение под Моранжем (14—20 августа 1914 г.) 40
Глава третья. 20-й корпус во время отхода за Мёрт и контрнаступления (21—28 августа 1914 г.) 57

Часть вторая

Командование 9-й армией (29 августа — 4 октября 1914 г.) 65
Глава первая. Отступление . . . . . —
Глава вторая. Сражение на Марне 82
Глава третья. Конец сражения и преследование (10—12 сентября) 102
Глава четвертая. Остановка 111

Часть третья

Сражение во Фландрии 124
Глава первая. Операция на севере . . . . . —
Глава вторая. Сражение на Изере 144
Глава третья. Сражение под Ипром 150
Глава четвертая. События на остальном фронте северных армий (17 октября — 20 ноября) 169
Глава пятая. Общий взгляд на сражение во Фландрии 172

Стр.

Глава шестая. Первые попытки союзников прорвать германский укрепленный фронт. Перегруппировка союзных сил во Фландрии (декабрь 1914 г.— апрель 1915 г.) 182

ТОМ ВТОРОЙ

От французского издателя 197

Часть четвертая

Главное командование союзными армиями 229
Глава первая. Германское наступление 21 марта и соглашение в Дулане . . . . . —
Глава вторая. Первые мероприятия командования . . . 243
Глава третья. Соглашение с Бовэ 251
Глава четвертая. Восстановление положения союзников на Сомме и германский удар во Фландрии 256
Глава пятая. Вопрос о численности союзных армий во Франции 276
Глава шестая. Германское наступление от Реймса до Мондидье (27 мая — 13 июня) 281
Глава седьмая. В ожидании (13 июня — 15 июля) . . . 299
Глава восьмая. Второе сражение на Марне 316
Глава девятая. Записка от 24 июля 331
Глава десятая. Частные наступления союзников (август—сентябрь 1918 г.) 336
Глава одиннадцатая. Общее наступление союзных армий (с 26 сентября по 15 октября) 359
Глава двенадцатая. Проблемы численности, военной промышленности и сообщений осенью 1918 г. 374
Глава тринадцатая. Общее наступление союзных армий (с 15 октября по 11 ноября 1918 г.) 379
Глава четырнадцатая. Перемирие 399
Глава пятнадцатая. Марш на Рейн 425

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Изучая историю первой мировой империалистической войны, мы находим в литературе часто различное объяснение отдельных ее событий. Исследователю чрезвычайно важно познакомиться с точкой зрения лиц, непосредственно руководивших операциями. Ведь они принимали решения, они прилагали усилия к выполнению этих решений. Снижает ценность подобных «показаний» и приводит иногда к сознательному искажению фактов стремление того или другого полководца, военачальника оправдать свои действия даже тогда, когда эти действия были ошибочными.

Фош сыграл значительную роль в победе союзников над коалицией центральных держав, возглавлявшихся Германией.

Занимая высокие командные посты, будучи главнокомандующим всеми вооруженными силами союзных армий, Фош оценивал силы врага и свои собственные, обстановку в целом и принимал соответствующие решения. Решения, разумеется, не всегда были правильными. Читатель легко увидит, что в тех случаях, когда неудача являлась следствием неправильного решения, неправильной оценки соотношения сил, Фош в своих воспоминаниях старается упомянуть об этом лишь вскользь и быстро переходит к другим вопросам.

В смысле исторической объективности воспоминания Фоша не отличаются от остальной буржуазной мемуарной литературы о войне 1914—1918 гг. Фош являлся представителем французских господствующих классов и, рассматривая войну с их позиций, крайне неуклюже старался скрыть ошибки, допущенные французской буржуазией в подготовке материальных средств, необходимых для ведения длительной войны. Он также скрывает методы, применявшиеся буржуазией и ее агентами, социал-шовинистами, для обмана широких трудящихся масс.

В повествовании Фоша не видно французского солдата, его жертв и переживаний. О расстрелах восставших французских

солдат Фош не обмолвился ни одним словом. О лишениях французского народа, об империалистических целях этой несправедливой войны Фош, конечно, умалчивает. Довольно откровенно и цинично признавая факт организации им, Фошем, интервенции против Советской России, он не обмолвился в своих воспоминаниях о революционизировании французских солдат и моряков, посланных Антантой для подавления молодой Советской республики.

Фош не скупится в своих воспоминаниях на дифирамбы по адресу политических деятелей Франции, Англии, Америки, Италии и их генералов, в том числе по своему собственному адресу.

В своей оценке недостаточной материальной подготовки Франции к войне Фош склонен перекладывать вину с французского генерального штаба на государственных деятелей, которые противопоставили «оборонительную политику» «наступательной доктрине» генерального штаба. Этим он пытается доказать, что Франция вообще не была готова к войне или что война застала ее врасплох. И то и другое противоречит историческим фактам.

Все крупные империалистические державы готовились к мировой войне давно.

«...Война 1914 года была войной за передел мира и сфер влияния. Она задолго подготовлялась всеми империалистическими государствами. Ее виновники — империалисты всех стран.

В особенности же эта война подготовлялась Германией и Австрией, с одной стороны, Францией, Англией и зависимой от них Россией — с другой...

...Империалистическая война подготовлялась буржуазией в глубокой тайне от своих народов. Когда война разразилась, каждое империалистическое правительство старалось доказать, что не оно напало на соседей, а на него напали. Буржуазия обманывала народ, скрывая истинные цели войны, ее империалистический, захватнический характер. Каждое империалистическое правительство заявляло, что война ведется для защиты своей родины». (Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 155—156).

Несмотря на тенденциозность и явно дешевую антигерманскую направленность «Воспоминаний» Фоша, в книге много поучительного по вопросам стратегии, оперативного искусства и тактики и их взаимозависимости.

Проблемы резервов, выбора направления главных ударов в той или иной конкретной обстановке, сосредоточения сил, меры, принимаемые для обеспечения решения, — все это Фош освещает

довольно подробно. Он правильно подчеркивает необходимость взаимодействия и инициативы в бою, в операции, в сражении.

Фош подробно описывает перипетии ведения войны коалиционными армиями, но старательно замазывает противоречия, существовавшие между союзниками. Общеизвестно, что эти противоречия находили свой отзвук в проведении военных операций. Частные интересы отдельных союзников противопоставлялись общим интересам коалиции, и отстаивание первых нередко приводило к серьезным кризисам. «Воспоминания» дают богатый материал о политико-экономических противоречиях внутри «единого» лагеря Антанты, так как, описывая ход войны, Фош поневоле выдает многое из закулисных переговоров между союзниками.

Эти противоречия на протяжении всей войны особенно ярко выявились на северном участке французского фронта, на итальянском фронте в 1916 и 1917 гг., во время вступления Соединенных Штатов в войну и т. д.

Впервые мы слышим из уст французского генерала, что русская армия «своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил и тем позволила нам одержать победу на Марне». Это объективное признание одной из главных причин «чуда на Марне» тем более ценно, что во французском официальном отчете такого указания мы не встречаем.

Для подтверждения выставляемых им положений Фош приводит много директив, приказов и других документов. Особый интерес представляют документы о взаимоотношениях между союзниками.

Фош не успел описать период 1915, 1916 и 1917 гг. Дополнительная глава написана французским издателем «Воспоминаний». Эту главу, несмотря на то, что она написана не самим Фошем, мы сохраняем для хронологической последовательности всего изложения. Фош сам предупреждает читателя в своем предисловии, что его «Воспоминания» не являются точной летописью, а лишь повествованием о деятельности и переживаниях руководителя, участника войны. Ход войны он рисует крупными мазками.

В своем введении и в других местах книги Фош делает ряд выпадов против Германии и германского народа. Он читает мораль и возмущается милитаристской Пруссией, выставляя Францию миролюбивым ягненком. Эти протесты против «потоков крови» и «покушений на право и жизнь других народов» странно звучат в устах бывшего главнокомандующего союзными войсками Антанты и организатора интервенции в Советской Республике, на ответственности которого — не один миллион загубленных человеческих жизней.

Читателю, интересующемуся историей мировой войны, настоящие «Воспоминания» позволят освежить в памяти основные события войны на Западном фронте и познакомиться с отдельными, чрезвычайно поучительными моментами в применявшихся во французской армии методах боевого управления войсками.

ТОМ
ПЕРВЫЙ

ОТ АВТОРА

В течение минувшей войны я последовательно занимал различные командные должности. Вначале, во время операций в Лотарингии, я стоял во главе 20-го корпуса. Это было до конца августа 1914 г. Затем, во время сражения на Марне, я командовал 9-й армией. После этого в качестве помощника главнокомандующего я получил задание согласовывать на Северном фронте действия французских войск с союзными — британскими и бельгийскими. В это время происходили сражения на Изере и под Ипром, наступление в Артуа и сражение на Сомме. Последние события имели место уже в конце 1916 г.

В 1917 г. я как начальник генерального штаба был военным советником французского правительства, которое решило принять участие в непосредственном руководстве военными действиями. Наряду с прочими операциями я с апреля 1917 г. организовывал помощь Италии. В конце октября и в течение ноября того же года я лично руководил там нашими войсками. Наконец, участвовал в устройстве американской армии во Франции.

В 1918 г. в качестве председателя Военного исполнительного комитета в Версале, а затем в качестве главнокомандующего союзными армиями я подготовлял операции всех сил союзников на Западном фронте и руководил ими.

Ныне я с полной откровенностью пишу свои воспоминания. Они представляют собой не историю войны, а только повествование о событиях, в которых я принимал участие. Как мы только что видели, это повествование может охватить весь Западный фронт лишь за последний год войны.

Рассказ написан на основании впечатлений, полученных во время боевых действий, а также на основании неполных сведений и даже наших предположений о противнике.

Чтобы понять, как я представлял себе и истолковывал события, для читателя будет, может быть, не бесполезно несколько вернуться назад и вкратце познакомиться с прошлым автора...

* * *

Я родился в Тарбе, у подножья Пиренеев, в октябре 1851 г., в коренной пиренейской семье. Учиться мне пришлось последовательно в лицеях в Тарбе и в Родезе, в семинарии для младшего возраста в Полиньяне, в Верхней Гаронне, затем в иезуитском колледже св. Михаила в Сент-Этьене,— везде, куда служба моего отца (он был чиновником) приводила мою семью. В Сент-Этьене я вместе с будущим маршалом Файолем закончил подготовку к испытанию на бакалавра литературы. Мы с Файолем в то время подумывали о политехническом училище. Однако наши родители и наставники не сочли возможным избавить нас от прохождения литературного цикла. Это задержало нашу подготовку к поступлению в училище. Таким образом, прежде чем приступить к занятиям точными науками, мы, окончив класс философии, держали испытания на бакалавра литературы.

Точные науки, в особенности математические, приучают ум рассматривать материально определенные величины и формы и четко формулировать относящиеся к этим предметам идеи, связывая их неумолимой логикой. Таким образом вырабатывается строжайший метод мышления. Изучение же литературы, философии и истории, выходящих за пределы непосредственных наблюдений, порождает идеи о живом мире, а следовательно, придавая уму гибкость и широту, сохраняет его настороженным, деятельным и плодотворным перед безграничными просторами, которые открывает жизнь. Чтобы двигаться вперед, имея перед собой этот обширный, но вполне реальный горизонт, нужно прежде всего обладать широким кругозором и ясностью взгляда. Выбрав же себе цель, надо решительно итти к ней путями и средствами, вполне обеспечивающими ее достижение. Таким образом, эта двойная подготовка, в области общих знаний и специальных наук, необходима для того, кто хочет не только знать какую-либо профессию, но и, когда нужно, двигать ее вперед и последовательно применять к новым целям, зачастую различным по природе.

Будущее, несомненно, еще более подчеркнет абсолютную необходимость, особенно для офицера, обладать, наряду с профессиональными знаниями, и общей культурой. По мере того как расширяется область войны, должен расширяться и ум тех, кто ее

ведет. Хороший офицер больше не может довольствоваться профессиональными знаниями, умением управлять войсками и удовлетворять их потребности; он не должен также замыкаться в какой-то обособленный мир. В мирное время войска составляют молодую, полную мужественных сил часть нации, во время войны они — вооруженный народ. Каким образом командир сможет использовать людские ресурсы без постоянного приобщения к духу, воодушевляющему всю страну? Каким образом сможет он управлять социальными явлениями, характерными для общенациональных войн, не обладая установившимися взглядами в области морали и политики, не имея исторических знаний, объясняющих ему жизнь государств в прошлом и в настоящем? Повторяем, одних технических знаний недостаточно. Они должны быть дополнены всесторонним развитием. Впрочем, командир легко поймет, что он лучше подготовит свой ум и характер к будущей войне и быстрее выдвинется по службе в мирное время, если он, строго соблюдая дух дисциплины, будет своим постоянно бодрствующим умом держаться на высоте событий и задач, которые встретятся ему на пути. Если же командир будет жить исключительно жизнью своего гарнизона, поглощенный мыслью о возвышении по ступенькам иерархической лестницы, то он не оправдает этого возвышения развитием своих способностей.

Офицер-профессионал, не понимающий этого, рискует тем, что во время войны ему предпочтут призванного из запаса офицера, обладающего необходимыми военными знаниями и в то же время по роду своей деятельности в мирное время получившего ряд ценных навыков в практической жизни.

* * *

Закончив свои занятия в колледже св. Михаила, я в 1869 г. переехал в Мец, и там, в колледже св. Климента, готовился к поступлению в политехническое училище.

В этой напряженной работе застали нас события 1870 г., которым суждено было оставить глубокий след в нашей памяти. Еще в конце июля 1870 г. вокруг Меца собралась значительная часть французской армии, отличавшаяся прекрасным моральным состоянием при поразительном отсутствии организованности.

Однажды под вечер в Мец прибыл император Наполеон III, чтобы принять главное командование. Он проехал по улице Серпенуаз, полулежа в своей открытой коляске. Его сопровождал наследный принц, тревожно и вопросительно смотревший кругом. Их эскортировал блестящий конвой...

Главная квартира императора и его свиты, состоявшей из людей с громкими фамилиями, в пышных мундирах, расположилась в здании префектуры. Затем 4, 5 и 6 августа, в те дни, когда в исторических схватках решались судьбы Франции, мы сидели в Мецском лицее и под звуки отдаленной орудийной стрельбы писали свои сочинения на конкурс в политехническое училище.

7 августа, в воскресный день, император-главнокомандующий отправился на вокзал для поездки в Форбах. Там он узнал, что поезда уже не доходят до Форбаха, очищенного накануне после проигранного сражения, и вернулся в префектуру, которая была превращена в главную квартиру.

Затем появился первый манифест императора, извещавший Францию о трех поражениях: «Маршал Мак-Магон телеграфирует мне, что он проиграл большое сражение. На Сааре Фроссар атакован крупными силами...» Повсюду воцарилось смущение. После полудня в город и дальше в тыл страны хлынули жители сельских местностей, захваченных или угрожаемых противником. Налицо была картина первых последствий поражения: печальное беспорядочное бегство семейств, выгнанных из своих домов. Измученные движением по дорогам, без крова и без определенной цели, они с отчаянием в душе и с перспективами нищеты увозили своих стариков, женщин, детей и незначительную часть имущества — скот или движимость.

Через несколько дней мы, воспитанники колледжа св. Климента, также покинули Мец, чтобы вернуться к своим родителям. По железнодорожной линии Мец—Париж двигались в обоих направлениях поезда с частями 6-го корпуса, отправленными из Шалона в Мец и возвращаемыми с пути обратно в Шалон из опасения перерыва железнодорожного пути вблизи Меца. В окрестностях Парижа проезжали войска 7-го корпуса, отозванные из Бельфора, а затем войска 1-го корпуса, которые после сражения под Фрешвилером были оттянуты из Шарма на Шалонский лагерь. А некоторое время спустя пошли поезда с пожарными общин Франции. По призыву правительства они прибывали в своих легендарных касках и с кремневыми ружьями на защиту столицы. При виде этой разношерстной массы с устарелым вооружением правительство вскоре поняло их непригодность для намеченной задачи и вернуло общинам их самоотверженных граждан, совершенно не подготовленных к войне. Таким образом, всюду, как мы видим, царил дух беспорядка и ошибок, «роковой предвестник падения королей».

Рушилось государство, беспечное правительство которого, погрязшее в расточительной роскоши, усыпляло страну миром и су-

лило ей полное процветание, отвлекая взоры народа от приближающейся опасности. Само правительство не принимало необходимых мер предосторожности и не обеспечивало поддержки морального и материального состояния армии, которой оно располагало и которая, при тщательном и разумном управлении, могла бы по меньшей мере задержать и ослабить катастрофу. Можно представить себе, что этот переезд среди симптомов развала, как и перед тем зрелище первых последствий поражения, не могли не послужить серьезным уроком для молодых умов.

Я впоследствии поступил добровольцем на все время войны в 4-й пехотный полк, но война кончилась без моего активного в ней участия. Демобилизованный в марте 1871 г., я вернулся в Мец, чтобы за сокращенный учебный год прослушать уже начатый мною курс специальных математических наук и постараться в том же году попасть в политехническое училище.

В колледже св. Климента мы помещались в одном здании с проходившими через город германскими войсками и с постоянно стоявшим в Меце батальоном 37-го померанского полка. Это соседство не могло не вызывать многочисленных инцидентов. Наши сожители хотели дать нам почувствовать всю тяжесть своей победы и резкими, грубыми выходками подтверждали при каждом удобном случае и без малейшего повода право, которое, по их мнению, давала им победа, и делали все, что заблагорассудится. Из Меца мы в течение лета 1871 г. три раза ездили в Нанси держать письменные, а затем устные отборочные и вступительные испытания в политехническое училище.

Управлял оккупированной Лотарингией и командовал оккупационной армией ген. Мантейфель. Он проживал на площади Карьер, во дворце правительства, где впоследствии объявление войны 1914 г. застало меня командиром 20-го армейского корпуса. Там он принимал проезжавших через Мец многочисленных знатных немецких посетителей — принцев, генералов или чинов высших штабов. Каждый раз при этом имели место шумные проявления восторга, большие военные парады и церемонии в честь лиц, которые привели армии к победе или посредством мирного договора насильственно оторвали от Франции Эльзас и Лотарингию, несмотря на единодушные протесты их населения. Я был несколько раз свидетелем подобных сцен. Вскоре я уехал из Меца, чтобы в октябре 1871 г. поступить в политехническое училище в Париже.

Когда заходила речь о моем поступлении в политехническое училище, мои родители имели в виду главным образом гражданскую карьеру. Но после пережитой нами несчастной войны на всех

нас, особенно молодежь, ложилась задача — работать для возвышения отечества, уже расчлененного и находившегося под угрозой полного разрушения. Поэтому я, ни минуты не колеблясь, примкнул к кандидатам, выразившим желание служить в артиллерии. Эти слушатели после 15-месячного пребывания в политехническом училище должны были поступить в артиллерийское училище и в сентябре 1874 г. выйти из него офицерами в артиллерийские полки.

Немедленно после постигших нас катастроф, несмотря на большую контрибуцию, уплаченную победителю, Франция, обезоруженная условиями капитуляции, по которым материальная часть армии была отдана врагу, быстро восстанавливала свои военные учреждения и свое вооружение. Она спешно принимала меры к тому, чтобы в случае необходимости оказать сопротивление попрежнему угрожавшему ей противнику. Враг, опасаясь быстрого возрождения Франции, готов был, особенно в 1875 г., возобновить войну, чтобы завершить разгром нашей страны.

В этот-то период спешной реорганизации и восстановления вооружений я и начал свою службу в 24-м артиллерийском полку в г. Тарб. По счастью, весь личный состав полка был воодушевлен благородным порывом и занят лихорадочной деятельностью, и эти темпы первых лет после войны сохранились надолго.

Все военноучебные заведения, через которые я прошел, — политехническое училище, артиллерийское училище, а затем и кавалерийская школа, — дали нам крепкие знания, постепенное развитие наших способностей, а также конкретные темы для размышления. Однако истинным откровением явилась для меня военная академия, куда я поступил в 1885 г. Преподаванием теории, построенной на практических примерах истории, академия приучила людей среднего ума, используя свои прирожденные способности и приобретенные знания, рационально подходить к проблемам большой войны, логически рассуждать об этих проблемах, обсуждать и выдвигать решения, основанные на прочном фундаменте.

Правда, в академии были сосредоточены выдающиеся люди — Кардо, Майер, Миллэ, Лянглуа, Шерфиль, отличавшиеся своей исключительной добросовестностью, богатым опытом и здравым суждением. На основе самых тщательных исторических исследований они определяли безграничные возможности войны и путем анализа устанавливали материальные средства, необходимые для ее ведения. Тем самым они, наряду с установленной доктриной, давали нам и метод работы для решения будущих задач.

Один из этих преподавателей военной академии, майор Миллэ, впоследствии занимавший высшие посты в нашей армии, обратил на меня внимание и интересовался мной в течение всей моей карьеры. Так, позднее я исполнял при нем обязанности начальника штаба армейского корпуса, а затем и армии. Он оказал большое влияние в формировании моих взглядов на будущую войну, постоянно делясь со мной мыслями, продиктованными ему его опытом во время войны 1870 г., и своими непрерывными изысканиями приемов ведения боя в будущем.

Для него с 1870 г. могущество огня было господствующим элементом на поле сражения. Он считал, что это могущество должно сломить натиск любых войск, не обладающих огневым превосходством. С усовершенствованием вооружения это могущество становилось еще более абсолютным в будущей войне. Безусловно необходимо было подумать о надлежащем его использовании, постараться извлечь из него выгоду, приняв на вооружение более мощную материальную часть. Надо было найти и способы защиты от его действия, так как те, которые мы применяли, например боевые порядки нашей пехоты, были явно недостаточными. Они могли привести только к уничтожению войск. Само собой разумеется, что за этим мощным огневым действием должна была следовать атака для захвата позиции противника, но эта атака являлась только частью сражения. Поражение противника, достигнутое таким образом в одном пункте, все же обходилось дорого и было бы ограниченным. Чтобы поражение не оставалось бесплодным, необходимо было немедленно развивать и использовать его посредством быстро организованного боевого усилия, проводимого довольно крупными силами. Это позволило бы своевременно использовать расстройство, вызванное в боевых порядках противника, внести в них разрушение и распространить беспорядок, словом, извлечь все выгоды из победоносной, но дорого стоящей атаки. Это значило, что командир крупных сил, самым тщательным образом подготовляя начало своих действий, должен отнюдь не останавливаться после достижения первых тактических результатов, а предусматривать дальнейшее развитие боя. Он должен подготовлять средства и выдвигать вперед части, необходимые для этого. Он обязан обеспечить непрерывность мощного первоначального усилия если не количеством и силой новых ударов, то, во всяком случае, их быстротой и точностью.

Только немедленное развитие частного успеха путем продолжения наступления и быстрого нанесения ряда новых ударов, в итоге — новый маневр, сохраненный про запас, но тщательно подго-

51205

БИБЛИОТЕКА

товленный, может помешать противнику возобновить сопротивление, облегчающееся современным вооружением. Именно такое развитие достигнутого успеха делает его не только окончательным, но достаточно широким для того, чтобы вызвать глубокое расстройство противника и тем добиться победы.

Мое трехлетнее пребывание в 3-м отделе генерального штаба (возглавлявшегося в то время ген. де-Мирибель) дало мне возможность ознакомиться с мерами, принятыми нашим штабом для мобилизации, сосредоточения и снабжения французских армий во время войны, а также с основными идеями нашей военной доктрины.

Перед лицом германской армии, превосходящей нашу своей численностью, боевой подготовкой и вооружением, ген. де-Мирибель путем глубокого изучения нашей территории на востоке старался выбрать длинные оборонительные позиции, о которые должна была разбиться очень широкая, как он предвидел, волна вторгнувшегося противника. Этому изучению он придал, несомненно, весьма большой размах и масштаб. Но, как всякая чисто оборонительная стратегия, это искусство отражать или задерживать удары путем использования местности не содержало никаких намеков на встречный удар. Считали, что сам главнокомандующий французскими армиями должен будет выбрать место и время для этого контрнаступления. Не учитывалось, что полная перемена образа действий после начала войны трудно выполнима, особенно для современных массовых армий. Она требует серьезнейшей подготовки для своего осуществления и завершения возобновлением движения вперед, без которого не может быть победы. Начальник генерального штаба умер прежде, чем успел приступить к разработке проблемы контрнаступления и соответствующего ему использования войск. В это самое время германский генеральный штаб усиливал свои полевые армии тяжелой артиллерией, которая до тех пор применялась исключительно в осадной войне.

Вооруженный только основными идеями ген. Миллэ, я приступил к преподаванию порученного мне курса общей тактики в военной академии. За шесть лет упорной работы я углубил и постарался дополнить эти идеи. Когда посвящаешь себя исканию военной истины, можно ли найти более сильный стимул, чем преподавание ее тем, которым придется проводить ее на полях сражений, где наряду с жизнями солдат будут решаться судьбы их страны? А для того чтобы этой истиной прониклись умы, открытые для ее восприятия, но иногда под влиянием практики военной жизни скептически настроенные по отношению к школьным занятиям, разве не надо страстно стремиться к этой истине и прочно овладеть ею?

Действительно, обязанность сообщать другим высшие военные знания заставляет задавать себе немало вопросов, касающихся войны, ее происхождения и целей, и рассматривать события, сопровождающие крупные конфликты. Таким образом, ум, не ограничивающийся простой педагогикой военного ремесла, естественно побуждается к изучению существа войны и к исследованию вопроса о том, каким потребностям или каким стремлениям отвечает война в жизни народов. Приходится задумываться над тем, какой ценой и какими жертвами эти народы расплачиваются за нее, каким образом развитие цивилизации в мирное время, в частности развитие просвещения и промышленности, ежедневно предоставляет в распоряжение войны все новые средства, могущие внести глубокие изменения в искусство ее ведения. Наполеон говорил, что армия должна каждые десять лет менять свою тактику. Через 30—40 лет после 1870 г. каких только перемен следовало ожидать со стороны противника, ум которого со времен Фридриха II был всегда направлен на усовершенствование войны! Промышленное развитие противника поражало своей быстротой. Его военные писатели — Фалькенхаузены, Бернгарди, не говоря о других, не скрывали, впрочем, масштаба формирования нового образца и предполагаемого ими расширенного применения к враждебным народам своих законов войны.

Поэтому неудивительно, что в предвидении грозного будущего военная академия, этот очаг знаний, дала в лице своих преподавателей, выбранных из всех родов войск и уже имевших опыт, большое число командиров, которые впоследствии отличились во время мировой войны. Такими командирами были Петэн, Файоль, Мэтр, Дебеней, де-Модюи.

Годы, проведенные мною в военной академии, оставили глубокий след. Я научился рассматривать проблемы предстоящей войны, хладнокровно обсуждать их во всей совокупности, находить их решение. Жизнь в полку, сначала в должности помощника командира 20-го артиллерийского полка под начальством заботливого командира этого полка, а затем и в качестве командира отдельной части — 35-го артиллерийского полка, заставила меня в течение четырех лет бороться с трудностями проведения в жизнь планов, построенных на теоретических изысканиях. Осуществление командования, особенно в чине капитана, несомненно, является величайшим удовлетворением военной жизни благодаря тому всестороннему влиянию, которое оказываешь на смышленого, преданного, деятельного рядового, каким является французский солдат. В чине полковника, командуя отдельной воинской частью, оказываешь

влияние на офицерский состав, обладающий большими знаниями и проникнутый непоколебимой преданностью делу, а через офицерский состав и на весь полк, который вскоре становится образом и подобием своего командира.

Но офицерский состав надо еще научить выполнять свои задачи по отношению к противнику, к подчиненным, к равностоящим и к начальникам в день сражения, когда, несмотря на невыясненность обстановки, надо все же действовать энергично и когда связь между начальниками всех степеней становится все более и более затруднительной.

В настоящее время каждый начальник исполняет в бою необходимую роль. Теперь уже недостаточно, чтобы исполнитель этой роли был отлично дисциплинированным, доблестным солдатом. Он должен быть командиром, знающим свое дело и способным проявить инициативу.

Как бы то ни было, из моего командования полком я вынес впечатление, что наша молодая армия способна на величайшие усилия и что она должна притти к победе, если ее поведут правильным путем при достаточном оснащении боевыми средствами. Но это зависело уже от высшего командования, от организации.

Наши зарейнские соседи, особенно с 1890 г., в еще небывалых размерах усиливали свое вооружение в отношении количества и разнообразия калибров артиллерии, предназначавшейся ими для полевой войны. Они с величайшим старанием совершенствовали свои средства наблюдения и связи. Мы могли оказаться отсталыми.

С этими взглядами, в которые время не внесло глубоких изменений, я, продолжая свою службу, исполнял должности начальника штаба армейского корпуса, а затем начальника артиллерии этого корпуса.

В 1908 г. я был назначен начальником военной академии. Во время своего пребывания во главе этого очага науки я предложил ввести для некоторых офицеров третий учебный год, так как ввиду расширения области военного искусства во всех отраслях оставались пробелы в их знаниях после двухлетного пребывания в академии.

В 1911 г. я принял командование 14-й дивизией, очень крепким войсковым соединением, предназначенным для участия в прикрытии стратегического сосредоточения. В 1912 г. я принял командование 8-м армейским корпусом, а в августе 1913 г. — 20-м корпусом в Нанси. В то время наши армейские корпуса с управлением соответствующих корпусных округов численностью своих войск и количеством учреждений представляли такие обширные организа-

ции, что для руководства и знакомства с ними требовалась очень большая работа. Едва освоившись с 8-м корпусом, мне пришлось принимать 20-й. Он состоял из двух пехотных и одной кавалерийской дивизий; они были усиленного состава, для ускорения перехода на военное положение. К моменту моего назначения рядовой состав его частей должен был включать в себя три годовых контингента вместо двух в связи с принятием закона об увеличении срока службы до трех лет. Приходилось строить казарменные помещения соответственно этому увеличению численности и пропорционально расширять санитарную и прочие службы. В то же время мы приступили к постройке укреплений вокруг Нанси. С этой работой необходимо было всячески спешить. Таким образом, за последние годы перед войной мне, вследствие моих перемещений по службе, пришлось работать все более усиленными темпами, чтобы вполне справиться с подготовкой войск и организационной работой. Нельзя было терять времени, так как противник с каждым днем становился все более угрожающим и сильным. Уже перешагнув далеко за шестьдесят лет, я, вместо того чтобы подумать об отдыхе, должен был готовиться проявить всю энергию и деятельность, на которые я был способен. Война приближалась.

С другой стороны, во время моего пребывания на посту начальника военной академии я завязал сношения с выдающимися деятелями некоторых иностранных армий. В британской армии я особенно сблизился с начальником академии генерального штаба в Кемберли Вилсон, бывшим в то время бригадным генералом. Впоследствии он стал одним из самых деятельных умов имперского генерального штаба, а затем и его начальником. В течение ряда лет, особенно во время войны, нам пришлось работать совместно.

Я также несколько раз принимал миссию русской академии; благодаря этому я был приглашен на русские маневры в 1910 г.

Не говоря уже о сердечных отношениях, завязанных мною таким образом с обеими армиями, мои поездки доставили мне много сведений о тех средствах, которые наши будущие союзники могли предоставить в случае войны с Германией, если бы наши правительства действовали в согласии.

ВВЕДЕНИЕ

Германия, втянувшаяся к 1914 г. в русло мировой политики, никогда бы не объявила войны, если бы правильно понимала создавшуюся к тому времени обстановку.

Но берлинское правительство, опьяненное своим могуществом и увлекаемое слепой пангерманской партией, вполне уверенное к тому же в превосходстве своей армии над всякой другой армией, не боялось для ускорения своего прихода к власти над миром прибегнуть к оружию и тем открыть эру тяжелых гекатомб и опасных авантюр. Эта власть, по его мнению, была ему предназначена.

Впрочем, в 1914 г. вся Германия с воодушевлением взялась за оружие, чтобы поддержать грандиозные и безумные замыслы правительства, не задумываясь над ужасами преступления, которое она собиралась совершить по отношению к человечеству. Она фактически превратилась в Великую Пруссию.

С давних пор Пруссия, этот рассадник юнкерства и колыбель милитаризма, считала своим национальным занятием войну. Направляемая излюбленной Гогенцоллернами политикой, война сделала из курфюршества Бранденбургского Германскую империю. Вытеснив из Германии Австрию, которая могла бы оказать сопротивление и явиться представительницей другого идеала, Пруссия, к своей выгоде, добилась объединения Германии. При этом она поглотила довольно многочисленное население прирейнских земель. И постепенно ее железная рука, дававшая себя чувствовать как в материальной, так и в духовной области, благодаря прусской, по существу или по складу, администрации — чиновникам, учителям, офицерам, — подчинила это население идеям и учреждениям восточных провинций.

В 1914 г. Германия окончательно опруссачена. Там, по общему мнению немцев, сила создает право. А так как, с другой стороны, военная организация была тщательно обдумана и развивалась вме-

сте с экономическим подъемом, Германия оказалась в состоянии быстро мобилизовать свою армию, превосходящую любую другую по своей численности, вооружению и подготовке. Эта армия должна была исполнить и оправдать роль, «предназначенную» Германии в силу ее «расового превосходства». К тому же обращение к силе может только облегчить ее движение по пути к мировой гегемонии. Преимущество этого обращения к силе в том, что оно ускорит ход событий, а также расширит и закрепит результаты. Германия, победившая великие европейские державы, будет неоспоримо господствовать на всем старом континенте. Прочно утвердившись на побережье Северного моря и Ламанша, она станет властвовать над морской державой — Англией, а следовательно, и над морями. Разве это не обеспечит отныне будущее развитие мировой политики Германии? Потоки крови, которых война может стоить человечеству,— ничто по сравнению с теми выгодами, которые она принесет Германии. Путем кровопролития Пруссия создала Германию, увеличила ее и должна еще увеличить. Такова философия победившего юнкера, принятая отныне всеми верноподданными немцами. Какое же значение могут иметь покушения на право и жизнь других народов? Несомненная победа полностью их узаконит. Не может заблуждаться та мораль, за которой стоит сила. И, руководимая прусским жезлом, ослепленная Германия при общем воодушевлении выступает на войну. «Deutschland über alles!»

* * *

В 1914 г. Франция не желала войны, тем более не искала ее; она не хотела воевать. Когда в конце июля борьба стала казаться неизбежной, французское правительство приложило все усилия к тому, чтобы ее предотвратить. Но если бы союзники Франции подверглись нападению, Франция, верная своим обязательствам, выступила бы на стороне союзников.

Это была та политика, которую Республика неотступно вела в течение более сорока лет. Не забывая ни на минуту об утраченных провинциях, стараясь залечить вечно кровоточащую рану, нанесенную их отторжением, Франция с достоинством и спокойствием отвечала на злобные провокационные инциденты — дело Шнебеле, Танжер, Агадир, Цаберн и другие. Она последовательно сократила срок действительной военной службы с пяти до трех, а затем с трех до двух лет. Только под угрозой непрерывного усиления германской армии и под влиянием самого законного беспокойства и явной угрозы она в 1913 г. поспешно вернулась к трехлетнему сроку службы. И это было сделано как раз во-

время. Франция твердо решила прибегнуть к силе только в тот день, когда ее существование и свобода окажутся под угрозой германской агрессии. Только такая опасность могла побудить к войне правительство, достаточно осведомленное, чтобы измерить величину жертв и масштаб потрясений, которые европейская война должна была внести в жизнь народов.

Внезапно 23 июля австрийский ультиматум Сербии своими неприемлемыми условиями вызвал в политическом небе мощный электрический разряд. Сербия все-таки приняла эти условия с двумя слабыми оговорками: об обращении к арбитражу великих держав и к Гаагскому трибуналу. Однако представитель Австрии в Белграде покинул свою резиденцию, прервав дипломатические сношения и объявив ответ неудовлетворительным.

Это свидетельствовало о твердо принятом Австрией решении взяться за оружие без дальнейшего рассмотрения вопроса. С другой стороны, тесный союз, соединявший две центральные империи, заставлял опасаться, что выступление верного секунданта является лишь увертюрой уже решенного выступления Германии и конфликт, созданный на востоке, служит только предвестником конфликта, который она хотела вызвать на западе.

28-го июля Австрия объявляет войну Сербии; 29-го она бомбардирует столицу Сербии Белград; 31-го она объявляет общую мобилизацию своих войск. Тщетно лондонское правительство предлагало передать спор на арбитраж четырех незаинтересованных великих держав — Франции, Англии, Германии, Италии. Тщетно Россия соглашалась на это предложение. Германия уклонилась от этих попыток умиротворения. Еще 26-го она угрожала России мобилизацией своей армии, а под мобилизацией надо было подразумевать войну, как добавил ее посол в Петербурге. На австрийскую мобилизацию, объявленную 31-го, Россия отвечает мерами того же порядка. Германский император провозглашает Kriegsgefahrzustand (положение военной опасности), что влекло за собой принятие большей части мер по переходу германской армии на военное положение. Одновременно он потребовал от французского правительства объявления нейтралитета, гарантированного передачей Туля и Вердена германским войскам на все время войны. И в то время, когда Австрия как будто бы выражала желание несколько разрядить атмосферу, Германия предъявила России ультиматум. Уже 1-го августа Германией приняты меры по общей мобилизации и сосредоточению сил на двух фронтах: Восточном и Западном. Она объявила войну России. Франция ответила на это объявлением общей мобилизации.

Отметим теперь же, что вызванный, как мы видели, центральными империями конфликт с славянским государством должен был повлечь за собой немедленное вступление в войну всех русских сил. Спор, поднятый этими империями по западному вопросу, мог бы вызвать менее решительное выступление сил обширной Московской империи и тем самым на некоторое время ослабить помощь, которую она должна была оказать Франции. Германское правительство пренебрегало в своей политике подобными мелочами. Оно не сомневалось в торжестве своего оружия при условии решительности и быстроты действий. Оно было безусловно уверено в том, что его военная машина превосходит все существовавшие до сих пор числом мобилизационных единиц, степенью их боевой подготовки, мощностью вооружения, подготовкой их операций, воодушевлявшим их настроением, искусством их командиров.

Будучи абсолютно уверенной в своих силах и пренебрегая элементарными правовыми нормами, Германия предъявила 2-го августа ультиматум Бельгии. Она потребовала свободного пропуска через ее территорию германских армий, которые, впрочем, без всяких формальностей нарушили и нейтралитет Люксембурга. Но следствием этих действий было то, что лондонское правительство побороло свои последние колебания, и британская и бельгийская армии стали в ряды союзников. Допустили ли германские правители ошибку или они были застигнуты врасплох, это не имело для них большого значения. Разве наступление на широком фронте, быстро проведенное по тщательно разработанному плану, не должно было справиться даже с коалицией, только еще создававшейся и которую к тому же сдерживали чувство чести или моральные соображения? Разве эта коалиция при своей слабости могла бы остановить движение самой мощной военной машины из когда-либо существовавших, которая была уже полностью пущена в ход? С другой стороны, если бы союзные правительства попытались воспротивиться германской политике, разве армия не была в состоянии сломить волю народов, сея в захваченных областях ужас приемами, оправдываемыми военной необходимостью? Разве лозунг «ведь это война!» в устах и генерала и простого солдата не должен был узаконить самые бесцельные жестокости и самые грубые посягательства на права человечества? Победа, которая должна была еще раз оправдать все приемы и уладить все разногласия, была несомненна при условии немедленного перехода в дерзкое наступление, свободное от всяких моральных соображений, даже если это наступление расширило и усугубило бы страдания мирного населения. Надо было только решительно и быстро дви-

гаться вперед, распространяя впереди себя ужас и оставляя за собой опустошение.

Предстоящая борьба застала французскую армию в таком же моральном состоянии, как и всю нацию. Эта армия Республики, восстановленная после нашего разгрома в 1870 г., впервые построенная на началах всеобщей воинской повинности, приложила необыкновенные усилия для своего возрождения. Если за этот период нация своими жертвами подтвердила непреклонную волю жить и удерживать занимаемое ею место в Европе, то армия своей изумительной работой старалась найти способ победоносно воспротивиться новой агрессии могучего зарейнского соседа. Для этого она принялась за изучение и подготовку большой войны, понимание которой было утрачено в императорской армии, о чем свидетельствовали два небывалых разгрома: Мец и Седан. Далее, она подготовляла те силы, которые приводят к победе. Она развивала в войсках моральные качества, профессиональные знания и физическую тренированность, чтобы прежде всего сделать из этих войск отличное орудие войны.

Во время любых маневров, повторяемых и продолжаемых невзирая на сильную усталость, всегда можно было, наряду с превосходным моральным состоянием всего личного состава, отметить его страстное желание учиться, а также выносливость и дисциплину, каких не знали прежние армии. Постепенно осенние тактические учения, в которых принимали участие некоторые возрасты запасных, позволили в полном порядке и совершенно регулярно проводить сборы и разыгрывать действия крупных войсковых соединений: дивизий, армейских корпусов, армий. Командование освоилось с управлением этими силами и многочисленными службами, входящими в их состав. Эта гибкость управления создала уверенность в рядах всей армии. Запасные, временно отрываемые от гражданской жизни, занимая свои места в полках, быстро заражались превосходным моральным состоянием частей. Офицеры запаса, кадровые офицеры, уволенные в запас, и офицеры территориальной армии, тщательно подобранные, обеспечивали ценный источник комплектования в будущем.

Со взорами, всегда обращенными в сторону границы, не давая отвлекать себя от работы для пользы страны, корпус офицеров действительной службы пережил невозмутимо, хотя и не без потерь, политические кризисы, периоды «сокращенного патриотизма», нарочитого пацифизма или официального сектантства, своего рода национального отречения, которое некоторые партии использовали в своих узких интересах в ущерб воинской доблести офицерского

состава. Несмотря на все это, офицерский корпус сохранил Франции ее армию. В итоге было ясно, особенно для человека, знавшего армию Второй империи [1], что армия Республики, благодаря упорной работе всего личного состава, стала превосходным орудием войны. Она была воодушевлена сознанием долга и твердо решила любой ценой обеспечить безопасность страны. В 1914 г. ей оставалось подвергнуться испытанию на полях сражений. В ее моральных силах нельзя было сомневаться. В то время на карту было поставлено существование страны, для ее спасения армия не отступила бы ни перед какой жертвой. От высших начальников до солдат — все были готовы соперничать в самопожертвовании и в выполнении долга; только эти качества могли дать право на занятие должностей служебной лестницы.

Достаточно ли было этих качеств при современном вооружении? Командование армиями с их штабами и службами было прекрасно организовано еще задолго до этого. Оно было представлено выдающимися военными деятелями и их подчиненными, отлично подготовленными к выполнению своих обязанностей.

В 1914 г. в нашей армии превыше всего ставили наступательный дух, который, вследствие постоянного его подчеркивания, должен был стать довлеющим в действиях частей. Это приводило к слепой и прямолинейно-грубой, а следовательно, опасной тактике, к упрощенной, однообразной стратегии, зачастую бесплодной, бессильной и дорого стоящей. В общем, от слишком упрощенной доктрины можно ждать сюрпризов при первых же столкновениях с противником.

Наша армия пережила сорокалетний период мирного времени. За это время проводившиеся ею учения не могли ей дать представления о трудных условиях современного поля сражения и о силе царящего на нем огня. Изучение событий войны 1870 г., нашедшее свое отражение в уставах, помогло бы армии составить себе представление о разрушительной силе современного вооружения и о необходимости считаться с ним. В действительности же соображения и указания, преподанные в уставе 1875 г., представлялись уже далекими и были основательно забыты. С того времени многие наши офицеры участвовали в колониальных завоевательных войнах, но там им не приходилось встречаться с грозным вооружением в руках хорошо подготовленного противника.

Таким образом, с больших маневров и из колониальных экспедиций вынесли в качестве формулы успеха, в качестве доктрины боя всемогущество наступления, предпринятого с твердым реше-

[1] Империя Наполеона III. — *Ред.*

нием «дорваться» до противника. Были рекомендованы боевые порядки, могущие поддерживать непрерывное питание боя. Для генерала и строевого офицера, так же как и для рядового солдата, вышивали всяческие узоры на тему о моральных силах, о воле к победе, совершенно безоговорочно и без разбора.

В результате, когда началась война, бои развивались быстро и в дело сразу вводились значительные силы, но зачастую при невыясненной обстановке и без достаточной огневой подготовки, особенно артиллерии, требующей некоторого времени для подготовки стрельбы. Щедро введенные в бой силы, слабо поддержанные артиллерией, озабоченные, главным образом, стремлением двигаться вперед быстро и вместе, вскоре оказываются безоружными, в опасном положении и несут потери от невидимых огневых средств, возникающих и поражающих их со всех сторон. Несмотря на всю свою энергию, войска не могут «дорваться» до противника. Приходится возобновлять огневой бой. Войска, измученные и ослабленные потерями, останавливаются в сравнительно густых построениях. В этом выдвинутом вперед положении и в слишком тесной группировке они должны дожидаться, пока артиллерия, находящаяся еще на значительном расстоянии, уничтожит задерживающие их препятствия или орудия. Потери возрастают. Так зачастую не вполне подготовленное наступление, хотя предпринятое крупными силами и энергично проводимое пехотой, считавшей, что она одной своей доблестью может сломить внезапно возникшее перед ней препятствие в виде пулемета или орудия противника, приводит к бессилию и неудаче.

Если идеи наступления, прежде всего решительного движения вперед, на худой конец достаточно как заповеди для рядового бойца, то ее, как мы видели, не может быть достаточно для начальника, который должен повести свою часть. При сколько-нибудь значительной численности последней начальнику приходится принимать меры по обеспечению ее движения вперед разведкой, охранением, а также различной поддержкой. Не отказываясь от необходимого принципа движения, он должен применять его, сообразуясь с добываемыми сведениями, обеспечивая себя некоторыми мерами охранения и заранее установленной связью. Для этого ему надлежит действовать постепенно вводимыми в бой и выдвигаемыми вперед силами, которые перестраиваются в боевой порядок только в надлежащий момент перед указанными им объектами, когда препятствия будут обнаружены и уничтожены артиллерией.

Что касается крупных соединений, то «Временное наставление», а затем «Устав вождения крупных соединений» безоговорочно

утвердили в 1912 и 1913 гг. в качестве линии поведения догмат наступления. В них было написано: «Уроки прошлого принесли плоды. Французская армия, вернувшаяся к своим старым традициям, не признает при ведении операций другого закона, кроме наступления».

В 1870 г. наше командование погибло из-за своей приверженности к обороне, и притом к обороне пассивной. В 1914 г. ему предстояло испытать ненужные неудачи и жестокие потери, явившиеся следствием его исключительного увлечения наступлением и знакомства с приемами одного только наступления, систематически применявшегося им во всех случаях. В действительности же командование должно всегда основательно знать сильные и слабые стороны как наступления, так и обороны и условия возможности применения того и другого. Только путем разумного сочетания этих двух систем командование сможет организовать мощное наступление в желательном для него пункте. Эта необходимость возрастает с численностью вводимых в дело войск.

Командир крупного войскового соединения не может быть только отличным солдатом. Он не должен ограничиваться одним приказанием наступать, применяя во всех случаях правила, указанные для войсковых единиц меньшей численности. Он может организовать наступление с шансами удачи только на местности, удобопроходимой для сильной пехоты и благоприятной для действия артиллерии. Всякая другая местность повелительно диктует ему демонстративные действия или даже оборону. Ему приходится ограничивать свои замыслы. Поэтому всякий командир дивизии, а тем более командир корпуса и в еще большей степени главнокомандующий обязан, используя свои войска, ставя им задачи, указывая им образ действий, учитывать местность. Он должен одновременно применять наступление на одних участках, оборону и демонстративные действия на других и постоянно комбинировать эти виды боевых действий. Отнюдь не следует признавать только идею наступления, которая, будучи возведена в систему и распространена на все случаи, становится слепой, а потому опасной.

Нам неоднократно пришлось страдать от этого злоупотребления правильной по существу идеей наступления, проводимой без разбора.

Превознося и разрабатывая, как мы видели, эти идеи наступления, доминировавшие над всеми другими соображениями и основанные на недооценке силы огня, в то же время придавали слишком мало значения вооружению. Так, наша пехота была вооружена пулеметами в значительно меньшем количестве, чем германская.

Наш армейский корпус имел только 120 пушек, все 75-*мм* калибра, тогда как германский армейский корпус при меньшем чис-

ленном составе пехоты имел 160 орудий, часть которых составляли 105- и 150-*мм* гаубицы. Так же обстояло дело с нашей армейской тяжелой артиллерией, которая по числу и калибру орудий была значительно слабее германской тяжелой артиллерии. Несмотря на все свои качества, наша превосходная 75-*мм* пушка не могла, особенно при наступлении, возместить эту слабость в отношении количества и калибра и свою непригодность для навесной стрельбы. При обороне она могла мощным заградительным огнем оказывать нам величайшие услуги, разбивая сильнейшие атаки противника; но чтобы с выгодой придерживаться этой тактики, она требовала крупных запасов огнеприпасов. На деле же эти запасы не превышали 1 500 выстрелов на орудие, а производство снарядов было подготовлено очень слабо. Значительные пробелы имелись также в нашей авиации и в службе связи.

Дело в том, что правительство, считавшееся лишь с необходимостью обороняться, долго противилось военным расходам и тем самым ограничивало количество технических средств. А эти средства были все более необходимы для успешного наступления армии при том значении, которое приобретало для борьбы вооружение. Поэтому наступление как общая форма наших действий должно было при практическом осуществлении натолкнуться на вполне реальные затруднения. Тесная связь политики и ведения войны настолько непреложная истина, что второе может быть прежде всего только продолжением первой. Как бы страстно военачальник ни стремился к победе посредством наступления, которое одно может привести к ней, обстановка, созданная для него политикой, часто вынуждает его думать в первую очередь об обороне.

Чем больше ограничено его наступательное вооружение, тем больше его стратегия должна учитывать это обстоятельство, подготовляя и организуя оборону на все более широких участках фронта. Это даст возможность сосредоточить имеющиеся в его распоряжении наступательные средства на других участках, где он и сможет тогда атаковать по всем правилам искусства.

Мы еще раз констатируем, что командование различных степеней должно освоиться равным образом с идеей, техникой и практикой обороны. Разве во все времена не надо было уметь отражать удары и затем атаковать, чтобы справиться с серьезным противником? Безусловно, упрощенная доктрина наступления, которая должна была вовлечь наши войска в грубо-прямолинейные и слепые атаки, не могла быть достаточной и для главного командования. Как мы только что видели, она прежде всего могла привести к бессилию стратегии, если только командование не распо-

лагало превосходными силами, достаточно многочисленными и подвижными, чтобы, отразив попытку охвата со стороны противника, добиться охвата по крайней мере одного из его флангов. В 1914 г. французские силы, даже усиленные британской армией, еще не многочисленной в начале войны, не позволяли думать о такой операции.

Итак, наша военная доктрина была слишком куцой, так как она ограничивалась для всех великолепной, но слишком исключительной формулой наступления.

* * *

В виде компенсации за эти слабости доктрины мы имели первоклассный штаб, отлично натренированный в исполнении своих служебных обязанностей и, кроме того, включавший в свой состав людей выдающегося ума. Действительно, военная академия и курсы высших военных знаний развили во многих офицерах вкус к работе, а также укрепили и расширили их способности. Хорошо одаренные натуры должны были использовать приобретенные знания, как и свои значительно расширенные и хорошо тренированные способности. Во время войны они получили возможность оказывать ценнейшие услуги, быстро приспособляясь к новым обстоятельствам. Но они нуждались в руководстве, так как в большинстве это были молодые офицеры, которым нехватало зрелости, то-есть опыта, который один только и дает суждению всю его широту. Нехватало и авторитета, который обеспечивает командованию спокойное и уверенное принятие правильных и сильных решений.

Во всяком случае с самого начала весь процесс реквизиций, мобилизаций, перевозок по сосредоточению или снабжению и вся небывалая по масштабу работа тыловых служб выполнялись с идеальной точностью.

* * *

К моменту объявления войны я уже год как находился во главе 20-го корпуса.

Город Нанси и вместе с ним Лотарингия всегда особенно сильно отличались патриотическими чувствами, воодушевлявшими всю Францию. В течение более сорока лет они протягивали через границу руки своим пленным сестрам — городу Мецу и аннексированной Лотарингии. Неужели приближался день, когда их судьбы, наконец, снова должны были слиться воедино? Спокойно, в полнейшем порядке, с холодной решимостью встретить всякие случайности, мы выслушивали известия, последовательно сообщавшие нам о мерах, которые немцы принимали на своей границе: прекраще-

ние сообщений, движения поездов, проезда всех путешественников. Мы узнавали и о решениях французского правительства. Начались и продолжались мобилизация, реквизиция лошадей и повозок.

Нигде не наблюдается ни злоупотреблений, ни следов слабости. Может быть, через несколько дней у ворот города разыграется сражение, но никто не думает об отъезде — так велики уверенность каждого в своем праве, единодушная воля быть на высоте всех задач, полная вера в доблесть войск.

Здесь находится 20-й корпус со своими двумя пехотными дивизиями — 11-й и 39-й, со 2-й кавалерийской дивизией и образцовой артиллерией. Вряд ли можно было найти лучшие войска. Разве вдоль этой границы, отмечавшей территорию, оторванную от Франции, в каждом полку не таился сосредоточенный огонь?

Какую тренировку, какую подготовку эти части прошли для того, чтобы победить в великом столкновении! Какой порыв и какие темпы они заготовили для этого дня! Какой коллективный дух каждая часть выработала в себе, чтобы именно ее номер покрыл себя самой большой славой! И действительно, эти полки создали себе крепкие традиции: они выдержали все самые жестокие испытания войны. Эти полки оказались в 1918 г. одними из самых закаленных в нашей армии, хотя они и потеряли весь свой личный состав 1914 г. Еще в мирное время командовать такими войсками доставляло величайшее удовлетворение. Работоспособные и любящие свое дело офицеры всегда стремились попасть на службу в эти войска, особенно в качестве командиров отдельных войсковых частей.

Таким образом, и местные влияния и привлекательность службы сочетались между собой и создали великолепные войска и офицерский состав. Это сочетание дало 20-му корпусу людей с первоклассными качествами, знанием своего дела и лихостью. Желание «дорваться» до противника и померяться силами с ним сочеталось с таким презрением к опасности, что можно было только бояться слишком безрассудного устремления навстречу этой опасности.

Командуя такими войсками перед войной, я прилагал все усилия исключительно к тому, чтобы просветить и ввести в рамки рассудка этот замечательный пыл офицерского состава, источник всяческой энергии, а следовательно, всех надежд. Раздувать это пламя не было никакой нужды. Но надо было предупредить начальников о трудностях задачи, предостеречь их от излишней поспешности или недостаточной согласованности в боевых действиях. Счастливы начальники, которым приходится только направлять людей со столь пылкой волей!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

20-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

(25 июля — 28 августа 1914 г.)

Глава первая

20-й армейский корпус в прикрытии

(25 июля — 13 августа 1914 г.)

Вызванный 20-го июля из отпуска в Бретани ввиду становившихся все более серьезными событий, я утром 27-го июля прибыл к месту службы.

В тот же день, по распоряжению военного министра, все находившиеся в отпуску офицеры и рядовые вернулись в свои части, и мы ввели в отношении гражданского населения «положение усиленной охраны».

28-го числа вступили в силу меры, принятые для охраны границ. 29-го мы приступили к сооружению полевых укреплений с восточной стороны Нанси, предусмотренных планом обороны города. Эти полевые фортификационные работы имели целью дополнить систему фортификационных сооружений, расположенных на высотах ля Рошет, Гран Мон д'Аманс и Ранбетан[1]; постройка их была начата зимой 1913—1914 г., но в июле 1914 г. оставалась еще незаконченной.

Первой задачей 20-го корпуса, расположенного в двух шагах от границы, было стать бдительным часовым, наблюдающим за противником в период напряженных политических отношений. Затем нам предстояло продолжать прикрывать на участке Нижней Мёрты мобилизацию и сосредоточение французской 2-й армии, если бы события потребовали принятия и этих мер.

30-го вечером 20-й армейский корпус поднят по тревоге. Части прикрытия, двигаясь походным порядком, занимают

---

[1] К северу от Донбаля, правофлангового опорного пункта обороны высот Гран-Куронэ, под Нанси.

районы, назначенные им на случай ускоренного наступления противника. Однако было определенно указано, чтобы ни одно подразделение или дозор не переходили за линию, которая, как точно установлено приказом министра, проходит в среднем в 10 *км* от границы.

В общем правительство решило принять меры прикрытия, ограниченные пространственно, так как выдвижению войск был поставлен точный предел на местности, а также и количественно, так как было предписано впредь до нового распоряжения не призывать запасных.

Сведения о деятельности по ту сторону границы вполне оправдывали решение правительства. Известно, особенно в Нанси, что крепость Мец частично приведена в оборонительное состояние, ее форты прочно заняты войсками. Хотя еще не призван целиком ни один год запаса, но призывы индивидуальных запасных позволили увеличить численный состав частей. По всей границе Эльзаса и Лотарингии приняты меры по прикрытию; пересекающие ее дороги преграждены и охраняются войсками. К северу от Меца происходит выгрузка войск.

Следовательно, можно с минуты на минуту опасаться внезапного наступления крупных сил противника. 20-й корпус готов встретить его во всеоружии.

По плану, составленному генеральным штабом, 20-й корпус должен был для проведения предписанных ему действий по обеспечению располагать лишь силами общей численностью в одну дивизию. Но составив силы первой линии из полков, взятых из 11-й дивизии [1] в Нанси и 39-й дивизии [2] в г. Туль, мы сохранили остальные части этих дивизий во второй линии, в Нанси и окрестностях города. Благодаря этому мы выиграли в том отношении, что, не выходя за пределы разрешенной численности, выдвигали в первую линию головные части 39-й дивизии, которые иначе остались бы далеко позади, а также головные части 11-й дивизии, главные силы которой, оставаясь в Нанси, сохраняли городу большую часть его гарнизона и обычный внешний вид. В то же время весь армейский корпус сосредоточивался в руках своего командира.

Во исполнение этих распоряжений 39-я дивизия выступает из Туля 31-го в 5 час. утра, а после полудня того же дня

---

[1] Ген. Бальфурье.
[2] Ген. Дантан.

располагается в южной части района Нанси. 11-я дивизия занимает северные и северо-восточные высоты Гран-Куронэ. Она деятельно продолжает оборонительные работы, намеченные и начатые в предшествующие дни.

Первые мероприятия ввиду развития политических событий вскоре были дополнены другими, 31-го июля, около 18 час., из Парижа был получен приказ «отправить войска прикрытия», причем было подтверждено распоряжение не переходить за линию, указанную телеграммой накануне.

Когда части 11-й и 39-й дивизий узнали об этом решении, они уже находились на назначенных местах. Им оставалось только ожидать прибытия своих запасных, а командиру 20-го корпуса — отдать распоряжения о действиях прикрывающих частей, в том числе и распоряжения подчиненной ему 2-й кавалерийской дивизии [1].

* * *

1-го августа в Нанси получен приказ об общей мобилизации, отправленный из Парижа в 15 ч. 55 м. того же дня.

Спустя немного времени я получаю от военного министра телеграмму, повторяющую предписание не переходить за линию, указанную 30-го июля, кроме случая наметившегося наступления противника.

Между тем я еще 31-го июля приказал выставить передовые части корпуса на линию, расположенную впереди указанной 30-го июля и прикрывающую важнейшие позиции, как то: гору Сен-Жан, высоты ля Рошет, гору Аманс, которые являются ключом к воротам Нанси. Расположившись на линии, проходящей дальше в тылу, мы оставили бы эти позиции и, следовательно, без всякой обороны отдали бы их противнику в случае вторжения его даже самыми незначительными силами. Поэтому 1-го августа я добился разрешения оставить войска в выбранном мною расположении.

Впрочем, ввиду целого ряда нарушений нашей границы германскими разведывательными партиями, правительство 2-го августа снялo запрет переходить за линию, пролегающую в 10 *км* от границы, и предоставило главнокомандующему французскими армиями «полную свободу действий». (В оригинале «движений». — *Ред.*)

[1] Ген. Леско.

Ген. Жоффр передал это распоряжение начальникам участков прикрытия телефонограммой от 2-го августа в 17 ч. 30 м., добавив, что «по государственным соображениям морального порядка и повелительным причинам дипломатического порядка» надо во что бы то ни стало воздерживаться от перехода границы и ограничиваться энергичным отражением атак противника, отнюдь не провоцируя их.

Вскоре после этой телефонограммы я получаю от главнокомандующего шифрованную телеграмму *с общей и секретной инструкцией для прикрытия,* содержащую в частности следующие указания:

«Главнокомандующий имеет намерение перейти в общее наступление, только когда все его силы будут в сборе. Имея в виду последующее развитие плана операций, различные части прикрытия, помимо обеспечения мобилизации и сосредоточения, должны придерживаться следующих указаний:

. . . . . .

в) 20-му армейскому корпусу — ускорить создание организуемого временного плацдарма к востоку от Нанси для обеспечения выхода через р. Мёрт.

. . . . . .

Штаб главнокомандующего с 6 часов 5 августа в Витри-ле-Франсуа».

Отданные уже мною распоряжения вполне соответствуют намерениям главнокомандующего.

Мобилизация 20-го корпуса протекает в отличном порядке и быстро.

В первой линии дивизии работают с порывом, дождь, выпавший пополудни 2-го августа, не охладил их рвения. Необходимо обеспечить занятие указанного фронта минимальными силами, и на это именно направлены общие усилия.

Моральное состояние войск превосходное. Они, видимо, вполне уверены в себе и горят желанием двинуться вперед. Но полученные перед тем распоряжения категоричны, и главнокомандующий еще раз повторяет их телефонограммой от 3-го августа в 10 ч. 30 м., настаивая «на повелительной необходимости не переходить через границу». Однако войскам первой линии разрешено выдвинуть разведывательные дозоры, но не далее чем на 2 *км* вперед от указанной прежде линии фронта.

Получаемые нами сведения о немцах говорят о сосредото-

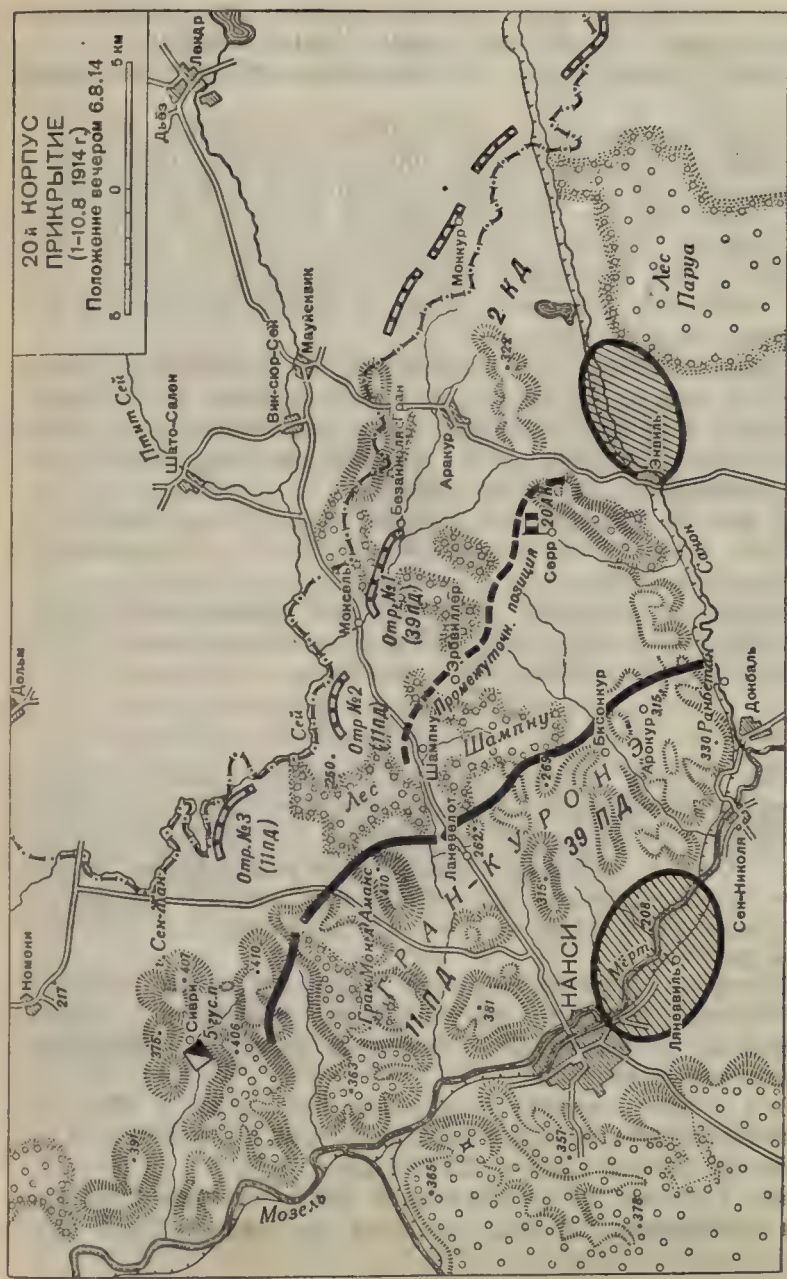

20й КОРПУС
ПРИКРЫТИЕ
(1–10.8 1914 г.)
Положение вечером 6.8.14
5 0 5 км
Дьёз
Лендр
Мауйсвик
Вик-сюр-Сей
Шато-Салон
Птит Сей
Монкур
2 КД
Лес Паруа
Аракур
Безанжиля Гран
Монсель
Отр. №1 (39ПД)
Эрбвиллер
Промежуточн. позиция
Серр
20 АК
Энвиль
Санон
Дольм
Отр №2 (11ПД)
Сей
Шампну
Лес Шампну
Ланевелот
Бисонкур
Арокур
Ранбетан
Донбаль
Отр. №3 (11ПД)
Сен-Жан
Номени
Сиври
5 гус. п.
Гран Монд Аманс
11 ПД
39 ПД
Гран-Куронэ
НАНСИ
Мёрт
Ляневиль
Сен-Николя
Мозель

Схема 1

чении крупных сил в районе Меца и севернее и об усиленной выгрузке войск на железной дороге Мец — Саарбург.

Линия границы занята войсками, и на ней замечено производство окопных работ.

Кавалерийские партии противника продолжают проникать на французскую территорию, иногда вынуждая к отходу некоторые из наших пограничных постов; в отдельных местах они провоцируют перестрелки, а вечером возвращаются обратно за границу. Более серьезная тревога имела место в ночь с 3-го на 4-е в районе Номени. Заслуживающее доверия сообщение указывает даже на угрозу наступления противника на всем фронте.

Таким образом, соприкосновение с противником становится с минуты на минуту все более тесным. Оно начинает вызывать сильное утомление войск, находящихся все время настороже, имеющих мало времени для сна и, кроме того, не защищенных от частых ливней.

С другой стороны, мы узнаем, что 2-го августа немцы заняли великое герцогство Люксембург, а 4-го нарушили нейтралитет Бельгии.

Вскоре за последним известием было получено сообщение об объявлении Германией войны Франции. Об этом немедленно сообщили войскам 20-го корпуса.

* * *

5-го августа командующий 2-й армией сообщает мне из своей штаб-квартиры в Нешато, что 6-го августа он примет командование 2-й армией и участком прикрытия на Нижней Мёрт. Однако впредь до нового распоряжения мне попрежнему будут подчинены все войска, находившиеся до сих пор в прикрытии на этом участке, и в частности 2-я кавалерийская дивизия.

С другой стороны, так как война объявлена, отпадают все ограничения для действий войск прикрытия, «которые теперь могут действовать сообразно задачам, возложенным на отдельные участки».

Это снятие запрета немедленно выражается в 20-м корпусе высылкой конницы вперед на р. Сей и авиационной разведки на фронте Дельм, Шато-Сален, Дьёз.

Эта разведка не обнаруживает нигде скоплений крупных сил противника. У нас создается впечатление, что перед

фронтом 20-го корпуса он занимает выжидательное положение и в действительности держит в первой линии лишь сравнительно немногочисленные и разбросанные пехотные части.

Тем не менее, чтобы укрепить прикрывающую группировку, я решаю выдвинуть 6-го августа до р. Сей отряды из всех родов войск. Эти отряды при своем движении вперед встречают лишь слабые подразделения конницы и самокатчиков и без труда их отбрасывают. Зато в Вике и Муайенвике наши кавалерийские отряды вынуждены отойти перед германской пехотой и артиллерией.

На другой день ложная тревога в этом районе диктует необходимость усилить фланги прикрывающей группировки. С этой целью я приказываю выслать в район горы Сен-Жан сильный отряд из всех родов войск с задачей прикрывать левый фланг армейского корпуса. На правом фланге 2-я кавалерийская дивизия усиливается на своем участке прикрытием 10-й кавалерийской дивизии [1], предоставленной в мое распоряжение.

Но на самом деле противник проявляет теперь лишь очень небольшую активность. Судя по всем полученным сведениям, он занят приведением в порядок и завершением организации войск, которые он в первую же минуту после спешно проведенной мобилизации эшелонировал вдоль границы.

Чтобы выиграть необходимое для этого время, он усиливает свою оборону, подорвав плотину пруда Лендр и вызвав наводнение в долине р. Сей, распространившееся уже до Муайенвика. С другой стороны, чтобы сохранить возможность перехода в наступление, он оставляет нетронутыми мосты через реку.

* * *

Вот уже десять дней, как части 20-го корпуса все время находятся настороже. Прибытие в Лотарингию, начиная с 8-го августа, 16-го [2] и 15-го [3] армейских корпусов позволяет постепенно сменить части 20-го корпуса и дать им некоторый отдых.

Командующий 2-й армией приказывает разделить участок

[1] Ген. Конно.
[2] Ген. Таверна.
[3] Ген. Эспинас.

прикрытия Нижней Мёрт на три полосы: 20-го корпуса — слева, 15-го — в центре, 16-го — справа.

С 12-го августа начинает, в свою очередь, выгружаться 9-й корпус [1], что позволяет еще уменьшить фронт, занятый 20-м корпусом, который с этого времени может считать свое положение вполне прочным.

Так заканчивается выжидательный период. Как мы видели, нам с 20-м корпусом пришлось прикрывать сосредоточение 2-й армии. Отсюда целый ряд мероприятий, имевших целью впредь до окончания сбора армии воспрепятствовать действиям противника на нашей территории, не стараясь завязать бой или вызвать его даже для получения сведений о его расположении. За истекшие две недели близкое соседство между войсковыми массами обеих сторон, непосредственное соприкосновение с отрядами противника могли ввиду возбужденного состояния войск вызвать нежелательные и серьезные инциденты. Потребовались общая бдительность и самообладание, чтобы избежать всяких неожиданностей. Столкновение, если бы оно произошло, было бы преждевременным и противоречило бы планам главного командования.

20-й корпус становится одним из крупных соединений 2-й армии наравне с прочими ее корпусами — 9-м, 15-м, 16-м, 18-м. Ему предстоит действовать согласно распоряжений командующего этой армией.

2-я армия располагается для наступления. Остается определить объекты этого наступления.

Глава вторая

20-й корпус при наступлении в Лотарингии. Сражение под Моранжем

(14 — 20 августа 1914 г.)

Французское наступление крупного масштаба в Лотарингии оправдывалось как демонстрация, имевшая целью сковать в этом районе находившиеся там значительные германские силы.

Нашествие на Люксембург и Бельгию, развивавшееся в это время, должно было увлечь в северные области и удержать там большую часть армий противника.

---

[1] Ген. Дюбуа.

Наступлением в Лотарингии нельзя было рассчитывать на успехи на этом самостоятельном направлении, изолированном от главного театра военных действий. Нельзя было ожидать успехов, способных изменить результаты великого столкновения, в котором наши главные силы должны были встретиться с основной массой противника в отдаленном районе.

Кроме того, это наступление представляло серьезное затруднение и реальную опасность. Действительно, Лотарингия была изолированным театром, замкнутым почти со всех сторон, имевшим своеобразный рельеф и особенно сильно укрепленным. Она представляла собой вытянутый треугольник, основание которого, составлявшее общую границу Франции и Германии, было открыто, а двумя сторонами которого служили р. Мозель на западе и р. Саар на востоке — две серьезные преграды.

От театра, где должно было произойти столкновение между главными силами, район отделяла р. Мозель. Эта река была заперта крепостью Мец — Тионвиль, прикрывавшей берега реки на большом протяжении. Тем самым еще увеличивалась и без того значительная сила преграды, имевшейся между Лотарингией и северным театром. Вместе с обширными прикрывавшими ее укреплениями эта река являлась превосходной базой для контратак многочисленными резервами. Противник мог в тот или другой момент выделить из своих ведущих операции армий эти резервы. Ему нетрудно было быстро перебросить их по нескольким железным дорогам, сходящимся к Мецу и Тионвилю, и собрать в районе, полностью прикрытом артиллерией этих крепостей. Отсюда ему было бы легко бросить их в сражение в Лотарингии, если бы это доставило ему какую-нибудь выгоду.

На востоке и на севере р. Саар также являлась хорошей преградой, поддержанной с тыла и с юга крепостью Страсбург и линией р. Брюш с Мольсхеймским укреплением. Она несомненно могла обеспечить сосредоточение значительных германских резервов. Таким образом, она представляла собой вторую линию, могущую служить исходной базой мощного контрнаступления.

Между этими двумя реками, близ середины треугольника, линия рр. Роттэ, Альбе, являющаяся продолжением линии р. Немецкий Нид, была уже несколько лет укреплена и связана укреплениями с Тионвилем. Она образовывала прочную поперечную линию, третью преграду и исходную базу для

маневра, которую можно было легко и с выгодой использовать в сочетании с двумя первыми.

От высоты Дельм, крайнего пункта передовых укреплений Меца, до р. Саар под Саарбургом имелось пространство шириной в 45 *км*, открытое для французского наступления. Большая часть этого пространства (от Саарбурга до Дьёза, 25 *км*) была, не говоря уже об обширных лесах, сильно пересечена каналами и большими прудами, что очень облегчало противнику оборону. На остальном пространстве (от Дьёза до Дельма, около 20 *км*) виднелись многочисленные вышки, установленные за несколько лет перед тем и распределенные в полосе глубиной в несколько километров, начиная от самой границы. Эти вышки были признаком специальной подготовки к артиллерийской борьбе на данном участке.

Как мы видим, Лотарингский театр, сам по себе узкий и изобилующий естественными препятствиями, обладал еще и многочисленными фортификационными сооружениями. Со своими фланговыми позициями и фронтальными оборонительными линиями, опиравшимися на большие крепости Страсбург и Мец — Тионвиль, располагая густой сетью железных дорог, он представлял в руках германского командования поле сражения, отлично подготовленное для того, чтобы небольшими силами задержать противника. В случае же необходимости они могли нанести ему чувствительное поражение, комбинируя фронтальные сковывающие действия с фланговыми контратаками. Он обеспечивал также германскому командованию при небольшой затрате сил более широкий маневр армий, ищущих решительного сражения на сравнительно открытых равнинах Северной Франции. Но Лотарингский театр нельзя было рекомендовать командованию в качестве исходного плацдарма для крупного наступления, которое привело бы в очень трудно проходимый район без всяких шансов захвата объекта решающего значения.

С другой стороны, французское наступление с целью дать сражение в Лотарингии можно было вести лишь с большой осторожностью.

Удобным для наступления был только промежуток от Дельма до Дьёза, шириной около 20 *км*; при этом приходилось считаться с наличием там таинственных вышек. Восточнее Дьёза начинались леса, каналы, пруды, тянущиеся до

самой р. Саар. Таким образом, наступающим французским войскам угрожал бы с правого фланга противник, могущий выйти с Верхнего Саара и р. Брюш.

Продолжая продвижение по лотарингской земле, левый фланг французов оказался бы под ударом противника из района Меца и р. Мозель. Кроме того, в своей узкой полосе наступления могли встретиться преграды, могущие задержать их продвижение.

Трудно было надеяться на успех такого предприятия, как наступление при постоянной угрозе обоим флангам. Эта угроза возрастала бы по мере продвижения. Нельзя было предвидеть, где и когда тактический успех положит конец все возрастающей опасности и позволит изменить стратегическое положение, дающее немцам возможность на каждом шагу свести на-нет наши тактические успехи.

В самом деле, раз немецкая мышеловка была устроена так, как это было в августе 1914 г., могли ли мы надеяться мощным натиском прорваться через нее, несмотря на ее незначительную глубину в 60 *км*, и выйти из нее, чтобы добиться решительных результатов, прежде чем она захлопнется? Это было бы более чем рискованно. Но нам достаточно было посредством повторных ударов демонстративного наступления заставить противника держать эту мышеловку открытой, чтобы сковать его силы в этом районе и тем самым оказать поддержку великому сражению, которое должно было разыграться в другом месте.

12-го августа командующий 2-й армией присылает свои распоряжения относительно операций, которые намечалось начать 14-го августа. 2-я армия, прикрывшись в северном направлении, должна сперва действовать наступательно, растягиваясь на восток в район Аврикур, связаться там с 1-й армией, а затем перейти в наступление слева от этой армии, в северо-восточном направлении.

Эта операция должна быть проведена 16-м и 15-м корпусами и главными силами 20-го корпуса уступом слева, причем остальным частям приказано прикрывать наступление.

В частности 20-му корпусу придется наступать на гребень Донлэ, Жювлиз. Справа от него 15-й корпус поведет наступление в направлении на Эллокур, 16-й корпус — на Аврикур, тогда как слева 9-й корпус, расположившись от Монселя до р. Мозель, будет прикрывать наступление.

Наконец, в тылу 2-я группа резервных дивизий (59-я и

58-я) [1], выгружающаяся в настоящее время на железной дороге, должна по мере прибытия своих частей расположиться на позиции, подготовленной к востоку от Нанси.

Во исполнение этих распоряжений моему корпусу предстояло выступить в 7 час., имея 11-ю дивизию справа и 39-ю слева. Он будет прикрываться отрядом под командой ген. Вирбеля, действующим по обе стороны шоссейной дороги на Монсель, имея связь с 9-м корпусом.

Сведения, добытые авиацией, указывают на то, что немцы усердно производят оборонительные работы в непосредственной близости к границе, вдоль шоссе из Меца на Саарбург между Дельм и Мезьер.

От внимания командующего 2-й армией не ускользнули вышеуказанные трудности наступления, предпринятого в этом районе. Поэтому он обратил внимание командиров своих корпусов на необходимость планомерной организации атак путем подготовки и поддержки каждого скачка пехоты вперед сильным артиллерийским огнем. Кроме того, он указывает рубеж, которого им надлежало достигнуть к концу дня, но не переступить.

План, намеченный на 14-е августа, осуществляется сначала без серьезных затруднений. Утром дивизии 20-го корпуса легко заняли высоты, командующие над пограничным гребнем. Сторожевое охранение, выставленное на этом участке фронта, отошло без боя.

Насколько легким было продвижение корпуса утром, настолько же трудным оно становится после полудня. Хотя, приближаясь к гребню, части встречают лишь очень осторожно действующую пехоту, зато они подвергаются огню артиллерии, в том числе в большом количестве тяжелых орудий, отлично пристрелявшихся по главным ориентирам, расположенным на границе. Благодаря своей дальнобойности эти орудия расположились на такой дистанции, что наши полевые пушки не могут их поражать.

Однако, несмотря на этот огонь и вызванные им потери, корпусу удается достигнуть указанных ему рубежей.

Части первого эшелона окапываются на занятых ими позициях, обеспечивая их против контратак, и находятся в готовности двинуться с них на другой день вперед. Штаб 20-го корпуса располагается в Серре.

---

[1] Ген. Леон-Дюран.

Уже сказываются превосходство вооружения противника и все выгоды, вытекающие для него из оборудованной для обороны местности. Не говоря уже о количестве орудий, введенных им в дело, его крупнокалиберные орудия, превосходящие своей дальнобойностью нашу артиллерию, завязывают и ведут бой на дистанции, на которой мы отвечать не можем. Они ведут очень меткий, заранее подготовленный огонь. Уже теперь выясняется, что необходимо, прежде чем на поле сражения сможет действовать пехота, подавлять артиллерию противника. Пехота может двигаться только небольшими частями. С самого же начала стремление пехоты сблизиться с противником, раздавить его своим огнем и броситься на него в атаку разбивается об огонь артиллерии противника. Придется подавлять эту артиллерию огнем нашей артиллерии, прежде чем требовать от последней подготовки и поддержки наступления нашей пехоты. Столкновение между двумя большими армиями после сорока лет мирного времени привело к поразительным откровениям в военном искусстве. Нам предстояло постепенно выправлять и дополнять нашу тактику. Но с первых же дней на высшее командование легла забота о том, чтобы сдерживать порыв слишком увлекающихся людей и заставить их более тщательно подготовлять свои боевые действия.

15-го числа наступление должно возобновиться в 4 часа утра.

На 20-й корпус возложена частная задача прикрывать наступление 15-го корпуса на Мезьер и с севера, а остальными силами наступать на Донлэ.

Чтобы начать движение, ему приходилось ждать выхода 15-го корпуса на одну линию с ним. Но в действительности 15-й корпус оказался в течение всего дня прикованным к месту.

Из 15-го корпуса утром доносят, что он сможет возобновить наступление только 16-го, так как накануне корпус понес большие потери и вынужден сменить дивизию первого эшелона.

Для 20-го корпуса это означает остановку, неподвижность, тем более неприятную, что германская артиллерия держит его под сильным и метким огнем орудий крупных калибров.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, вытекающую из этого вынужденного ожидания, и связанные с ним потери,

20-й корпус остается готовым возобновить наступление на следующий день.

Согласно приказу командующего 2-й армией наступление предложено продолжать 16-го августа на всем ее фронте.

С другой стороны, выводы, сделанные из боев 14-го и 15-го августа, заставляют командующего 2-й армией обратиться к командирам ее корпусов с запиской «об образе действий при атаке оборонительных сооружений». В ней говорится о необходимости методически руководить продвижением вперед «до того момента, когда прочное оборудование занятой местности и тщательная подготовка стрельбы артиллерии позволят организовать комбинированные атаки пехоты и артиллерии против намеченных для захвата пунктов».

Со своей стороны я указал своим войскам на первостепенную важность действий артиллерии и обратил их внимание на это обстоятельство, связывая его с предстоящими боями 16-го августа.

16-го августа события развиваются совершенно другим темпом, чем в предшествующие дни.

В 7 час. правофланговые части 20-го корпуса начинают продвигаться вперед.

Перед ними пустое место, и они продвигаются вперед, не подвергаясь ни ружейному ни артиллерийскому огню со стороны противника. Местные жители сообщают, что немцы еще с утра 15-го начали отходить в направлении на Дьёз и что их отход продолжался всю ночь на 16-е августа.

Одиночные пленные единогласно признают деморализующее действие наших 75-*мм* пушек.

Местами мы находим следы поспешного отступления. Так, офицерский разъезд 5-го гусарского полка доносит о найденных им в большом количестве снаряжении и снарядах, брошенных противником.

При такой обстановке я тороплю войска, приказываю энергичнее установить соприкосновение с противником на всем фронте и как можно скорее завладеть линией Донлэ, Жювлиз.

К концу дня 20-й корпус прочно располагается в этих пунктах, имея левый фланг на р. Сей в районе Шато-Сален.

17-го августа 2-я армия начинает поворачиваться фронтом на север, имея в виду последующий переход в наступление в этом направлении.

20-му армейскому корпусу приказано только расположиться фронтом на север и стянуться к левому флангу, имея правый фланг на высотах к югу от Марсаль.

Передвижения, необходимые для выполнения этого распоряжения, производятся в течение дня. Дождь, который не переставал с 16-го августа, продолжается весь день 17-го и очень затрудняет движения войск. К наступлению темноты головы колонн 20-го корпуса выходят на высоту к югу от р. Сей, между Марсаль и Шанбрэ, фронтом на север.

В течение дня 5-й гусарский полк после стычки с германским отрядом занял Морвиль и Шато-Сален.

18-го днем 2-я армия заканчивает свой поворот и подготовляет переход в наступление в северном направлении.

По завершении этих предварительных мероприятий наступление должно возобновиться 19-го августа и вестись энергично, неся характер преследования, так как, выражаясь словами директивы № 3 командующего армией от 18-го августа, «противник отходит перед нами; в частности он очистил Саарбург и Шато-Сален.

В общих интересах необходимо преследовать его со всей возможной энергией и быстротой.

Для достижения этого командующий 2-й армией рассчитывает на энергию и порыв всех войск.

Он предлагает командирам корпусов вдохнуть в свои войска настроение, отличное от методичности, необходимой при наступлении на заранее подготовленные оборонительные позиции.

С этой же целью части, замедляющие движение, должны быть переведены в хвосты колонн до того времени, когда представится необходимым ввести их в дело».

Порядок выполнения директивы указывается в приказе от того же числа:

«...Завтра, 19-го, армии продолжать наступление с целью выхода на фронт Саарбрюкен, Понт-а-Муссон.

Головам главных сил пройти в 8 час. линию р. Сей, канал Салин и к концу дня достигнуть линии р. Альбе ниже Ленинга, Вирминген, Моранж, Баронвиль.

16-му армейскому корпусу, прикрывая армию с востока, двигаться в общем направлении на Ленинг, Сент-Аволь...

15-му армейскому корпусу наступать в общем направлении на Родальб, Пон-Пьер.

20-му армейскому корпусу перейти в наступление западнее

Марсаль (для 20-го корпуса вкл.) в общем направлении на Шато-Сален, Фолькмон.

Группе резервных дивизий прикрывать левый фланг армии в общем направлении на Мец. По мере продвижения расположиться фронтом на северо-запад, чтобы воспротивиться наступлению противника из района Меца.

С 17-го числа 18-й армейский корпус больше не входит в состав 2-й армии.

9-й армейский корпус перешел в распоряжение главнокомандующего».

Выход этих двух армейских корпусов из состава 2-й армии значительно ослабил, а следовательно, и уменьшил ее возможности. В частности для обеспечения своего левого фланга она располагала теперь только группой резервных дивизий, которой по мере продвижения армии предстояло растянуться более чем на 50 *км*. Это было более чем ненадежное прикрытие, можно сказать, несуществующее прикрытие. Главное командование несомненно имело какие-то весьма серьезные сведения, если оно при таких условиях предприняло наступательное движение, стараясь его ускорить, и для которого оно указывало такие отдаленные цели, как дорога из Понт-а-Муссон в Саарбрюкен.

Вот первая мысль, на которую натолкнуло меня чтение этих распоряжений. События, в которых до сих пор принимала участие 2-я армия, не представляли, по моему мнению, серьезного столкновения с противником. Они не могли принудить его к отступлению крупного масштаба, а тем более повлечь за собой его разложение.

До сих пор имело место только единоборство артиллерии. Для того чтобы 2-я армия с только что ослабленным составом, к тому же ненадежно прикрытая со стороны Меца, могла предпринять предписанное 18-го августа быстрое продвижение в районе, представляющем уже известные нам опасности, и с такими отдаленными целями, очевидно, было необходимо, думал я, чтобы главное командование получило особые сведения, могущие оправдать намеченную операцию.

Как бы то ни было, я во исполнение этих распоряжений отдаю 20-му корпусу приказ о наступлении на фронт Баронвиль, Моранж, причем 11-я дивизия была нацелена на фронт Моранж, Синьяль де Баронвиль, а 39-я дивизия — на Баронвиль, Синьяль де Мартиль.

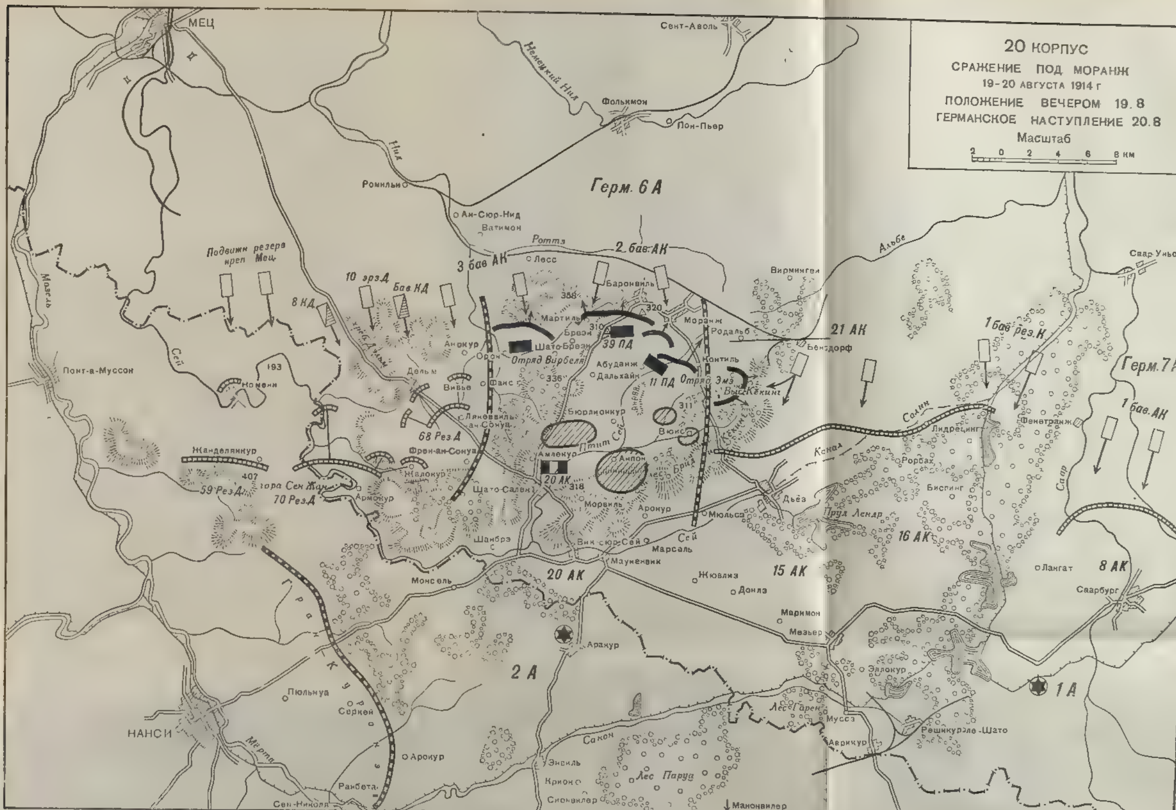

20 КОРПУС
СРАЖЕНИЕ ПОД МОРАНЖ
19-20 августа 1914 г
ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЧЕРОМ 19.8
ГЕРМАНСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ 20.8
Масштаб
2 0 2 4 6 8 км
МЕЦ
Сент-Аволь
Немецкий Нид
Фолькмон
Пон-Пьер
Нид
Ромильи
Герм. 6 А
Ан-Сюр-Нид
Ватимон
Роттэ
2 бав. АК
3 бав АК
Лесс
Подвижн резерв креп Мец
10 эрз.Д
Бав.КД
8 КД
Мозель
Сей
Понт-а-Муссон
193
Номени
Баронвиль
Вирмингей
Альбе
Свар Уньон
388
Мартиль
320
Моранж
Родальб
Бенсдорф
21 АК
1 бав рез.К
Герм.7А
310
Брезэ
39 ПД
Шато-Брезэ
Отряд Вирбеля
Анокур
Орон
Дельм
Абуданж
Дальхайн
11 ПД
Отряд Эмэ
Контиль
Выс.Кекинг
Фанс
336
Вивье
Бюрлионкур
311
Ляневвиль ан Сонуа
68 Рез.Д
Френ-ан-Сонуа
Вюис
Птит Сей
Кекинг
Солин
Лидрецинг
Фенетранж
1 бав. АК
Жанделянкур
407
гора Сен Жан
59 Рез.Д
70 Рез.Д
Армокур
Жалокур
Амлекур
Ампон
20 АК
318
Шато-Сален
Лес Бриду
Канал
Рорбах
Биспинг
Саар
Морвиль
Аронур
Мюльсэ
Дьёз
Пруд Ленар
16 АК
Шанбрэ
Вик-сюр-Сей
Марсаль
Сей
Мауненвик
15 АК
Ланген
8 АК
Монсель
Жювлиз
Донлэ
Саарбург
Маримон
Мезьер
Аракур
2 А
Эллокур
1 А
Гран Куронн
Пюльнуа
Серкей
Лес Гарен
Муссэ
НАНСИ
Мерта
Сахон
Решикур-ле-Шато
Аврикур
Арокур
Энвиль
Лес Паруа
Рарбета
Крион
Сен-Николя
Сионвилер
Манонвилер

Схема 2

Корпус попрежнему прикрыт слева группой Вирбеля, обеспечивающей связь с 68-й резервной дивизией.

19-го, в 9-м часу, я располагаюсь на своем командном пункте на дороге из Вик в Шато-Сален.

Утром движение правофланговой 11-й дивизии сильно замедляется лесистой местностью; левее 39-я дивизия и отряд Вирбеля продвигаются значительно свободнее.

По словам жителей, район Дельм очищен противником, но в районе Баронвиль находятся его значительные силы.

В 14 час. 11-я дивизия, только что перешедшая р. Птит-Сей, попадает под сильный и меткий артиллерийский и пулеметный огонь; она терпит значительные потери. Ей удается, маневрируя по низинам, находящимся на ее левом фланге, дойти до Певанж, где она к наступлению темноты и окапывается. Здесь заканчивается на этот день ее продвижение.

Тем временем 39-я дивизия бросает один полк на Баронвиль, а другой на Мартиль и Синьяль де Мартиль. Эти полки немедленно попадают под сильный огонь артиллерии противника. Однако они продвигаются вперед. В 16 ч. 30 м. 160-й полк находится к югу от Синьяль де Баронвиль, тогда как 153-й занимает Мартиль и Синьяль де Мартиль; отряд Вирбеля выдвинулся севернее леса Шато-Сален.

Полностью достигнуть в этот день рубежей, указанных 20-му корпусу, не представляется возможным. Пехотные части пострадали от огня артиллерии противника. Необходимо привести их в порядок, прежде чем атаковать сильную позицию Моранж, Баронвиль. Нужно также провести серьезную артиллерийскую подготовку. Все это требует времени, которым мы в этот вечер не располагаем.

С другой стороны, 11-я дивизия, которая должна была нанести главный удар, вынуждена выделить часть сил для обеспечения своего еще никем не прикрытого правого фланга.

Дело в том, что продвижение 15-го корпуса далеко не такое, как у 20-го; в частности его левому флангу еще не удалось выйти из леса Брид и Кёкинг.

Поэтому я в 16 ч. 30 м. приказал 11-й дивизии обеспечить свой правый фланг, прочно заняв высоту Кёкинг.

Впрочем, это распоряжение соответствует частному приказу, который командующий 2-й армией отдает мне в 17 ч. 20 м.

«Командующий 2-й армией приказывает командиру 20-го

корпуса поддержать части 30-й дивизии, ведущие бой у северных выходов из леса Брид и Кёкинг.

20-му армейскому корпусу выставить на ночь охранение на дорогу из Контиль на Дьёз».

Так заканчивается день. Прежде чем уехать со своего командного пункта в Бюрлионкуре, я отдаю необходимые распоряжения по устройству войск на ночь и о ночных действиях. Затем я возвращаюсь в свой штаб, в Шато-Сален, в то время как войска устраиваются на занятой местности.

В общем армейский корпус, покрыв без затруднений большую часть перехода, продвинулся километров на 20 от своего исходного рубежа — р. Сей. Подойдя к высотам Мартиль, Баронвиль, Моранж, он был встречен сильнейшим артиллерийским и пулеметным огнем, который причинил ему потери, но не сломил его порыва и не помешал ему занять Мартиль и Синьяль де Мартиль.

Расположение, занятое им к концу дня, и наличие резервов силой в шесть батальонов благоприятствуют атаке на следующий день высот, назначенных ему для захвата, при условии мощной поддержки со стороны своей артиллерии. Однако необходимо, чтобы его правый фланг был обеспечен выдвижением на одну линию с ним 15-го корпуса. Задача прикрытия левого фланга возложена на группу резервных дивизий, мне не подчиненную, передовая дивизия которой еще значительно отстала от левого фланга 20-го корпуса.

Вечером 19-го я не получаю новых директив и информаций от 2-й армии и, не видя никаких перемен, продолжаю придерживаться приказа командующего 2-й армией от 18-го августа. Так, поздно ночью из Шато-Сален я приказываю возобновить наступление в 6 час. Но когда настал этот час, оказалось, что новые события уже настолько изменили обстановку, что наступление не может быть проведено.

Дело в том, что днем 19-го августа 2-я армия вместо простого наступательного марша завязала на всем фронте сражение с основательно укрепившимся противником.

Ее правофланговые корпуса продвинулись меньше, чем 20-й корпус. 16-й корпус не смог выдвинуться к северу от канала Салин, а левый фланг 15-го корпуса был, как мы видели, задержан в южной части леса Кёкинг. Таким образом, эти два корпуса были еще очень далеко от указанных им в приказе от 18-го августа целей их движения за день 19-го.

Поэтому командующий 2-й армией отдал на 20-е августа новый приказ[1], предписывавший 15-му и 16-му корпусам с 5 час. наступать в тесном взаимодействии и отбросить противника к железной дороге Бенсдорф, Саарбург; 20-му корпусу было приказано расположиться на захваченной им местности, тогда как группа резервных дивизий должна была оказывать сопротивление в направлении Меца. Последняя задача была, бесспорно, трудновыполнимой для войск столь слабого состава и с ограниченными средствами, в особенности в отношении артиллерии.

Здесь начинает сказываться опасность движения вблизи крепости Меца, по местности, планомерно оборудованной для обороны, в изобилии обеспеченной железными дорогами и выгрузочными платформами и хорошо изученной противником.

Во всяком случае 20-го в 5 ч. 15 м. утра я доношу командующему армией, что 20-й корпус оставался в течение ночи на занятых им местах и рассчитывает в 6 час. возобновить наступление. Попрежнему заботясь о безопасности правого фланга и имея в виду поддержку, которую я должен был оказывать 15-му корпусу, я приказываю 11-й дивизии усилить части, занимающие Кёкингские высоты, добавляя, что «одной из существенных задач 20-го корпуса является поддержка левого фланга 15-го корпуса. Если выделенный отряд может, как ему приказано, теперь же вступить в дело, он действительным образом выполнит свою задачу, если будет вести сильный огонь в направлении на Бургальтроф».

Но в этот момент уже сказывается влияние действий, предпринятых противником.

Дело в том, что в районе Ан-сюр-Нид всю ночь было слышно усиленное движение поездов — признак прибытия к противнику значительных подкреплений; вскоре должно было начаться его общее фронтальное и фланговое наступление. Еще до рассвета 20-го августа многочисленные группы противника, оттеснив охранение отряда Вирбеля, атаковали его позиции. Сильная германская артиллерия, действовавшая совместно с артиллерией, расположенной на высотах Мартиль

[1] Этот приказ не был получен ни 20-м корпусом, ни 68-й резервной дивизией. Я ознакомился с его сутью, но не текстом, только утром 20-го на своем командном пункте в Бюрлионкуре. В это время события, вызванные инициативой противника, внесли глубокие изменения в общее положение армии.

и Баронвиль, обрушилась огнем с фланга и фронта на головные части 39-й дивизии. Этим огнем отряд Вирбеля был отброшен на опушку леса Шато-Сален.

Германское наступление, которому предшествует мощная артиллерийская подготовка, вскоре распространяется на весь фронт 39-й дивизии. Дивизия, подвергшись сильным атакам, начавшимся в 5 ч. 30 м., оставляет Мартиль и Синьяль де Мартиль. Два дивизиона ее артиллерии выведены из строя. Дивизия вынуждена отойти на Шато-Бреэн, Бреэн.

Этим срывается план наступления 11-й дивизии на Моранж. К тому же она с рассвета подвергалась сильным атакам, в результате которых потеряла Контиль. Но войска не были расстроены, так как наша артиллерия сумела остановить движение пехоты противника.

Правее отряд на высоте Кёкинг также был атакован с 5 час. силами из всех родов войск, наступавшими как с востока, так и с северных опушек леса Брид и Кёкинг. Он потерял незначительное пространство, но продолжал держаться стойко.

В итоге к 7 час. утра противник потеснил 39-ю дивизию, которая вынуждена была отойти и снова перейти к обороне. Теперь противник был задержан на всем фронте 11-й дивизии, правофланговые части которой могли действовать в интересах 15-го корпуса.

Последний, контратакованный на всем своем фронте, находился в критическом положении. В 7 ч. 15 м. командующий 2-й армией отдал мне следующий приказ:

«Начинается сильное наступление противника из леса Брид и Кёкинг во фланг 30-й дивизии.

Немедленно атакуйте в направлении на Лидрецинг, чтобы задержать это наступление и выручить 15-й армейский корпус».

Ввиду общей обстановки и во исполнение этого распоряжения я приказываю своим войскам упорно обороняться в занимаемом ими расположении и предписываю устроить в тылу линию сопротивления, проходящую через Шато-Бреэн, Дальхайн, лес Абуданж, высоту Кёкинг, куда и направляются мои резервы.

В то же время отряд на высоте Кёкинг усиливается и получает приказ немедленно атаковать противника для поддержки 15-го корпуса.

Тем временем на моем левом фланге развиваются события, требующие моего внимания. Противник охватил левый фланг

отряда Вирбеля и ворвался в рощу Вивье. К 10 час. он вынуждает 68-ю резервную дивизию в свою очередь очистить Факс и Вивье и отойти на Ляневиль-ан-Сонуа. Вскоре фронт его наступления расширяется до дороги из Дельм на Шато-Сален, причем наступление направлено на этот последний пункт. С этой стороны создается угроза не только флангу, но и тылу 20-го корпуса.

В это же самое время, в результате предпринятого противником общего наступления, на фронте 15-го и 16-го корпусов произошли события, еще более изменившие обстановку. Они заставили командующего армией еще в 7 ч. 15 м. отдать приказ об отводе назад замыкающей дивизии 16-го корпуса. Левый фланг 15-го корпуса, атакованный крупными силами противника из леса Брид и Кёкинг, был отброшен назад, увлекая при своем отходе свои правофланговые части и сильно пострадавшие левофланговые части 16-го корпуса.

При таких условиях командующий 2-й армией отдает в 10 ч. 10 м. распоряжение об общем отходе, приказав:

15-му корпусу расположиться на фронте Марсаль, Маримон;

16-му корпусу — отходить в направлении на Мезьер и Решикур-ле-Шато;

20-му корпусу — загнуть назад «правый фланг, опереться на р. Сей в Марсале и удерживать фронт Марсаль, Анпон, Амлекур, Френ-ан-Сонуа, Жалокур».

Этот приказ является для меня полнейшей неожиданностью, так как хотя мне неизвестны затруднения, встреченные правее 16-м и 15-м корпусами, а также продвижение наступающих немцев левее от меня по дороге из Дельм, я знаю, что на исходе утра мой 20-й корпус прочно уцепился за северную опушку леса Шато-Сален. Мне известно, что он с успехом ведет борьбу к северу от линии сопротивления, занятой моими резервами, и на правом фланге организует наступление с целью облегчить положение 15-го армейского корпуса. На всем фронте 20-го корпуса действительность и сила огня германской тяжелой и полевой артиллерии, расположенной на высотах Моранж, Баронвиль, Мартиль, значительно уменьшились благодаря увеличению дистанции; этой артиллерии трудно спуститься со своих позиций на высотах. Наступление противника дальше не развивается. Нельзя сомневаться в том, что корпус удержится на позициях, занимаемых им в настоящее время, хотя его фронт превышает 15 *км*.

Я намеревался прежде всего закрепить войска в занятом ими положении, остановить противника перед нашими позициями, а затем возобновить борьбу, обеспечив связь с 15-м корпусом справа и безопасность левого фланга. Но вдруг поступил вышеупомянутый приказ командующего армией, отданный в Мезьере, а за ним еще директива от 11 ч. 45 м. из Аракура следующего содержания:

«В случае, если 2-я армия вынуждена будет к отходу, отходить:

16-му корпусу в общем направлении на Люневиль, опираясь на форт Манонвилер и лес Паруа;

15-му корпусу в общем направлении на Донбаль;

20-му корпусу в общем направлении на Сен-Николя, Люневиль;

группе резервных дивизий занять укрепления на Куронэ [1], северо-восточнее Нанси. Все обозы, парки, транспорты перевести на левый берег р. Мёрт».

Очевидно, в основу обоих этих распоряжений легла более полная осведомленность об общей обстановке в армии, в особенности в 15-м и 16-м корпусах.

Эти корпуса подверглись очень сильным атакам, вызвавшим их глубокий отход к югу от района прудов. Во исполнение приказа по армии от 10 ч. 10 м. я в 11 ч. 45 м. отдаю распоряжение об отходе моих дивизий на указанный фронт.

Во время доставки им этого приказа я получаю от командующего армией новую директиву, гласящую:

«Общая задача 20-го корпуса — прикрывать отход 2-й армии, возможно дольше удерживаясь на предмостном укреплении в Шато-Сален.

В распоряжение командира корпуса передается 68-я резервная дивизия».

В приказания, уже отданные мною 20-му корпусу и в данную минуту приводящиеся в исполнение, никаких изменений вносить не приходится. Я только дополняю эти распоряжения, отдав частный приказ 68-й резервной дивизии [2].

Благодаря мерам, принятым командирами дивизий, поэшелонный отход 11-й и 39-й дивизий осуществляется без затруднений и в полном порядке. Слева попрежнему корпус обеспечивается отрядом Вирбеля.

---

[1] Гран-Куронэ — цепь высот восточнее и северо-восточнее Нанси. — *Прим. перев.*

[2] Ген. Брен д'Обиньоск.

Что же касается 68-й резервной дивизии, то в 16 ч. 50 м. командующий армией снова передает ее группе резервных дивизий для использования при обороне укрепленной позиции Нанси.

К 14 час. я переношу свой командный пункт на гребень в лесу Желин. Здесь же я располагаю находящуюся в моем распоряжении тяжелую артиллерию. Я остаюсь здесь до наступления темноты, а затем отправляюсь в штаб в Мауйенвик, предварительно отдав войскам следующие распоряжения:

«1. К концу дня 20-й корпус должен находиться и удерживать фронт Марсаль, Арокур-сюр-Сей, северная опушка леса Желин, Шато-Сален, Амлекур, связавшись вправо с 15-м корпусом, удерживающим Мюльсэ, а влево с 68-й резервной дивизией, удерживающей Френ-ан-Сонуа и Жалокур.

2. С вечера укрепиться на вышеуказанной линии; в течение вечера и завтрашнего дня удержать ее, несмотря на атаки противника».

Едва мы успели составить и отослать войскам эти распоряжения, как получаю директиву командующего армией, отправленную из Арокура в 16 час. и гласящую:

«Под прикрытием арьергардов, располагающихся на общей линии Мезьер, Маримон, Донлэ, Жювлиз, Марсаль, Анпон, Френ-ан-Сонуа, 2-й армии отойти в течение ночи для восстановления наиболее пострадавших частей.

Каждому корпусу расположиться в полосе, указанной в приказе № 28, и закрепиться на линии Муссэ, роща Гарен, роща О-де-ля-Круа, гребень Жюврекур, северная опушка леса Безанж и левый берег р. Сей.

20-му корпусу взорвать мосты на р. Сей, как только переправятся последние части.

Главным силам отходить: 16-го армейского корпуса в район форта Маноивилер, Крион, Сионвилер; 15-го корпуса в район Арокур; 20-го корпуса в район Серкей, Пюльнуа».

Нет оснований предполагать, что для 20-го корпуса будет затруднительным держать на месте арьергарды и боевое охранение. Та легкость, с которой совершается отход наших войск, за которыми противник следует самыми незначительными силами, свидетельствует о том, что мы могли бы продержаться всю ночь, а если нужно, то и завтрашний день. В такой обстановке войска собираются приступить к устройству на ночь во исполнение общей задачи 20-го корпуса — при-

22-го утром 20-й корпус находился в сборе в районе р. Мёрт, имея 11-ю дивизию в Сен-Николя, Варанжевиль, а 39-ю дивизию в Ар-сюр-Мёрт, Ленонкур. В сущности 22-го числа ему не нужно было двигаться с места, но, находясь в армейском резерве, он должен быть в готовности выполнить любой приказ.

Так как 15-й армейский корпус еще в 5 ч. 30 м. донес, что ввиду утомления своих войск он вряд ли сможет оказать сопротивление наступлению противника на правом берегу р. Мёрт, то командующий 2-й армией предложил командиру 20-го корпуса выслать в Фленваль и Антлю авангард для смены авангарда 15-го корпуса.

Поэтому я приказал 11-й дивизии немедленно выдвинуть туда бригаду пехоты с артиллерийским дивизионом.

Незадолго до полудня эта бригада заняла указанное ей расположение. Вечером она была атакована со стороны Кревик баварской бригадой, которая четыре раза подряд пыталась овладеть Фленвальскими высотами. Но наша бригада продолжала удерживать свой фронт. Этим она давала возможность 15-му корпусу отвести свои части.

В 23 часа командир бригады[1], выполнивший свою задачу, получил приказ отойти и взорвать мосты на р. Мёрт.

Было ясно, что командующий 2-й армией решил отвести все свои силы на левый берег р. Мёрт, продолжив там линию обороны, идущую по высотам Гран-Куронэ.

23-го августа в 3 час. все части 20-го корпуса находились уже к западу от реки. Штаб был расположен в Манонкур.

Отход 2-й армии закончился на р. Мёрт и у позиций на Гран-Куронэ. Под прикрытием этого, несомненно сильного рубежа сопротивления войска, безусловно, могли привести себя в порядок и отдохнуть. Кроме того, 2-я армия была усилена еще двумя резервными дивизиями. К тому же ввиду нашего быстрого выхода из боя утром 20-го августа и благодаря тому, что противник не преследовал нас ни в этот день ни 21-го, он не добился решающего успеха. Мы же избежали расстройства, которое могло бы принести нам значительный ущерб. Следовательно, наша неудача оказалась вполне поправимой, и мы могли надеяться на возобновление операций в благоприятных для нас условиях. Характер их, как и момент начала, зависел главным образом от действий противника.

---

[1] Ген. Ферри.

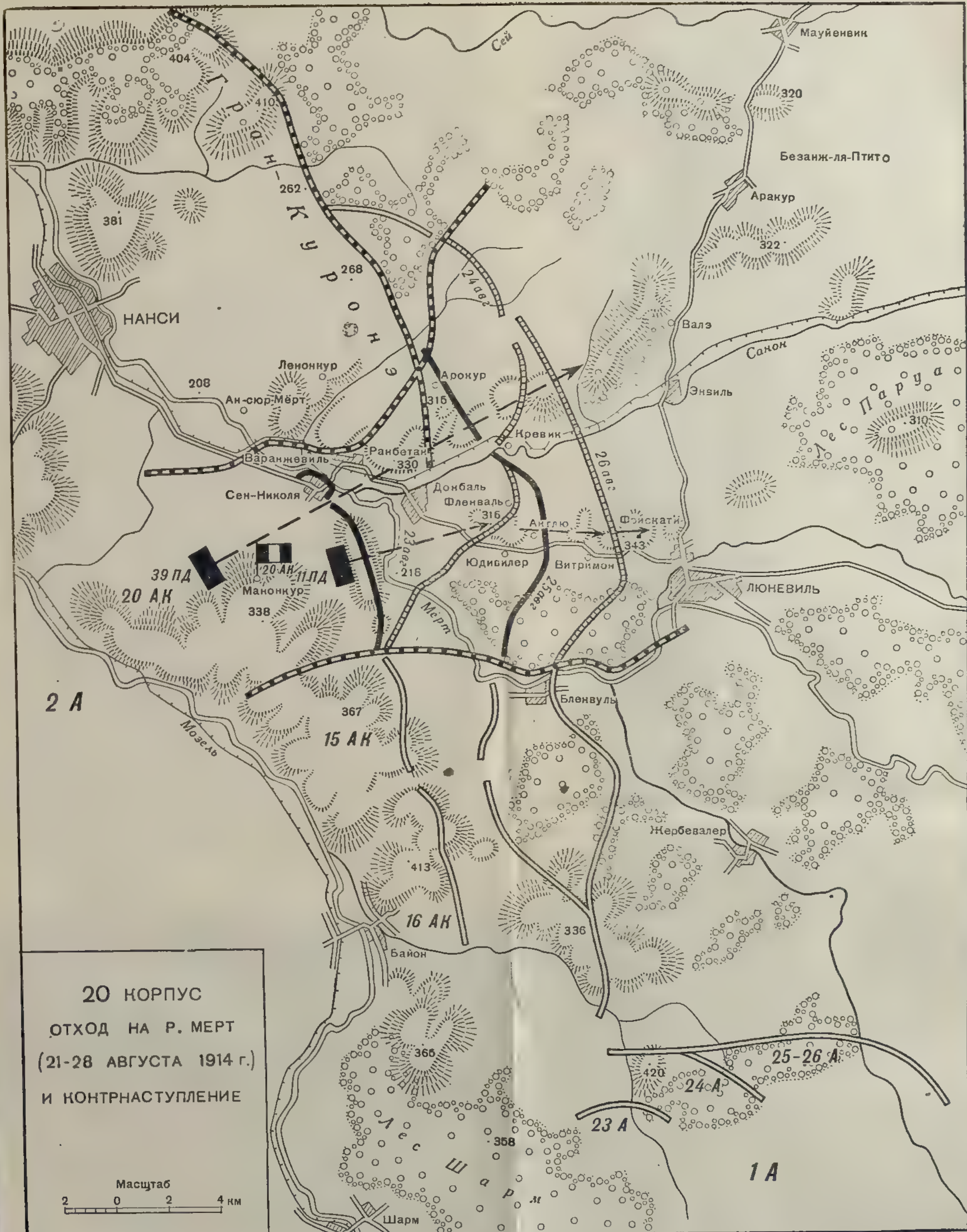

20 КОРПУС
ОТХОД НА Р. МЕРТ
(21-28 АВГУСТА 1914 г.)
И КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ
Масштаб
2 0 2 4 км
Сей
Мауйенвик
404
410
Гран-Курон
320
Безанж-ля-Птито
Аракур
262
381
322
268
24 дв
НАНСИ
Валэ
Санон
Лес Паруа
Ленонкур
Арокур
208
Ан-сюр-Мёрт
316
Энвиль
310
Кревик
Варанжевиль
Ранбетан
330
26 дв
Донбаль
Сен-Николя
Фленваль
316
Англю
Фуаскати
343
23 дв
39 ПД
20 АК
11 ПД
Юдивилер
Витримон
216
ЛЮНЕВИЛЬ
Манонкур
20 АК
338
25 дв
Мерт
2 А
Бленвуль
367
Мозель
15 АК
Жербевалер
413
16 АК
336
Байон
365
25-26 А
420
24 А
23 А
358
Лес Шарм
1 А
Шарм

Схема 3

Теперь перед фронтом 20-го корпуса противник выходит на высоты на правом берегу р. Мёрт. 23-го августа он занят главным образом устройством своих батарей и рытьем окопов и проявляет активность, выражающуюся лишь в двух частных атаках, которые отбиваются огнем артиллерии 20-го корпуса.

23-е августа не прошло бесполезно для 2-й армии; ее соединениям удалось привести себя в порядок и устроиться на своих позициях. Таким образом, ген. де-Кастельно располагает ударным кулаком, метод использования которого будет вскоре продиктован обстановкой.

* * *

23-го августа вечером командующий 2-й армией приказывает левофланговой группе своей армии быть в готовности к переходу в наступление, если обстоятельства того потребуют.

В середине дня 24-го августа получились сведения о том, что силы противника, оцениваемые самое меньшее в два армейских корпуса, двигаются с севера на юг, в направлении на Люневиль. Таким образом, немцы подставляют свой правый фланг под удар со стороны Нанси. Поэтому командующий армией приказывает группе резервных дивизий и 20-му корпусу перейти в наступление в восточном направлении.

Наступление 20-го корпуса, обильно поддержанное артиллерией, развивается беспрепятственно. В 18 час. наступающие части выходят к высотам Фленвиля и Кревикского леса, где я их и останавливаю.

Маневр, проведенный противником днем 24-го августа, раскрыл его замыслы. Выдвинув свои главные силы на Люневиль, он, очевидно, избрал направление, ведущее к Шармскому проходу.

Чтобы расстроить этот план, командующий 2-й армией решает 25-го августа, оставляя в общем весь свой фронт на месте, нанести сильный удар своей левофланговой группой, с выходом ее на шоссе Аракур, Энвиль, Люневиль, которое, повидимому, является путем подвоза противника. Правый фланг 2-й армии будет действовать в связи с 1-й армией.

Наступление на левом фланге возложено на 20-й корпус и группу резервных дивизий.

В первые же утренние часы 39-я дивизия во взаимодействии с 70-й резервной дивизией переходит в наступление севернее р. Санон и отбрасывает противника с высот, что западнее Энвильской рощи. К полудню, ввиду значительного

продвижения 15-го корпуса (справа), я приказываю 11-й дивизии в свою очередь атаковать противника к югу от р. Санон. Завязывается жестокая борьба; все четыре полка дивизии ведут ожесточенные бои и овладевают высотами у Антлю и Витримона.

Тем временем усиливается сопротивление противника к северу от р. Санон, где создается непосредственная угроза его сообщениям. Он накапливает там большие силы. 39-й пехотной дивизии приходится выдерживать ожесточеннейшую борьбу к западу от Энвильской рощи. Ее правый фланг отброшен в Кревикскую рощу, которая становится ареной упорных боев и к 17 час. переходит в руки противника. Ее левый фланг находится в еще более опасном положении ввиду расстройства 70-й резервной дивизии. Имея оба фланга открытыми — правый ввиду потери Кревикской рощи, левый вследствие отхода 70-й резервной дивизии,— 39-я дивизия в 18 час. совершает небольшой отход в полном порядке.

В итоге 25-е августа было тяжелым днем для 20-го армейского корпуса. Очень серьезное и жестокое сражение велось с переменным успехом. Но сильным ударом 20-й корпус расстроил планы противника. Если продвижение и не было значительным на всем его фронте, то во всяком случае он притянул к себе очень крупные силы противника и оказал им сопротивление. Не почувствовал ли противник отсутствия этих сил там, где он намечал прорыв, а именно по дороге на Шарм? Хотя корпус и не добился решающих результатов, но от его действий можно было ожидать серьезных последствий для операции, предпринятой армией «при том условии, что его войска будут держать противника под угрозой новой атаки и будут готовы немедленно приступить к преследованию, уже начатому правофланговыми соединениями армии и кавалерийским корпусом».

Так выразился я вечером 25-го августа, узнав об общих результатах, достигнутых 2-й армией, правофланговые корпуса которой значительно продвинулись вперед.

* * *

Распоряжения командующего 2-й армией на 26-е августа предусматривали развитие успеха, достигнутого накануне ее правым флангом. Ген. де Кастельно приказал продолжать наступление, развивая его «до последних сил». 20-му армейскому корпусу указано было общее направление на Валэ,

Безанж-ля-Птит. Его части, «несмотря на проявленные усилия и понесенные большие потери, сумеют еще развить порыв, необходимый для достижения победы».

26-го августа в 5 ч. 30 м. я со своего командного пункта отдал своим обеим дивизиям приказ продвинуться вперед, «как только будет устранено противодействие со стороны противника»; 11-й дивизии — на Энвиль, 39-й дивизии — на Кревикскую рощу, Валэ.

В 7 час. командиры дивизий отдали приказ о наступлении. 11-я дивизия должна была наступать между шоссе на Нанси и р. Санон, нанося главный удар в направлении на высоты Фрискати, господствовавшие над Люневилем.

Вследствие задержки в артиллерийской подготовке наступление удалось начать только в 12 ч. 15 м. Сначала оно развивалось благоприятно, и части зашли за Витримон. 69-й полк решительно двинулся на высоту Синьяль де Фрискати и закрепился на ее склонах. Но в 13 ч. 45 м. этот полк, пытавшийся спуститься с высоты, попал под сильнейший ружейный и артиллерийский огонь, который артиллерии 11-й дивизии не удалось подавить. В течение трех часов все части 11-й дивизии обстреливались германскими батареями и лишь очень незначительно продвинулись вперед.

Таким образом, положение 69-го полка на Синьяль де Фрискати продолжало оставаться очень опасным. Но ему все же удалось там удержаться.

В то время как 11-я дивизия вела бои к югу от р. Санон, 39-я дивизия, части которой были сильно утомлены предыдущими боями, продвигалась вперед очень медленно и к ночи остановилась. Она сумела выйти только на восток от Кревикской рощи, правым флангом на р. Санон.

Точно так же, ввиду усталости и потерь, понесенных за истекшие дни, 15-й и 16-й корпуса не были в состоянии начать настоящее преследование.

Очень сильно сказывались непрестанное напряжение и недостаток сна. Тем не менее, несмотря на крайнее утомление, моральное состояние 20-го корпуса попрежнему оставалось превосходным. В течение 26-го августа его поведение под огнем было замечательным.

В сражении, продолжавшемся уже несколько дней на всем фронте 2-й армии, и в наступлении немцев, стремящихся выйти на р. Мозель у г. Шарм, наступил перелом. Натиск противника в южном направлении был остановлен. Ему пришлось

вести упорный бой, чтобы защитить свои коммуникации, особенно дорогу из Люневиля в Энвиль, от энергичных атак 20-го корпуса. Теперь нужно было, несмотря на утомление войск, использовать это положение.

Выдвинутое положение 2-й армии по отношению к 1-й позволяет ген. де Кастельно остановиться на сутки, в течение которых войска смогли бы несколько отдохнуть. Он приказывает прочно закрепиться в течение 27-го августа на захваченном пространстве и восстановить порядок в частях для последующего наступления.

* * *

28-го августа 2-я армия должна возобновить наступление в общем направлении на север. 20-й корпус имеет задачей поддержать наступление 15-го корпуса, атакующего Люневиль, и обеспечить выход его на север.

Для этого 11-я дивизия получает приказ в 8 час. атаковать высоты Фрискати и отбросить противника на север. Но вследствие задержки при переправе через р. Мёрт наступление дивизии начинается только в полдень. В течение дня ей удается захватить Синьяль де Фрискати.

Но к этому времени я уже покинул 20-й армейский корпус, так как главнокомандующий приказал мне явиться в ставку для получения нового назначения.

В 12 час. на своем командном пункте в Юдивилер я расстался со своими войсками, передав командование армейским корпусом командиру 11-й дивизии ген. Бальфурье.

Со мной отправился подполковник 5-го гусарского полка Вейган, бывший в течение всей войны моим начальником штаба при всех должностях, которые я последовательно занимал.

Не без глубокого волнения я покидаю доблестные полки 20-го армейского корпуса. В своем прощальном приказе я напоминаю им о их славных подвигах за истекшие дни и о том, что они ни разу не отступали без приказа свыше. В 18 час. я приезжаю в Витри-ле-Франсуа, чтобы явиться к ген. Жоффру.

Выводы, которые я сделал после столкновения в Лотарингии за этот первый месяц войны, были вполне определенными. Несмотря на несомненное численное и техническое превосходство, особенно в отношении тяжелой артиллерии, поток вторжения немцев был задержан. Они даже вынуждены были отхлынуть назад. Наступательный порыв немцев был сломлен.

Благодаря моральной доблести наших солдат и офицерского корпуса мы повсюду спокойно и решительно встречали противника и причиняли ему сильные потери.

Хотя мы не одержали таких побед, как под Заальфельдом или Иеной, мы избежали и таких поражений, как под Виссембургом и Фрешвилером, и начали продвигаться вперед. Хотя мы и не разбили левого крыла германских армий, но мы обессилили его и принудили к отходу.

Противник значительно опередил нас в смысле боевых средств, которые он готовил уже много лет. Несмотря на это, на частном театре Лотарингии его натиск был сломлен, причем он не смог добиться никакого решительного исхода. Он не смог придать событиям тот быстрый и победоносный темп, которого он ожидал от своего несомненного материального превосходства. Его замыслы провалились, он был вынужден отойти. Его окончательная победа была ныне отложена на неопределенное время. Разве целесообразное использование нашим высшим командованием качеств французской армии не указывает нам возможности пресечь попытки противника на всем фронте и оспаривать у него окончательную победу, которую он мог бы одержать благодаря временному перевесу в силах и средствах путем согласованного и стремительного общего наступления? Разве постепенное усиление, которое обеспечивается нашими резервами и нашей промышленностью, не говоря уже о силах наших могучих союзников, не позволяет предвидеть, что наступят дни, когда счастье окончательно повернется в нашу сторону?

К тому же в руководстве военными действиями в Лотарингии германское высшее командование проявило несомненную неуверенность. Несмотря на тщательную подготовку этого театра и на превосходство сил, которыми оно здесь располагало, оно не попыталось дать на нем оборонительное сражение с решительной целью, как могло бы сделать, позволив нам продвинуться в глубь страны и только затем контратаковав нас своими сосредоточенными силами. За нашим быстрым отрывом от противника 20-го августа последовало с его стороны пассивное преследование. А когда командование противника решило перейти в энергичное наступление, то оно наметило прорыв нашего фронта на узком участке Шармского прохода, пренебрегши нашими силами, расположенными на р. Мёрт и на Гран-Куронэ. Вследствие нашего

наступления во фланг немцы оказались не в состоянии прорвать наш фронт и даже удержать выигранное пространство. Они отошли. Под влиянием того же наступления во фланг они испытали Моранж наизнанку.

С более общей точки зрения можно было констатировать, что при новом вооружении, характеризующемся автоматикой и большой дальнобойностью, сила обороны смогла сдерживать ударную силу наступления достаточно долго, чтобы позволить обороняющемуся действительным образом перейти к контрнаступлению. Оказалось, что в мешках — этих отдельных выступах линии фронта на местности, образованных неравномерным, но казавшимся успешным и решительным наступлением, атакующий, несмотря на большие жертвы, не в состоянии удержаться до того момента, когда он мог бы до конца развить первоначальный успех для завершения прорыва обороны противника.

Хотя обороняющийся и был вынужден под давлением превосходных средств отводить свой фронт назад, этот фронт все же не был прорван, а его фланговые контратаки поглощали резервы наступающего противника и создавали угрозу коммуникациям последнего. Этим обороняющийся останавливал продвижение атакующего и вынуждал его к отходу.

Это дает много поводов для размышлений о пределах и слабостях победоносного в тактическом отношении наступления, которое ведут, пренебрегая принципами, вытекающими из нового вооружения. Более чем когда-либо необходимо было теперь правильно оценивать возможности, создаваемые определенными обстоятельствами, и серьезно изучать обстановку.

Так как мы остановились под Моранж, не ввязываясь в бой и, тем более, нерасстроенные, германское командование сочлю это за свой успех. Немцы бросились в наступление, дерзнув предпринять движение в южном направлении, на Мозель, несмотря на сопротивление, оказанное нами под Нанси на западе и в Вогезах на востоке. Им пришлось отойти, не дойдя до Мозеля у Шарм.

Превосходство средств внушило германскому командованию пренебрежение к противнику и самоуверенность. Но и здесь они победы не достигли. Разве это не было прелюдией к сражению на Марне?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОМАНДОВАНИЕ 9-й АРМИЕЙ

(29 августа — 4 октября 1914 г.)

Глава первая

Отступление

Я покинул поле сражения в Лотарингии в сопровождении подполковника Вейгана и проездом через Нев-Мезон взял с собой из штаба 2-й армии подполковника Дево. Проезд через крепость Туль отнял довольно много времени вследствие подозрения к нам часовых, получивших специальный пароль, которого мы не смогли предъявить.

В то время как мы ехали в ставку главнокомандующего, мы знали только о судьбе наших войск в Лотарингии, а за последние дни она была там благоприятной. Мы ничего не знали о положении дел в других наших армиях. Оно внезапно предстало перед нашими глазами, когда мы приехали в Витри. Фронт вторжения простирается «от Соммы до Вогез», гласила сводка в этот день. Значит, территория Бельгии и Северной Франции до р. Соммы находилась в руках противника. Его движение на Париж, к сердцу страны, совершалось с головокружительной быстротой. Наши армии в центре и на левом фланге (3-я, 4-я, 5-я и британская) находились в полном отступлении. Общее наступление, предпринятое на границе, окончилось для нас неудачей. Наши войска отходили, чрезвычайно энергично преследуемые массами противника, брошенными вперед с тревожной быстротой и все время угрожавшими нашим войскам охватом с запада. Взаимодействие и связь между нашими армиями были нарушены. На направлении своего отступления они находили лишь короткие, не связанные между собой рубежи, которые они могли использовать для сопротивления. Дело в том, что долины рек, например Уазы и Эны, а дальше на восток — Мааса, проходят перпендикулярно фронту и ведут в район Парижа. Где найти непрерывный рубеж, который хоть на несколько дней мог бы явиться

преградой для противника и позволил бы восстановить наш обширный фронт лицом к северу, собрать наши силы и привести их в порядок? Где окончательно прекратить отступление, чтобы иметь возможность снова бросить в наступление оправившиеся и приведенные в порядок войска?

Несомненно, обстановка была очень тревожной, полной опасностей и по меньшей мере неуверенности. К счастью, главнокомандующий сохранил изумительное хладнокровие.

Ввиду размаха и мощи движения германских армий через Бельгию он решил сначала отвести все свои силы назад, до линии Верден (3-я армия), участок р. Эн, от Вузье до Гиньикура (4-я армия), Краон, Лаон, Ля Фер (5-я армия). Британская армия должна была отойти за Сомму от Ама (Нат) до Брэ. В то же время главнокомандующий без промедления принял меры к тому, чтобы задержать продвижение противника, сформировав в районе Амьена ударную — 6-ю армию, расположенную отдельно на левом фланге общей группировки.

Фронт наших армий необходимо было восстановить в тылу вышеуказанной линии, с которой намечалось затем перейти в наступление. Его должны были проводить: 5-я армия, предварительно собранная к западу от Уазы, в районе Муа, Сен-Кантэн, Верман; британская армия, собранная за Соммой от Ама до Брэ, и 6-я армия, сформированная ко 2-му сентября в районе Амьена.

Такова была сущность директивы главнокомандующего от 25-го августа относительно левого крыла нашей группировки.

По его мнению, время, необходимое для создания этой группировки, можно было выиграть благодаря сопротивлению арьергардов, использующих все возможные препятствия. Мощными же контратаками накоротке, в которых главную роль призвана была играть артиллерия, остановить или по меньшей мере замедлить продвижение противника.

28-го августа, ко времени моего прибытия в ставку, вышеизложенная директива главнокомандующего уже приводилась в исполнение. Но ее осуществление встретило значительные трудности ввиду быстроты развития событий, вызванных стремительностью преследования.

5-я армия, которая 25-го августа находилась на фронте Рокруа, Шимэ, Авен, отошла к верхнему течению р. Уазы. 28-го она находилась там. Правда, утром 29-го она одерживает блестящий успех под Гизом и тем выручает довольно

сильно потрепанную британскую армию. Однако ей не удается полностью восстановить положение.

Британская армия уже отошла от Соммы. Она сосредоточилась за Уазой от Нуайона до Ля Фер, создав таким образом разрыв на нашем фронте.

Западнее части ударной 6-й армии выгружаются на железных дорогах в районе Амьена; некоторые из них уже ввязались в ожесточенные бои между Амьеном и Перонн. Противник переправился через Сомму. Сможет ли эта армия закончить свое формирование?

Правее 3-я и 4-я армии отошли 26-го августа на левый берег р. Маас.

27-го и 28-го августа противник не тревожит 3-ю армию. 4-й армии удается блестящими контратаками задержать противника на Маасе. Но чтобы не создать помехи осуществлению плана, задуманного главнокомандующим, она продолжает отходить и 29-го утром отводит свои главные силы на высоты к юго-западу от Мааса.

Эта 4-я армия, которая с самого начала была сформирована в усиленном составе для выполнения по существу наступательной задачи, в настоящее время оказалась очень громоздкой для одного начальника. Она занимала слишком широкий фронт, чтобы быть в состоянии с выгодой выполнять свою роль в намеченном новом маневре. Выясняется необходимость разделить ее. Так как, с другой стороны, опасность угрожает исключительно ее левому флангу, потерявшему всякую связь с 5-й армией, сама собой напрашивается необходимость создать там сильную группу, имеющую задачей обеспечивать ее с запада и в частности стараться восстановить связь с 5-й армией.

Однако вечером 28-го августа главнокомандующий еще не осведомил меня о задаче, которую он собирался возложить на меня. Но я воспользовался этим временем для того, чтобы дополнить полученные мною сведения об общем положении наших сил, а также чтобы подобрать себе остов штаба. Для этого я присоединил к двум подполковникам и офицеру для поручений, которых я привез с собой из Лотарингии, майора Нолэна и офицера-переводчика Тардье.

Несмотря на целый ряд печальных известий, поступавших, особенно с 20-го августа, в ставку главнокомандующего, там не было заметно ни следа волнения, беспорядка, а тем более смятения. В ставке царили безусловный порядок, хладнокровие

и решимость. Это смог констатировать новый военный министр Мильеран, который прибыл накануне и уехал утром 28-го, одобрив образ действий и линию поведения главнокомандующего. Я занял на ночь помещение, в котором останавливался этот высокий посетитель. Утром 29-го главнокомандующий перед отъездом в 5-ю армию, готовившуюся дать сражение под Гизом, возложил на меня командование армейской группой на левом фланге 4-й армии. Он обратил мое внимание на возможное продвижение противника со стороны Рокруа, Филиппвиль. О выполнении своей задачи мне следовало договориться в Машю с командующим 4-й армией ген. Лангль де Кари.

В состав армейской группы должны войти следующие войска: 9-й армейский корпус (Марокканская и 17-я пехотная дивизии) [1]; 11-й армейский корпус (21-я и 22-я пехотные дивизии) [2]; 52-я и 60-я резервные дивизии, 9-я кавалерийская дивизия [3], выделенные из 4-й армии, и 42-я пехотная дивизия [4], прибывшая из 3-й армии и выгружающаяся в районе Гиньикур.

Моя задача заключается в том, чтобы прикрывать с этими войсками движение 4-й армии, обеспечивая ее от сил противника, которые могут появиться из района Рокруа. Общее направление моего отхода проходит между Сент-Эрм и Гиньикур. Я подчинен командующему 4-й армией.

Когда моя задача и мои полномочия были точно определены, я, снабженный сведениями, которые мне удалось собрать как о прошлых событиях, так и о намеченном общем маневре союзных армий, уезжаю в Машю, в штаб 4-й армии, откуда я и приступлю к формированию армейской группы.

Подполковник Вейган должен стать начальником моего штаба, подполковник Дево — его помощником. Майор Нолэн и офицер запаса переводчик Тардье образуют ядро штаба, который постепенно формируется в ближайшие дни.

Я приезжаю в Машю около 14 час. Ген. Лангль де Кари совещается с префектом Арденн. Последний объясняет ему нужды следующей за ним толпы беженцев. Это — печальное бегство многочисленного населения, вытесненного из Бельгии и из Арденн движением армий противника.

---

[1] Ген. Дюбуа.
[2] Ген. Эду.
[3] Ген. де л'Эспэ.
[4] Ген. Гроссетти.

Генерал встречает меня словами: «Само провидение посылает вас». Войсковые соединения, которые должны поступить в мое подчинение, были сильно потрепаны за последние дни. В штабе армии местонахождение их точно не известно; надежная связь с ними отсутствует. Важно как можно скорее взять управление ими в свои руки, непрерывно руководить их действиями на месте и восстановить в них порядок, если мы хотим потребовать от них проявления усилий.

С другой стороны, командующий 4-й армией сообщает мне о своем намерении на другой день, 30-го августа, прекратить свое отступательное движение и поддержать наступление, которое 3-я армия рассчитывает начать справа от 4-й армии. Такое решение вполне соответствует задаче, возложенной на армии центра, — сдерживать противника. 30-го августа арьергарды 4-й армии должны оставаться на месте. На меня возложено прикрытие ее левого фланга.

Между тем 29-го днем 9-й корпус — левофланговое соединение армейской группы — был отброшен противником к юго-востоку от шоссе из Мезьер в Ретэль. Лишенные прикрытия мосты в Ретэле находятся под ударом противника, а это является грозной опасностью, потому что 42-я пехотная дивизия еще не готова для действий в этом направлении. Если положение не будет восстановлено, 4-я армия может оказаться в чрезвычайно опасном положении. С целью предотвратить эту опасность, я намереваюсь первым делом снова овладеть высотами к северу от р. Эны между Атиньи и Ретэль и расположить на них армейскую группу, чтобы 30-го августа преградить противнику дороги из Мезьер на Ретэль и Атиньи. Я немедленно отдаю соответствующие распоряжения.

Но утром 30-го августа я узнаю на своем командном пункте в мэрии Атиньи, что вследствие задержек при передаче или вследствие давления противника мои распоряжения не могли быть выполнены. Это свидетельствует о некотором расстройстве в системе управления войсками и в то же время об энергичном преследовании, ведущемся противником.

К тому же последний вскоре предпринимает на обоих флангах армейской группы очень сильные охватывающие атаки, успех которых заставляет меня отдать в 16 ч. 30 м. приказ об отходе всех моих войск к югу от р. Эны, между Ретэлем и Атиньи.

АРМ. ГРУППА ФОША
ОТСТУПЛЕНИЕ
(30.8-5,9 1914 г.)
Фронты группы в 18 ч.
Масштаб
5 0 5 10 15 20 км
Арм. группа Фоша
Мезьер
Маас
Седан
Новьон Порсьен
Лаон
Эна
Ретэль
Атиньи
4 А
30-31.8
30.8
31.8
Руази
Гиньикур
Нешатель
Ретурн
Кулом
Бюзанси
Вузье
5 А
42ПД
9 АК
11 АК
Сюип
Жюнивиль
Виллар
1.9
9КД
Бримон
Френ
Сен-Этьен-д'Арн
Монтуа
Фим
С. Тьери
Беррю
2.9
Бетэнвиль
Сешо
Ножан л'Абесс
Бен
Моронвилье
Сен-Супле
Сомм-Пи
РЕЙМС
Силлери
Вель
3.9
Верзенэ
Сюип
Сом-Турбо
Дорман
Тур-сюр-Марн
Кондэ
Кюперли
С. Менеульд
Эперне
Марна
4.9
ШАЛОН
Муавр
Мениль
Покансн
Монмор
Вертю
Сомм
Шанпобер
Этож
Бержер
Конжи
Тулон-ля-Монтань
Куазар
Онэ-о-Пл.
Витри-ля-Вильо
Пти Морен
Морен-ле-П
Лент
Бачн
Экюри
Суд
Ленарре
5.9
42ПДУа
Альман
Эссар-лэ
Фер-Шампенуаз
Сезан
Конантр
Соммсу
Витри-ле-Франсуа
Судэ-Сен-Круа
Сермез
Плер
Майи
Сонпюи
С. Дизье
Об
Планси
Арси-сюр-Об.

Схема 4

Несмотря на утомление войск, это движение выполняется без особых затруднений.

Оказалось, что в то время как французская 4-я армия, атакованная и задержанная в предыдущие дни в своем движении через Арденны 4-й германской армией, начала отход на левый берег Мааса, а затем остановилась, пытаясь воспрепятствовать переправе противника через эту реку, она была охвачена и обойдена другой германской армией — 3-й, которая, переправившись через Маас у Динана, 28-го августа атаковала ее левый фланг под Синьи-л'Абэи.

Кроме того, за последние несколько дней увеличился разрыв между французской 4-й армией и 5-й армией, маневрирующей слева от нее и отходящей за Уазу. 29-го августа этот интервал достигал 30—40 *км*. Поэтому германская 3-я армия не встретила никаких препятствий при своем продвижении и, проявляя бесспорную активность, начала широко охватывать левый фланг нашей 4-й армии.

Эту-то опасность и должна была устранить моя армейская группа. Но, теснимая правым крылом германской 4-й армии, двигающимся от Мезьер, и упрежденная в Новьон—Порсьен сильными отрядами 3-й армии, армейская группа могла оказаться отрезанной от р. Эны в Ретэле.

В разгар этих трудностей мне пришлось днем 30-го августа принять командование и формировать армейскую группу под артиллерийским огнем противника. Вечером ей удалось переправиться через р. Эну без всякого беспорядка, но не без напряжения. С этой минуты она уже находилась в благоприятных условиях для прикрытия левого фланга 4-й армии. Однако отделенная интервалом в несколько десятков километров от нашей 5-й армии, дошедшей до Уазы, она все еще могла опасаться охвата и обхода своего левого фланга.

Другой моей заботой было восстановить в армейской группе порядок и спайку. Полки потеряли в боях значительную часть своих офицеров; приходилось восстанавливать управление войсками, прежде всего в части, касающейся управления ротами. Доблестные бойцы, особенно бретонцы 11-го корпуса, бродили наугад, неспособные ни к каким боевым действиям из-за отсутствия управления ими.

Кроме того, резервные дивизии, внезапно брошенные в сражение, обнаружили недостаток стойкости, объясняющийся тем, что они были только что сформированы. Я решил перевести их в резерв и тем избавить от волнений,

неизбежных в первой линии. В резерве, под тщательным надзором на марше и во время расквартирования они превратятся в хорошо дисциплинированные воинские части. Перевод их в резерв также был необходим для снабжения продовольствием и предметами боевого питания. Благодаря дисциплине, порядку, регулярному материальному обеспечению в войсках должны были постепенно выработаться спайка и сознание силы, а у начальников — навыки командования и авторитет.

Одновременно я с той же целью принял в отношении всех войск меры для регулирования движения колонн, обозов и транспортов, а также для розыска и сбора всеми способами людей, отставших и отбившихся от своих частей. Уже 30-го августа я предложил командирам подчиненных мне армейских корпусов и резервных дивизий немедленно произвести в населенных пунктах, находящихся в их тылу, розыски этих людей жандармерией, кавалерийскими взводами или хорошо дисциплинированными командами, собрать их и скорейшим образом направить по своим частям.

* * *

Командующий 4-й армией, выполняя намерение разбить силы противника, переправившиеся через Маас ниже Стэнэ, рассчитывает 31-го августа перейти своими главными силами в наступление в северном направлении при поддержке 3-й армии справа.

Наученный событиями, происшедшими накануне, я пожелал избавить группу от давления противника и от охвата. Вместе с тем я должен был продолжать прикрывать левый фланг 4-й армии. Я решаю отойти к югу от р. Ретурн. Фронт группы будет продолжен влево 42-й пехотной дивизией, которая должна возможно скорее влиться в боевую линию. В направлении на р. Эну она будет прикрыта 9-й кавалерийской дивизией.

Утром 31-го августа я устраиваю свой командный пункт в Бетэнивиле. Здесь я узнаю, что ночью в частях 52-й и 60-й резервных дивизий имел место некоторый беспорядок вследствие прибытия людей, отбившихся от своих частей, и неизбежной при этом путаницы. Я решаю немедля отвести эти дивизии за р. Сюип, чтобы восстановить в них порядок и управление.

В течение утра противник не нажимает на нас. Эта передышка и быстрый сбор моей группы в долине р. Ретурн

позволяют мне организовать некоторое сопротивление на рубеже р. Ретурн.

После полудня три германские дивизии располагаются на южном берегу р. Эны, не тревожа наших передовых частей.

Однако несмотря на спокойствие на своем фронте, армейская группа все же остается под угрозой охвата ее левого фланга, где еще не удалось установить связь с 5-й армией. На правом фланге ей также грозит отрыв от 4-й армии, если последняя слишком долго задержится на восточном берегу р. Эны.

Главнокомандующий, отдавая себе отчет в трудностях, которые это могло бы вызвать, в 18 ч. 15 м. телефонирует командующему 4-й армией:

«Желаю узнать личное мнение генерала Фоша относительно обстановки в том виде, в каком она представляется ему в результате расположения и действий противника перед его фронтом. Может ли он выдержать удар и надеяться на успех? Передайте ему настоящую телефонограмму с просьбой немедленно ответить».

Получив сообщение об этой телефонограмме около 19 ч. 30 м., я отправился в Монтуа, в штаб 4-й армии, чтобы передать главнокомандующему свое мнение по поставленному вопросу. Мой ответ был сформулирован следующим образом:

«Армейской группе трудно будет продержаться два, а тем более три дня против уже установленных двух корпусов противника, которые могут еще усилиться, по следующим причинам:

1) ввиду конфигурации местности в Шампани, очень легко проходимой, не имеющей хороших опорных пунктов, с наличием проходимых рощ и лишенной серьезных водных преград;

2) ввиду слабости артиллерии 9-го корпуса;

3) ввиду усталости войск.

Она смогла бы выдержать бои только в сочетании с отступательным маневром на такую глубину, которая несомненно поставила бы под угрозу безопасность 4-й армии».

Главнокомандующий, согласившись с этой точкой зрения, отдает 4-й армии приказ отойти под прикрытием армейской группы. Он добавляет:

«Этот отход является подготовкой к последующим операциям; необходимо, чтобы все это знали и не думали, что это вынужденное отступление...»

Поэтому я решаю, что для выполнения своей задачи моя

армейская группа должна в течение 1-го сентября стойко держаться на рубеже р. Ретурн, а на линии Арн, Сюип резервные дивизии устроят тыловую позицию.

Утро 1-го сентября проходит относительно спокойно. Противник еще не предпринимает серьезных атак, когда от командующего 4-й армией поступает сообщение о том, что, согласно распоряжениям, полученным от главного командования, его армия, переправившись через р. Эну, будет продолжать отход.

Чтобы сообразоваться с этим движением, я приказываю армейской группе отойти к концу дня к югу от линии рр. Арн и Сюип, а резервным дивизиям — к югу от линии Бен, Моронвилье. 9-я кавалерийская дивизия должна попрежнему прикрывать левый фланг армейской группы, прилагая все силы к тому, чтобы задерживать продвижение сил противника, которые переправились бы через р. Эну в районе Нёшатель.

Когда этот приказ попадает к частям первой линии, на р. Ретурн уже завязался бой. Тем не менее отрыв от противника совершается без больших затруднений под прикрытием сильных арьергардов. Ночью армейская группа занимает свои новые позиции.

По словам захваченных пленных, силы противника на фронте армейской группы состоят из 11-го и 8-го прусских армейских корпусов и 19-го и 12-го саксонских резервных корпусов, образующих 3-ю армию под командой ген. ф. Хаузена.

Мой штаб переезжает в Силлери.

Так как 2-го сентября 4-я армия ограничивается тем, что собирает и приводит в порядок свои части в тылу линии Сешо, Сомм-Пи, армейская группа совершает лишь незначительные передвижения для отвода своих главных сил к югу от линии Моронвилье, Реймс. Она устанавливает влево связь с 5-й армией, занимающей форт Сен-Тьери. Она держит связь с комендантами фортов Беррю, Френ и Бримон к северу от Реймса, чтобы в случае необходимости иметь возможность занять эти укрепления полевыми войсками и полевой артиллерией. 9-я кавалерийская дивизия, присутствие которой на западе стало бесполезным, переводится на восток для обеспечения связи с 4-й армией.

Каждый истекший день позволял мне поближе познакомиться с моими войсками и понять их моральное состояние,

Я не присутствовал при боях, в которых они принимали участие в Бельгии. Я начинал понимать впечатления, которые они вынесли из этих столкновений.

В 9-м корпусе Марокканская дивизия [1] в течение нескольких дней вела особенно тяжелые бои. Она понесла в них чувствительные потери и нуждалась, главным образом, в доукомплектовании. Она попрежнему отличалась превосходным боевым духом. 17-я дивизия [2] пострадала меньше.

В 11-м корпусе у солдат все еще были живы тяжелые впечатления, особенно о бое под Мессеном. На поле сражения осталось много офицеров. Бретонские части все время требовали, чтобы им поскорее дали командиров, которые снова повели бы их в бой.

42-я дивизия, имевшая очень энергичного командира, к тому же только что прибывшая и не прошедшая через такие тяжелые испытания, находилась в хорошем состоянии.

Резервные дивизии, немедленно брошенные в трудные и напряженные бои, продолжавшиеся несколько дней, сильно пострадали. На них отрицательно сказывались также неопытность или преклонный возраст части их офицеров. Необходимо было поднять их моральное состояние, а также произвести некоторые перемены в командовании.

За последние дни планомерного отхода мы не только избежали охвата со стороны противника, но и приступили к восстановлению порядка в войсках и укреплению дисциплины. Получив подкрепления, мы постарались привести в порядок и восстановить резервные дивизии, держа их вдали от первой линии с ее тяжелыми переживаниями. Кроме того, тактическая обстановка значительно улучшилась благодаря восстановлению прочного и непрерывного фронта, благодаря обеспеченной теперь связи влево с 5-й армией, как и вправо с 4-й. Отсюда вытекало общее чувство уверенности. Хотя все были очень утомлены тяжелыми испытаниями, бессонными ночами и маршами или просто всегда морально удручающим отступлением, однако уже можно было предвидеть, что через несколько дней мы сможем выполнить правильно рассчитанный поворот на 180°, снова бросить ставшие боеспособными войска вперед и попытать военное счастье с серьезными данными на успех.

---

[1] Ген. Энбер.
[2] Ген. Гиньябодэ

Вот в каких условиях мы находились в начале сентября.

Зато надежды на общее возобновление наступления около 2-го сентября, которые мы питали, были разрушены.

* * *

1-го сентября главнокомандующий отдал командующим армиями следующую директиву:

«Несмотря на тактические успехи, достигнутые 3-й, 4-й и 5-й армиями в районах р. Маас и Гиза, предпринятый противником охват левого фланга 5-й армии, недостаточно задержанный английскими войсками и 6-й армией, вынуждает всю нашу группировку отходить, имея осью захождения свой правый фланг.

Как только 5-я армия выйдет из-под угрозы охвата ее слева, 3-я, 4-я и 5-я армии совместно перейдут в наступление.

Этот отход может выразиться в том, что армиям придется в течение еще некоторого времени отступать в общем направлении с севера на юг.

5-я армия на отходящем фланге ни в коем случае не должна позволить противнику сковать ее левый фланг. Остальные армии, движение которых не требует такой спешности, могут останавливаться, обращаться фронтом к противнику и пользоваться всяким удобным случаем для нанесения ему поражения».

Далее директива указывала намеченный предел отступательного движения, причем это указание вовсе не означало, что этот предел обязательно должен быть достигнут. Для 4-й армии этим рубежом были рр. Орнэн и Об в районе Арси-сюр-Об.

Таким образом, 1-го сентября главнокомандующий еще считал необходимым продолжать отступление. Нам оставалось только действовать в соответствии с этим и воспользоваться полученной передышкой для еще лучшей боевой подготовки войск.

В последующие дни отступательное движение в южном направлении совершается без помехи со стороны противника.

К концу дня 3-го сентября части армейской группы эшелонированы между Марной и р. Вель, а штаб ее находится в Тур-сюр-Марн. 4-го ее главные силы находятся по обе стороны магистрального шоссе Шалон, Бержер, Этож, а ее штаб — в Фер-Шампенуаз.

Утром движение войск и транспортов было сильно задержано загромождающими дороги колоннами беженцев, пополняемыми по мере нашего отхода жителями оставляемых районов. Во избежание подобных случаев в будущем и, кроме того, для обеспечения снабжения войск я при проезде через Вертю около 12 час. приказываю, чтобы на фронте движения армейской группы беженцы не допускались на тыловые дороги, кроме промежутка времени с 15 до 24 час., когда им разрешается пользоваться дорогами.

С 5-го сентября армейская группа, получив службы, положенные по штатам армии, отсутствие которых ставило ее до сих пор в зависимость от 4-й армии, преобразована в самостоятельную 9-ю армию. Она усиливается 18-й пехотной дивизией [1] (9-го армейского корпуса), временно остававшейся с 20-го августа в Лотарингии.

Движение, намеченное для 9-й армии на 5-е сентября, должно было привести ее арьергарды в район линии Соммсу, Фер-Шампенуаз, Сезан.

* * *

Но утром из ставки главнокомандующего были получены новые распоряжения.

Общее отступление прекращается, возобновляется наступление.

Главнокомандующий пишет:

«Следует воспользоваться рискованным положением германской 1-й армии, чтобы сосредоточить на ней усилия левофланговых союзных армий.

5-го сентября принять все меры к тому, чтобы 6-го перейти в наступление.

К вечеру 5-го сентября намечено создать следующую группировку:

. . . . . .

в) 5-й армии, несколько стянувшись к своему левому флангу, расположиться на фронте Куртакон, Эстернэ, Сезан и быть готовой к переходу в наступление в общем направлении с юга на север;

г) 9-й армии (генерала Фоша) прикрывать правый фланг 5-й армии, удерживая южные выходы из Сен-Гондских болот и выдвинув часть своих сил на плато к северу от Сезан.

---

[1] Ген. Лефевр.

Этим армиям перейти в наступление 6-го сентября с утра».

Эту директиву я получаю в ночь с 4-го на 5-е сентября. Теперь я должен как можно скорее остановить намеченный на 5-е отступательный марш 9-й армии. Нельзя допустить, чтобы колонны, продвинувшись далеко на юг, вышли из района, который нам выгодно было занять для сражения.

Поэтому 5-го сентября в 5 час. я приказываю:

«11-му армейскому корпусу, установив влево связь с 9-м армейским корпусом, арьергарды которого будут находиться на линии Онэ-о-Плянш, Морен-ле-Пти, Экюри, остановить главные силы своих колонн к югу от р. Сомм.

9-му армейскому корпусу ограничить свое движение так, чтобы ни одна строевая часть не перешла к югу за линию Конантр, Эви.

Свои арьергарды оставить на линии Онэ-о-Плянш, Морен-ле-Пти, Экюри.

42-й пехотной дивизии остановиться так, чтобы ни одна из строевых частей не оказалась к югу от линии Альман, Фер-Шампенуаз.

Дивизии удерживать выходы из Сен-Гондских болот между Банн и Уа.

52-ю и 60-ю резервные дивизии, приданные, соответственно, 9-му и 11-му армейским корпусам, держать в тылу.

9-й кавалерийской дивизии прикрывать справа группировку армии, фронт которой будет пролегать примерно по линии Сен-Гондских болот и участку р. Сомм между Экюри и Соммсу».

Если бы отступательное движение, намеченное на 5-е сентября, было проведено полностью, то 6-го 9-я армия оказалась бы в неблагоприятном положении для завязки сражения, так как имела бы только авангарды в Соммсу, Фер-Шампенуаз и Сезане и оставила бы противнику те немногие естественные преграды, которыми она располагала в Шампани в виде р. Сомм, Сен-Гондских болот и примыкающего к ним лесистого района. Даже если бы она оказалась выдвинутой вперед по отношению к соседним армиям — 4-й справа и 5-й слева, важнее всего было возможно прочнее уцепиться за эту местность, еще имеющую естественные преграды, а следовательно, остановить ее главные силы вблизи этих преград: р. Сомм, Сен-Гондских болот и лесистого района западнее. Эту цель и преследовали распоряжения, отданные мною

5-го сентября в 5 час. Они немедленно были доставлены в армейские корпуса и дивизии офицерами — делегатами связи.

Затем надо было дополнить вышеуказанные распоряжения и подготовиться к завтрашнему сражению, приняв в частности такие меры, которые позволили бы во исполнение директивы главнокомандующего действительным образом поддержать успешное наступление 5-й армии. При наступлении к северу от Сезана эта армия могла оказаться в тяжелом положении, если бы попала под огонь артиллерии противника с высот к северу от Сен-Гондских болот. Следовательно, надо было сохранить эти высоты в наших руках. Поэтому в 9 ч. 30 м. я приказал:

«Для прикрытия правого фланга 5-й армии, 10-й армейский корпус которой будет наступать завтра в общем направлении на Сезан, Монмирай и западнее, приказываю:

42-й пехотной дивизии удержать сегодня вечером сильным авангардом фронт Вильнев-лэ-Шарлевиль, Суази-о-Буа и выбрать свои районы расквартирования так, чтобы завтра быть в состоянии действовать в направлении на Вильнев-лэ-Шарлевиль, Вошан (авангард 10-го армейского корпуса будет сегодня вечером в Эссар-лэ-Сезан).

9-му армейскому корпусу занять подобным же образом Конжи и Тулон-ля-Монтань и выбрать свои районы так, чтобы завтра иметь возможность наступать через Бэ и Этож...»

Отдав эти распоряжения утром в Фер-Шампенуаз и повидавшись там с командиром 9-го армейского корпуса, я переехал со своим штабом в Планси.

Теперь надо было подготовить и организовать сражение, намеченное для 9-й армии директивой главнокомандующего на 6-е число.

Я с 9-й армией должен был прикрывать правый фланг брошенной в наступление 5-й армии, а для этого удерживать южные выходы из Сен-Гондских болот, а также выдвинуть часть своих сил на Сезанское плато.

* * *

Местность, на которой 9-й армии предстояло вести бой, имеет некоторые характерные особенности.

Прежде всего на ней находится естественная преграда длиной в 16 *км*; это — Сен-Гондские болота, растянувшиеся

с востока на запад. Ширина болот от 1 до 4 *км*. Вне дорог они непроходимы. Имеются четыре дороги, пересекающие их с севера на юг.

На северном краю местность круто и сильно поднимается, возвышаясь над болотом на 150 *м* в Конжи и на 100 *м* в Тулон-ля-Монтань.

На южном краю местность поднимается незначительно и гораздо более отлого, кроме горы Август, возвышающейся, как одинокий часовой, и у западной оконечности болота в районе Мондеман и Альман. Там находится Сезанское плато, перегораживающее равнину Шампани с юга на север, возвышающееся над ней примерно на 80 *м* и замыкающее западную оконечность Сен-Гондских болот, оставляя для выхода их вод лишь узкую долину р. Пти-Морен. Это — сильно пересеченный район, покрытый большими рощами, с ограниченным обзором, за исключением селения Мондеман, представляющего собой удобный для обороны редюит и наблюдательный пункт.

Зато вся местность, охватывающая восточную оконечность болот, расстилается перед глазами вдаль со всеми хорошо известными особенностями «Вшивой Шампани» — обширными меловыми равнинами, слегка волнистыми, с широкими горизонтами, очень легко проходимая, с жиденькими посевами, главным образом овса, с рощами из редко стоящих невысоких елей, с почти высохшими ручьями, с деревянными селениями, которым суждено было пылать ярким пламенем от огня артиллерии. В общем местность, лишенная препятствий и опорных пунктов для войск, а следовательно, мало благоприятная для обороны, которую нам придется на ней вести. Рубеж, образуемый речками Сомм и Суд, который, главным образом, и должен послужить опорой для нашей оборонительной тактики, не искупает вышеуказанной слабости. Город Фер-Шампенуаз, благодаря своей значительной площади и прочности своих построек являющийся более солидным центром сопротивления, чем другие населенные пункты этого района, все же легко может быть атакован наступающим противником. За неимением лучшего нам приходится довольствоваться этими ненадежными местными препятствиями.

В итоге, для выполнения своей задачи по прикрытию 5-й армии 9-я армия располагает удобной для обороны местностью в центре своего фронта, в районе Сен-Гондских болот. Я назначаю туда возможно меньшие силы — только часть 9-го корпуса на фронте протяжением около 15 *км* от Уа до Банн.

Ее левый фланг должен поддерживать и облегчать наступление 5-й армии. Он будет образован 42-й пехотной дивизией, авангардами, которые 9-й корпус должен был, согласно моему приказу, отданному в 9 ч. 30 м., выдвинуть как можно раньше на высоты к северу от болот, и резервами, которые этот корпус обязан выделить для действий по дороге в Шанпобер.

Зато на восточном участке фронта местность, как мы видели, неблагоприятна для обороны. Мне приходится назначать туда крупные силы. Там будет действовать весь 11-й корпус. Ему придется удерживать фронт от Морен-ле-Птит до Ленаррэ, прежде всего заняв оборонительное расположение на линии р. Сомм.

Такова была общая группировка моей армии на фронте более 35 *км*.

Сделав все эти распоряжения, я продолжал испытывать немалое беспокойство за свой правый фланг, остановившийся в Ленаррэ и не имевший связи с 4-й армией, левый фланг которой находился в Витри-ле-Франсуа.

От Ленаррэ до Витри-ле-Франсуа простиралась на 36 *км* очень легко проходимая равнина Шампани. 9-я кавалерийская дивизия, — единственное остававшееся свободным соединение, — очевидно, могла только наблюдать за этим обширным пространством и сдерживать там движение крупных сил противника, но остановить их она бы не смогла. Это было пространство, открытое для действий противника, пространство, по которому он мог бы продвинуться, охватить и окружить мой правый фланг.

К тому же французская 4-я армия в тот же вечер известила меня, «что так как она должна действовать совместно с 3-й армией, она не сможет поддержать правый фланг 9-й армии в случае продвижения сил противника из Шалона в направлении на Арси». Разрыв между нашими двумя армиями должен был остаться зияющим.

Никто не скрывал от себя трудностей операции, которую мы предпринимали при еще не вполне выясненной обстановке. Решался вопрос о спасении родины. К какому напряжению оказались способными все — командиры и солдаты! Какое единодушие они проявили, выполняя каждый свою частную задачу, чтобы обеспечить завершение обширной операции, успех всего целого!

Глава вторая

Сражение на Марне

Переночевав в Планси, я с утра 6-го сентября устраиваю свой командный пункт в Плере.

По моему приказу боевое охранение на северном краю болот было выставлено 17-й дивизией в Тулон-ля-Монтань и в Вер-ля-Гравель. Но Марокканская дивизия, которая должна была занять Конжи, не смогла овладеть этим населенным пунктом, уже занятым противником. Когда она в 3 часа утра снова предприняла бригадой ген. Блонля атаку Конжи, противник уже основательно там окопался. Бригада не смогла продвинуться ни на шаг вперед. Оказалось, что на сцену выступили силы, не принадлежащие армии, которая нас преследовала, а другой германской армии. 2-я армия противника, быстро двигавшаяся вслед за французской 5-й армией, накануне, в полдень, вышла на линию Монмирай, Вертю. Быстрота ее продвижения позволила ей захватить некоторые пункты, которые я рассчитывал занять, в частности Конжи. Но, кроме того, с утра 6-го сентября эта армия начала мощно организованное наступление, которому ее сильная артиллерия придавала особую стремительность. Первый удар германской 2-й армии пришелся по моей 9-й армии.

После своей неудачи под Конжи бригада Блонля пытается удержаться на северном краю болот. Но стремительное наступление противника и мощь его артиллерии вскоре вынуждают ее отойти и в конце концов перейти на южную сторону.

Более счастливый 135-й пехотный полк 17-й дивизии занял Тулон-ля-Монтань. Однако вскоре после того как его левый фланг оказался обнаженным в результате отхода бригады Блонля, он был стремительно атакован и также отброшен на юг от болот.

Тщетно на Тулон бросают 77-й полк. Попав под сильный заградительный огонь артиллерии, он вскоре наталкивается на уже прочно закрепившегося противника. Его положение быстро становится критическим, и ему удается выйти из этого положения только отходом на Банн.

К концу утра 9-й корпус лишен всякой возможности действий к северу от болот. При таких условиях я в полдень возвращаю его к выполнению его основной задачи, послав ему следующие указания:

«Необходимо, чтобы 9-й корпус перешел сегодня вечером к обороне и занял прочную оборонительную позицию, которая задержала бы всякое продвижение противника на его фронте в южном направлении.

Корпус должен также поддерживать прочную, безусловную, ненарушимую связь с 42-й дивизией и с 11-м корпусом.

Расход и использование войск должны быть рассчитаны так, чтобы безоговорочно добиться вышеуказанных результатов.

Пусть 9-й корпус примет все меры к тому, чтобы удержаться на южном краю Сен-Гондских болот, несмотря на артиллерийский обстрел, которого можно ожидать вечером с высот у Тулона и Конжи».

Вследствие этого 9-й корпус располагается к югу от болот, не будучи, однако, в состоянии помешать противнику, продолжающему до вечера сильные атаки, подойти к Банн. Противник перебрасывает через болота значительные силы, преимущественно гвардейские части, но, взятый под меткий огонь батарей 17-й дивизии, не может продвинуться дальше. Наша энергично управляемая полевая 75-*мм* артиллерия в течение нескольких дней и до конца сражения отбивает все его попытки в этом районе.

Итак, к наступлению темноты немцы находятся на южном краю болот; напротив них окопались 17-я и Марокканская дивизии. 52-я резервная дивизия[1] находится во второй линии в районе горы Август, Фер-Шампенуаз, держа под огнем выходы из болот.

В то время как эти события разыгрываются в центре, левый и правый фланги 9-й армии втянуты в не менее сильные бои.

На левом фланге 42-я дивизия расположилась 5-го после полудня в районе Мондеман и выдвинула боевое охранение на линию Вильнев-лэ-Шарлевиль, Суази-о-Буа, Сен-При, которую пришлось занимать с боем.

6-го, в первые же часы после рассвета, разведывательные дозоры донесли, что значительные силы противника занимают район Бэ, Сен-При, Корфеликс. Вскоре вступает в дело его артиллерия. Она обстреливает плоскую возвышенность Вильнев и рощу Гранд-Гарен, которую 162-й полк занимает около 8 час. Затем немцы переходят в наступление на всем фронте 42-й дивизии.

Весь день идут ожесточенные бои за рощу Бранль и за

[1] Ген. Баттести.

Вильнев; эта деревня три раза переходит из рук в руки. К вечеру 10-й армейский корпус, правофланговый корпус 5-й армии, овладевает Шарлевилем, устраняет давление на левый фланг 42-й дивизии и позволяет ей захватить Вильнев.

На правом фланге эта дивизия втянулась в не менее ожесточенный бой. Отразив несколько германских атак на рощу Гранд-Гарен, 162-й полк к 11 час. выбивается из нее. Понеся большие потери, он отходит на северную опушку леса Сен-Гонд, оборону которого и берет на себя.

Чтобы восстановить положение в этом направлении, командир 9-го корпуса ген. Дюбуа приказывает Марокканской дивизии немедленно атаковать Сен-При. Проведение этой атаки возложено на два стрелковых батальона. Эти батальоны в связи с 162-м полком под сильнейшим огнем артиллерии противника овладевают фермой Монталяр, но дальше продвинуться не могут.

К 18 ч. 30 м. бой на фронте 42-й дивизии стихает. Ценой серьезных потерь эта дивизия благодаря своему героическому сопротивлению отбила все повторные мощные атаки противника. К наступлению темноты она удерживает свой фронт.

На правом фланге армии 11-му корпусу также приходится иметь дело с крупными силами противника.

Расположенный на р. Сомм от Морен-ле-Пти до Ленаррэ, а позднее до Оссимона, он получил важную задачу по обеспечению армии. Он должен прикрывать правый фланг армии, особенно против германских сил, наступающих из района Шалона.

Его 21-я[1] и 22-я[2] дивизии расположились по берегу реки, одна между Морен-ле-Пти и Нормэ, другая от Нормэ вверх по течению. 60-я резервная дивизия[3] находится во второй линии, в районе Монтепрё, Семуан, Эрбис.

С самого утра противник устанавливает соприкосновение с оборонительной линией на р. Сомм и подготовляет ее атаку. В 10 час. в районе Морен, Экюри раздается чрезвычайно сильная канонада, постепенно распространяющаяся к югу. В 11 час. весь фронт 11-го корпуса подвергается интенсивному обстрелу.

К полудню немцы начинают пехотные атаки. Они овладевают Нормэ и Экюри. Защитники Морена, чувствуя себя изо-

[1] Ген. Радигэ.
[2] Ген. Пакбэ.
[3] Ген. Жаппэ.

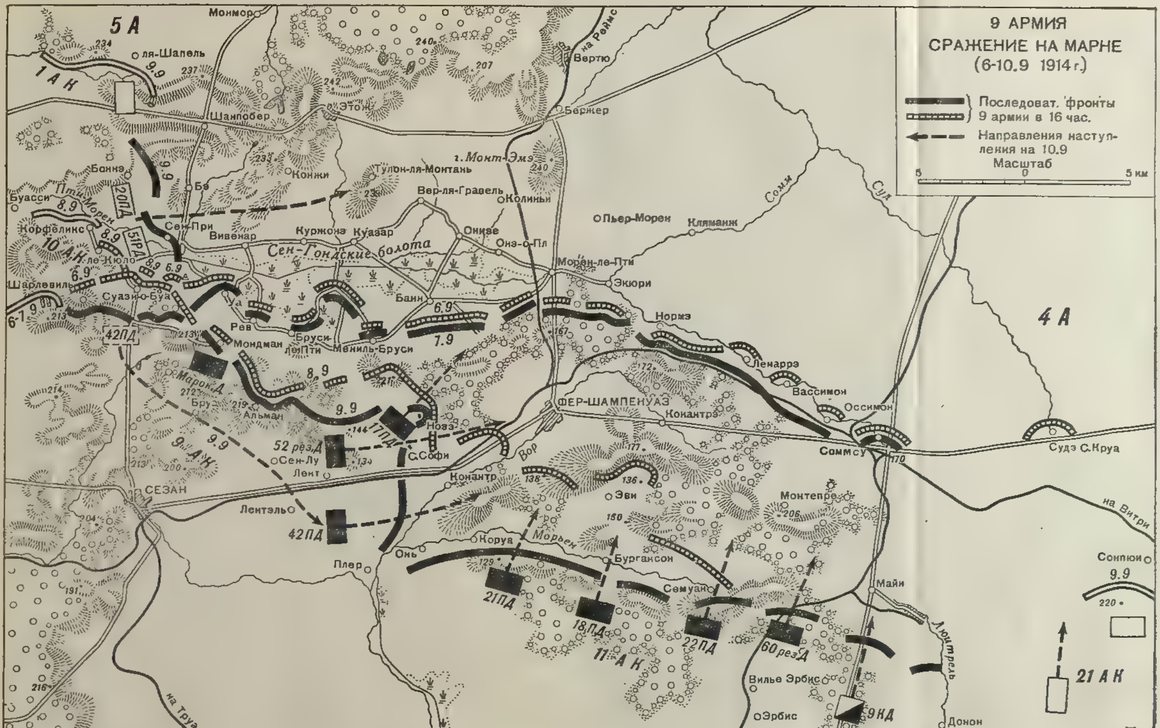

9 АРМИЯ
СРАЖЕНИЕ НА МАРНЕ
(6-10.9 1914 г.)
Последоват. фронты
9 армии в 16 час.
Направления наступления на 10.9
Масштаб
5
0
5 км
5 А
4 А
1 А К
10 А К
9 А К
11 А К
21 А К
20 П Д
51 Р Д
42 П Д
Марок. Д
52 рез. Д
17 П Д
21 П Д
18 П Д
22 П Д
60 рез. Д
9 К Д
Монмор
ля-Шапель
Шанпобер
Этож
Вертю
на Реймс
Бержер
г. Монт-Эмэ
Бонне
Бэ
Конжи
Тулон-ля-Монтань
Вер-ля-Гравель
Колиньи
Буасси
Пти-Морен
Корфелинкс
Сен-При
Вивенар
Куржона
Куазар
Ониве
Онэ-о-Пл
Сен-Гондские болота
ле-Кюло
Шарлевиль
Суази-о-Буа
Уа
Рев
Бруси-ле-Пти
Мениль-Бруси
Банн
Мондман
Бру
Альман
Нозэ
С. Софи
Сен-Лу
Лент
СЕЗАН
Лентэль
Плер
Онь
Коруа
Морьен
Конантр
Вор
ФЕР-ШАМПЕНУАЗ
Конантрэ
Морен-ле-Пти
Экюри
Пьер-Морен
Кляманж
Сомм
Суд
Нормэ
Ленаррэ
Вассимон
Оссимон
Соммсу
Судэ С. Круа
Эви
Бургаксон
Семуан
Монтепре
на Витри
Сонпюи
Майи
Люитрель
Вилье Эрбис
Эрбис
Донон
на Труа
6.9
7.9
8.9
9.9

Схема 5

лированными и угрожаемые обходом, теряют этот населенный пункт.

Направо Вассимон и Оссимон переходят в руки противника. В 17 час. линия Сомм потеряна, кроме пункта Ленаррэ. Командир 11-го корпуса приказывает снова овладеть этой линией, начав общее наступление.

Вассимон и Оссимон отбиты у противника, но на левом фланге выдохшаяся 21-я дивизия уже не в силах возобновить атаку. Нормэ, Экюри и Морен остаются в руках противника. С этой стороны мы ограничиваемся тем, что препятствуем его выходу из указанных селений.

В итоге за первый день сражения 9-я армия подверглась на всем своем фронте жестоким атакам, развитие которых облегчалось открытой местностью на востоке. Несмотря на это, на левом фланге связь с 5-й армией осталась вполне обеспеченной. Усилия противника в общем разбились о стойкое сопротивление 42-й дивизии. В центре 9-й корпус потерял передовые позиции к северу от болот, но прочно удерживает линию сопротивления к югу от них. На правом фланге 11-й корпус несколько подался назад, и его положение тем более требует внимания, что на местности имеется мало естественных препятствий и опорных пунктов, а правый фланг корпуса висит в воздухе. Чтобы улучшить это положение, в распоряжение командира корпуса предоставляется 18-я дивизия, собранная немедленно после выгрузки в районе Семуан, Вилье-Эрбис. Это серьезное подкрепление может позволить корпусу не только восстановить положение, но и выполнить наступательную задачу, которую я хотел возложить на него на следующий день. Что же касается 9-й кавалерийской дивизии, то к вечеру ей пришлось отойти на Майи.

День был тяжелый, но 9-я армия выполнила свою задачу. Она подверглась сильнейшему наступлению противника: против нее действовала значительная часть германской 2-й армии, а именно — 10-й корпус в районе Сен-При и гвардейский корпус в Банн, Морен-ле-Пти и Нормэ. На р. Сомм от Нормэ, Ленаррэ до Соммсу на нее был направлен удар правофланговой группы германской 3-й армии, левый фланг которой мешал ее связи с французской 4-й армией.

К счастью, с других участков фронта поступают очень утешительные известия. Еще в 13 ч. 30 м. 10-й корпус 5-й армии сообщил, что перед фронтом этой армии противника уже нет и что немцы отходят на Монмирай. К вечеру мы узнаем, что

остальные корпуса 5-й армии успешно ведут наступление и что 6-я армия завязала к западу от р. Урк сражение, которое до сих пор развивается успешно.

* * *

Поддержать продвижение 5-й армии, оказав ей помощь наступлением к западу от болот, а во всяком случае любой ценой остановить противника в Шампани на равнинах вокруг Фер-Шампенуаз, Соммсу, Сонпюи, чтобы тем прикрыть правый фланг наших западных армий, брошенных в наступление; обеспечивать также связь с нашими восточными армиями, из которых левофланговая — 4-я армия — опиралась на Витри-ле-Франсуа, — такова требующая самоотверженности и жертв задача, которую я предвижу для своей армии на 7-е сентября. Поэтому, вернувшись в свой штаб в Планси, я приказываю в течение 7-го сентября во что бы то ни стало обороняться на занимаемом ныне фронте: 9-му корпусу — на южном краю Сен-Гондских болот, 11-му корпусу — в Морен-ле-Пти и в долине р. Сомм от Экюри-ле-Репо до Оссимона. На левом фланге армии 42-я дивизия будет вести наступление в связи с 10-м корпусом в том же порядке, что и накануне. На правом фланге 11-й корпус должен, овладев высотами к югу от Кляманж и деревней Кляманж, наступать в направлении на Пьер-Морен, Колиньи, Монт-Эмэ, причем 9-й корпус будет готов поддержать его, выдвинувшись на Онизё и Вер-ля-Гравель.

18-я дивизия сначала останется в армейском резерве в районе Эви.

9-я кавалерийская дивизия будет прикрывать правый фланг 9-й армии, наблюдая за направлениями на Витри и Шалон. Она должна связаться посредством отряда, выделенного в лагерь Майи, с левым флангом 4-й армии.

Очевидно, что с этой стороны грозит наибольшая опасность. 4-я армия ведет ожесточенное оборонительное сражение. Между ее левым флангом и правым флангом 9-й армии попрежнему зияет разрыв в 30 *км*. Ген. де-Лангль извещает меня, что этот интервал может быть несколько сокращен только 8-го числа, когда на фронт прибудет новый армейский корпус — 21-й [1]. Какие неожиданности предстоят нам до того

[1] Ген. Легран.

времени? При таких условиях ясно, что 9-й армии необходимо любой ценой удержаться в своем расположении, хотя обстановка на ее фронте является крайне напряженной. Это потребует от всех исполнителей энергии и активности. Я обращаюсь к ним с настоятельным призывом «расширить и прочно закрепить результаты, достигнутые в боях с понесшим большие потери и зарвавшимся противником».

Чтобы обеспечить боевые действия, которые могут затянуться на несколько дней, я предписываю командованию вести атаки методически, пехоту вводить в дело в небольшом количестве, артиллерию — без счета, немедленно оборудовать занятое пространство для обороны — вот тактика, которой мы должны придерживаться.

Со своей стороны противник, все силы которого задержаны, правый фланг которого находится в тяжелом положении на Урке, а левый скован в Лотарингии, собирается нанести решительный удар в центре. Это его единственная возможность добиться победы, вероятность которой за последние двое суток значительно уменьшилась. Для нанесения этого удара он вводит в дело все силы, оставшиеся у него в этом районе.

Главный удар направлен на французские 4-ю и 9-ю армии. Противник намеревается окончательно разгромить их или по меньшей мере отделить одну от другой и устремиться в образовавшийся разрыв.

На фронте 9-й армии это усилие должно найти свое выражение в чрезвычайно энергичном наступлении по обе стороны Сен-Гондских болот, на тех же направлениях, которые я указал для наступления 42-й дивизии и 11-му корпусу.

Бои за 7-е, 8-е и 9-е сентября свидетельствуют об ожесточенности этой борьбы, завершившейся в конце концов поражением немцев.

7-го с раннего утра бой возобновляется на всем фронте.

На левом фланге 42-я дивизия, продвинувшаяся вперед, и Марокканская дивизия стремительно атакованы на всем их фронте. Вильнев, взятая противником, вскоре опять захвачена нашим 151-м полком. Около 10 ч. 15 м. 162-й полк отброшен от Суази и из Сен-Гондского леса на линию дороги на Монживру. Со своей стороны, Марокканская дивизия, потеряв ферму Монталяр и Уа, отошла на гребень к северу от Мондемана.

Чтобы устранить вытекающую отсюда угрозу, я снова обращаюсь с призывом к 9-му корпусу. Я напоминаю ему, что

в этом направлении его задачей попрежнему остается поддерживать связь с 42-й дивизией и любой ценой задержать продвижение противника через Сен-При. В то же время я обращаю его внимание на большой хребет в тылу Мондемана, который уже должен быть занят дивизией корпусного резерва.

С другой стороны, командующий 5-й армией, уже известивший меня о том, что германские войска отступают перед ним, отдает своему 10-му корпусу приказ повести бой так, чтобы задержать наступление противника на левый фланг 9-й армии.

К 17 час. 42-я и Марокканская дивизии, усиленные частями резерва 9-го корпуса, снова идут в атаку с целью опять овладеть Суази, Сен-Гондским лесом и Сен-При. Эта атака встречается сильнейшим огнем из окопов, которые противник уже отрыл между Сен-Гондским лесом и Монживру. Разыгрывается ожесточенный бой, особенно в роще Бранль. Хотя восстановить положение не удается, однако продвижение противника на этом участке поля сражения задержано.

К 18 час., когда бой затихает, мы удерживаем южную часть рощи Бранль и дорогу на Монживру, а некоторые подразделения находятся даже в Сен-Гондской роще. Зато Вильнев к концу дня снова занята противником.

В центре армии, на южном краю Сен-Гондских болот, обе стороны придерживались оборонительного образа действий. На этом направлении день был отмечен только артиллерийской перестрелкой, подчас довольно оживленной.

На правом фланге бои с самого утра приобретают ожесточенный характер. В 8 час. 11-й корпус стремительно атакован на всем своем фронте, особенно под Ленаррэ. Вскоре затем крупные силы противника появляются из Морен-ле-Пти и Экюри-ле-Репо. 21-я дивизия с трудом выдерживает этот натиск, несмотря на поддержку, оказываемую ей артиллерией 17-й дивизии.

Положение может очень скоро стать чрезвычайно серьезным. Чувствуется, что войска вот-вот не выдержат. Это имело бы неисчислимые последствия, особенно теперь, когда правое крыло германских армий подается под победоносными ударами наших левофланговых армий.

Как в районе Мондемана, усилия противника были нейтрализованы наступательными действиями 42-й и Марокканской дивизий, так и на фронте р. Сомм мы могли рассчитывать за-

держать его продвижение на фронте 11-го корпуса только своим переходом в наступление.

Проникнутый сознанием этой необходимости и будучи убежденным в том, что только перемена образа действий 11-го корпуса восстановит положение, я отдаю следующий приказ:

«Перед левым флангом армии противник, повидимому, подается назад.

11-му корпусу, обеспечивающему удержание линии р. Сомм в Экюри, Нормэ и Ленаррэ и располагающему одной бригадой 18-й дивизии, немедленно атаковать этой бригадой из Нормэ в направлении на Кляманж, а 22-й дивизией высоту к юго-востоку от Пьер-Морен и деревню Пьер-Морен».

Необходимость во что бы то ни стало удержаться в этом направлении, а также задержать продвижение противника по свободному пространству, отделяющему нас от 4-й армии, вполне соответствует общему замыслу ведения сражения, о котором главнокомандующий снова сообщает телефонограммой от 17 ч. 15 м. Надо продержаться по крайней мере до того времени, когда 4-я армия сможет выручить правый фланг 9-й армии. Это предложено сделать ген. де-Лангль, после того как он добьется в районе действий своей армии тактического успеха. Этот успех необходимо обеспечить в первую очередь.

Между тем наступление, предписанное 11-му корпусу, не может быть проведено вследствие очень сильных атак немцев на Ленаррэ и Вассимон, которые и попадают в их руки.

11-й корпус ограничивается тем, что удерживает 21-й и 22-й дивизиями позиции в рощах к югу от Морен-ле-Пти и вдоль железной дороги из Соммсу в Фер-Шампенуаз.

Невыполнение 11-м корпусом распоряжения о переходе в наступление могло повлечь за собой грозные последствия, если бы противник продолжал свои наступательные действия. Но он задержан удачным вмешательством 9-го корпуса, который как раз во-время пришел на выручку левому флангу 11-го. Около 14 ч. 30 м. 90-му полку 17-й дивизии, контратакующему в направлении на Онэ-о-Плянш и Онизё, удается захватить вторую из этих деревень, которую немцы, впрочем, вскоре забирают обратно.

Тем не менее это вполне своевременное вмешательство отводит угрозу от левого фланга 11-го корпуса и хотя бы временно приносит необходимое облегчение положению этого армейского корпуса.

На моем крайнем правом фланге 9-я кавалерийская дивизия, захватив Соммсу, на короткое время занятую противником, держится своими главными силами в полосе Майи, Вильер-Эрбисс.

18-я дивизия, в том числе и бригада, предоставленная в распоряжение 11-го корпуса, остается еще свободной во второй линии, в рощах по обе стороны дороги Нормэ, Фер-Шампенуаз.

60-я резервная дивизия занимает оборонительное расположение на плато Монтепре.

Итог 7-го сентября походил на итог предыдущего дня. Левый фланг 9-й армии благодаря своей стойкости задержал продвижение противника. Центр сохранил свои позиции. Правый фланг снова подался назад и окончательно утратил оборонительный рубеж р. Сомм. В этом шатком положении нам приходится продолжать сражение и ожидать решения от продвижения нашей 4-й армии, левый фланг которой находится еще в нескольких десятках километров от нашего правого фланга.

* * *

Итак, на 8-е сентября задача 9-й армии остается той же, что и накануне, а поэтому я не изменяю уже отданных приказов. Я добавляю к ним распоряжение «с рассветом произвести разведку на всем фронте, чтобы установить, какие пункты еще заняты противником». Полученные сведения показывают, что немцы находятся в полном отступлении перед левофланговыми армиями, в том числе и перед 5-й армией, и поэтому очень важно узнать, не распространится ли этот отход и на восток.

На деле же оказывается совершенно иное. 8-е и 9-е сентября должны стать днями, когда стремительный натиск противника на всем фронте 9-й армии достигнет своего апогея.

8-го, еще до рассвета, 11-й корпус подвергается чрезвычайно мощной атаке. Воспользовавшись темнотой для сближения, противник, не подвергаясь огню нашей артиллерии, построил свои атакующие массы в нескольких сотнях метров от нашей пехоты и в 4 ч. 30 м., еще в темноте, бросает их без артиллерийской подготовки на юг от Морен-ле-Пти и Экюриле-Репо. 21-я левофланговая дивизия нашего 11-го корпуса спешно отходит на Фер-Шампенуаз, увлекая в своем беспорядочном отступлении часть 52-й резервной и 18-й дивизий.

Со своей стороны 22-я дивизия не может больше удержаться в районе Ленаррэ.

Командир корпуса пытается собрать свои войска, но ему удается остановить их только на высотах к югу от Фер-Шампенуаз. 18-я дивизия приводится в порядок к югу от Конантрэ.

Осведомленный на своем командном пункте в Плере об этих серьезных событиях, я приказываю 11-му корпусу снова занять и любой ценой удерживать Фер-Шампенуаз, этот единственный прочный опорный пункт в данном районе. Для выполнения этой задачи я придаю 11-му корпусу всю 18-ю дивизию.

Если немедленно ввести в дело еще нетронутый резерв, то прежде чем противник успеет планомерно занять и оборудовать Фер-Шампенуаз для обороны, мы сможем взять его обратно и зацепиться за него еще расстроенными частями 11-го корпуса. Одновременно я приказываю 9-му корпусу связаться с 11-м в районе этого населенного пункта и незамедлительно начать с ним совместные действия, чтобы отбросить противника, наступающего из Морен-ле-Пти.

С другой стороны, я обращаюсь с призывом к соседним армиям.

Не может ли 4-я армия оказать помощь правому крылу 9-й армии, а именно своим 21-м корпусом, участие которого обещано на 8-е сентября? Ген. де-Лангль отвечает, что 21-й корпус ведет наступление в северном направлении и разрыв между обеими армиями слишком велик, чтобы он мог оказать мне поддержку.

Я обращаюсь тогда к 5-й армии и телефонирую:

«Правый фланг 9-й армии (11-й корпус) атакован соединенными силами 12-го саксонского корпуса и гвардии [1] и не может быть поддержан главными силами моей армии, ведущими бой в центре (9-й корпус); он не может также быть непосредственно поддержан 4-й армией.

Прошу 5-ю армию, если только возможно, перейти совместно с 42-й дивизией и левым флангом 9-го корпуса в наступление в направлении плато, что западнее Шантобера».

Ген. д'Эсперэ немедленно отвечает:

«Основной задачей 10-го корпуса остается указанная в опе-

---

[1] Гвардия и 12-й корпус, выделенные из 2-й армии, образуют теперь армейскую группу, действующую на правом фланге ф. Хаузена.

ративном приказе, т. е. помочь 9-й армии отбросить на север от Сен-Гондских болот противника, который попытается выйти из них через Сен-При и Суази-о-Буа».

Поэтому я приказываю 42-й дивизии энергично продолжать атаки совместно с 9-м и 10-м корпусами.

Обеспечив таким образом силу и поддержку наступления на левом фланге, я все свое внимание переношу на правый, где положение, хотя, повидимому, на время восстановлено, тем не менее продолжает оставаться очень серьезным. Не говоря уже об имевшей место неудаче, мой фронт в этом месте находится под угрозой охвата. 9-й кавалерийской дивизии пришлось оставить Соммсу. Этим она открыла дорогу на Монтепре. Противник может теперь охватить 11-й корпус прежде, чем он успеет перейти в наступление на Фер-Шампенуаз.

Чтобы предотвратить эту опасность, я приказываю: 11-му корпусу обеспечить отход 9-й кавалерийской дивизии, заняв несколькими ротами Семуан и таким образом закрыв проход; 9-й кавалерийской дивизии маневрировать по дороге Соммсу, Майи, чтобы действовать на фланге войск, наступающих на Монтепре, и обнаруживать и замедлять охватывающие атаки противника.

С другой стороны, с целью выиграть время, необходимое для организации намеченного наступления на Фер-Шампенуаз, я приказываю частям 60-й резервной дивизии, отошедшей в район Семуан, Майи, подготовиться к контратакам, чтобы своевременно ответить на возможные атаки противника с линии р. Сомм.

Наконец, я настаиваю перед ген. де-Лангль на получении поддержки от 21-го корпуса.

«Было бы чрезвычайно желательно, если бы 4-я армия сегодня же приказала 21-му корпусу действовать в направлении на Соммсу».

К сожалению, на это рассчитывать не приходится, так как, вопреки планам командующего этой армией, 21-й корпус, вследствие непредвиденной задержки, сможет двинуть на Соммсу некоторые силы не раньше чем 9-го сентября.

11-й корпус располагается, как мы видим, на высотах к югу от Фер-Шампенуаз. Противник, которому успех дался, повидимому, ценой значительных потерь, мало тревожит его в течение утра. Со своей стороны 9-й корпус подкрепляет свой правый фланг, оказавшийся в опасном положении вследствие отхода 11-го корпуса в первые утренние часы. Так, он

располагает 52-ю резервную дивизию близ Конантр и устанавливает связь с левым флангом 11-го корпуса, а 17-ю дивизию устраивает на фронте гора Август, ферма Сент-Софи, который она должна удерживать любой ценой.

На левом фланге 9-го корпуса Марокканская дивизия с первых же часов после рассвета возобновила свои атаки совместно с 42-й дивизией. Она овладела гребнем Пуарье, а около 7 час. выбросила немцев из Уа, тогда как 42-я дивизия стала продвигаться на Сен-При. Но затем она была задержана огнем мощной тяжелой артиллерии, расположенной на высотах близ Бэ. Вскоре поступили сведения о значительных скоплениях противника в районе Каузар, Куржонэ, Вивенар.

Несмотря на эти затруднения и угрозы наступления противника у западной оконечности болот, приковывающие к месту свободные части 9-го корпуса, я снова посылаю его командиру следующие распоряжения:

«На сегодняшний день для вашего армейского корпуса важнее всего то, что происходит на правом фланге, где он должен оказать полную поддержку 11-му корпусу.

Поэтому корпусу перевести туда все свободные силы, даже из центра, поскольку они не введены в бой».

Благодаря мерам, принятым во исполнение этого распоряжения, правый фланг и центр 9-й армии занимают оборонительное положение в относительном спокойствии, подготовляя свое совместное наступление на Фер-Шампенуаз.

На рассвете 42-я дивизия перешла в наступление на всем своем фронте и значительно продвинулась вперед. В 11 час. она овладела рощей Суази-о-Буа и плато к северу от Вильнев, имея связь с 10-м корпусом, наступающим на Корфеликс и Буасси. К полудню ее левый фланг достигает района лэ Кюло, Корфеликс, при поддержке 51-й резервной дивизии 10-го корпуса. Но ее правый фланг продвигается с большим трудом.

В 14 час. немцы открывают сильный артиллерийский огонь на фронте Бруси-ле-Пти, Мениль-Бруси, Рёв, Уа, Сен-При. Спустя полчаса их пехота переходит в наступление на всем этом фронте.

Пройдя через Сен-Гондские болота, противник овладевает Бруси-ле-Пти, Мениль-Бруси. Несмотря на потери, причиняемые ему нашей артиллерией, он вынуждает Марокканскую дивизию к отходу на линию: восточная опушка Сен-Гондского

леса, Монживру, Мондеман, роща и хребет Альман, где она в наступающих сумерках и окапывается.

В то время как эти события развертываются на левом фланге, я стараюсь возможно скорее начать наступление на Фер-Шампенуаз. Действительно, это необходимо, чтобы не допустить охвата, попрежнему угрожающего 11-му корпусу. Кроме того, наступление может облегчить положение Марокканской дивизии, которую в данное время сильно теснит противник.

К тому же, только переходя в наступление и своей агрессивностью свидетельствуя о желании и способности действовать, мы вообще можем надеяться расстроить мощную операцию, которую противник начал в первые часы 8-го сентября. Эта операция, свободно развиваясь на обширном пространстве, на легко проходимой местности, может прийтись по слабому месту в расположении французских армий, а именно по разрыву в 20—30 *км* между правым флангом нашей 9-й армии и левым флангом нашей 4-й армии.

Вот почему я в 15 ч. 30 м. настаиваю на том, чтобы 11-й и 9-й корпуса немедленно перешли в наступление на Фер-Шампенуаз. Наступление подготовляется пятью артиллерийскими дивизионами. Оно проводится двумя полками 52-й резервной дивизии в направлении на Фер-Шампенуаз. Справа их поддерживают части 21-й и 18-й дивизий.

Продвижение идет медленно, но тем не менее оно ощутимо на всем фронте. С наступлением темноты оно приостанавливается. Только некоторые подразделения 52-й дивизии на короткое время проникают в Фер-Шампенуаз. Хотя наступление и не достигло своих объектов, оно все же заставило противника несколько отойти и тем выполнило свое назначение.

8-е сентября было особенно тяжелым днем для 9-й армии. От зари и до наступления темноты ей пришлось выдерживать стремительные повторные атаки. Под ударами противника она вынуждена была уступить некоторое пространство, но фронт ее остался непрерывным, и угроза охвата, висевшая над ней в течение долгих часов, к вечеру, казалось, ослабела.

В то же время головные части 21-го корпуса находятся, судя по донесениям, в 8 *км* к югу от Сонпюи, и 9-я кавалерийская дивизия, расположенная в районе Майи, установила связь с ними.

Вернувшись в Планси, в свой штаб, после наблюдения за наступлением на Фер-Шампенуаз, я приказываю 11-му и

9-му корпусам прочно закрепиться на захваченных позициях.

Отдав эти первые распоряжения, я все же не могу скрыть от себя, что положение остается серьезным, особенно для правого крыла моей армии. 11-й корпус после многих выдержанных им испытаний имеет сильно утомленные войска на мало надежных позициях. Связь с 4-й армией очень непрочна, так как в течение дня противнику удалось занять Сонпюи. Связь может быть прочно установлена только в том случае, если 21-й корпус, находящийся еще далеко от поля сражения, подойдет во-время.

К счастью, слева от меня 5-я армия находится в более благоприятном положении. В течение дня она непрерывно продвигалась вперед. Наряду с ней в достижении результатов ее наступления участвовала моя 42-я дивизия.

Там одержана некоторая победа, но, что еще важнее, благоприятная местность на Шампаньской возвышенности позволяет нам продолжать с успехом оказывать сопротивление, а может быть и продвинуться вперед во взаимодействии с 10-м корпусом. Вообще говоря, там мы имеем прочную опору для восстановления нашего положения и источник подкреплений, необходимых нашему правому флангу, в настоящее время потесненному наступающим противником на лишенной препятствий и закрытий равнине Шампани.

Несмотря на то, что 20 *км* отделяют эти силы от района Фер-Шампенуаз, где предстоит снова вступать в бой, колебаний быть не может: приходится брать войска с продвигающегося вперед левого фланга, чтобы любой ценой усилить и спасти терпящий бедствие правый фланг. Придут ли эти подкрепления во-время? Это очень серьезный вопрос. Во всяком случае в 21 час я телефонирую командующему 5-й армией ген. д'Эсперэ и прошу в первые же часы 9-го сентября сменить частями своего 10-го корпуса 42-ю дивизию, которую я предполагаю сосредоточить в Ленте и Плёре, чтобы ввести ее в дело на правом фланге 9-й армии. В ответ он не только соглашается на эту смену, но и передает в мое распоряжение весь 10-й корпус в составе двух дивизий и корпусной артиллерии. Таким образом, еще вечером 8-го сентября я могу отдать следующий приказ на 9-е:

«Так как правый фланг 9-й армии сильно потеснен противником в районе Соммсу, а в распоряжение армии предоставлен

10-й корпус, то 9-го сентября с раннего утра провести следующие мероприятия:

10-му корпусу к 5 час. сменить 42-ю дивизию, имея в виду наступление на фронт Боннэ. Связаться с Марокканской дивизией, занимающей Сен-Гондский лес, Монживру и Мондеман. Корпусу во всяком случае безусловно воспрепятствовать выходу противника на плато ля-Вильнев-лэ-Шарлевиль, Монживру, а также на подступы к нему с севера.

42-й дивизии по мере ее смены на позициях 10-м корпусом перейти через Бруа, Сен-Лу в район от Лента до Плёра, где образовать армейский резерв, предупредив о своем передвижении Марокканскую дивизию.

Командный пункт будет расположен в Планси».

* * *

9-го с самого рассвета противник, как будто предчувствуя мои намерения, атакует с удвоенной силой.

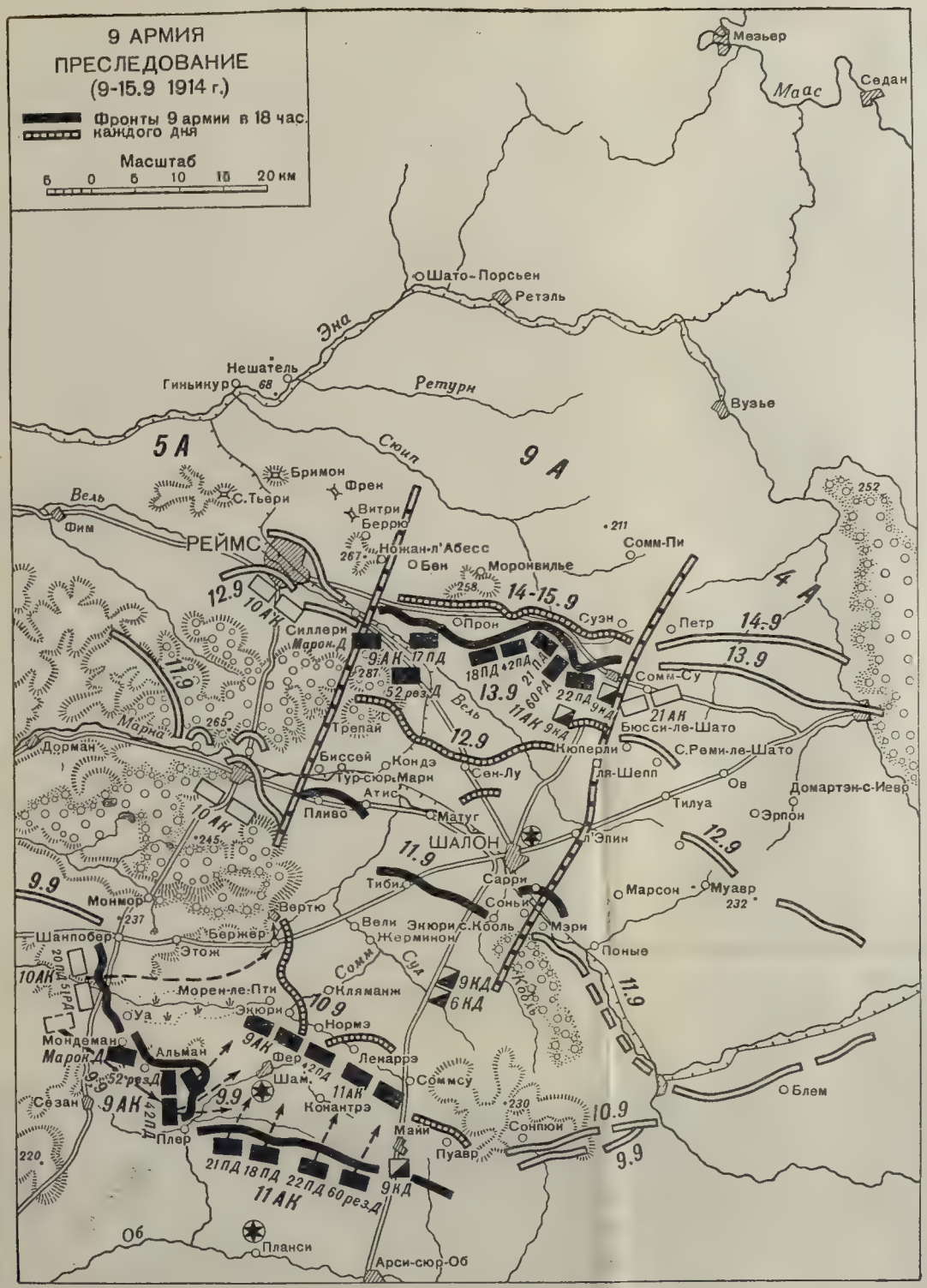
Сперва на нашем левом фланге он переходит в наступление крупными силами, опрокидывает охранение Марокканской дивизии и одним скачком доходит до деревни и замка Мондеман, которым и овладевает.

Это происходит около 6 час. Командир 9-го корпуса немедленно предоставляет в распоряжение ген. Энбера единственный оставшийся у него резерв — 77-й пехотный полк. Но этот полк находится в 2 лье (8 *км*), в Сен-Лу, и приходится ждать его прибытия.

Чтобы выиграть время до его вступления в бой, ген. Энбер получает в свое распоряжение от ген. Гроссетти, войска которого уже частично сменены 10-м корпусом, два егерских батальона и часть артиллерии 42-й дивизии.

Эта помощь сравнительно свежими войсками (хотя и ограниченная) доставляет некоторое облегчение и передышку Марокканской дивизии. Дивизия усиливает свое сопротивление в рощах к югу от Мондемана и героически держится под адским огнем, выигрывая таким образом время, необходимое до прибытия 77-го пехотного полка.

Последний, наконец, появляется около 11 час. Теперь предотвращена опасность. В 14 час. 77-й полк атакует Мондеман совместно с остатками одного полка зуавов. Его атака захлебывается под сильным огнем пулеметов, стреляющих из-за решетки и из окон замка. Тогда подкатывают 75-*мм*


9 АРМИЯ
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
(9-15.9 1914 г.)
Фронты 9 армии в 18 час. каждого дня
Масштаб
5 0 5 10 15 20 км
Мезьер
Седан
Маас
Шато-Порсьен
Ретэль
Эна
Нешатель
Гиньикур
Ретурн
Вузье
5 А
9 А
4 А
Сюип
Бримон
Френ
С.Тьери
Вель
Фим
Витри
Беррю
РЕЙМС
Ножан-л'Абесс
Бен
Моронвилье
Сомм-Пи
Суэн
Петр
Прон
Силлери
Марок.Д
Сомм-Су
Бюсси-ле-Шато
С.Реми-ле-Шато
Трепай
Кюперли
Дорман
Марна
Биссей
Кондэ
Тур-сюр-Марн
Сен-Лу
ля-Шепп
Атис
Пливо
Матуг
Тилуа
Ов
Домартэн-с-Иевр
Эрпон
ШАЛОН
л'Эпин
Тиби
Сарри
Марсон
Муавр
Монмор
Вертю
Соньи
Вели
Экюри
с.Кооль
Мэри
Шанпобер
Бержер
Жерминон
Поные
Этож
Сомм
Суд
Кооль
Морен-ле-Пти
Кляманж
Уа
Экюри
Нормэ
Мондеман
Марок.Д
Альман
Фер
Ленаррэ
Шам
Соммсу
Сезан
Конантрэ
Блем
Плер
Майи
Сонпюи
Пуавр
Об
Планси
Арси-сюр-Об
12.9
10 АК
11.9
9 АК
17 ПД
18 ПД
21 ПД
60 РД
22 ПД
9 КД
21 АК
52 рез.Д
14-15.9
14.9
13.9
11 АК
10 АК
9.9
10.9
6 КД
9 КД
11 АК
21 ПД
18 ПД
22 ПД
60 рез.Д
9 КД

Фош

Схема 6

пушку и устанавливают ее в 400 *м* от решетки: один артиллерийский взвод выдвигают поближе к южной части парка. В 18 ч. 30 м. 77-й полк лихо бросается в атаку, выбивает противника, и в 19 час. командир полка полковник Лестокуа посылает следующее краткое, но красноречивое донесение: «Держу деревню и замок Мондеман, устраиваюсь в них на ночь».

Доблестное сопротивление Марокканской дивизии 9-го сентября имело большое значение для успешных действий армии. Оно позволило 42-й дивизии удачно провести трудно осуществляемое рокадное движение, которое без этого содействия было бы замедлено, тогда как обстановка требовала быстрейшего передвижения. Более того, потеря высот Мондеман повлекла бы за собой потерю хребта Альман. Если бы последний оказался в руках противника, то в его власть перешел бы и весь участок равнины Шампани, за которой вот уже четыре дня с напряжением всех сил цеплялись части 9-го корпуса. Наконец, сопротивление Марокканской дивизии имело тем более существенное значение, что под повторными ударами противника центр и правый фланг армии продолжали подаваться назад.

8-го сентября мы расстались с 11-м корпусом на высотах к югу от Фер-Шампенуаз.

С утра 9-го немцы усиленно обстреливают эти позиции артиллерийским огнем и вскоре, продолжая операцию, начатую накануне, предпринимают очень сильные атаки на центр и правый фланг армии.

18-я и 22-я дивизии, занимающие этот участок фронта, отброшены на юг и еще до 10 час. переходят обратно на левый берег р. Морьен, где они перестраиваются и приводят себя в порядок.

Что же касается 21-й дивизии, левофланговой 11-го корпуса, то она сперва выдерживает, не дрогнув, сильнейший обстрел германской артиллерии. Но затем под сильным нажимом противника, оказавшись изолированной, она, в свою очередь, отбрасывается на другой берег р. Морьен.

Тем временем правый фланг и центр 9-го корпуса находятся отнюдь не в лучшем положении. На рассвете 103-я бригада (52-й резервной дивизии), которая накануне прошла полпути от Конантра до Фер-Шампенуаз, возобновляет свои атаки на станцию Фер. Ей не удается продвинуться вперед, и артиллерийская борьба продолжается с большой силой.

Вскоре затем она отброшена контратакой противника и под убийственным огнем отходит на Конантр.

Ген. Дюбуа приказывает 17-й дивизии во что бы то ни стало держаться на своем фронте: гора Август, ферма Нозэ, ферма Сент-Софи, во взаимодействии с 52-й резервной дивизией справа.

Однако нажим противника все усиливается. Его артиллерия обстреливает всю равнину. Обстановка может стать критической, если на дорогу в Фер-Шампенуаз не подойдут новые подкрепления. Поэтому, чтобы подбодрить войска, я сообщаю им о скором вступлении в бой 42-й дивизии и о возобновлении наступления:

«42-я дивизия вскоре прибудет на фронт Лент, Плёр.

Насколько бы ни отошел 11-й корпус, мы рассчитываем возобновить с этой дивизией наступление через Конантр, Эви. причем 9-й корпус примет в нем участие, наступая на дорогу Морен, Фер-Шампенуаз.

42-я дивизия находится в пути с 8 ч. 30 м. Она сможет вступить в бой около полудня.

10-й корпус сменил 42-ю дивизию и предоставлен в наше распоряжение. Ему приказано поддерживать Марокканскую дивизию, чтобы любой ценой воспрепятствовать проникновению противника к западу от Сен-Гондских болот».

Сколько сил противнику приходится затрачивать на эти повторные стремительные атаки, не принесшие ему до сих пор ощутительной выгоды! Не скажется ли для него отсутствие этих сил на каком-нибудь другом участке фронта?

Как мы видим, он с раннего утра сильно атакует нас в районе Сен-При, Мондеман и еще сильнее в районе Фер-Шампенуаз. В то же время известия из штаба главнокомандующего указывают на значительное продвижение наших армий на западе. Поэтому для успеха завязавшегося сражения важно, чтобы наша 9-я армия, несмотря на сильный нажим, сдерживала противника до тех пор, пока продвижение нашего левого фланга не приведет к решающим результатам. Задача 9-й армии совершенно ясна.

Как бы ни была трудна эта задача, 9-я армия должна сдерживать силы противника, наседающие на нее, не допустить прорыва ими нашего фронта и сковывать их до достижения победы. Снова я обращаюсь к энергии всех своих подчиненных, стараясь передать им непоколебимую уверенность в успехе, и сообщаю им об общем положении противника:

«По сведениям, полученным командованием 9-й армии, германская армия, безостановочно маршировавшая с самого начала войны, дошла до предельного утомления.

Во многих ее частях командного состава больше не существует, полки двигаются, перемешавшись между собой, командование растерялось.

Энергичное наступление, предпринятое нашими войсками, поразило своей внезапностью противника, который был уверен в том, что мы больше не будем оказывать ни малейшего сопротивления.

Чрезвычайно важно использовать создавшуюся обстановку. В час, когда решается вопрос о чести и спасении французского отечества, офицеры и солдаты должны почерпнуть в энергии, свойственной французам, силу, необходимую для того, чтобы продержаться до той минуты, когда обессиленный противник начнет отходить.

Беспорядок, царящий в германских войсках, является предвестником нашей близкой победы. Развивая с величайшей энергией предпринятое нами усилие, наша армия наверняка остановит движение противника и выбросит его за пределы нашего отечества.

Но для этого надо, чтобы каждый был убежден, что успех принадлежит тому, кто дольше продержится.

К тому же с фронта поступили отличные известия».

Тем временем сила атак противника на центр армии удвоилась, мы несем большие потери, и у командира 9-го корпуса не осталось в резерве ни одной роты.

В 13 ч. 30 м. части 52-й резервной дивизии, занимавшие гору Август, отходят, увлекая с собой всю 17-ю дивизию, которая и перегруппировывается на фронте выс. 144 (в 3 *км* от Лента), ферма Сент-Софи. 17-я дивизия держится на этой позиции, о которую должно разбиться наступление противника.

Против 11-го корпуса немцы наступают по другую сторону от р. Вор, спускаются к ручью Коруа, овладевают Коруа и Онь. Часть 18-й дивизии отброшена в леса к югу от Бургансона. 22-ю дивизию тревожит только артиллерия противника.

На крайнем правом фланге 9-я кавалерийская дивизия под угрозой германской конницы, проникшей в долину р. Люитрель, отошла за дорогу Донон, Алибодьер.

К счастью, на моем левом фланге Марокканская дивизия продолжает оказывать героическое сопротивление на высотах

Мондеман. Еще левее 10-й корпус при действительной поддержке 1-го корпуса, правофлангового 5-й армии, отбрасывает противника и захватывает позицию Боннэ, Бэ.

При таких условиях мы в штабе 9-й армии можем уделить все наше внимание району Фер-Шампенуаз. Выдержав сильные атаки противника, пора приступить там к решительным действиям. Эти действия должны начаться с прибытием на место 42-й дивизии.

Согласно приказу, 42-я дивизия выступила в направлении на Лент, Лентэль. Частично задержанная необходимостью оказать временную помощь Марокканской дивизии, она только в 11 ч. 30 м. подошла к шоссе из Сезана. Она переваливает через Шампаньскую гряду и спускается на равнину, по которой и продвигается вперед без дорог, в расчлененном строю, в отличном порядке и быстрым темпом.

В 13 ч. 45 м. я снова указываю дивизии, чего я жду от нее немедленно по прибытии в исходное положение:

«Атаковать с линии Плёр, Лент гребень, который тянется от Плёр по направлению к северу от Эви.

Ее северный фланг обеспечен 9-м корпусом, который будет наступать на дорогу Фер, Морен-ле-Пти.

С юга она обеспечена 11-м корпусом, который будет наступать на хребет к югу от Эви, высоты 136 и 160 и на всем своем фронте.

Начать наступление сегодня в 4 час. (16 час.)».

Затем я повторяю другим соединениям предыдущие приказы, предписывающие:

11-му корпусу наступать на фронт Конантрэ, Монтепрё в связи с 42-й дивизией;

9-му корпусу приготовиться к переходу в предписанное наступление севернее 42-й дивизии, в связи с ней;

51-й резервной дивизии наступать на фронте Сен-При, Бэ;

10-му корпусу участвовать в наступлении 51-й резервной дивизии, наступая севернее Сен-Гондских болот в направлении с запада на восток.

Я не ограничиваюсь посылкой этих распоряжений.

Наступление на Фер-Шампенуаз имеет большое значение, и все его подробности должны быть предусмотрены. Так как это можно сделать только на месте, я отправляю в Лентэль полковника Вейгана.

В 16 час. в этой деревне происходит совещание, в котором, кроме начальника штаба 9-й армии, принимают участие ген.

Дюбуа и ген. Гроссетти. Вырабатываются мельчайшие детали наступления, уточняется нарезка полос наступления.

9-й корпус для всех частей своих 17-й и 52-й дивизий получает в качестве объекта наступления Фер-Шампенуаз, в качестве дальнейшего рубежа — линию Морен-ле-Пти, Нормэ, 42-й дивизии поручено захватить хребет Конантр, Конантрэ, а затем линию Нормэ, Ленаррэ. 11-й корпус должен продвинуться до линии Ленаррэ, Оссимон. Наступление начнется в 17 ч. 15 м.

Затем, так как чрезвычайно важно обеспечить безусловную поддержку правого фланга 42-й дивизии, и, с другой стороны, 11-й корпус, повидимому, собирается ставить свои действия в зависимость от продвижения 42-й дивизии, полковник Вейган в 17 час. посылает непосредственно из Лентэля следующий приказ 21-й дивизии:

«42-я дивизия переходит в наступление в 17 ч. 15 м. с фронта Лент, Плёр на Конантр, Конантрскую мельницу (к северу от Коруа).

11-й корпус получил приказ поддерживать это наступление справа, перейдя в наступление на всем своем фронте.

21-й дивизии немедленно атаковать гребень к северо-западу от Эви».

Со своей стороны я обращаюсь с последним призывом к войскам, категорически подчеркивая, что предписанное наступление «должно вестись самым энергичным образом».

Таким образом, к вечеру 9-го сентября начинается большое контрнаступление, направленное против Фер-Шампенуаз и его окрестностей. Как ни утомлены наши войска, но их воля к победе, нашедшая себе подтверждение в переходе в общее наступление, начавшееся с прибытием 42-й дивизии, должна сломить часть сил противника, несомненно истощенную напряженными усилиями предшествующих дней и увлеченную своими успехами далеко на юг в рискованное положение в тот самый момент, когда вся система германских сил совершенно поколеблена, а к западу от Сен-Гондских болот даже разбита вдребезги. Ибо в этом районе 10-й корпус быстро продвигается вперед, а севернее его 1-й корпус выходит на дорогу ля-Шапель, Шантобер.

В 18 час. на всем фронте армии свирепствует огонь артиллерии. Приближается темнота. Настала минута, когда мы, проявляя еще больше энергии и активности, сможем перетянуть весы счастья на свою сторону. Мы должны нарушить

неизбежно неустойчивое равновесие сил обеих сторон, у которых нервы как командования, так и войск вот уже несколько дней напряжены до последней степени. В дело введена вся наличная артиллерия.

Части 9-го корпуса переходят в наступление слева от 42-й дивизии. Они медленно и с трудом продвигаются вперед через рощицы, которые приходится очищать штыком, и через горы убитых и раненых бойцов прусской гвардии — неоспоримое свидетельство потерь, нанесенных противнику нашей артиллерией, особенно 75-*мм* калибра. Вскоре наступает темнота, но продвижение продолжается. Подразделения противника отходят из одной рощи в другую, ведя ружейный огонь. 42-я дивизия, тронувшаяся с фронта Лент, Лентэль, продвигается по обе стороны дороги из Конантр в Фер-Шампенуаз.

В полночь командир 9-го корпуса доносит, что он удерживает ферму Нозэ и подступы к ферме Сент-Софи, что моральное состояние его войск исключительно высокое, что движение вперед продолжается и ночью. Действительно, после краткой передышки войска снова двинулись вперед. Заря 10-го сентября застала войска нашего 9-го корпуса в 5 час. в Морен-ле-Пти и Фер-Шампенуаз, в то время как 42-я дивизия начала выходить на хребет от Конантра до Конантрэ. Южнее 11-й корпус следовал за ними, тогда как на правом фланге армии 9-я кавалерийская дивизия выдвигалась вперед на Майи, а 21-й корпус 4-й армии находился в 4 *км* от Сонпюи. Теперь уже вся 9-я армия находилась на пути к Марне в районе Шалона.

Повсюду на подступах и дорогах к Фер-Шампенуаз мы находим признаки тяжелых потерь, понесенных противником, следы и остатки поспешного, беспорядочного отступления. Мы берем много пленных и собираем трофейное имущество.

Глава третья

Конец сражения и преследование

(10-го — 12-го сентября)

Вечером 9-го сентября я в своем штабе в Планси, еще не зная в подробностях результатов наших атак в темноте, приказал со всей энергией продолжать начатое наступление:

11-му армейскому корпусу — на фронт Соммсу, Ленаррэ;

9-й кавалерийской дивизии — на Майи;

42-й пехотной дивизии — на фронт Ленаррэ, Нормэ;

9-му армейскому корпусу — на фронт Нормэ, Экюри, Морен-ле-Пти.

10-й армейский корпус должен был, преградив выход противнику из Монмора, наступать на Этож, Вивенар, в общем направлении на Колиньи, Бержер-лэ-Вертю.

К 5 час. утра 10-го сентября — времени, назначенному для начала атак, 9-й армейский корпус уже почти полностью осуществил свою задачу.

10-й и 11-й армейские корпуса и 42-я пехотная дивизия также возобновляют движение вперед.

Их несколько задерживают загромождение дорог имуществом, брошенным противником, и отдельные искусственные препятствия. Редкие кавалерийские дозоры противника отходят без боя.

Осведомленный на рассвете об обстановке, в первую очередь о продвижении в районе Фер-Шампенуаз, я немедленно принимаю меры для развития успеха, повторяя 10-му корпусу отданные ему накануне распоряжения:

«Требую от 10-го корпуса с приданной ему 51-й резервной дивизией, чтобы он возможно быстрее и энергичнее вел предписанное ему наступление на Этож и Колиньи с целью избавить 9-ю армию от всяких забот о своем левом фланге у Сен-Гондских болот и тем дать ей возможность посвятить себя целиком наступлению, обещающему очень крупные результаты в центре и на правом фланге».

9-му армейскому корпусу я приказываю:

«Связаться с 10-м армейским корпусом, наступающим к северу от Сен-Гондских болот на Этож и Колиньи, и по мере продвижения этого корпуса оставить южные выходы с болот, бросая все свои силы в наступление, которое должно вестись возможно более стремительно на всем фронте».

Таким образом, в силу этих распоряжений, вся армия брошена в наступление на северо-восток, имея левый фланг вдоль Шампаньской пряды. Равнина Шампани расстилается перед ней на 35 *км* до Марны, на которую надо выйти как можно скорее и безостановочно. Не имея точных сведений о том, что делается на правом фланге моей армии и о связи с 4-й армией, я приказываю 9-й кавалерийской дивизии немедленно сообщить мне все, что ей известно о противнике, в особенности в направлениях на Шалон и Сонпюи. Кроме того, я приказываю командиру этой дивизии сформировать на дороге из Арси

в Шалон из своей 9-й дивизии и только что прибывшей 6-й дивизии [1] кавалерийский корпус, который явится сильным орудием преследования.

В полдень я переезжаю со своим штабом в Фер-Шампенуаз [2].

Немцы совершенно разграбили город. Очень характерным явлением были осколки бутылок, усеивавшие все улицы. По улицам трудно было двигаться пешком, верхом и даже на автомобиле. Немцы тщательно опустошили погреба этого богатого городка Шампани. В домах мы забираем в плен много отставших немцев. На еще пылающей железнодорожной станции я встречаю командира 9-го корпуса. Здесь я приказываю, чтобы в течение дня головы колонн были выдвинуты до р. Суд.

Продвижение вперед продолжается на всем фронте, но к вечеру происходящие там и сям стычки с арьергардами противника не позволяют двигаться вперед так быстро, как утром. Противник сумел насытить свои арьергарды значительным количеством артиллерии.

К наступлению темноты армия достигла общей линии Экюри-ле-Репо, Ленаррэ, Пуавр-Сент-Сюзанн.

Слева от нее правый фланг 5-й армии находится на Марне под Дорманом, еще без соприкосновения с 9-й армией.

С другой стороны, левый фланг 4-й армии (21-й корпус) все еще остается у Сонпюи.

Согласно директивам главного командования, на другой день надо продолжать преследование в полосе к западу от шоссе Соммсу, Шалон, включая шоссе. В то же время мы должны иметь в виду переправу через Марну, возможно скорее подойти к реке, овладеть неразрушенными мостами, обрекогносцировать разрушенные, подготовиться к их восстановлению

---

[1] Ген. де-Митри.

[2] В течение пяти предыдущих дней мой штаб оставался в Планси. Жители этого местечка были в величайшем волнении. Они с тревогой спрашивали себя, не закончится ли сражение, гром канонады которого с каждым днем приближался, поражением французов и не будут ли все они сметены вихрем нашествия. Хотя Планси находилось не более чем в 10 *км* от поля сражения, я проводил все дни на местности, на командном пункте в Плёре или с войсками, оставляя, таким образом, местечко в величайшей тревоге. 10-го сентября в местечке царило общее ликование: штаб переехал в Фер-Шампенуаз.

с тем, чтобы в кратчайший срок переправиться через реку по пятам за отступающим в тяжелом положении противником и не выпускать его.

В этом смысле я и отдаю свои распоряжения вечером 10-го сентября.

Я добавляю, что в целях ускорения хода событий лучше стараться охватывать и обходить арьергарды противника, чем атаковывать их фронтально. Для этого следует действовать в широко расчлененных по фронту порядках или же обращаться к соседним колоннам, с которыми установить тесную связь.

Всем преследующим колоннам начать движение в 5 час.

В то время как 1-й корпус 5-й армии будет переправляться через Марну в Дормане, 10-й корпус, остающийся на 11-е сентября в распоряжении 9-й армии, должен обеспечивать связь с 1-м корпусом и двигаться на Эпернэ. Действительно, очень важно разведать и путем обхода очистить от противника лесной массив, расположенный между обеими армиями, а также незамедлительно захватить и обрекогносцировать важную переправу в Эпернэ.

Наконец, я подумал о значении, которое могут иметь для успеха сражения действия моей армии против корпусов противника, наступавших на 4-ю армию.

10-го вечером мы еще натыкались на германские арьергарды; некоторые из них были опрокинуты ночью в Кляманже и Треконе. 11-го утром дорога свободна, и 9-я армия не встречает при своем движении никакого сопротивления. Я тороплю подчиненные мне соединения, чтобы как можно скорее выйти на Марну и в течение дня овладеть переправами, каждому в своей полосе движения:

9-му армейскому корпусу — в Онэ-сюр-Марн и ниже по течению;

42-й пехотной дивизии — в Матуге;

11-му армейскому корпусу с кавалерийским корпусом — в Мэри, Соньи, Шалоне.

В то же время я собираю в Фер-Шампенуаз все свободные грузовики, чтобы в случае необходимости быть в состоянии быстро перебросить пехоту на мосты, оказавшиеся невредимыми. Однако в дальнейшем не поступает ни одного донесения, которое позволило бы воспользоваться этой мерой.

Фактически, несмотря на отсутствие сопротивления, движение колонн происходит довольно медленно. Войска очень утомлены. Эта усталость еще усугубляется дождем, который льет целый день и делает труднопроходимым грунт равнины Шампани.

К концу дня 10-й корпус на левом фланге армии доходит до Эпернэ и выдвигает легкие части на север от Марны. 9-й армейский корпус выходит в долину Марны в Пливо и Атисе. 42-я пехотная дивизия находится в лесистом районе к северу от Жерминон, Вели с авангардом в Тиби. 11-й армейский корпус — на линии Тиби, Экюри-сюр-Кооль; его 18-я дивизия выдвинула даже в Шалон (Марнское предместье) несколько подразделений, которые к ночи были отведены к главным силам дивизии. Кавалерийский корпус выслал отряды на мосты через Марну в Шалоне и выше по течению. Разъезды обнаружили, что мост в Шалоне не поврежден и забаррикадирован. Мосты в Соньи и Сарри, также неповрежденные, были захвачены и заняты одним эскадроном.

На остальном фронте армии переправы через Марну разрушены.

Эти сведения поступили в мой штаб только на другой день, хотя кавалерийский корпус был расположен в районе Сен-Кантен-сюр-Кооль. Я сам, желая возможно скорее узнать об обстановке на Марне, провел ночь в мэрии в Фер-Шампенуаз, чтобы быть поближе к источнику сведений и иметь возможность немедленно принять необходимые решения. Но за всю ночь я не получил ни одного донесения.

При таких условиях переправа через Марну на правом фланге должна была протекать утром 12-го сентября медленно.

Впрочем, в течение 11-го сентября противник начал отходить на всем фронте 4-й армии. Левофланговый 21-й корпус этой армии смог к концу дня выдвинуть свой авангард на Марну близ Мэри.

С другой стороны, 5-я армия продолжала продвигаться севернее реки.

Тем временем поступила новая директива главного командования. 10-го сентября командующий 5-й армией донес последнему, что он установил быстрое отступление германцев частью к северу, в направлении на Суассон, частью к Эпернэ и восточнее. Таким образом, 5-я армия вбивается клином в германскую группировку на стыке между двумя груп-

пами, которые, повидимому, образуются: одна — к востоку от Эпернэ и Реймса, другая — к северо-западу от Суассона.

Ввиду этого главное командование намечает 11-го сентября совместное наступление наших 9-й, 4-й и 3-й армий на восточную группу противника, а 6-й и британской армий на северо-западную группу. В это же время 5-я армия будет продолжать движение прямо на север в готовности поддержать ту или другую группу наших армий. Главное командование следующим образом определяет задачи 3-й, 4-й, 5-й и 9-й армий:

«...9-й и 4-й армиям сосредоточить свои усилия против группы центра и левого крыла противника, стараясь отбросить ее к северо-востоку, тогда как 3-й армии, возобновив наступление на север, попытаться перерезать коммуникации.

5-й армии, выделив по отряду к правому флангу английской армии и к левому флангу 9-й армии, расположить свои главные силы так, чтобы быть в состоянии действовать в зависимости от обстановки либо против северо-восточной либо против северо-западной группы противника.

Наступательное движение союзных армий будет продолжаться в общем направлении на север и северо-восток».

Кроме того, главнокомандующий приказывает ген. д'Эспере непрерывно обеспечивать 10-м армейским корпусом связь с 9-й армией и необходимую ей поддержку. Поэтому командующий 5-й армией 12-го сентября снова подчиняет себе 10-й армейский корпус. Извещая меня об этом решении, он добавляет: «Вы можете рассчитывать на меня, что я и доказал вам 8-го и 9-го сентября».

Во всяком случае во исполнение этих директив преследование возобновилось 12-го сентября в 5 час. на всем фронте армии, которая вышла на берег Марны между Сарри и Кондэ.

Чтобы догнать колонны противника, отступающие к Аргонне, кавалерийскому корпусу было предложено продвинуться на Ов. Его должна была поддерживать пехотная дивизия 11-го корпуса, переброшенная в Эпин и Тиллуа. Я добавил:

«...План действий остается неизмененным: всюду атаковать, всюду пройти».

В 9 час. мой командный пункт располагается в Шентри-

Бьерж [1]. Всю ночь 9-й армейский корпус работал над восстановлением переправ через Марну и Кондэ, Туре и Биссейе, а с 9 час. начал переходить через реку.

42-я дивизия наводит пехотный мостик в Матуре и переправляет по нему одну из своих бригад. Другая бригада и повозки должны использовать мост в Шалоне на левом фланге 11-го армейского корпуса, что ощутительно замедлит движение пехотной дивизии.

11-й корпус проходит через Шалон, 18-я дивизия, головная, начала переправляться через Марну в 5 час. Она нашла подрывные камеры моста полностью заряженными: повидимому, немцы не успели воспламенить заряды. 60-й резервной дивизии были отведены мосты в Соньи и Сарри. Но так как ее опережает там 21-й армейский корпус, дивизия начинает переправляться только в 9 ч. 30 м. Таким образом, если бы кавалерийскому корпусу понадобилась ее помощь, она запоздала бы. Последний переправился через Марну также по мостам в Соньи и Сарри, но только после войск 21-го армейского корпуса, которые, впрочем, явились сюда в нарушение установленного порядка переправы. Из-за этого действия кавалерийского корпуса ощутительно замедлились. Во всяком случае он высылает подразделения 9-й кавалерийской дивизии на л'Эпин, Тилуа, Ов и 6-й — на Марсон, Муавр, Эрпон.

К вечеру 6-я кавалерийская дивизия, обстреляв под Пуа артиллерийским огнем германскую колонну, достигает Эрпона и Домартэн-сюр-Иевр. 9-я с трудом преодолела сопротивление, организованное в л'Эпин арьергардом противника. Вследствие ряда задержек она не смогла продвинуться дальше Тилуа.

Мы не достигли цели, намеченной для кавалерийского корпуса, а именно — атак во фланг колонн противника, отступающих на север. Им удалось отойти почти в полной безопасности. Коннице пришлось удовольствоваться фронтальным преследованием арьергардов этих колонн, когда сами колонны

[1] Там во время завтрака часовые, наблюдавшие за шоссе, задержали американский автомобиль, седоки которого, снабженные пропусками от военного губернатора Парижа, просили разрешения проехать на фронт в передовые части. Я, конечно, не мог удовлетворить эту просьбу. Обратившиеся ко мне с этой просьбой были американскими офицерами, которые впоследствии сражались бок-о-бок с нами. Один из них — будущий командир американского оккупационного корпуса в Кобленце ген. Аллен, другой — ген. Френк Паркер, командовавший в 1918 г. 1-й американской дивизией.

уже прошли. Так как теперь она могла стеснить продвижение 4-й армии, я приказал ей отвести свои дивизии в район Бюсси-ле-Шато, ля-Шепп, откуда она должна 13-го продолжать преследование во взаимодействии с 11-м армейским корпусом.

Нам еще раз пришлось констатировать усталось войск и переутомление некоторых офицеров после тяжких испытаний при отступлении и волнений во время продолжавшегося несколько дней сражения, несмотря на удовлетворение, приносимое победой. Однако войска, одержавшие победу, поняли бы и оправдали, несмотря на свою усталость, возлагавшиеся на них надежды. Они использовали бы возможности, представляющиеся на другой день после победы. Но для этого надо было, чтобы командование, превратившись из побежденного в победителя, не довольствовалось созерцанием поворота счастья, а постаралось повышенной активностью и решимостью, предусмотрительностью и твердостью расширить еще легко достижимыми успехами результаты тяжело доставшейся победы. Необходимо было развить их, имея в виду не только настоящий момент. Нужно было умножить полученные от успеха выгоды, и в итоге удалось бы сберечь кровь солдат. Это избавило бы нас от жертв, которые стали неизбежными после того, как противнику дали несколько дней передышки

К концу дня головы колонн 9-й армии находятся на линии Трепай, Гранд-Лож, Кюперли.

Левее 10-й корпус 5-й армии достиг р. Вель выше Реймса. Правее 21-й корпус 4-й армии находится в Бюсси-ле-Шато и Сен-Реми-сюр-Бюсси.

В 13 час. я въезжаю в Шалон и располагаюсь со своим штабом в префектуре.

Весь день через город проходят в отличном порядке многочисленные колонны 11-го корпуса, а также артиллерия и обозы 52-й пехотной дивизии и 9-го армейского корпуса. Они, не будучи в состоянии безопасно переправиться по пешеходным мостикам или наскоро восстановленным мостам, используют для переправы через Марну оставшийся неповрежденным мост в Шалоне. Немцы совершенно очистили город от всех продуктов питания и предметов гигиены. В течение нескольких дней нам придется удовлетворять потребности населения. Многие жители оставались в городе во время немецкой оккупации, остальные быстро возвращаются.

В гостинице, где мы вечером обедали, доставив, впрочем, продукты и своих поваров, персонал еще накануне подавал

обильные яства высшим чинам саксонской армии, начиная с кронпринца саксонского. Мы шли по пятам противника.

Сражение на Марне заканчивалось. Это была действительно большая победа. Она была делом того, кто подготовлял ее с 24-го августа и неуклонно шел к ней до конца, — главнокомандующего, ген. Жоффра. На другой день после наших неудач на границе он ясно увидел, что игра начата неправильно, и вышел из боя, чтобы возобновить его, как только будут исправлены замеченные недочеты. Разгадав, наконец, замыслы противника, его мощный маневр через Бельгию, а также обнаружив несостоятельность некоторых начальников, он, не колеблясь, перегруппировал свои силы, создал себе на западе ударную армию и реорганизовал командование. Он продолжал отход в ожидании благоприятного момента. Когда этот момент наступил, он, энергично осуществив поворот на 180°, применил планомерное сочетание наступления и обороны. Задержав нашествие противника, он нанес ему смертельный удар.

От Урка и до Лотарингии все участники шли в бой в тесном единении, в полном взаимодействии, с исключительной энергией, чувствуя, что страна не переживет поражения в сражении такого масштаба. Высшее командование проявило полную дисциплинированность при выполнении своей задачи и дух товарищества, оказывая друг другу взаимную поддержку. Войска дрались до истощения последних сил.

Снова высокие стремления армии, отражавшие вполне законное настроение воюющей нации и планомерно использованные главнокомандующим, привели к историческому событию. Это была Марна.

Сердце страны, Париж, было спасено в сражении, в которое его губернатор бросил свои войска, понимая, что именно там решается судьба столицы. План немцев рухнул, а с ним и престиж их армий. Стремительное и мощное нашествие, которое должно было вывести Францию из строя, было не только задержано, но и отброшено, а отчасти расстроено. Каким образом противнику удастся восстановить свои силы и возобновить свои операции на Западном фронте? За это время не даст ли себя почувствовать давление огромных масс на Восточном фронте? Располагают ли центральные империи командованием, способным справиться с ведением войны теперь уже на два фронта, если ему не удалась операция на одном? Когда

я принимал командование 9-й армией, оперативная сводка гласила:

«От Соммы до Вогез торжествующее вторжение противника».

Сводка от 10-го сентября сообщала:

«Победа французов утверждается...»

Я был очень счастлив тем, что немало способствовал этому повороту нашего военного счастья.

9-й армии пришлось выдержать удар германской 2-й армии (10-го корпуса, наступавшего частью на французский 10-й корпус, 10-го резервного корпуса, гвардейского корпуса) и значительной части 3-й армии (12-го и 12-го резервного корпусов), брошенных в решительную операцию, которая должна была привести к прорыву французского фронта.

В Шалоне, занятый распутыванием всякого рода дел, я наряду с приятными сообщениями, подтверждавшими размеры достигнутого результата, получил печальные известия. Они касались членов моей семьи, находившихся в действующей армии, и тех тяжелых потерь, которые она понесла с 22-го августа. Об этом сообщил мне командующий 3-й армией ген. Саррай. В заботах об интересах отечества мы не имели даже времени оплакивать смерть близких. Но эти жертвы, на которые мы сознательно шли, не остались бесплодными; нам нужно было возможно скорее использовать создавшуюся обстановку.

Глава четвертая

Остановка

13-го сентября 9-я армия продолжает преследование с целью выйти на линию рр. Пи и Сюип. Впереди нее кавалерийский корпус к 9 час. достигает р. Сюип и находит, что Сюип и Сомм-Сюип еще заняты немцами.

В 14 час., после подхода и вступления в бой авангарда 22-й пехотной дивизии — правофланговой колонны 9-й армии, а также левофланговой колонны 21-го корпуса 4-й армии, Сюип и Сомм-Сюип взяты с боем. Кавалерийский корпус, продолжающий свое движение на Суэн, вскоре наталкивается на новое сопротивление на опушках лесов между рр. Сюип и Эной.

Сопротивление, оказываемое противником на последовательных, близких один к другому рубежах, доказывает, что перед

фронтом армии уже нет места для действий кавалерийской массы. Поэтому кавалерийский корпус расформировывается; он должен придать по одной бригаде каждому из армейских корпусов и держать остальные части 6-й дивизии восточнее, а 9-й дивизии западнее, чтобы охватывать оказывающего сопротивление противника и обеспечивать связь с соседними армиями.

Первая же разведка вскоре обнаруживает, что в тылу линии р. Сюип, вдоль римской дороги на высотах севернее реки, вырыты окопы.

К исходу дня 13-го сентября, после сильных боев 11-го армейского корпуса на р. Сюип, 9-го армейского корпуса в районе Прон и Маркиз, 9-я армия задержана примерно на линии Силлери, Сюип наравне с соседними армиями. Невозможно определить, — оказывают ли встреченное ею сопротивление арьергарды или главные силы противника.

Это можно будет установить только в результате дальнейших операций. Поэтому директивой от 13-го сентября главнокомандующий предписывает энергично продолжать преследование в общем направлении на север. Кроме того, он решает с 14-го сентября передать 21-й армейский корпус [1] 9-й армии, имеющей широкую полосу наступления.

Согласно этой директиве и во исполнение отданных мною распоряжений преследование продолжается 14-го сентября с целью достичь, если возможно, р. Эны. Но заградительный огонь устроившейся на позициях артиллерии противника допускает лишь очень незначительное продвижение.

Немцы прочно засели в окопах примерно на линии: римская дорога, Суэн, Перт-лез-Юрлю.

Поэтому очевидно, что мы повсюду имеем перед собой хорошо оборудованную оборонительную полосу. Теперь надо установить, должна ли эта оборонительная полоса прикрывать главные силы германской армии, остановившейся для нового сопротивления, или она служит только опорой для длительного сопротивления ее арьергардов, имеющих задачей дать ей возможность в безопасности провести общий отход или подготовить операцию в другом районе.

В этой невыясненной обстановке главнокомандующий приказывает:

---

[1] Ген. Мэтр.

«... 4-я и 9-я армии должны оттеснить противника до Мааса и труднопроходимого района Арденн, если он (противник) продолжает отходить, или сковывать его, если он попытается остановиться, чтобы оказать помощь своему правому флангу.

Таким образом, этим двум армиям в целом придется совершить захождение флангом в северо-восточном направлении, что может привести их на фронт Стенэ, Рокруа... 9-ю армию — ниже Седана».

В то же время он настаивает на том, чтобы не атаковывать фронтально позиции, оборудованные германскими арьергардами, а овладевать ими посредством охватов, на необходимости сбережения сил войск путем усиления авангардов артиллерией. Это позволит главным силам корпусов двигаться вслед за своими авангардами спокойнее и быстрее.

Наконец, он предписывает экономить огнеприпасы, особенно гранаты, и больше пользоваться шрапнелью, которая во многих случаях оказывается действительнее гранат.

Чтобы прорвать укрепленную линию, о которую накануне разбились мои войска, я приказываю на 15-е сентября вести методические атаки, последовательно захватывать опорные пункты и тщательно оборудовать захваченную местность, притом «неуклонно придерживаясь наступательного образа действий».

Выполняя эти распоряжения, 21-й армейский корпус атакует позицию под Суэном после продолжительной подготовки огнем полевой артиллерии. К концу дня он овладевает деревней, северо-восточным хребтом и, восточнее, рощами к югу от дороги Суэн, Перт-лез-Юрлю.

Прочим частям армии не удается продвинуться вперед. На всем своем фронте она, как 5-я и 6-я армии, наталкивается на очень сильные оборонительные сооружения, окопы с пулеметами, во многих местах прикрытые сетями проволочных заграждений, и на многочисленную искусно замаскированную артиллерию.

На этот раз очевидно, что мы имеем перед собой противника, решившего оказать упорное сопротивление.

Поэтому главнокомандующий телеграфирует:

«Повидимому, противник хочет вновь принять сражение на позициях, оборудованных к северу от рр. Эны, Вель и Сюип, где его арьергарды как будто усиливаются.

Поэтому теперь уже нельзя действовать приемами преследования, а надо перейти к методическим приемам наступления всеми нашими силами и средствами и постепенному оборудованию захваченной местности».

Преследование закончилось. Последующие дни отмечены попытками обеих сторон прорвать фронт противостоящего противника. Это были тщетные попытки, после которых фронт застыл на много месяцев.

Согласно директивам главнокомандующего, 9-я армия должна была предпринять ряд планомерно организованных наступательных действий с целью отнять у противника его опорные пункты. Если провести их быстро, можно было надеяться застать противника еще не вполне укрепившимся и устроившимся и благодаря этому легче будет с ним справиться. Во всяком случае наша непрекращающаяся агрессивность должна была держать противника под угрозой прорыва и не позволять ему увести свои резервы в другой район. Кроме того, она давала французскому главному командованию время подготовить операцию на новом направлении и возобновить наступление с отдаленными целями, сохраняя инициативу и власть над событиями.

Действительно, главное командование не могло рассчитывать на то, что одной победы, хотя бы столь крупной, как на Марне, будет достаточно для полной дезорганизации такой могучей армии, какой была германская в 1914 г. Чтобы добиться этого результата, надо было немедленно нанести противнику повторные удары, воспользовавшись его смятением и расстройством его планов. Надо было предупредить их осуществление путем быстрого проведения внезапных для противника действий, на которые он еще не был в состоянии ответить. Такая тактика представлялась уже неприменимой в Шампани, где прибытие резервов и оборудование местности, занятой уже некоторое время, позволяли противнику оказывать упорное сопротивление и очень скоро положили бы предел развитию нашего успеха. Но наше главное командование могло принять и осуществить эту тактику, быстро переменив район своих атак, перенеся их на более открытую местность на левом фланге наших армий. На этом новом театре оно могло взять в свои руки инициативу действий, которые благодаря моральному преимуществу после одержанной победы можно было бы вести с дерзостью.

Это являлось для него вопросом времени. Необходимо было по возможности сократить это время.

Чтобы сковать силы противника на своем фронте, 9-я армия 16-го и 17-го сентября сосредоточила свои усилия на овладении массивом Моронвилье. Однако на всем фронте войска

наткнулись на прочные окопы, подступы к которым обстреливались укрытыми батареями и батареями тяжелой артиллерии, расположенной за пределами досягаемости нашей артиллерии. При таких условиях наше продвижение оказалось почти равным нулю.

Дело в том, что оборона противника, подготовлявшаяся в течение нескольких дней, обладала, благодаря применению современных средств, такой силой сопротивления, которая была не по плечу ни нашим средствам ни нашим приемам наступления, подсказанным исключительно маневренной войной прошлого. Бойцы, укрытые в окопах, углубляемых с каждым днем, могли не бояться действия нашей полевой артиллерии. А когда их атаковывала наша пехота, продвижение которой естественно заставляло прекращать огонь этой артиллерии, они возобновляли огневой бой своими зачастую хорошо защищенными пулеметами. Ружейный огонь уже не мог проложить дорогу нашей пехоте, какой бы доблестной и подвижной она ни была. Уже выявлялась необходимость разрушать огнем тяжелой артиллерии глубокие оборонительные сооружения позиции, состоявшие из закрытий и пулеметных точек, чтобы сделать их уязвимыми для пехотной атаки. Но у нас в армейских корпусах еще не было тяжелой артиллерии. А запас снарядов для полевой артиллерии был невелик.

17-го сентября после полудня главнокомандующий приказал 9-й армии растянуть свой фронт на запад, сменив 10-й корпус, правофланговый 5-й армии. Эта мера имела целью дать возможность в случае необходимости использовать 10-й корпус на левом фланге армии ген. д'Эсперэ, которой угрожало сосредоточение сил противника близ Лаона. В виде компенсации я получил 12-й корпус [1] из 4-й армии.

Я немедленно отдал соответствующие распоряжения. День 18-го сентября ушел на осуществление предписанной перегруппировки, которая осуществлялась несмотря на сильный артиллерийский огонь и энергичные атаки противника против двух наших дивизий.

19-го, в то время как армия готовится возобновить свои действия в северном направлении и захватить массив Моронвилье, противник упреждает ее.

Утром немцы овладевают Суэном, который мы у него контратакой отбиваем.

---

[1] Ген. Рок.

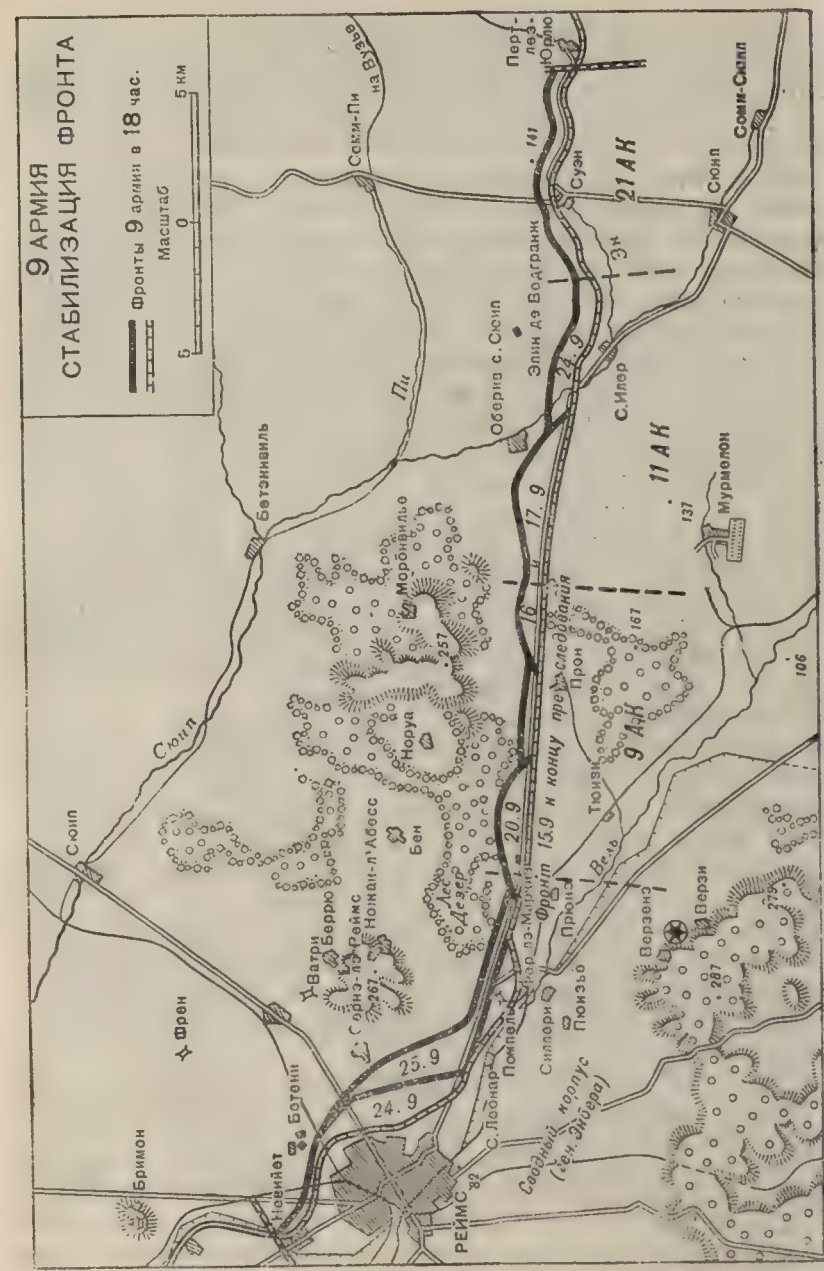

9 АРМИЯ
СТАБИЛИЗАЦИЯ ФРОНТА
Фронты 9 армии в 18 час.
Масштаб
5 0 5 км
Сюип
Френ
Бримон
Новийет
Ботени
Ватри
Берро
Сорнэ-лэ-Реймс
Ножан-л'Абесс
Бен
Норуа
Морбивилье
Бетэнвиль
Пи
Оберив с. Сюип
Элин де Водгранж
Суэн
Сюип
Сомм-Сюпп
Перт-лез-Юрлю
Сомм-Пи на Вузье
21 АК
11 АК
9 АК
С. Илер
Мурмелон
Прон
Тюизи
Верзенэ
Верзи
Пюизье
Силлери
Помпель
С. Леонар
РЕЙМС
Свободный корпус (ген. Эйбера)
Фронт 15.9 к концу преследования
Вель
Зн
24.9
25.9
20.9
17.9
16
24.9
141
137
167
106
257
267
287
279
82

Схема 7

В 9-м армейском корпусе разведка, высланная Марокканской дивизией к северу от Маркиз, встречает лишь мелкие подразделения противника и выдвигается вперед на 1 *км*. Там она наталкивается на очень прочно оборудованную вторую позицию и, установив это обстоятельство, в сумерки возвращается в свои окопы.

52-й резервной дивизии приходится очистить Бетэни, где невозможно держаться из-за огня артиллерии противника. Последняя продолжает обстреливать Реймс. Реймский собор горит.

Тем временем 5-я армия подверглась стремительным атакам к северу и югу от р. Эны. Главнокомандующий приказал мне поддержать ее всеми возможными средствами.

Я немедленно приказал 11-му армейскому корпусу:

«11-му армейскому корпусу, безусловно прочно удерживая свой фронт к юго-востоку от Реймса и впереди этого города, где он должен перейти к наступательному образу действий, подготовиться к наступлению к северо-западу от Реймса для поддержки правого фланга 5-й армии... Исполнение — возможно более спешное».

Получив эти распоряжения, 11-й корпус подготовляет наступление тремя бригадами, но не может начать его, так как указанная ему полоса наступления еще не очищена 10-м корпусом.

Обнаруженный 19-го отход противника перед Марокканской дивизией побуждает меня выяснить обстановку. Я приказываю 9-му армейскому корпусу возобновить на рассвете 20-го свои атаки в направлении на Норуа и Бен. Марокканской дивизии удается продвинуться на 1 200 *м* к северу от Маркиз, заняв пространство, по которому накануне проходила разведка. Она располагается там и удерживается, несмотря на довольно сильную контратаку; но она не в состоянии вклиниться в новый фронт немцев.

Попытки, предпринятые с 16-го сентября 9-й армией и в частности 9-м армейским корпусом перед Моронвилье, чтобы прорвать фронт противника, показали силу его оборонительных сооружений против фронта 9-й армии. Это заставляю думать, что его прорыва можно добиться только организованным наступлением крупных сил, располагающих мощной тяжелой артиллерией и нацеленных на жизненно важный пункт обороны противника. Изучение местности и тактической обстановки указывало, что усилия должны быть сосредоточены

на массиве Ножан л'Абесс, Беррю; там мы и попытаемся нанести новый удар противнику. А пока мы будем работать над усилением оборонительных сооружений по всему фронту; войска, не находящиеся в первой линии, будут отдыхать и приводиться в порядок.

Но в это время главнокомандующий телефонограммой, полученной в Шалоне 21-го сентября в 11 ч. 30 м., сообщает, что 11-й армейский корпус, передаваемый по его распоряжению в 6-ю армию, должен к вечеру 21-го выступить в район к югу от Суассона.

Я немедленно образую новую группу в следующем составе:

23-я пехотная дивизия (12-го корпуса), находящаяся в армейском резерве близ Мурмелона;

бригада 42-й пехотной дивизии;

Марокканская дивизия;

52-я резервная дивизия;

9-я кавалерийская дивизия.

Я подчиняю эту группу командиру Марокканской дивизии ген. Энберу под наименованием сводного корпуса. На этот сводный корпус возложена задача обеспечивать оборону Реймского фронта от Невийет до Прюнэ. Кроме того, он должен подготовить наступление на массив Беррю, которое намечалось начать позднее.

Смена находящихся в первой линии частей 11-го армейского корпуса производится беспрепятственно в ночь на 22-е, и последние его части покидают район Реймса 22-го около 7 час.

23-го утром сводный корпус окончательно сформирован и готовится к наступлению восточнее Реймса.

Однако так как на фронте 5-й армии замечена передвижка германских сил на северо-запад, 5-я армия, чтобы воспрепятствовать этому, утром 23-го переходит в наступление в северном и северо-восточном направлениях.

Поэтому я приказываю ген. Энберу поддержать это наступление своей артиллерией, а затем к 15 час. перейти в наступление всеми свободными силами.

Во исполнение этого последнего приказа Марокканская дивизия атакует на фронте ля-Помпель лес Дезер. Ее части медленно продвигаются вперед, а затем, энергично контратакованные, вынуждены отойти. Однако цель достигнута: ген. Энбер привлек на себя силы противника, расположенные в полосе его наступления. Действительно, воздушная разведка подтвердила вступление в бой германских войск, которые еще утром

были замечены в районе сосредоточения напротив сводного корпуса.

В течение следующих четырех дней, 24-го, 25-го, 26-го и 27-го сентября, армия концентрирует все свои усилия на захвате укрепленного массива Сернэ-лэ-Реймс, Ножан-л'Абесс, Беррю. Главный удар, наносимый сводным корпусом против массива, поддерживается армейскими корпусами, действующими правее.

Наступление начинается 24-го в 7 час. В этот день я располагаю свой командный пункт в Верзенэ.

Налево 52-й резервной дивизии удается продвинуться примерно на 1 *км*. 42-я пехотная дивизия овладевает фортом Помпель и фермой Альже. Марокканская дивизия несколько продвигается вперед в направлении на лес Дезер и к северу от Маркиз.

В центре 9-му армейскому корпусу не удается продвинуться вперед.

На правом фланге 12-й армейский корпус выдвигается примерно на 500 *м* в направлении на Оберив, Эпин-де-Ведранж, тогда как 21-й корпус овладевает высотой 155 (к западу от Суэна).

В общем мы продвинулись вперед, и обстановка представляется благоприятной, особенно на фронте сводного корпуса.

Поэтому я в полдень отдаю приказ усилить наступление и после тщательной артиллерийской подготовки возобновить продвижение, продолжая его до наступления темноты. 9-му армейскому корпусу, особенно удобно расположенному для оказания поддержки сводному корпусу, я отдаю следующие распоряжения:

«...С целью поддержать развивающееся наступление войск ген. Энбера пехоте 9-го армейского корпуса (в особенности 17-й пехотной дивизии) возобновить наступление ровно в 16 час. Удерживать и основательно укрепить местность, захваченную к концу дня. Артиллерии выдвинуть свои батареи в первую линию».

Но после полудня противник всюду оказывает упорное сопротивление. Продвижение наших войск, наталкивающихся на оплетенные проволокой окопы, подступы к которым обстреливаются артиллерией и пулеметами, вскоре становится ничтожным.

С наступлением темноты бой стихает. Только 42-й пехотной дивизии удалось выиграть пространство к северу и востоку от фермы Альже.

25-го наступление возобновляется на левом участке фронта армии, а правый фланг должен перейти в наступление лишь по особому распоряжению.

Сводный корпус снова продвигается вперед восточнее Реймса, примерно на 1 *км*, между Ленгэ и Жуиссаж.

На остальном фронте без перемен.

26-го 9-я армия должна продолжать действовать как накануне, но противник упреждает ее в действиях большим наступлением, о котором мы, впрочем, узнали за несколько часов из перехваченной радиограммы. Я сообщаю о ней своим войскам.

«Из перехваченной радиограммы видно, что император приказал германским армиям дать сегодня сражение на всем фронте.

Этот приказ последовал как раз в ту минуту, когда союзные армии закончили свою подготовку к наступлению на левом фланге. Таким образом, обстановка складывается для нас очень благоприятно. Нам достаточно сделать серьезное усилие, чтобы разбить противника.

Командующий 9-й армией рассчитывает на то, что благодаря энергии всех чинов позиции будут целиком удержаны и что будут использованы все благоприятные случаи для перехода в наступление...»

Действительно, после сильнейшей артиллерийской подготовки немцы переходят в наступление на всем фронте. Сначала их главный удар направлен восточнее Реймса, на Сен-Леонар, где одной из гвардейских дивизий удается оттеснить пехоту (23-й дивизии), занимающую этот район до моста через канал.

Ген. Энбер немедленно принимает необходимые меры. Однако его резервы вскоре оказываются исчерпанными. Он просит «ввиду силы германского наступления направить в его полосу резервы, если таковые остались».

Поэтому я приказываю командиру 9-го армейского корпуса немедленно послать сводному корпусу бригаду из своего резерва. Четыре батальона — единственные свободные войска 9-го корпуса — тотчас же направляются из Тюизи в район к югу от Пюизьё. Взамен 9-й армейский корпус должен получить свободную бригаду 21-го корпуса.

Действительно, 9-й корпус в свою очередь втянулся в очень сильный бой при отражении атаки, предпринятой одной из саксонских пехотных дивизий. На левом фланге эта атака заканчивается полной неудачей. Но к северу от Прон противник прорывается до римского шоссе, и здесь бой продолжается весь вечер и часть ночи.

В районе Сент-Илер и Суэн все усилия немцев разбиваются о стойкое сопротивление 12-го и 21-го корпусов.

В итоге вечером 26-го сентября можно считать, что на фронте 9-й армии большое германское наступление потерпело неудачу. Даже то незначительное пространство, которое немцы выиграли, было ими потеряно на следующий день.

Действительно, 27-го сентября 9-й армейский корпус полностью восстанавливает свой фронт.

Со своей стороны, сводный корпус организует наступление 23-й и 42-й пехотными дивизиями на окопы, занятые противником к северу от моста в Сен-Леонар. Это наступление, очень искусно поддержанное несколькими орудиями тяжелой артиллерии, увенчивается успехом.

27-го вечером положение на всем фронте 9-й армии полностью восстановлено. Мощное германское наступление можно считать окончательно неудавшимся. Но в 5-й армии дело обстоит иначе. Мне сообщают, что 3-й корпус, образующий ее правое крыло, подвергся сильной атаке. Мне предлагают быть готовым в случае необходимости вмешаться в бой на правом фланге 5-й армии, чтобы облегчить положение этого корпуса.

Однако важное сообщение от главнокомандующего определяет образ действий на ближайшее будущее. Мы узнаем, что нехватка артиллерийских огнеприпасов создает критическую обстановку, которая может «даже стать трагической». В течение двух или трех недель я не буду получать 75-*мм* снарядов и должен соответственно этому планировать свои действия. К тому же операция, предпринятая главнокомандующим, развивается теперь к северу от р. Уазы. Она имеет целью охват германского правого фланга. Союзные армии на всем фронте от Уазы до швейцарской границы должны перейти к обороне.

С этой минуты я предписываю армейским корпусам держаться оборонительного образа действий. Тщательно оборудовать местность, совершенствовать все созданные на ней сооружения, приводить в порядок, восстанавливать части и давать им отдых, осведомляя их о причинах, вызвавших эту перемену образа действий, — вот занятия, которым надо посвятить себя теперь. Кроме того, я указываю мероприятия для сокращения расхода огнеприпасов.

Период крупных операций для 9-й армии закончен; противник на ее фронте тоже переходит к обороне.

Таким образом, за время с 28-го сентября по 4-е октября

на фронте 9-й армии происходили события, не имевшие значения для общей обстановки.

1-го октября из состава 9-й армии был взят для переброски на север 21-й корпус.

Чтобы удовлетворить создавшимся таким образом новым условиям, я издаю инструкцию об оборудовании оборонительного фронта. В основу этого оборудования должно быть положено создание системы обороны в глубину, «обеспечивающей одновременно и повышение сопротивляемости и экономию сил».

С 4-го октября боевые действия на фронте 9-й армии, повидимому, вступают в период довольно продолжительного затишья. Противник устроился на сильных командующих позициях и располагает мощной артиллерией крупных калибров. Он создал непрерывные линии глубоких окопов с пулеметами и фланкирующими орудиями, частично в блиндажах. Сейчас не время пытаться выбить его оттуда. С другой стороны, в своем большом наступлении 26-го сентября противник потерпел полную неудачу. Наши оборонительные сооружения улучшаются с каждым днем и делают его попытки менее опасными. При таких условиях в Шампани в течение долгого времени нельзя ждать решающих событий.

* * *

Что же происходило на других участках нашего фронта, в частности на левом фланге наших армий? Я лишь смутно знал об этом по оперативным сводкам, когда 4-го октября, после полудня, главнокомандующий вызвал меня в свою ставку в Ромильи-сюр-Сен, куда я явился к нему около 16 час.

Он сказал мне, что операции, которые он ведет на западном фланге союзных армий, прежде всего имеют целью охватить соответствующий фланг германских армий, а в случае невозможности добиться этого — воспрепятствовать охвату нашего левого фланга противником. Для этого он перевел влево от 6-й армии, к северу от Уазы и Сены, 2-ю армию ген. Кастельно, штаб которого находится в Бретейле, а также армейскую группу под командованием ген. де-Мод'юи, штаб которого находится в Сен-Поле, на пути в Аррас. Эта группа, усиливавшаяся с каждым днем и получившая известную самостоятельность, должна была 5-го сентября превратиться в 10-ю армию. Связь между этими двумя армиями поддерживается группой территориальных дивизий под командой ген. Брюжера, штаб которого находится в Дулане. Кроме того,

британская армия просила перебросить ее с р. Эны на левый фланг наших армий, и эта просьба была удовлетворена. Штаб ее должен переехать в Сент-Омер. Это передвижение должно совершиться в самом непродолжительном времени. Наконец, надо также подумать о заключении через некоторое, еще неопределенное, время соглашения с бельгийской армией, группирующейся в настоящее время вокруг Антверпена.

Ввиду обнаружившихся колебаний или неуверенности, проявленных командованием некоторых наших сил в этом районе, а также для заключения соглашений с союзниками главнокомандующий поручил мне ехать на север. Мне было предложено немедленно взять на себя руководство делами и координирование наших действий с действиями армий союзников. Я получал звание помощника главнокомандующего.

Я немедленно вернулся в Шалон, в свой штаб; было 19 час. Я образовал себе штаб, вызвал ген. Энбера, командовавшего сводным корпусом, и передал ему командование 9-й армией. С самого начала войны этот молодой генерал вполне доказал свое хладнокровие, здравость суждения, решимость и энергию. Я разрешил с ним неотложные дела. Затем я распрощался с префектом департамента Марны Шапроном, а также с остальными чинами моего штаба, которые должны были присоединиться ко мне через несколько дней. В 22 часа я выехал из Шалона на север, навстречу моей новой судьбе.

Мне предстояло совершить ночью долгую поездку на автомобиле по дорогам, совершенно разбитым после военных действий, еще загроможденным транспортами, переезжать через реки по разрушенным и наспех восстановленным мостам, проезжать мимо руин населенных пунктов, разрушенных артиллерийским огнем.

Сначала мы ехали по полю сражения на Марне через Монмирай, Мо, где мы переправились через Марну. Затем мы пересекли поле сражения на Урке через Санли, Крей, где переправились через Уазу. Дальше мы проехали через Клермон, Сен-Жюст-ан-Шоссе в Бретейль, куда и прибыли 5-го октября около 4 ч. 30 м. Я немедленно послал доложить о моем приезде ген. де-Кастельно и в ожидании его прилег на школьную скамью. Вскоре он явился, и я принял на себя руководство нашими делами на севере.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СРАЖЕНИЕ ВО ФЛАНДРИИ

Глава первая

Операция на севере

Задним числом этот второй период войны, последовавший за сражением на Марне, окрестили «бегом к морю». Это — эффектное название. Однако оно могло бы дать ложное представление о предпринятой операции и совершенно не отвечает идее, положенной в основу боевых действий. Мы бежали не к морю, а на противника. Мы пытались охватить и окружить его правое крыло или, когда ему удавалось опередить нас, мы препятствовали его распространению, так как он также старался посредством большей скорости передвижений провести подобный охватывающий маневр. Отсюда вытекал бег к флангу, к северному флангу армий обоих противников. В то же время мы должны были задерживать и сковывать противника на всем остальном все более растягивающемся фронте. Этот симметричный маневр и привел к очень быстрому и все ускоряющемуся перемещению фланга через Иль-де-Франс, Пикардию, Артуа, Фландрию до самого Северного моря. Таким образом, море положило ему предел, отнюдь не являясь его целью. На всем пройденном пути охват, к которому стремились оба противника, приводил к фронтальным столкновениям, не дававшим решающих результатов. А когда у самого моря уже нехватило места, чтобы добиться решения, обе стороны попытались последним мощным усилием разгромить противника, успевшего лишь наспех создать оборону. Это случилось в сражении под Ипром.

Таким образом, после стремительного бега, продолжавшегося целый месяц, массы союзников, сломившие на Марне натиск вторгнувшегося противника, снова остановили его движение на Изере, спасли порты Ламанша, усилили коалицию и укрепили франко-британский союз. Хотя они и не разгромили германской армии и не одержали над ней решительной

победы, они опрокинули все ее планы, закрыв перед нею последнюю дверь, через которую она могла проникнуть, чтобы их осуществить.

* * *

Итак, немедленно по приезде в Бретейль я должен был координировать операции на севере, начиная со 2-й армии. Прежде всего командовавший ею ген. де-Кастельно описал мне положение наших сил в этом районе. Они были расположены до района к северу от Арраса, начиная от Рибекура на Уазе, где 13-й корпус [1], правофланговый корпус 2-й армии, был задержан в своем движении на Нуайон. Здесь противник достиг линии Лясиньи, Руа, Шон, Фейер на Сомме, Контальмезон, Бокур. Севернее группа территориальных дивизий, отходившая из района Бапом, обороняла подступы к шоссе из Амьена в Аррас и поддерживала, правда весьма ненадежную, связь с 10-й армией [2], формировавшейся вокруг Арраса. В течение нескольких дней 2-й армии приходилось вести очень тяжелые бои, особенно затрудненные большим протяжением обороняемых фронтов. Накануне она получила от 10-й армии тревожные сообщения, заставлявшие опасаться охвата. Поэтому командующий 2-й армией в своем докладе мне вынужден был предусматривать возможность отхода части своих сил, а именно тех, которые вели бой к северу от Соммы, на юг от этой реки, на ее левый берег.

Каковы бы ни были соображения, которыми можно было объяснить такое решение, оно, как мне казалось, привело бы к самым серьезным последствиям для ведения войны в целом. Эти последствия ускорили бы ход событий в направлении, противоречащем нашим интересам. Прежде всего это остановило бы развитие предпринятого главнокомандующим охвата французскими армиями фланга противника. Затем, это раскрыло бы перед немцами дверь для охвата левого фланга нашей 2-й армии. Это значило бы усугубить уже тяжелую участь нашей 10-й армии, что могло стать для нее роковым. Во всяком случае, даже если бы, отведя назад 2-ю армию, ее устроили в более прочном положении, этим поставили бы под угрозу судьбу северных провинций Франции, портов Ламанша и сообщений с Великобританией, а также с Бельгией.

[1] Ген. Аликс.
[2] Ген. де-Мод'юи.

Даже не заглядывая дальше вперед, несмотря на трудность настоящего момента и мрачность картины, нарисованной мне во 2-й армии, надо было во что бы то ни стало избежать подобных последствий. Необходимо было выдержать характер и во всяком случае не начинать по собственному почину отхода, к которому действия противника еще не вынуждали нас безусловно. Вместо того, чтобы готовиться к отходу, можно было предотвратить его, энергично удерживая войска на месте, в то время как севернее мы с подвозимыми английскими войсками и теми, которые ежедневно присылал французский главнокомандующий, продолжали бы развивать решающий маневр, который в конце концов должен был облегчить положение самой 2-й армии. Соответственно этому я и определил образ действий 2-й армии и потребовал, чтобы она любой ценой удерживалась на занятых ею позициях.

Большие войны, особенно те, которые затрагивают несколько союзных государств, и большие сражения, разыгрывающиеся во время таких войн, нельзя рассматривать только с точки зрения каждой из участвующих в них групп сил. Они составляют единое целое, совокупность комбинированных солидарных действий, захватывающих обширные пространства и значительные отрезки времени, но которые необходимо все время согласовывать, чтобы добиться благополучного конечного исхода. Если даже одному из этих действий грозит окончиться неудачей или одна из групп сил находится в особенно тяжелом положении, главное командование должно, несмотря на все и прежде всего, придерживаться своего единого общего плана. В то же время оно должно возобновлять или поддерживать ослабляющиеся действия, никогда не допуская прекращения их, не изменяя из-за этого своего плана и не отказываясь от него. Тяжелых испытаний, которым подвергается в данный момент какая-либо группа сил, хотя бы такого состава, как армия, еще недостаточно, чтобы оправдать переворот в совокупности операций, предпринятых другими армиями или для обеспечения интересов союзников. Отсюда вытекает очень здравая мораль для командиров всех степеней, а именно: чем менее ясно и более тревожно положение войск, чем серьезнее момент, тем больше они обязаны любой ценой развивать или вести свои собственные действия в духе, начертанном общим планом, не смущаясь невыясненностью или опасностями своей частной обстановки. Положение всегда будет восстановлено успехом

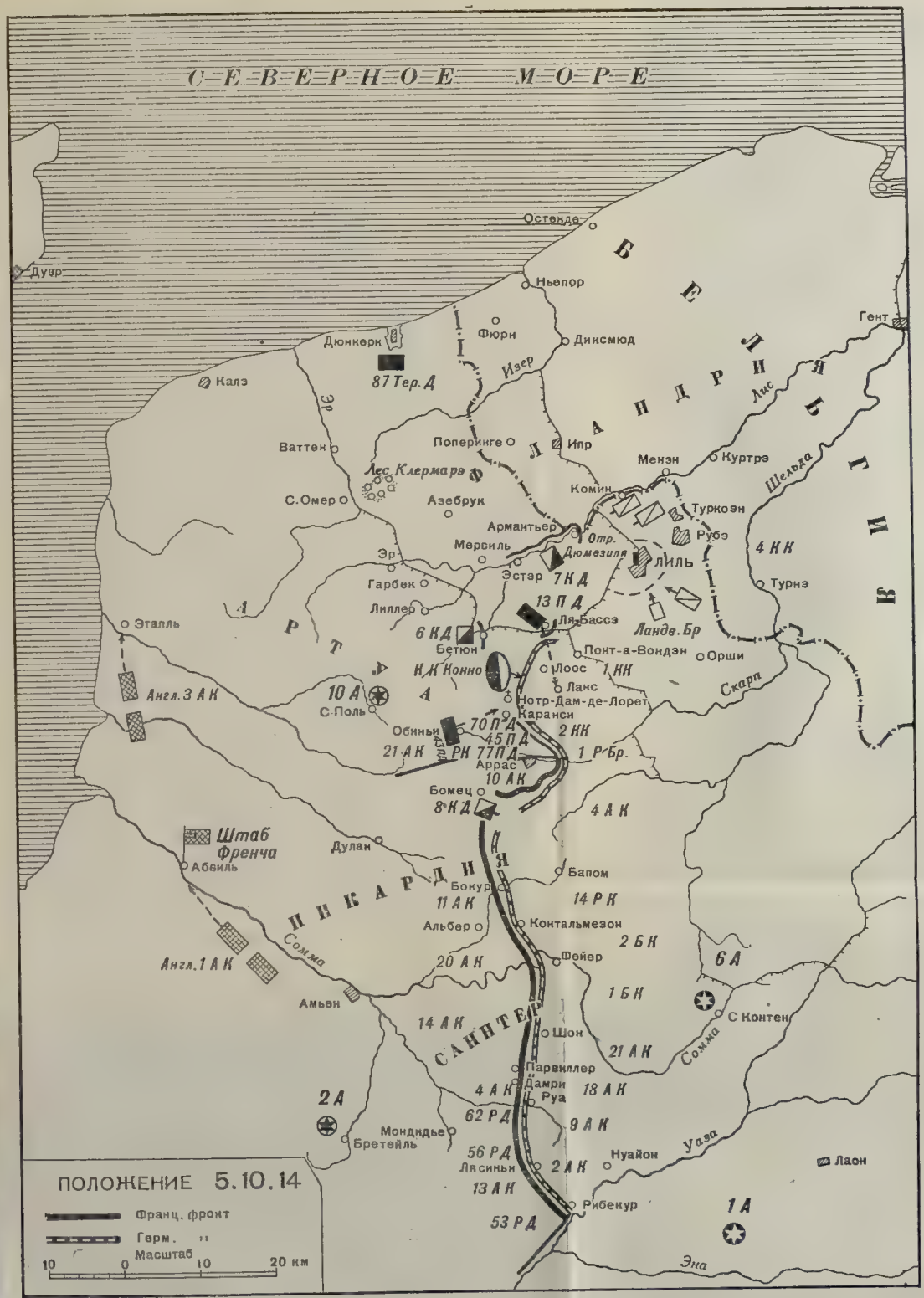

СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Остенде
Дувр
Ньепор
Гент
Фюрн
Диксмюд
Дюнкерк
87 Тер. Д
Калэ
Изер
Лис
Эр
Ваттен
Поперинге
Ипр
Менэн
Куртрэ
Шельда
Лес Клермарэ
Комин
С. Омер
Азебрук
Туркоэн
Армантьер
Отр. Дюмезиля
Рубэ
Мерсиль
Эр
Эстэр
7 К Д
Лиль
4 К К
Гарбек
Турнэ
Лиллер
13 П Д
Ля Бассэ
Ландв. Бр
Этапль
6 К Д
Бетюн
Понт-а-Вондэн
Орши
К К Конно
Лоос
1 К К
Ланс
Скарп
Англ. 3 А К
10 А
С. Поль
Нотр-Дам-де-Лорет
Каранси
Обиньи
70 П Д
45 П Д
2 К К
21 А К
РК
77 П Д
1 Р Бр.
Аррас
10 А К
Бомец
8 К Д
4 А К
Штаб Френча
Дулан
Абвиль
Бапом
Бокур
11 А К
14 Р К
Альбер
Контальмезон
2 Б К
Сомма
Англ. 1 А К
20 А К
Фейер
6 А
1 Б К
Амьен
С Контен
14 А К
Шон
21 А К
Сомма
Парвиллер
Дамри
4 А К
Руа
18 А К
2 А
62 Р Д
9 А К
Мондидье
Бретейль
56 Р Д
Нуайон
Уаза
Лясиньи
2 А К
Лаон
13 А К
Рибекур
1 А
53 Р Д
Эна
ПОЛОЖЕНИЕ 5.10.14
Франц. фронт
Герм. "
Масштаб
10 0 10 20 км

Схема 8

Фош

всего целого. Но при этом командование обязано найти или придумать способы, чтобы заставить свои войска продержаться до конца кризиса. Победа на Марне вполне оправдала в моих глазах эту доктрину. Необходимо было снова применить ее и в данном случае.

Таким образом, утром 5-го октября я договорился с командующим 2-й армией о том, что каковы бы ни были затруднения в данную минуту, его войска будут всеми имеющимися в их распоряжении средствами сопротивления удерживать фронт, занимаемый ими в настоящее время.

Обещав ему вернуться в Бретейль в тот же день вечером, я расстаюсь с ним в 7 час. и отправляюсь в Сен-Поль, в штаб 10-й армии. Около 10 час. я нахожу ее командующего ген. Мод'юи на его командном пункте в Обиньи, невдалеке от Арраса, но в 100 *км* от Бретейля.

По пути нам снова пришлось проезжать мимо печальной и густой колонны жителей, отступавших перед противником. Здесь это были многочисленные семьи рабочих-горняков из района Ланса. Они бежали плотной людской массой в отличие от земледельческого населения, за которым обычно следовали скот и телеги, нагруженные добром, как мы видели в Лотарингии и Шампани.

Когда я застал ген. Мод'юи в Обиньи, он был в превосходном настроении. Это — отличный солдат в бою. Брошенный с сильной конницей для охвата германского северного фланга, он был атакован германскими армейскими корпусами, наступающими на Аррас, и 5-го октября, когда я приехал к нему, отброшен на подступы к городу. Корпуса противника опередили его, и ему приходилось под их сильными атаками собирать свои части, еще разбросанные от р. Лис, Мервиля и Армантьера до района к югу от Арраса. В ожидании их сбора и ускоряя его ему приходится направлять войска в разные пункты, где он комбинирует импровизированное сопротивление, а также устранять еще замечающуюся у некоторых из начальников неуверенность в том, какого образа действий следует придерживаться.

В это время приезжаю я. Вместе с ген. де-Мод'юи мы разрабатываем меры, имеющие целью: 1) прежде всего задержать движение противника на Аррас; 2) крепко удержать на месте войска первой линии, ведущие бой; 3) возможно скорее собрать остальные части в тылу, заняв в то же время некоторые пункты, имеющие особое тактическое значение, как,

например, Нотр-Дам-де-Лорет; 4) наконец, продолжать наступление на нашем левом фланге, предпринятое с целью добиться охвата 21-м армейским корпусом [1]. Этот корпус должен бросить свою 43-ю дивизию из Обиньи на Каранси, а свою 13-ю дивизию из Ля-Бассэ на Лоос и Ланс, тогда как одна часть конницы будет обеспечивать связь между указанными дивизиями, а другая прикрывать их в восточном направлении. Для этого мы располагали следующими войсками: 10-м армейским корпусом [2], сводным корпусом временного состава (70-я и 77-я дивизии) [3], 21-м армейским корпусом, 45-й дивизией, кавалерийским корпусом Конно (1-я, 9-я и 10-я кавалерийские дивизии) и кавалерийским корпусом де-Митри (4-я, 5-я и 6-я кавалерийские дивизии).

Выработав эти директивы с ген. де-Мод'юи, я после полудня выезжаю обратно по дороге на Амьен. Вечером я возвращаюсь в Бретейль, где командующий 2-й армией доносит мне, что за день ничего особенного не произошло. Я провожу вечер и ночь в Бретейле. На другое утро, 6 октября, мы расстаемся с ним, решив придерживаться того же образа действий, что и накануне. Надо оказывать противнику упорное сопротивление на фронте 2-й армии и территориальных дивизий, в то время как мы предпримем охватывающее наступление на крайнем северном фланге 10-й армии, куда и выезжаю к ген. де-Мод'юи.

Приехав снова в Обиньи в это утро 6 сентября, я узнаю, что наступление, предписанное 21-му корпусу в направлении на Ланс, развивается медленно ввиду серьезного сопротивления противника. Тем не менее наши кавалеристы утвердились на плато Нотр-Дам-де-Лорет. На следующий день их должны сменить части 21-го армейского корпуса, две хорошо спаянные дивизии, которые выдвинули авангард в Понт-а-Вондэн.

В итоге день хотя и не дал крупных результатов, но положил удачное начало операциям 10-й армии. При таком положении дел я возвращаюсь в свой штаб, который приказал перевести в Дулан, на полпути между Бретейлем и Обиньи. В это время начальник штаба 2-й армии сообщает мне по телефону в Дулан, что на фронте этой армии противник пере-

---

[1] Ген. Мэтр.
[2] Ген. Дэфорж.
[3] Ген. д'Юрбаль.

шел в сильное наступление, поэтому желательно, чтобы я в тот же вечер прибыл в Бретейль.

Дело в том, что 4-й корпус [1], атакованный немцами на Сантерском плато, отошел и потерял Парвилье, Дамри, Андеши, ле-Кенуа. У командующего 2-й армией создалось впечатление, что ее фронт будет где-то прорван. Поэтому я снова выезжаю в Бретейль. Вместе с командующим армией я подсчитываю резервы, которыми он сам располагает, силы, предоставляемые в его распоряжение 6-й армией, и те (2-я дивизия), которые может дать английская конница ген. Алленби, следующая во Фландрию и остановившаяся на пути туда в Мондидье. Мы совместно решаем, что ему остается использовать эти подкрепления, если это необходимо, но что отнюдь нельзя изменять образа действий 2-й армии. Она должна всюду оказывать сопротивление, чтобы задерживать наступление противника, а для этого возможно скорее оборудовать наш фронт для обороны. Фактически бои 6-го октября оказались на довольно продолжительное время последним серьезным испытанием для 2-й армии.

Покончив таким образом с делами в Бретейле, я немедленно возвращаюсь в свой штаб в Дулан, куда и приезжаю поздно ночью. С моего отъезда вечером 4-го октября, т. е. за 57 часов, я проехал на автомобиле более 850 *км*, спеша из Шалона на поля сражения 2-й армии на Сомме и 10-й армии под Аррасом.

Наше устройство в Дулане не лишено известной примитивности, так как город уже занят штабом командира группы территориальных дивизий ген. Брюжера с его двумя стами весьма комфортабельных автомобилей и целым рядом важных лиц.

7-го октября сражение на фронте 10-й армии продолжается в том же духе, что и 6-го.

* * *

Но тем временем другие операции привлекают мое внимание к району, в который противник вторгается по нескольким направлениям. Мы выдвинули нашу конницу (две дивизии) до р. Лис, за которой она и наблюдает. Но севернее от нее, через ту часть Фландрии, которая простирается до моря, противник мог бы обойти наши войска, наступающие в Артуа, достигнуть портов Ламанша и отрезать от нас бельгийскую

[1] Ген. Боэль

армию, еще сосредоточенную вокруг Антверпена. Поэтому надо возможно скорее обеспечить себе обладание этой областью. Отсюда — немедленная отдача распоряжений о приведении крепости Дюнкерк в оборонительное состояние, об устройстве наводнений речной водой, о подготовке к наводнениям морской водой.

К югу от р. Лис находится город Лиль, упраздненная крепость, но очень крупный промышленный населенный центр. Во время отхода наших армий на Марну он был оставлен нашими войсками. Связавшись по телефону с префектом и получив подтверждение оставления этого большого города разъездами противника, я вечером 9-го решаю снова занять его. Мы вводим туда отряд из трех территориальных батальонов, одной батареи и трех эскадронов. 11-го они атакованы и обороняются в цитадели. Мы стремимся оказать им поддержку, расширив до Лиля охватывающий маневр наших армий [1].

Действительно, со дня на день может вступить в дело британская армия, прибывающая с фронта Эны. По мысли главнокомандующего, она должна продолжить охватывающий маневр, предпринятый на северном фланге наших армий. В то время как две кавалерийские дивизии подходили походным порядком, два армейских корпуса начали в ночь на 6-е октября выгружаться в окрестностях Абвиля и Этапля. Британская армия должна быть возможно скорее выдвинута на французский левый фланг, откуда и установить связь с английскими и бельгийскими силами, действующими в Бельгии. Чтобы прикрыть эту выгрузку, я высылаю из Дюнкерка территориальную бригаду с артиллерией. Она располагается на линии канала Ваттен, Сент-Омер, р. Эр и охраняет выходы из леса Клермарэ.

В то же время я приказываю выдвинуть другую территориальную бригаду из Дюнкерка на Поперинге, чтобы иметь возможность перенести выгрузку английской армии в Бетюн и Сен-Поль.

* * *

8-го октября ко мне в Дулан приезжает фельдмаршал Френч, расположившийся со своим штабом в Абвиле. Я очень рад встретиться с ним, так как мы еще не виделись с начала

[1] Фактически гарнизон Лиля капитулировал 13-го октября, прежде чем нам удалось притти ему на помощь.

войны. Мы знакомы уже давно, и тот радушный прием, который он неоднократно оказывал мне во Франции или в Англии в прошлые годы, не вызывает у меня ни малейшего сомнения в том, что наши отношения во время войны будут вполне искренними. В числе других известий он сообщает мне о сдаче Антверпена. Когда он спрашивает меня о том, что мы могли бы сделать в ответ на это событие, отдающее Бельгию немцам, я отвечаю, что мы еще далеко не соединились с бельгийской армией и не дошли с нашими войсками до побережья Северного моря. Успеем ли во-время сделать и то и другое? Единственный возможный на сегодняшний день ответ — тот, что мы будем всеми силами стремиться к этому, если нам не удастся сперва охватить северный фланг противника. При фельдмаршале находится мой старый друг, впоследствии фельдмаршал, сэр Г. Вилсон. В прочувствованных выражениях я высказываю ему свою радость по поводу нашей новой встречи и свое убеждение в том, что если британская армия так быстро и в полном составе вступила в войну, то этим мы обязаны мероприятиям и подготовке, проведенным им в британском генеральном штабе. Он уже показал себя тем бдительным патриотом и дальновидным начальником, каким он был и в своей дальнейшей деятельности.

Что касается меня, то моя уверенность не была поколеблена. Я видел, как противник потерпел неудачу в Лотарингии; на Марне мы побили его. Он рассчитывал поправить свои дела на севере, — мы оказывали ему сопротивление. Тот молниеносный удар, которым он рассчитывал вывести Францию из строя, был победоносно отражен, а давление России скоро должно было почувствоваться на нашей чаше весов. Более того, после результатов, достигнутых нашими 2-й и 10-й армиями, с предстоящим в ближайшем будущем вступлением в дело британской армии, вновь появлялась возможность расширить наш маневр к северу. 10-го октября я писал главнокомандующему:

«Г-н генерал,

Я считаю наше положение очень удовлетворительным.

Кастельно не подается ни на шаг.

Его территориальные части — также, не считая некоторых неудач.

Мод'юи ведет наступление под Аррасом, медленно, но неуклонно продвигаясь вперед. Севернее наша конница только

что была оттеснена на линию Ля-Бассэ, Бетюн. Я не придаю этому большого значения, так как сегодня в полдень мы будем иметь английский 2-й корпус в Бетюне и Лиллере, английский кавалерийский корпус — в Эр и Гарбеке.

Сегодня выгрузка английских войск происходит в Сент-Омере (который попрежнему в наших руках) и окрестностях.

При таких условиях германское наступление представляется мне неопасным.

2-я армия проявляет большую устойчивость. Прибытие Дюшена произведет на нее отличное впечатление. В ней больше нет разговоров об отходе. Впрочем, я категорически воспретил отход.

Конница еще не обладает достаточной устойчивостью.

Я вернусь в Ромильи, как только вы захотите, но я считаю свое присутствие здесь полезным, пока мы не выровняли линию фронта, пока не возобновилось движение вперед, пока приходится осваивать обширную территорию, простирающуюся от Дюнкерка через Лиль до Нуайона и подверженную всевозможным случайностям.

Примите, г-н генерал, выражение моей самой почтительной привязанности.

(подп.) *Фош*».

«P. S. — Я предполагал бы, если вы это одобрите и маршал Френч согласится, выдвинуть левый фланг нашей армии (10-й) через Лиль на р. Эско (Шельду) в Турнэ или в Орши. Тогда английская армия, пройдя через Лиль и севернее, развернется от Турнэ за Куртрэ, чтобы собрать на левом берегу Эско или р. Лис все французские, английские и бельгийские отряды; дальше будет видно».

Во всяком случае к 10-му октября фельдмаршал Френч должен был иметь готовыми ко вступлению в дело 2-й армейский корпус и две кавалерийские дивизии между Бетюн и Эр; к 12-му — 3-й армейский корпус и две кавалерийские дивизии между Бетюн и Сент-Омер.

10-го числа мы разработали меры для возобновления наступления и скорейшего выяснения нашего положения на основе соображений, изложенных в следующей записке:

«При существующем положении союзных армий представляется, что первая забота должна заключаться в обеспечении себе надлежащей безопасности, проведении сбора бельгийских,

английских, французских сил, оказавшихся разбросанными в результате последних военных событий.

Район к северу и востоку от Лиля, между р. Эско с одной стороны и р. Лис с другой, представляется удобным районом сбора.

Если завтра, 11-го, и послезавтра, 12-го, левый фланг французской 10-й армии будет поддержан правым флангом английской армии (2-м и кавалерийским корпусами), наступающим на фронте Бетюн, Мервиль, то можно предполагать, что направление на Лиль снова освободится. С другой стороны, район к северу от удерживаемой нами линии Мервиль, Азебрук, Кассель, повидимому, занят лишь незначительными силами.

При таких условиях мы полагаем, что утром 13-го левый фланг французской армии сможет двинуться на Лиль, а затем на Турнэ; правый фланг английской армии — в район к северу от Лиля, а позднее на Танплев; центр английской армии движется на Куртрэ.

Позади р. Эско, на которой мы, таким образом, будем владеть Турнэ, и р. Лис, где будет занят Куртрэ, смогли бы собраться английские, французские и бельгийские отряды.

Если т-н маршал, главнокомандующий британской армией, разделяет эту точку зрения, то для движения французской армии будет назначено шоссе Остревиль, Удэн, Веркиньель, ля-Бассэ, Лиль, Турнэ и дороги к югу от него. В распоряжении английской армии будут находиться дороги севернее.

Имею честь спросить, одобряется ли этот план?

(подп.) *Фош*».

Фельдмаршал Френч обязуется всеми способами и возможно скорее поддержать действия французских войск, но вследствие задержек с выгрузкой британский 3-й армейский корпус будет располагать своей первой дивизией только 13-го после полудня, а весь корпус окажется готов к выступлению только 15-го к вечеру.

Тем временем французская 2-я армия удерживается на своих позициях. Но северный фланг 10-й армии и первые части британской армии задержаны в своем движении на Лиль повторными атаками все возрастающей силы, которые противник развивает к югу от р. Лис.

15-го октября, благодаря прибытию и продвижению британских сил на северном берегу р. Лис, мы, наконец, начинаем

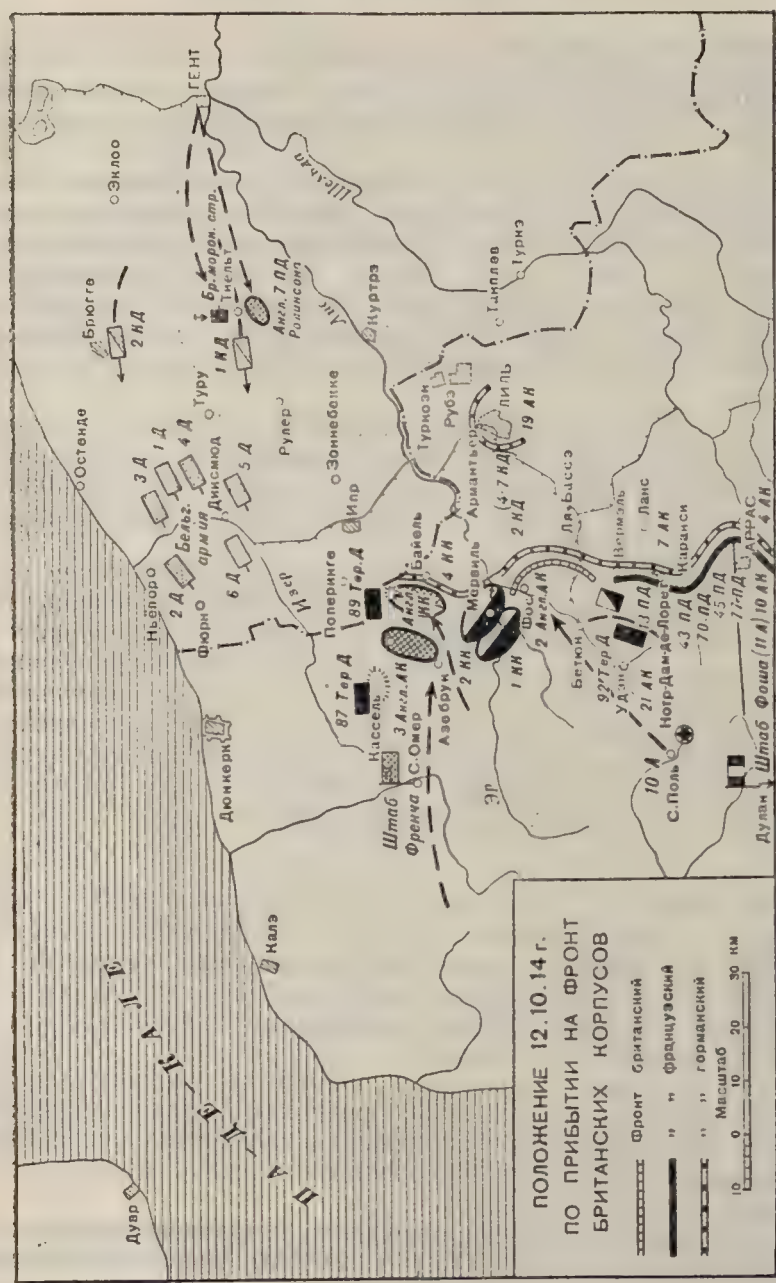

ПОЛОЖЕНИЕ 12.10.14 г.
ПО ПРИБЫТИИ НА ФРОНТ
БРИТАНСКИХ КОРПУСОВ
Фронт британский
" " французский
" " германский
Масштаб
10 0 10 20 30 км
ПА-ДЕ-КАЛЕ
Дувр
Калэ
Дюнкерк
Ньепор
Фюрн
Остенде
Эклоо
Брюгге
ГЕНТ
Шельда
Бельг. армия
Диксмюд
Туру
Рулер
Зоннебеке
Ипр
Куртрэ
Танплев
Турнэ
Рубэ
Турнэ
Армантьер
Пилль
Ла Бассэ
Вермель
Ланс
Каранси
Лорет
Нотр-Дам-де-Лорет
С. Поль
Дулан
Штаб Фоша (11 А) 10 АН
Штаб Френча С. Омер
Кассель
Поперинге
Байель
Мервиль
Азебрук
Фос
Бетюн
Удэнс
Эр
Ипр
Лис
Изер
1 КД
2 КД
3 Д
4 Д
5 Д
6 Д
1 КН
2 КН
4 КН
19 АК
7 АН
4 АК
10 А
43 ПД
45 ПД
70 ПД
77 ПД
87 Тер Д
89 Тер Д
92 Тер Д
3 Англ. АК
Англ. 7 ПД Ролинсона
Бр. морск. стр.

Схема 9

осуществлять охват и обход северного фланга действующих во Франции германских армий. Но уже собирается новая гроза.

* * *

На сцену выступают силы противника, действующие в Бельгии на том же северном берегу р. Лис и освободившиеся после сдачи Антверпена. Открывается новый проход для вторжения противника, которого мы с трудом удерживали в Пикардии, в Артуа, во французской Фландрии и окружали на р. Лис от Армантьера до Менэна. Приходится думать о новом театре — бельгийском, немедленно учесть фактическую боевую обстановку, так как она воскрешает прежнюю опасность, создавая угрозу портам Ламанша, единству союзников и связи между ними.

Необходимо остановить марш противника «на Калэ». Надо если не вновь завоевать, то хотя бы спасти часть Бельгии, чтобы сохранить ее существование. Где удастся нам теперь провести сбор сил союзников, разбросанных в этом районе, сбор, который был предусмотрен в записке от 10-го октября, но который уже не может быть прикрыт рр. Лис и Эско? Какова ценность этих войск? В какой мере мы сможем использовать их в случае необходимости для участия в наших операциях? Под прикрытием какого рубежа сможем мы восстановить их и создать хотя бы преграду для действий противника?

Антверпен был занят германской армией 9-го октября. Бельгийская армия начала отступление в направлении на Эклюо, Брюгге. На помощь ей английское адмиралтейство послало к Антверпену 7-ю пехотную и 3-ю кавалерийскую дивизии под командой ген. Ролинсона; Франция — бригаду морских стрелков под командой адмирала Ронарка. Эти войска не смогли продвинуться дальше Гента. Теперь они отходят, прикрывая правый фланг бельгийской армии.

Сперва бельгийская армия отходит в район Остенде, Туру, Диксмюд, Фюрн, где представитель французского главного командования при этой армии ген. По застает ее 10-го октября сильно потрепанной после осады Антверпена и последовавшего затем отступления. Она предполагает продолжать движение на Калэ и Сент-Омер, тогда как ген. Жоффр делал тщетные попытки привлечь ее к Ипру и Поперинге, на соединение с союзными армиями и для участия в их охватываю-

щем движении. Осведомленный об этом замысле, я прошу ген. По добиться того, чтобы бельгийская армия перенесла свою операционную линию и базу на Дюнкерк вместо Калэ и меньше удалялась от Бельгии в тот момент, когда союзные армии собираются вступить в нее. При таких условиях 11-го октября в Остенде было решено направить запасные воинские части (депо) и необученных людей в Дюнкерк, а шесть дивизий, составляющих бельгийскую армию, собрать в районе Ньёпор, Фюрн, Диксмюд попрежнему под прикрытием британской дивизии ген. Ролинсона и французской бригады морских стрелков адмирала Ронарка с востока. Бельгийские дивизии не должны отходить, если не будут атакованы, а в случае если их вынудят отступить, им предложено расположиться и устроиться для обороны на тыловой линии позади р. Изер и канала от Диксмюд до Ипра, все время держа связь с последним.

Оставление бельгийской армии у побережья ведет к ее изолированности, которая может стать для нее роковой, и отказу от узла сообщений — Ипра, что может оказаться гибельным для плана союзников. Поэтому я уже 12-го октября приказываю военному губернатору (коменданту) Дюнкерка ген. Бидон «принять командование над 87-й и 89-й территориальными дивизиями и распюложиться с ними на дороге Поперинге, Ипр, откуда постараться установить у Зоннебеке и Рулера связь с силами союзников, действующими восточнее (англичанами, бельгийцами, французскими моряками). Вам надлежит маневрировать так, чтобы поддерживать вправо связь с британскими силами, прибывающими сегодня в Эке». Кроме того, он должен будет оборудовать в Ипре сильный опорный пункт для задержки наступления противника из Армантьера, Комин или Менэна. Таким образом, мы уже с 14-го октября стремимся без промедления создать среди разношерстных, неустойчивых и двигающихся в разных направлениях частей союзников в этом районе центр сопротивления и прочный сборный пункт, вокруг которого они смогут увязывать свои действия, оказывая друг другу поддержку.

Впрочем, необходимо учитывать состояние бельгийской армии. Она подверглась в течение двух месяцев целому ряду самых тяжелых испытаний (под Льежем, Намюром, Антверпеном) и сильнейших бомбардировок. Она была меньше подготовлена к ним, чем любая другая армия. До 1914 г. она знала только мир. Нейтралитет Бельгии, гарантированный великими

европейскими державами, стал своего рода догматом, отстранявшим от бельгийской армии всякую угрозу войны, ограничивавшим ее роль охраной внутреннего порядка, а во внешней политике — защитой от вторгнувшегося противника до того дня, когда державы, гарантировавшие нейтралитет Бельгии, возьмут на себя обеспечение ее независимости и оборону своими армиями. Бельгийская армия была королем и народом брошена в водоворот страшной борьбы, тщательно и мощно подготовленной грозным соседом. В этой реальной обстановке, столь отличной от предположений, армии и приходится оказывать сопротивление, находя лишь слабую поддержку для своих нервов в имеющемся у нее вооружении.

Как бы то ни было, при всей невыясненности обстановки на побережье Северного моря и неуверенности в том, сможем ли мы оказать там сопротивление нашествию, я совершаю 16-го октября быструю поездку по этому, еще незнакомому мне краю. Меня сопровождают майор Дестикер и лейтенант Тардье. Утром я сперва отправляюсь в Сент-Омер, куда переведен штаб фельдмаршала Френча. Я прошу его обеспечить нам поддержку британской эскадрой против германского правого фланга в районе Остенде; одновременно перейти в наступление корпусом Ролинсона от Ипра в направлении на Рулер, чтобы отвлечь наступающего противника от бельгийской армии. Затем я еду в Дюнкерк. В этом городе имеются значительные запасы, которые надо во что бы то ни стало обеспечить от захвата. Я вызываю туда бригаду территориальных войск и вместе с новым комендантом, ген. Плантэ, удостоверяюсь в том, что подготовка к обороне подвинулась вперед, наводнения хорошо подготовлены. Наводнение речной водой уже устроено. Наводнение морской водой может быть произведено когда угодно; уровень воды в существующих для этого каналах доведен до уровня моря при приливе. В этом городе я встречаюсь также с бельгийским председателем совета министров де-Броквилем. После обмена сведениями о военной обстановке в этом районе, а также о стоящих на карте политических интересах мы решаем немедленно отправиться в Фюрн, в штаб бельгийской армии, чтобы повидаться там с королем.

В эти переживаемые нами грозные часы приходится принять серьезное решение; нельзя допустить, чтобы бельгийская армия покинула Бельгию. Чтобы предотвратить катастрофу, надо во что бы то ни стало прекратить отступление армии и

удержать ее на отечественной территории, как бы ни уменьшились размеры последней. Де-Броквиль разделяет эту точку зрения. Он обещает поддержать мои предложения.

На шоссе из Дюнкерка в Фюрн нам снова приходится ехать навстречу жалкой толпе жителей, бегущих от нашествия. Женщины, дети, молодые девушки, монахини, священники, старики уходят в беспорядке поспешного бегства, измученные безостановочным движением без пристанища, после ночей под открытым небом и октябрьскими дождями. Фюрн наполнен бельгийскими войсками, измученными жестокой бомбардировкой Антверпена и восьмидневным отступлением. Командование армией и ее командующий — король — расположились в ратуше, стильном здании на углу площади, суетолока на которой резко отличается от обычной тишины и пустынности.

В сопровождении начальника нашей военной миссии подполковника Брекара и предшествуемый де-Броквилем я отправляюсь в бельгийский штаб. Там я нахожу начальника штаба, ген. Аното, и его помощника, ген. Вилеманса. Они еще не оправились от смятения и неуверенности, неизбежных при продолжительном тяжелом отступлении. Я излагаю им соображения, оправдывающие прекращение этого отступления, и указываю средства, позволяющие оказать сопротивление противнику. Германские войска на этом фронте — это второочередные части, резервные корпуса. Пехота не имеет той ценности, как пехота, которая была только что задержана и отброшена во Франции, но, конечно, поддерживается сильной артиллерией. Зарывшись в землю, бельгийская армия отразит ее удары и создаст преграду, на усиление которой идут французские войска. Диксмюд уже занят безусловно надежной бригадой морских стрелков. Это прочный опорный пункт для организации сопротивления.

Через несколько минут меня принимает король. Он находится в зале старшин, просторной, красиво украшенной комнате с большим камином, в котором пылает огонь, что особенно приятно в этот холодный и сырой день. Я впервые его вижу. Я подхожу к нему не без некоторого смущения, твердо решив защищать общее наше дело спасения Бельгии и обеспечения успеха сражения, которое в данный момент ведут союзники. И эти чувства немедленно встречают отклик. Бельгия представляет собой теперь только клочок территории, на котором укрылись ее правительство и армия. Если они отой-

дут еще километров на двадцать, противник покончит с Бельгией, окончательно овладеет и будет ею распоряжаться; она будет стерта с карты Европы. Возродится ли она в день заключения мира? Конечно, бельгийская армия сильно истощена, полагает король, но она вновь обретет всю свою энергию, чтобы оборонять то, что осталось от отечества, уцепиться за Изер и выиграть время до подхода войск союзников. Решения и распоряжения короля свидетельствуют об этом. Итак, бельгийская армия закрепится и будет оборонять линию Изера от Ньёпора до Диксмюда и Бусинге, где ее поддержат французские войска.

На другой день после этого свидания король объезжает все свои дивизии, он напоминает им, что бельгийская армия отстаивает последний клочок своей государственной территории, что они должны скорее умереть на нем, чем уступить его. Каждый командир дивизии, отступивший без формального приказа, будет смещен.

Благодаря этим распоряжениям мы рассчитываем, что сможем сдержать нашествие вдоль побережья. Для этого мы будем держаться на Изере от Северного моря до Диксмюда быстро восстановленной бельгийской армией, на опорном пункте Диксмюд — бригадой морских стрелков; южнее, на р. Иперле и до Ипра, — уже находящимися там территориальными войсками, которые я быстро усиливаю кавалерийскими дивизиями. При этих условиях мы будем ждать прибытия французских подкреплений, обещанных нам главнокомандующим. В таком духе я перед своим отъездом из Фюрн, вечером 16-го, спешно отдаю распоряжения адмиралу Ронарку, указывая ему его задачи в Диксмюде:

«В той обстановке, в которой мы находимся, тактика, которой вам надлежит придерживаться, не требует никаких маневров, а просто и целиком основана на необходимости держаться там, где вы находитесь.

С этой целью следует безоговорочно подготовиться к использованию всех ваших сил и средств в удобном и укрытом расположении

. . . . . .

Что касается вашего образа действий, то он должен состоять в том, чтобы пресекать всякую попытку продвижения противика, главным образом, своим огнем.

Такой образ действий не представит затруднений при име-

ющихся у вас силах и средствах. Он позволяет вам занять обширное пространство. Вы не должны и помышлять об оставлении своей позиции без формального приказа высшего начальства, если только противник не захватит всю позицию.

Нечего и говорить, что я вполне полагаюсь на вашу самоотверженность при выполнении этой задачи».

Адмирал со своими моряками выполнил свою задачу самым блестящим образом.

Наконец, я на всякий случай приказал дополнить оборону Дюнкерка наводнениями, простирающимися примерно на 10 *км* и образующими вдоль побережья препятствие, у которого можно было бы возобновить сопротивление, если бы бельгийская линия была захвачена.

Такова система обороны, которую нам удалось быстро воссоздать, чтобы остановить противника в его движении «на Калэ» и разрушить его новый план, метивший уже не на Париж, а на порты Ламанша.

Вечером я возвращаюсь в свой штаб в Дулан, в 121 *км* от Фюрна, и доношу главнокомандующему о сделанном мною за день:

«Я только что вернулся из Фюрна, из штаба бельгийской армии. Утром по пути туда я остановился в Сент-Омере, в ставке маршала Френча, и просил его:

1) побудить свое правительство пустить в ход свой флот против германского правого фланга на побережье у Остенде;

2) перейти в наступление корпусом Ролинсона от Ипра в направлении на Рулер, чтобы отвлечь наступление немцев от бельгийской армии.

Затем я поехал в Дюнкерк, где виделся с комендантом крепости. Он сказал мне, и я считаю, что крепость хорошо подготовлена к обороне. Наводнение речной водой уже устроено; наводнение морской водой будет устроено в ближайшем будущем. В настоящее время распределение и направление всякого рода беженцев из Бельгии происходит без затруднений. Так же обстоит дело и в Калэ. Из Дюнкерка я поехал в Фюрн. Бельгийская армия расположилась на линии Изера. Она получила приказ оказывать там сопротивление, укрепиться и обороняться с предельной энергией. Король и председатель совета министров, повидимому, решили придерживаться этой тактики и заставить других держаться ее...

Английская армия продолжает свое наступление на Куртрэ. Она продвигается вперед, сегодня также.

С совершенным почтением ваш

(подп.) *Фош.*

Несмотря на все, если у вас будут вполне надежные войска, которые вы сможете расположить слева от бельгийской армии, они там будут весьма на месте со всех точек зрения».

Моя поездка во Фландрию в этот день показала мне, что хотя наш крайний левый фланг, примыкающий к морю, приобрел относительную прочность, однако от Бусинге до р. Лис еще открыт проход шириной около 20 *км*. Этот проход занят только несколькими территориальными полками, конницей и английскими частями, еще разбросанными в районе Ипра. К счастью, по приезде в Дулан я узнаю от ген. Жоффра, что британский 1-й корпус закончит выгрузку в Азебруке 19-го октября. За ним последуют Лагорская дивизия — в тот же район, французская 42-я дивизия в Дюнкерк и французский 9-й корпус в еще не установленный пункт. Я должен возможно лучше использовать эти подкрепления, обеспечив их подход под прикрытием разных войск в районе Ипра и согласовывая их действия.

По мере того как в Пикардии и Артуа сражение принимает позиционный характер, к северу от р. Лис начинают развертываться новые события. Это — последний район, в котором немцы могут попытаться предупредить нас и надеяться, захватив нас врасплох во время подготовки, раздавить своими мощно вооруженными массами. Таким образом, они рассчитывают выиграть, наконец, сражение на западе, где победа до сих пор ускользала от них, и осуществить свой план победоносного окончания войны здесь, прежде чем добиваться этого на востоке. Можно предвидеть, что не стесненные в своих действиях, они разовьют здесь особенно мощные усилия. Поэтому мы должны еще раз попытаться упредить их в их движениях. Фактически нам не удалось достигнуть этого, но мы все же пресекли их попытку, и они потерпели серьезную неудачу.

17-го октября я отправляюсь в Сен-Поль, в штаб 10-й армии, чтобы разрешить некоторые мелкие дела, а главное, чтобы встретить министра казначейства английского кабинета — Ллойд-Джорджа. Он совершает поездку по нашему фронту со своим приятелем лордом Ридингом. Это моя первая

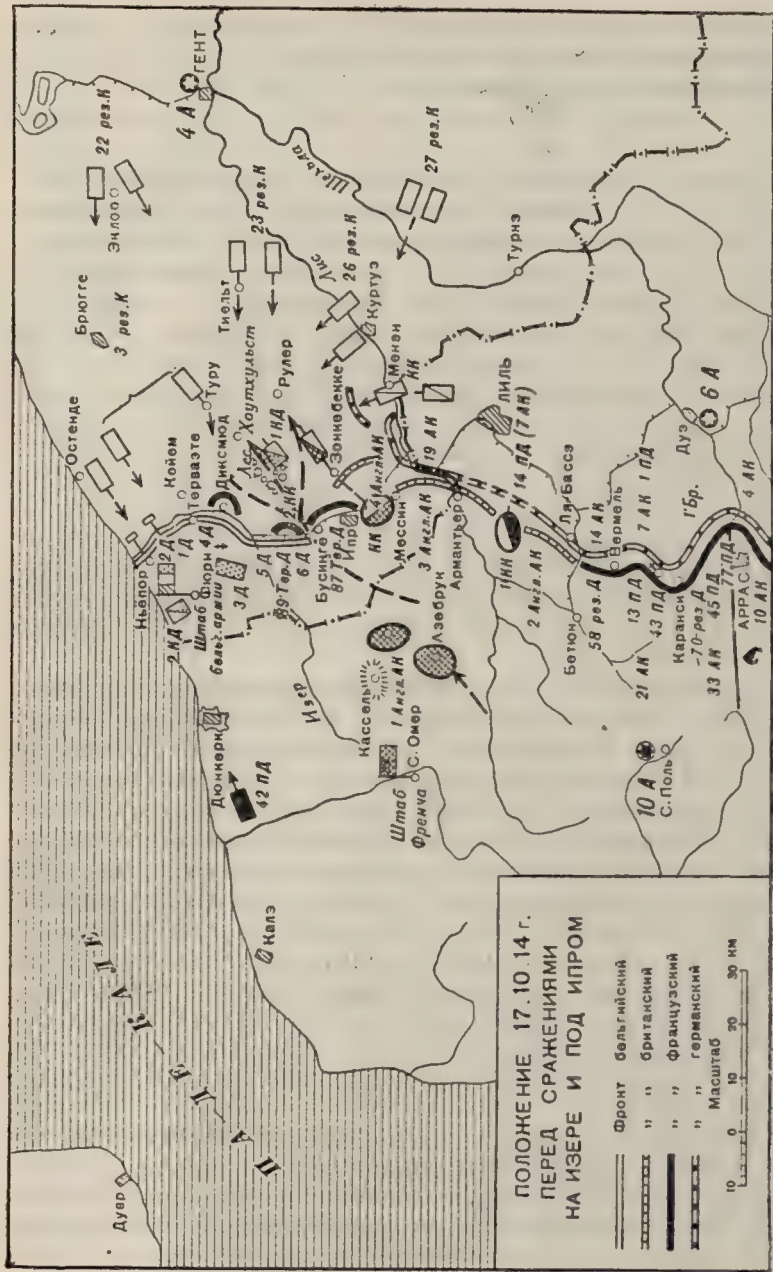

ПОЛОЖЕНИЕ 17.10.14 г.
ПЕРЕД СРАЖЕНИЯМИ
НА ИЗЕРЕ И ПОД ИПРОМ
Фронт бельгийский
" " британский
" " французский
" " германский
Масштаб
10 0 10 20 30 км
ПАДЕ-КАЛЕ
Дувр
Калэ
Дюнкерк
Ньёпор
Остенде
Брюгге
Гент
Лиль
Турнэ
Куртуэ
Менен
Зонневекке
Армантьер
Ла-Бассэ
Вермель
Бетюн
Каранси
Аррас
Дуэ
Гбр.
Мессин
Азебрук
Кассель
С. Омер
С. Поль
Штаб Френча
Штаб бельг. армии
Изер
Лис
Шельда
Ипр
Тиельт
Хоутхульст
Рулер
Диксмюд
Туру
Терваэте
Койем
Фюрн
Бусинге
Бугенс
Бугрем
Бугрем
Зонневекке
Менен
Куртуэ
Турнэ
Лиль
Ла-Бассэ
Вермель
Бетюн
Каранси
Аррас
Дуэ
Гбр.
Эклоо
Брюгге
Гент
4 А
22 рез.К
3 рез.К
23 рез.К
26 рез.К
27 рез.К
1 КД
2 КД
1 ГД
2 ГД
3 ГД
5 ГД
6 ГД
87 ГД
89 ГД
42 ПД
1 Англ.АК
2 Англ.АК
3 Англ.АК
19 АК
14 АК
14 ПД (7 АК)
58 рез.Д
13 ПД
43 ПД
7 АК
1 ПД
21 АК
33 АК
45 ПД
77 ПД
10 АК
6 А
10 А
4 АК

Схема 10

встреча с государственным человеком, ставшим впоследствии одним из главных действующих лиц войны. С первых же слов он проявляет недюжинную живость и быстроту ума. При дальнейшем знакомстве это впечатление еще усиливается широтой его взглядов, разнообразием затрагиваемых им вопросов, обилием предлагаемых им решений. В это утро французский офицер, прикомандированный к нему на время поездки, потерял его из виду во время остановки в Мондидье. Он нашел его созерцающим памятник Пармантье[1]. Когда офицер подошел к Ллойд-Джорджу, тот воскликнул: «Вот это был великий человек!» Конечно, в Сен-Поле мы беседуем о положении наших армий, о преграде вторжению, воздвигаемой до р. Лис и которую армии будут теперь стараться продолжить до самого моря. Я сообщаю ему свое решение: зарывшись нашими войсками в землю, сопротивляться натиску противника, несмотря на его мощное вооружение, до того дня, когда мы сами, получив такое же вооружение, сможем перейти в наступление, которое только и может дать победу. С тех пор он часто напоминал мне об этом разговоре, который он называл «Сен-Польской программой». Впоследствии он увидел, как осуществилась эта программа.

В такой обстановке и должно было произойти одно из крупных столкновений войны. Союзники еще стараются использовать инициативу и свободу действий, которыми они располагают после сражения на Марне. Они хотят упредить противника в его наступлении, атаковать его, прежде чем он успеет использовать свой успех под Антверпеном, и ввести в дело освободившиеся там силы, раньше, чем он соберет свои мощные резервы, подвезенные из Германии. Это необходимо сделать до того, как он сможет организовать наступление с целью последним могучим усилием на последнем доступном для него поле сражения выиграть, посредством маневра, свою игру на Западном фронте. Но будем ли мы иметь время и возможность собрать в достаточном количестве еще разбросанные разношерстные войска трех союзных держав? Будем ли мы иметь время объединить их в общем усилии, достаточно мощном для того, чтобы опрокинуть план противника и сохранить в своих руках управление событиями или по крайней мере помешать развитию этого плана? Эти вопросы

[1] Антуан Пармантье — известный французский агроном и химик.

и должно решить грозное столкновение — сражение во Фландрии.

Оно слагается из двух периодов:

1) наступления вдоль побережья или сражения на Изере, с 17-го октября по 1-е ноября;

2) сражения под Ипром, главным узлом сообщений в районе Фландрии, с 21-го октября по 12-е ноября.

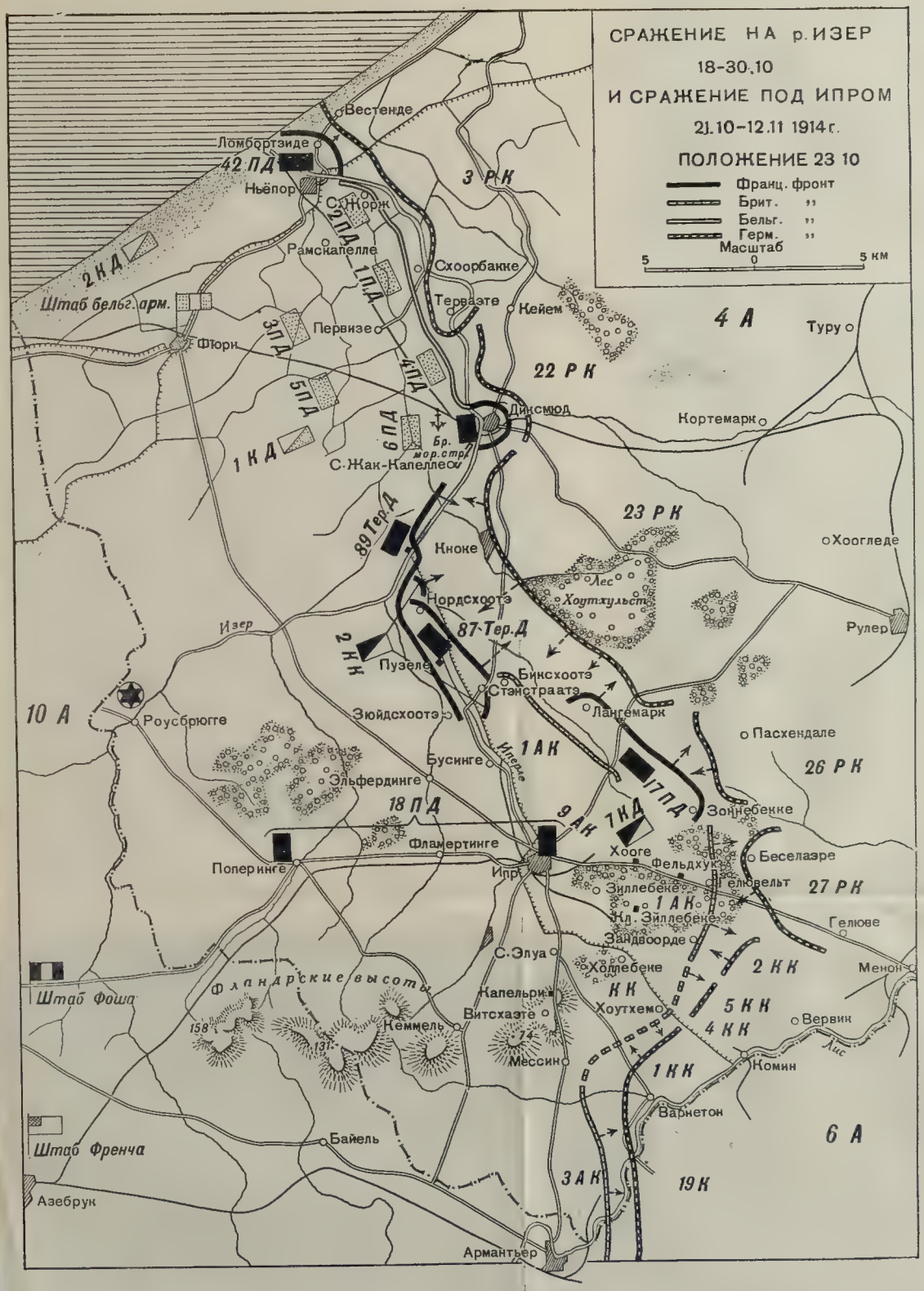
Глава вторая

Сражение на Изере

С 17-го октября бельгийская армия расположена за р. Изер, между Ньёпором и северной частью Бусинге, с четырьмя дивизиями на фронте более 30 *км*. Две остальные дивизии остаются в резерве и доукомплектовываются. Наша бригада морских стрелков занимает Диксмюд на правом берегу, впереди центра бельгийской армии. Справа от нее, в Бусинге, расположена территориальная бригада (177-я). Впереди фронта, к югу от Диксмюда, бельгийская кавалерийская дивизия и французский 2-й кавалерийский корпус держат северные и восточные выходы из леса Хоутхульст и ведут разведку в направлении на Рулер.

Театр военных действий представляет собой низменность, в значительной своей части отвоеванную у моря. Он легко проходим, не имеет естественных препятствий и сколько-нибудь выраженного рельефа. С незапамятных времен он служил районом вторжения из центральной Европы на запад, ареной столкновений, на которой решались судьбы старого мира, вплоть до сражения под Ватерлоо. Ему предстояло еще раз стать ареной, на которой должны были решиться судьба и будущее Франции.

На интересующем нас участке Изер представляет собой незначительное препятствие; это — неширокая река с очень медленным течением и низкими берегами, в которой прилив и отлив заметны даже выше Диксмюда. Она протекает главным образом по ровной местности, в значительной части отвоеванной у моря и лежащей ниже уровня высокой воды. Если рыть землю, то на глубине нескольких десятков сантиметров встречаешь воду. Сооружение окопов связано с целым рядом затруднений. Трудно также найти какие-либо укрытия для


СРАЖЕНИЕ НА р. ИЗЕР
18-30.10
И СРАЖЕНИЕ ПОД ИПРОМ
21.10-12.11 1914 г.
ПОЛОЖЕНИЕ 23 10
Франц. фронт
Брит. „
Бельг. „
Герм. „
Масштаб
5 0 5 км
Вестенде
Ломбортзиде
42 ПД
Ньёпор
С. Жорж
2 ПД
Рамскапелле
1 ПД
Схоорбакке
Терваэте
Кейем
3 РК
2 КД
Штаб бельг. арм.
Фюрн
3 ПД
Первизе
4 ПД
5 ПД
6 ПД
Бр. мор. стр.
С. Жак-Капелле
1 КД
22 РК
Диксмюд
4 А
Туру
Кортемарк
23 РК
89 Тер. Д
Кноке
Хоогледе
Лес
Хоутхульст
Нордсхоотэ
87 Тер. Д
Изер
2 КК
Пузеле
Бикскхоотэ
Стэнстраатэ
Рулер
10 А
Роусбрюгге
Зюйдсхоотэ
Лангемарк
Пасхендале
1 АК
Бусинге
Ипрле
26 РК
Эльфердинге
17 ПД
18 ПД
9 АК
7 КД
Зоннебекке
Фламертинге
Хооге
Беселаэре
Поперинге
Ипр
Фельдхук
Гелювельт
27 РК
Зиллебеке
1 АК
Кл. Зиллебеке
Гелюве
Зандвоорде
С. Элуа
Холлебеке
2 КК
Менон
Штаб Фоша
Фландрские высоты
Капельри
КК
Хоутхемо
5 КК
Витсхаэте
Кеммель
4 КК
Вервик
158
131
74
Мессин
1 КК
Комин
Лис
Варнетон
Штаб Френча
Байель
6 А
3 АК
19 К
Азебрук
Армантьер

Фош

Схема 1

войск, которым тем не менее придется держаться под огнем мощной артиллерии.

* * *

18-го октября германские авангарды атакуют бельгийское охранение на фронте Изера и бригаду морских стрелков в Диксмюде. Эти атаки успеха не имеют, кроме атаки на Кейем, который и попадает в руки неприятеля.

19-го наступление возобновляется между Ньёпором и Диксмюдом со столь же малым успехом. Английские мониторы и французские эскадренные миноносцы, которые по моей просьбе действуют у побережья в районе Ньёпора, значительно стесняют развитие маневра противника. 20-го германские атаки становятся особенно ожесточенными; они распространяются к югу до района Бусинге. Повсюду они оканчиваются неудачей. Но чтобы выдержать натиск противника, бельгийской армии пришлось сократить свой фронт, передвинув правый фланг в Сен-Жак-Капелле, и ввести в дело все свои резервы. По счастью, в район Фюрн прибывает французская 42-я дивизия под командой ген. Гроссетти. Это — отличное соединение с превосходным командиром, достоинства которых я мог оценить во время сражения на Марне. В следующие дни дивизия помогла нам отразить ряд сильных ударов противника.

22-го октября, в то время как морские стрелки и 89-я территориальная дивизия подвергаются сильнейшему артиллерийскому обстрелу в Диксмюде и южнее, бельгийцы, атакованные в районе Схоорбакке, вынуждены были очистить петлю у Терваэте, которая предоставляла противнику район сосредоточения на левом берегу реки. 23-го, в соответствии с наступательным движением, предпринятым на юге, морские стрелки, бельгийцы и 42-я дивизия перешли в наступление. Оно имело некоторый успех между Ломбортзиде и Вестенде. Но на Изере мы были задержаны; противник продолжал переправляться через реку и накапливать силы в петле у Терваэте.

* * *

24-го противник стремительно атакует по всей линии Изера, в то время как ген. Гроссетти, продолжая занимать одной бригадой Ньёпор, пытается с другой бригадой снова овладеть петлей у Терваэте. Противник продвигается также через мост и по дороге в Сен-Жорж.

Линия Изера решительно прорвана и преодолена немцами на протяжении более 5 *км*. От Ньёпора до Диксмюда речной преграды больше не существует. Где и как бельгийская армия сможет остановиться, оправиться, вновь организовать сопротивление? В этой трагической обстановке я снова поспешно приезжаю в Фюрн.

По силе ударов, наносимых немцами, можно судить о том значении, которое они придают быстрому достижению решающих результатов. Они подвезли многочисленную артиллерию, усиленную тяжелыми орудиями, действовавшими против Антверпена, и очень большим количеством минометов, легче перевозимых и устанавливаемых, но столь же грозных по своему действию на ближних дистанциях. Под прикрытием этого обстрела линии Изера против войск, которые характер местности не позволяет укрыть в окопах, в дело вступает новая армия противника — 4-я. Она состоит из недавно сформированных армейских корпусов, еще непотрепанных, прошедших повторную двухмесячную подготовку, укомплектованных преимущественно университетской молодежью. Уверенность в победе в ее рядах безусловная, так как в ней господствует «германский дух» и она располагает мощной техникой. При таких условиях разве она может допустить, чтобы ее задержали обломки бельгийской армии, да еще на пути в Кале, где должна решиться победа Германии?

Приехав в Фюрн, я снова вижусь с королем и принимаюсь вместе с бельгийским штабом за изучение весьма серьезной обстановки. В штабе я слышу отзвуки сильных потрясений, испытанных бельгийской армией, и заявление об ее отходе. После того как Изер форсирован противником, нам нужно прежде всего найти препятствие, которое мы могли бы противопоставить вторжению, так как войска выбились из сил, численность их сократилась, вооружение значительно хуже, чем у противника, местность лишена укрытий. Мы пока еще располагаем только одной французской дивизией — 42-й. С минуты на минуту поток нашествия может стать неудержимым, если нам не удастся собрать, привести в порядок, восстановить под прикрытием преграды сильно потрепанные, но еще способные к сопротивлению бельгийские части. Между тем в направлении на Дюнкерк на карте не видно ни высот, ни лесов, ни селений, могущих послужить сильными опорными пунктами; тем более нет рубежа, который можно было бы

укрепить, нет водной преграды, пригодной для обороны. Несмотря на это, так как решение надо принимать немедленно, во избежание слишком большого отхода, могущего привести к роковым последствиям, я мысленно останавливаюсь на железнодорожной линии Ньёпор, Диксмюд.

Во всяком случае железная дорога представляет собой непрерывную линию, фактически проведенную по земле, — линию, которую отступающие войска встретят на своем пути и на которой командование всегда может их остановить. Это удобный рубеж для сбора, для образования новой боевой линии. Часто она проходит в выемке или по насыпи; но даже на равнине высота ее балластного слоя уже дает защиту для стрелков; поэтому можно предположить, что она доставит некоторое укрытие войскам, остановившимся на ней для боя. Имея опоры в виде двух крупных населенных пунктов — Ньёпора и Диксмюда, она прежде всего несомненно обладает прочностью.

Таковы краткие, но убедительные размышления, на основании которых мы с бельгийским штабом, еще не зная никаких подробностей, решаем, что бельгийская армия прекратит свой отход на этой линии и расположится на ней для обороны. На севере, в Ньёпоре, намеченную линию будет прочно удерживать бригада 42-й дивизии, в центре, близ Первизе,— другая бригада этой дивизии, в Диксмюде — бригада морских стрелков.

Фактически оказывается, что железная дорога пролегает по насыпи, возвышающейся над равниной на 1—1,3 *м*. В таком случае, почему же не устроить наводнения на берегах Изера, как нам удалось сделать западнее, вокруг Дюнкерка? Благодаря этому полоса в 2 или 3 *км*, отделяющая Изер от железной дороги, станет непроходимой для противника, тогда как наводнение остановится у железнодорожной насыпи, к тому же представляющей собой укрытие для войск. Во всяком случае при беспорядке, всегда сопровождающем отступательное движение под сильным обстрелом, самое важное — найти непрерывную линию, начертанную на местности. Она дает базу, на которой легко можно собрать и перестроить войска. Они охотно закрепятся на ней, если конфигурация местности хоть сколько-нибудь благоприятствует этому. Итак, железная дорога должна была оказать нам эту услугу, а наводнение ее дополнить.

Таким образом, когда я 24-го вечером уезжал из Фюрна,

мы решили с бельгийским штабом остановить отход и организовать сопротивление на этой железной дороге.

Несмотря на большой вред, который соленая вода должна была надолго причинить прекрасным посевам на этой местности, было также решено, что бельгийский штаб примет меры для устройства наводнения.

Что же касается ген. Гроссетти, то он прислал мне со своего командного пункта в Первизе очень выразительное донесение: «Не знаю,— писал он,— что останется завтра от 42-й дивизии, но пока в ней останется хоть один человек, немцы не перейдут через железную дорогу».

С войсками, понесшими большие потери, мы еще раз пытаемся дать сражение и оборонять железную дорогу Ньёпор, Диксмюд. Правда, она имеет сильную опору в этих двух населенных пунктах в лице занимающих их французских войск, а в центре, в Первизе, в лице ген. Гроссетти с бригадой его дивизии; в ближайшем будущем она будет прикрыта наводнением. Действительно, мы держим ключи от этого наводнения в виде шлюзов в Ньёпоре, который прочно занят нами. Но сколько времени потребуется для того, чтобы создать наводнение, на какую площадь оно распространится? На эти вопросы нельзя ответить на основании опыта работы гидротехнической системы, которая была создана для защиты страны от моря и от которой теперь собираются потребовать быстрого затопления обширного пространства. До последней минуты мы не были уверены в возможности добиться намеченного результата, а следовательно, и в успехе обороны.

* * *

25-го октября бельгийская армия отошла на железнодорожную насыпь. 26-го стрельба германской артиллерии возобновляется с особенной силой. Она поражает и насыпь и снова вселяет беспокойство в души обороняющихся. 25-го вечером бельгийский штаб извещает адмирала Ронарка, что приняты все меры «для того, чтобы затопить левый берег Изера, от реки до полотна железной дороги из Диксмюда в Ньёпор». Необходимо принять особые меры, чтобы наводнение не распространилось на местность, занятую нашими войсками: завалить трубы, проходящие под полотном железной дороги, придать ему водонепроницаемость, а также, чтобы открыть для воды берега некоторых каналов. Только 27-го вечером, по

окончании всех этих работ, ньёпорские шлюзы открываются во время прилива. Затем, при отливе, их закрывают; то же повторяется ежедневно. С 28-го вода подходит к железной дороге у Первизе; она распространяется на юг, не задерживая, однако, продвижения и действий противника. Так, 29-го октября противник проводит ряд сильных атак в направлении на Рамскапелле, не будучи в состоянии туда ворваться. 30-го утром, заметив, что наводнение распространяется у него в тылу, он сильным ударом овладевает Рамскапелле и таким образом выходит на сушу.

Если он удержится в этом селении и выйдет из него, он сможет наступать по местности, защищенной от наводнения. Тогда железнодорожная насыпь и вся наша оборонительная система будут обойдены и захвачены. Мы должны любой ценой отбить деревню. Ген. Гроссетти чувствует это и доносит: «Отдаю приказ сегодня же взять обратно Рамскапелле». И в сумерки атакой зуавов, пеших егерей, сенегальских стрелков и бельгийских подразделений мы снова занимаем Рамскапелле.

На другой день, 31-го октября, линия обороны целиком восстанавливается на железной дороге, между тем как вода прибывает, а противник отходит за Изер, занимая еще некоторые отдельные пункты. В Ньёпоре мы попрежнему прочно держим систему шлюзов, регулирующих наводнение. На другом конце железной дороги, в Диксмюде, наши моряки оказывают противнику энергичное сопротивление. С этого времени левый берег Изера между указанными двумя пунктами становится для германской армии запретной зоной. Путь на Дюнкерк и Кале по побережью для нее закрыт.

* * *

Как мы видим, сражение продолжалось свыше 10 дней. Оно отличалось еще невиданной силой огня германской артиллерии всех калибров. Пехота противника шла в бой с большим воодушевлением. Кроме очень мощной артиллерии, противник бросил на нас 3-й резервный корпус, 22-й резервный корпус, дивизию эрзаца и ландверную бригаду.

Бельгийская армия ввела в дело все свои шесть дивизий. Мы выставили бок-о-бок с нею нашу 42-ю дивизию и бригаду морских стрелков.

Все усилия немцев окончились полной неудачей.

Глава третья

Сражение под Ипром

В то время как на побережье вторжение захлебнулось таким образом в иле Изера, южнее уже завязалась ожесточенная борьба в районе Ипра и р. Лис.

С 24-го октября я перевел свой штаб из Дулана в Кассель — эту сторожевую вышку Фландрии. Таким образом, я нахожусь вблизи и впереди расположенной в Сент-Омере ставки главнокомандующего английской армии. Дело в том, что на фронте нашей 2-й армии наступление противника окончательно задержано. На фронте нашей 10-й армии оно энергично возобновляется к северу от Ля-Бассэ. Но там, кроме левого фланга нашей 10-й армии, в бой оказались втянутыми английские 2-й, 3-й армейские корпуса, а позднее и 1-й, выгружающийся в Азебруке, наконец, еще несколько французских армейских корпусов, которые французское главное командование перебрасывает во Фландрию по железным дорогам. Эти войска развертываются поочередно под прикрытием наших территориальных дивизий, выдвинутых в Ипр еще 14-го октября и вскоре усиленных 2-м кавалерийским корпусом, а также под прикрытием британского 4-го корпуса (ген. Ролинсона) в составе одной только 7-й дивизии и 3-й кавалерийской дивизии, возвратившихся после попытки выручить Антверпен.

С 20-го октября ген. д'Юрбаль, отличившийся как командир армейского корпуса под Аррасом, получил командование нашей бельгийской армейской группой, вскоре преобразованной в 8-ю армию. Он располагается со своим штабом в Роусбрюге и принимает командование над французскими силами к северу от р. Лис. Это новый орган командования, который подчинен мне и действия которого надо как можно скорее координировать с действиями других сил союзников, прибывающих с разных участков фронта. Мы имеем дело с противником, который после падения Антверпена получил полную свободу действий в Бельгии. Он сосредоточил крупные, еще совершенно свежие силы и более недели назад сформировал в Генте новую 4-ю армию. В то же время он образовал армейскую группу (Фабека) в Лиле.

Я расположился в Касселе, чтобы быть напротив ипрского коридора и поближе к ставке английского главнокомандующего. Не говоря уже о том, что Кассель является отличным

наблюдательным пунктом на фландрской равнине, это узел очень важных дорог. Наши транспорты вскоре стали так усиленно пользоваться ими, что тихий городок превратился в потревоженный муравейник.

* * *

Чтобы понять последовательность событий, которые стали стремительно развиваться в ипрском коридоре, надо вернуться к середине октября.

В это время мы знали о противнике только то, что его 19-й корпус находится на р. Лис от Армантьера до Вервика, а 3-й резервный корпус и 4-я эрзац-дивизия ведут на побережье бои с бельгийской армией. Между р. Лис и Туру расстилалось пространство, свободное от войск. Оно еще предоставляло нам благоприятные условия для развития намеченной нами операции — охвата германского правого фланга к северу от р. Лис. Поэтому 17-го октября, при встрече с фельдмаршалом Френчем в Анвене, мы решили действовать в этом направлении, выдвинув британские корпуса на р. Лис до Менэна, в то время как четыре французские кавалерийские дивизии наступали бы из Ипра на Рулер, поддержанные территориальными пехотными дивизиями. Фактически британские корпуса продвинулись очень незначительно. Между тем французский 2-й конный корпус двигался гораздо смелее и 18-го числа дошел до Рулера, Хоогледэ и Кортемарка, но 19-го был отброшен очень крупными силами противника. Это вступали в дело вновь сформированные 22-й, 23-й, 26-й и 27-й резервные корпуса. Они наступали между Куртрэ и Брюгге в направлении на Ипр.

Таковы были важные сведения, доставленные нашей конницей после ее разведки на Рулер. Таким образом, считая войска, действующие на нижнем Изере (3-й резервный корпус и эрзац-дивизия), к 20-му октября между р. Лис и Северным морем развертывается пять германских корпусов. Часть их, два с половиной корпуса (3-й и 22-й резервные и 4-я эрзац-дивизия), наступает на фронте Ньёпор, Диксмюд и до конца октября ведет сражение на Изере, которое, как мы видели, затихло из-за наводнения. Три других корпуса готовятся к наступлению на Ипр. Во всяком случае уже теперь мы имеем перед собой непрерывный германский фронт, простирающийся до Немецкого моря. Поэтому до прорыва этого фронта не может быть и речи об охвате германского

правого фланга. Предварительно надо добиться прорыва. Хватит ли у нас на это времени и сил, пока противник не успел создать оборонительные сооружения, перед которыми мы до некоторой степени безоружны? Эту-то попытку мы и собираемся предпринять, пользуясь остатками преимуществ, которые доставила нам победа на Марне.

Наша тактика основана на той предпосылке, что при слабости нашего вооружения, в особенности пулеметами и артиллерией, мы бессильны прорвать фронт противника, который успел устроиться на местности, соорудить окопы, прикрыться проволочными заграждениями. Поэтому мы стараемся не дать ему времени на эту подготовку, застигнуть его еще во время движения и атаковать его прежде, чем он успеет укрепиться для обороны, подвезет и установит свою мощную материальную часть, при наличии которой слабость наших средств делает прорыв невозможным.

Но наступление, предпринятое нами при таких условиях, сразу же наталкивается на наступательную операцию противника. Последний намечает прорыв фронта союзников у Ипра, этих ворот во французскую Фландрию, к которым сходится большая часть дорог района, ведущих к портам Ламанша. Встречные усилия обоих противников приводят к столкновению, слепому в своей грубой силе и стремительности, а также исключительному по своей продолжительности. Противник разыгрывает свою последнюю карту и пытается провести свою последнюю маневренную операцию на Западном фронте.

Несмотря на ожесточенную борьбу в течение почти месяца, его усилия останутся тщетными. Он не добьется решения своим движением на Кале, предпринятым с целью поразить Англию, как на Марне он не добился решения своим движением на Париж, имевшим целью поразить Францию.

* * *

Это великое столкновение не без основания прозвали «свалкой во Фландрии». Разнообразие народов и рас, переплетение самых разнородных элементов, перемешивание соединений и частей, принимавших в сражении участие, а также постепенное их прибытие до последнего дня не допускали методического управления.

Со своей стороны, немцы сначала повели против нас свежие войска, прекрасно организованные в виде новых армей-

ских корпусов, располагающих могучей артиллерией. Но когда их первые усилия были сломлены, они для увеличения численности введенных в дело войск стали черпать дивизии во всех своих армиях.

Сама местность также должна была придать всей операции очень беспорядочный характер. Ипр является центром богатого земледельческого района, покрытого уютными жилыми строениями с многочисленными парками. Более бедные районы края покрыты лесами. Таким образом, местность на этой низкой, по большей части совершенно плоской равнине закрытая; пастбища окаймлены высокими изгородями, окончательно загораживающими обзор. Чтобы подняться достаточно высоко и получить обзор всего поля сражения, я взобрался на башни ипрского крытого рынка. Передо мной развернулось тогда море зелени с белыми островками, образованными деревнями с красивыми церквами, увенчанными изящными шпилями. Ни в каком направлении не было видно ни одного свободного или хотя бы открытого участка местности. Равнину пересекают три очень невысокие складки: одна, высотой в 4—6 *м*, к северо-западу от Ипра, протяжением в 4 *км*; другая, высотой в 10—12 *м*, пролегает примерно в 10 *км* к востоку от Ипра, между Пасхендаэле и Зандфорде, на протяжении около 10 *км*; третья, наиболее резко выраженная, проходит южнее, от Витшаэте до Мессин, на протяжении около 5 *км*. Канал р. Иперле, берущий начало в р. Изер и продолженный Ипрским каналом до Комин, собирает поверхностные воды района посредством системы осушительных канав («беекэ» и «ватерганды»), что сильно затрудняет сообщения, особенно с запада на восток. Дорог, которые представляют собой мостовые на насыпях, защищающих их от воды, немного, и большая часть их сходится к Ипру.

Совокупность всех этих условий создавала поле сражения, разбитое на отсеки с трудными сообщениями, с невозможностью общего обзора и неизбежно приводила к раздроблению операции, с самого же начала замедленной в своем развитии.

Чтобы понять связь между событиями, мы должны рассмотреть их, начиная с 21-го октября.

* * *

21-го октября мы переходим в наступление. Британский 1-й корпус [1], поддержанный слева нашим 2-м кавалерийским корпусом, наступает на Рулер. В качестве конечного объекта фельдмаршал указал ему Брюгге. Британский 4-й корпус [2] наступает на Менэн, тогда как справа от них британские 3-й и кавалерийский корпуса сдерживают крупные германские силы от р. Лис до Ипрского канала.

Британский 1-й корпус доходит до линии Лангемарк, Зоннебеке, но не может продвинуться дальше, имея перед собой германский 26-й резервный корпус. Остальные английские корпуса подвергаются сильнейшим атакам войск, в составе которых устанавливают присутствие частей четырех германских кавалерийских, а также 19-го армейского и 27-го резервного корпусов. Это заставляет британское командование сосредоточить все свое внимание на р. Лис. Оно просит возможно скорее сменить французскими войсками его 1-й корпус на рулерском направлении, чтобы использовать его по обе стороны шоссе на Менэн. В ответ на эту просьбу я немедленно ввожу в дело французский 9-й корпус [3], по мере его прибытия, на место британского 1-го корпуса. Смена англичан, проводимая при таких условиях, сопряжена с серьезными неудобствами, из которых самым меньшим является замедление темпа предпринятой операции. Зато она представляет то преимущество, что вскоре каждая из союзных армий получает свою собственную полосу наступления: британская — от канала Ля-Бассэ до шоссе Ипр, Менэн; французская — от этого шоссе до Диксмюда; бельгийская — от Диксмюда до моря.

Нам удается возобновить наступление только 25-го октября. Мы ведем бои на обширной полуокружности протяжением почти в 50 *км*, вдающейся к востоку примерно на 20 *км*. К сожалению, мы не располагаем достаточными силами. Британские войска все в сборе; французы медленно получают подкрепления. Поэтому фланги охраняются только частями, растянувшимися на большом пространстве, преимущественно конницей.

---

[1] Ген.-лейтенант Дэглас Хейг.
[2] Ген.-лейтенант Палтени.
[3] Ген. Дюбуа.

Британскому 1-му корпусу не удается сломить сопротивление немцев перед Беселаэре; французский 9-й корпус, встретив усилившегося и активного противника, продвигается лишь с большими затруднениями и выигрывает только небольшое пространство в направлении на Пасхендаэле.

С 26-го октября на всем фронте столкновение достигает большой силы, борьба становится ожесточенной. В нескольких местах противник уже устроил проволочные заграждения. В следующие три дня сражение достигает наибольшей силы. Днем и ночью обе стороны, одинаково проникнутые наступательным духом, непрерывно сталкиваются между собой в целом ряде атак и контратак без каких бы то ни было ощутительных результатов. Количество германской тяжелой артиллерии увеличивается с каждым днем, и мы не можем действительным образом подавлять ее за неимением тяжелых орудий. С другой стороны, немцы задерживаются точным заградительным огнем наших 75-*мм* пушек, но нам приходится экономить огнеприпасы, которые имеются в ограниченном количестве.

В итоге, после пяти дней непрерывного наступления, все усилия союзных войск оказываются сведенными к нулю столь же мощными усилиями противника. Столкновение было потрясающим, но бесплодным. На сегодняшний день силы обеих сторон находятся в равновесии. Это равновесие может быть нарушено в нашу пользу только введением в действие новых, более мощных средств. Наводнение на Изере, прекратившее сражение ниже Диксмюда, позволяет нам бросить в сражение под Ипром французский 32-й корпус [1]; вскоре соберется в полном составе выгружающийся сейчас французский 16-й корпус [2]. Но эти, хотя и значительные, подкрепления не могут итти ни в какое сравнение с теми, которые немцы в это же время сосредоточивают на р. Лис и давление которых будет чувствоваться с 30-го октября на британском фронте, а также с теми, которые они подведут с нижнего Изера, где сражение закончено, и направят против французских корпусов. Нам придется энергично сопротивляться все усиливающемуся натиску противника, чтобы задержать его движение на Ипр, Дюнкерк, Калэ.

Окончательно задержанные в своем наступлении, мы

---

[1] Ген. Энбер.
[2] Ген. Таверна.

должны органичиваться борьбой за захваченное пространство. Но на низменных местах, окружающих Ипр, очень высокий уровень подпочвенных вод не позволяет рыть окопы. К тому же со времени отступления от Шарлеруа у значительной части наших войск нехватает шанцевого инструмента. Поэтому организация непрерывной оборонительной линии невозможна. Кроме того, при таком протяжении фронта она потребовала бы большего числа войск, чем мы располагаем. Наконец, пассивный образ действий с нашей стороны означал бы в глазах противника отказ от боя, признание бессилия с нашей стороны, что могло бы только побудить его удвоить силу своих ударов. Мы должны попрежнему придерживаться наступательного образа действий. Мы будем обороняться, атакуя, пользуясь закрытым и пересеченным характером местности. Повторными контратаками мы попытаемся оспаривать у противника малейший выигрыш им пространства. Путем большей активности в использовании наших резервов из центра и на периферии нашей полукруговой позиции мы сможем парировать его попытки и уменьшать его преимущества.

Однако мы не могли без тревоги смотреть в будущее ввиду недостаточности наших средств и затяжного характера сражения, продолжительность которого могла превысить предел сопротивляемости наших войск, а также полностью подорвать всю их энергию.

При виде горизонта, омраченного такими грозными тучами, с английской стороны рассматривали вопрос о возможности создания в Булони укрепленного района, в котором могла бы укрыться сотня тысяч человек, несмотря на чувство некоторой обиды, которое столь прочное устройство могло вызвать во Франции.

* * *

30-го октября в северной части ипрского выступа, на фронте наших 9-го, 32-го и 2-го кавалерийского корпусов, день прошел без крупных событий. Но на южный фас выступа, на правом фланге британского 1-го корпуса и левом фланге британского кавалерийского корпуса, немцы переходят в мощное наступление. В нем участвуют 15-й корпус, 48-я резервная и 26-я пехотная дивизии, наступающие с р. Лис, между Менэном и Варнетоном.

Подвергшись чрезвычайно сильному артиллерийскому об-

стрелу, британская конница (2-я и 3-я дивизии), сильно растянутая и лишенная пехотной поддержки, отброшена от Зандвоорде и Холлебеке на Клейн-Зиллебеке и Сент-Элуа в 5 *км* от Ипра. В то же время британская 1-я кавалерийская дивизия теряет часть Мессин. Таким образом, противнику значительно облегчается доступ к Ипру с юго-востока. Узел сообщений союзных армий, перекрещивающихся в городе, уже попадает под огонь германской артиллерии. По счастью, командир французского 9-го корпуса, вполне понимая серьезность положения, приходит на помощь своему соседу и направляет на Зиллебеке все свои свободные силы — три пехотных батальона, которым к ночи удается «подпереть» английский фронт.

К концу дня офицер для связи при фельдмаршале Френче капитан Бертье де-Совиньи привозит в мой штаб в Кассель первое донесение об этих событиях, значение которых я в первую минуту не могу даже измерить. Вообще говоря, в современном сражении, когда и днем-то ничего не видно, особенно на закрытой местности, о достигнутых результатах узнают только из донесений, указывающих, какие пункты войска занимают в конце дня. Но в случае прорыва фронта или хотя бы его перемещения назад донесения оказываются запоздавшими, ненадежными, путанными, так как войска не имеют прочной связи между собой. В итоге именно в тяжелой обстановке командование бывает хуже всего осведомлено участниками боя и рискует не успеть поправить беду новыми мероприятиями. Я ожидал сведений от офицера моего штаба капитана Рекэна, еще с утра посланного на место. Около 22 час. этот офицер донес мне, что на фронте английской конницы несомненно образовался разрыв, который она сама не в состоянии заполнить. Если этот интервал не будет быстро закрыт, то через него противник может достигнуть Ипра. Я немедленно запрашиваю по телефону у британской ставки в Сент-Омере точные сведения об обстановке в конце дня, особенно в районе Холлебеке и Сент-Элуа. Когда мне отвечают, что им больше ничего не известно, я телефонирую, что немедленно еду в Сент-Омер к фельдмаршалу Френчу.

Наступила полночь. Выжидая еще, мы рисковали тем, что на следующее же утро противник ринется в созданный им разрыв или по меньшей мере прочно утвердится на небольшом расстоянии от Ипра. Этим он сделает невозможным всякие передвижения там и тем самым принудит к отходу

под огнем его артиллерии наши войска, ведущие бой к востоку от города, т. е. большую часть армии. Это была бы почти полная катастрофа.

В Сент-Омер я приезжаю в 0 ч. 30 м. Я встречаюсь с моим другом, ген. Вилсоном, и прошу разбудить фельдмаршала Френча. Мы совместно обсуждаем обстановку. У англичан нет свободных сил, чтобы «заштопать дыру». Со своей стороны, утром 31-го октября я буду иметь в Эльфердинге выгрузившиеся батальоны 16-го корпуса. Несколько батальонов уже там. Я предлагаю фельдмаршалу немедленно послать их закрыть разрыв, образовавшийся в английском фронте. Нельзя терять ни минуты. Перевозка их должна быть произведена до рассвета. Взволнованный фельдмаршал горячо выражает мне свою благодарность. Вернувшись в Кассель в 2 часа утра, я немедленно отдаю распоряжение, чтобы батальоны 32-й дивизии, собирающиеся в Эльфердинге, тотчас же, по мере прибытия, перевозились на автомашинах в Сент-Элуа и вводились в бой во взаимодействии с английскими войсками. Таким образом, мы ослабили эффект серьезного внезапного удара, который мог бы иметь значительные последствия.

Но на этом наши беды не кончаются. На рассвете 31-го октября борьба возобновляется по всему фронту с такой же интенсивностью, как накануне, без важных событий на северном фасе ипрского выступа, удерживаемом французскими корпусами, но в тяжелых условиях для южной части, занятой британской армией. Там противник, усиленный еще одним армейским корпусом — 2-м баварским — и воодушевленный достигнутым накануне успехом, атакует на многих участках от Гелювельта до Мессин.

Английская 1-я дивизия, несмотря на очень упорное сопротивление, не может удержаться в Гелювельте, который попадает в руки немцев. Разбитая английская линия откатывается в середине дня в леса между Фельдхуком и Хооге.

Замок Хооге подвергается сильному артиллерийскому обстрелу. Командиры обеих первых английских дивизий, а также несколько офицеров их штабов убиты или ранены. Положение критическое. Английское командование считает его настолько поколебленным, что подумывает об отходе всего своего 1-го корпуса. Такое решение было бы признанием и началом поражения. Это поражение могло бы превратиться в разгром ввиду того положения, в котором оста-

лись бы войска в северной части выступа, в большей части отрезанные от сообщений с тылом. Счастливый случай позволил нам предотвратить эту катастрофу.

В то время, когда должен начаться отход англичан, я нахожусь в мэрии местечка Фламертинге с командующим армией ген. д'Юрбаль и командиром 9-го корпуса ген. Дюбуа. Здесь я узнаю от французского офицера для связи при командире британского 1-го корпуса ген. Хейге майора Жамэ о серьезности событий, разыгравшихся на британском фронте. В это самое время, между 15 и 16 час., через Фламертинге проезжает фельдмаршал Френч. Он только что был в своем 1-м корпусе в замке Хооге. Узнав о том, что я в мэрии, он приходит туда ко мне; немедленно завязывается разговор о создавшейся обстановке и о решении отходить, которое вот-вот должно быть приведено в исполнение. Он рисует мне чрезвычайно мрачную картину состояния 1-го армейского корпуса. Войска находятся в полном отступлении на Ипр, тяжелая артиллерия на-рысях отходит на запад, дороги забиты и загромождены зарядными ящиками и всякого рода повозками, а также толпой раненых, стекающихся к Ипру. Это — начало поражения. При таких потрепанных войсках, которые невозможно собрать и привести в порядок, английский фронт окончательно разбит. Если от войск потребуют продолжать сражение, то фельдмаршалу, по его собственным словам, не останется ничего другого, как итти умирать вместе со своим 1-м корпусом.

Отнюдь не отрицая глубины кризиса, переживаемого британским 1-м корпусом, я прежде всего думаю о тяжелых кризисах, которыми его отступление грозит армиям союзников, сражающимся в нескольких километрах вокруг Ипра, а затем и всему делу союзников. При грандиозной атаке, которой мы подвергаемся, всякое допущенное нами отступательное движение навлекает на нас волны мощного концентрического наступления, которое мы не в силах ни задержать ни локализовать.

В тылу нашего боевого фронта местность не предоставляет нам никаких естественных препятствий. За неимением времени мы не могли оборудовать тыловую позицию. При таких условиях отход наших сравнительно немногочисленных войск по обширному, но пересеченному полю сражения быстро превратится в разложение, особенно в дневное время, и мы в смятении и расстройстве будем отброшены на фландрскую

равнину, а оттуда быстро оттеснены к морю. Однако отступает только британский 1-й корпус, другие наши корпуса продолжают держаться; французский 9-й корпус может предоставить в его распоряжение свои резервы; на следующий день должны прибыть новые французские подкрепления. Поэтому я прошу любой ценой удержать британский 1-й корпус на месте и обещаю перейти в наступление, чтобы по возможности ослабить нажим противника на него.

Высказывая эту точку зрения, я в то же время в нескольких строках набрасываю на листке бумаги ее основные положения как для того, чтобы четко сформулировать свои мысли, так и для того, чтобы в определенной и точной форме передать их своему собеседнику. Этот довольно небрежно исписанный листок я тут же вручаю фельдмаршалу Френчу. Он гласит:

«Безусловно необходимо *не отступать,* а для этого, окопавшись, удерживать местность, на которой войска расположены.

Это не должно мешать *оборудованию* тыловой позиции, которая связывалась бы в *Зоннебеке* с позицией нашего 9-го корпуса.

Всякое отступательное движение, произведенное группой войск, вызвало бы натиск противника и несомненный беспорядок среди войск, что заставляет безусловно отказаться от всякого отхода.

В частности представляется необходимым удержать британскую 2-ю дивизию близ Зоннебеке в связи с французским 9-м корпусом.

Поздний час позволяет провести эти мероприятия. Отступать *бесполезно,* а днем *опасно*».

Фельдмаршал со свойственными ему здравым смыслом и прямотой становится на мою точку зрения. Он собственноручно приписывает несколько слов на обороте моей записки. Он вполне присоединяется к моей точке зрения и посылает записку ген. Хейгу со своим адъютантом майором Барри и своим личным секретарем Фиц-Джеральдом.

Всякое отступательное движение британского 1-го корпуса отменяется; сражение следует продолжать на тех позициях, которые войска занимают в данную минуту, больше не отступая ни на шаг. Доблесть войск окажется на высоте этого важного решения.

В тот же вечер английские войска снова устраиваются на

своих позициях для обороны. Британскому 1-му корпусу, так сильно пострадавшему в этот день, пришлось еще несколько дней нести большие потери. Но несмотря ни на что, он ценой больших жертв сумел удержать позиции и оставил их только после 15-го ноября, когда сражение было полностью и успешно для нас закончено. Этим он сослужил большую службу своей родине.

В течение 31-го октября быстрое вмешательство французских войск по обе стороны Ипрского канала способствует улучшению обстановки, облегчая положение правого фланга корпуса Хейга и левого фланга кавалерийского корпуса Алленби.

Непосредственно к северу от канала ген. Мусси, образовавший отряд из частей французского корпуса, которые, начиная с предыдущего дня, одна за другой посылались в Зиллебеке, атакует, согласно полученному приказу, парк и замок Холлебеке.

Продвинувшись на несколько сот метров, он встречает мощное наступление противника, которое приковывает его к месту. Продвижение становится невозможным, но он героически держится на своих позициях, несмотря на сильнейший артиллерийский обстрел и очень чувствительные потери.

На южном берегу канала передовые части 16-го корпуса под командой полковника де-Воймона, следуя за конницей, наступают в направлении на Хоутхем. Вскоре они сталкиваются с германской 26-й дивизией, наносящей удар на Сент-Элуа, и, подобно отряду Мусси, им остается только держаться на месте, что они и делают, отражая все атаки противника.

Правее кавалерийский корпус Алленби, выбитый утром из Мессин, к вечеру снова занимает этот опорный пункт.

В итоге день 31-го октября отмечен ожесточенной и кровопролитной борьбой. Самым критическим моментом был отход английского 1-го корпуса в направлении на Гелювельт. Несмотря на все, нам удалось сдержать напор противника. Но в следующие дни он еще удвоил свои усилия.

Чтобы расстроить его планы, а также чтобы облегчить положение английского 1-го корпуса, я приказываю ген. д'Юрбалю произвести 1-го ноября две атаки по ту и другую стороны этого корпуса. Они имеют целью охват и окружение германских войск, атакующих с фронта.

Вернувшись вечером в Кассель, в свой штаб, я составляю следующую директиву, формулирующую это решение, и посылаю

ее одновременно ген. д'Юрбалю и в ставку британского главнокомандующего:

«Английский 1-й корпус и дивизия Ролинсона должны прочно удерживать и укрепить позицию от правого фланга французского 9-го корпуса до Клейн-Зиллебеке.

Слева от него французскому 9-му корпусу перейти в наступление, держа направление на Беселаэре и восточнее.

Французским войскам ген. д'Юрбаля наступать с фронта Сент-Элуа, Витсхаэте на Холлебеке.

Утром прибудут на усиление новые французские части.

Батальоны 9-го корпуса, уже приданные ген. Дэгласу Хейгу, должны быть брошены в атаку или же возвращены в распоряжение генерала д'Юрбаль».

Последний пункт лишний раз подчеркивает вполне определенную мысль французского главного командования, что подкрепления, присланные на тот или другой угрожаемый участок, не должны просто вливаться в боевой порядок, но что, напротив, их прибытие на фронт должно всегда выражаться в наступательном движении, единственно способном навязать противнику нашу волю.

* * *

Борьба возобновляется 1-го ноября на рассвете и продолжается весь день с величайшим ожесточением. Кризис на нашем фронте достигает наибольшей остроты на дороге в Менэн, а также вблизи Мессин. Французские войска в северной части ипрского выступа продолжают свои тщетные усилия продвинуться вперед. Британский 1-й корпус не без труда удерживает свои позиции и отражает все атаки противника. В помощь ему приданы два батальона зуавов французской 42-й дивизии.

С другой стороны, все атаки, предпринятые нашим 9-м армейским корпусом и отрядом Мусси с обоих флангов британского 1-го армейского корпуса, оказываются столь же бессильными.

Противник продолжает также свои стремительные атаки на кавалерийский корпус Алленби, который, не имея пехотной поддержки, оказывается выбитым из важного опорного пункта Мессин.

Вступление в бой частей нашей 32-й дивизии во-время останавливает наступление противника на этом направлении и

тем дает англичанам возможность восстановить непрерывность фронта.

Донесения обо всем происходящем я получаю одно за другим в Фламертинге вскоре после полудня. Я немедленно прошу фельдмаршала Френча, находящегося на своем командном пункте в Байеле, повидаться со мной. Он приезжает в Фламертинге. Я снова настаиваю на необходимости для англичан любой ценой удерживать свои позиции, причем привожу те же доводы, что и накануне.

Однако фельдмаршал Френч продолжает выказывать сильное беспокойство и настойчиво указывает на утомление своих войск. Чтобы восстановить положение в районе Мессин, я приказываю французскому 1-му кавалерийскому корпусу перейти в район к юго-востоку от Поперинге и спешно выслать ближайшие свои части на поддержку ген. Алленби.

1-е ноября было особенно тяжелым днем, но это был не последний тяжелый день. Противник сделал все, чтобы этот день стал решающим. Командование постаралось поднять моральное состояние войск на большую высоту. Командующий 4-й армией герцог Вюртембергский, командующий 6-й армией принц Рупрехт Баварский, командир 6-го корпуса ген. фон Деймлинг обратились к войскам с выразительными приказами: «Прорыв на Ипр будет иметь решающее значение...»

Войска не щадили себя. В этот день кайзер собирался вступить в Ипр. Утром он приехал из Тиельта в Менэн. В 15 час. он должен был быть в Гелюве.

Сопротивление союзных войск еще раз разрушило все надежды противника.

Тем временем я был вызван в Дюнкерк, чтобы в 16 час. встретить президента республики и некоторых политических деятелей. Они приехали из Парижа в уверенности, что сражение уже близится к концу, что победа уже в наших руках. На самом же деле мы были еще очень далеки от победы. Задержанный боевыми событиями, я смог явиться только в 18 ч. 30 м. Мой начальник штаба полковник Вейган приехал туда к 16 час., чтобы объяснить причину моего опоздания. При президенте республики были военный министр Мильеран, ген. Жоффр, министр финансов Рибо, британский военный министр лорд Китченер и французский посол в Лондоне Поль Канбон. Последние два только что переехали через Ламанш. В Англии уже почувствовалась реакция потрясений, испытанных нами за последние дни. Особенно был встревожен лорд

Китченер. Он подошел ко мне со словами: «Ну что же, мы разбиты!» Я ответил ему, что мы не разбиты и я очень надеюсь, что не будем разбиты. Я подробно изложил события, особенно последних трех дней, которые причинили союзным армиям серьезные потери. В заключение я сказал, что мы просим британского военного министра как можно скорее прислать нам подкрепления. Китченер в этот день, 1 ноября 1914 г., когда дни казались нам месяцами, ответил мне: «1 июля 1915 г. у вас будет во Франции миллион обученных английских солдат. До этого дня вы ничего или почти ничего не получите». С полным единодушием мы заявили ему, что «не просим столько, но хотели бы получить людей поскорее, сейчас», и снова выслушали ответ: «До этого дня ни на что не рассчитывайте». Таким образом, нам предстояло пережить без всякой помощи еще немало трудных дней.

Однако при разговоре с ним я был поражен правильностью его взгляда на войну, большую продолжительность которой он предвидел. Впрочем, именно исходя из такой предпосылки, этот крупный организатор еще в сентябре, после Марны, предпринял создание больших армий в Британской империи.

Окончив свой доклад о настоящем и уяснив себе вопрос о подкреплениях, которые мы могли получить, я быстро откланялся президенту республики и сопровождающим его лицам и вернулся в свой штаб в Кассель, чтобы узнать об окончательных результатах дня и принять решения на завтра.

* * *

2-го ноября, после ночи, проведенной беспокойно из-за непрерывной канонады и ружейной стрельбы, борьба возобновляется на всем фронте.

В северной части выступа никаких важных событий не происходит, но к югу от железной дороги Ипр, Рулер немцы, усиленные еще одной дивизией, наступают, предпринимая в некоторых пунктах отчаянные атаки.

Близ железной дороги, в направлении на Зоннебеке, они задержаны бригадой французской 6-й кавалерийской дивизии и частями 18-й дивизии. Южнее им удается потеснить англичан к востоку и югу от Фельдхука и таким образом снова открыть себе дорогу на Ипр. Но эту опасность предотвращает вмешательство ген. Видаля из 16-го корпуса, который бросает свои резервы на Фельдхук и останавливает с этой стороны германское наступление.

Тем временем создается очень критическая обстановка к югу от канала, где отряд под командой полковника Оллери, атакованный с самого рассвета, не выдерживает удара и отброшен до Сент-Элуа.

Чтобы выручить его, отряд Мусси тщетно пытается выдвинуться к югу от канала и развить наступление. Положение остается очень затруднительным до 17 час., когда наша артиллерия, завоевав огневое превосходство, начинает косить противника и приковывает его к месту.

2-е ноября было снова отмечено ожесточенной и кровопролитной борьбой. Действиями наших отрядов, введенных в бой между частями союзников, удалось парировать общую атаку противника, отличавшуюся особым ожесточением на некоторых направлениях.

Начинает сильно сказываться чрезвычайное утомление войск.

В частности британский 1-й корпус силой в три дивизии имеет только 9 000 боевых штыков. Все жаждут передышки, и к счастью мы имеем очень серьезные основания думать, что 2-е ноября будет последним днем германских атак, по крайней мере на английском фронте. Неудачи, испытанные противником за последние дни, а также понесенные им очень серьезные потери не могли не подорвать его сил.

Рано утром того же 2-го ноября меня посетил в Касселе, в месте стоянки моего штаба, президент республики. Он виделся в Фюрне с бельгийским королем. Его сопровождали ген. Жоффр и Мильеран. На приеме, который я оказал этим высоким посетителям в гостинице «Соваж», не могли не отозваться переживаемые нами тяжелые испытания. Но была высказана полная уверенность, а главное—твердая решимость оказать сопротивление нашествию и окончательно его остановить.

Ночь со 2-го на 3-е ноября проходит относительно спокойно. 3-го ноября немцы, чувствуя свое бессилие, приступают, как они имеют обыкновение поступать в подобных случаях, к систематической бомбардировке Ипра. Кроме того, они предпринимают несколько безрезультатных частных атак. Так же проходит и 4-е ноября.

В итоге к этому дню концентрический натиск на Ипр можно считать неудавшимся. Несмотря на сосредоточение огромных сил и технических средств, он разбился о брон-

зовую стену, образованную более слабыми силами, и не может продолжаться. Германский штаб вынужден сократить свои аппетиты.

* * *

Не будучи в силах массовой атакой опрокинуть преграду, воздвигнутую союзниками, на всем ее протяжении и захватить ее центр — Ипр, открывающий дорогу на побережье, противник старается теперь срезать выступ, образуемый этой преградой, атакуя оба его плеча, к северу и к югу от Ипра.

За отсутствием ускользнувшего от него стратегического успеха он рассчитывает закончить свою авантюру во Фландрии хотя бы тактическим успехом, который, закрепив его положение на Западном фронте, позволил бы ему более свободно обратиться против России.

К тому же он может добиться этого результата, даже не завладев Ипром, так как сколько-нибудь значительное продвижение у оснований выступа позволило бы ему, выдвинув с севера и с юга артиллерию, мешать нашим передвижениям по сходящимся в Ипр дорогам и тем заставить нас отвести войска из полукруга впереди Ипра. Таким образом, интересы обоих противников, столкнувшиеся в ожесточенной борьбе к востоку от этого города, должны снова столкнуться к северу и югу от него.

5-го ноября противник, усиленный еще одной дивизией, стремительно атакует на юге в районе Витсхаэтэ, тогда как мы продвигаемся в направлении на Мессин. В то же время на севере он с успехом вводит в дело против Биксхоотэ и Лангемарка 3-й резервный корпус, снятый с затопленного фронта Изера. На всех остальных участках он воздерживается от активных действий.

Эти бои продолжаются с величайшим ожесточением и 6-го ноября на юге, на обоих берегах Ипрского канала, где для нас наступает довольно серьезный кризис, а на севере — на фронте Биксхоотэ, Лангемарк, где атаки противника кончаются для него неудачей при огромных потерях.

7-го ноября ожесточенное сражение возобновляется, особенно на юге, где положение становится резко критическим на берегах канала. Мы теряем Клейн-Зиллебеке; положение восстанавливается только 8-го, когда мы отбрасываем противника до железной дороги из Ипра в Комин. После 9-го ноября, прошедшего без происшествий, борьба энергично возобнов-

ляется 10-го. Нажим немцев направлен главным образом с севера от Ипра.

Противник, окончательно задержанный на фронте от Ньёпора до Диксмюда наводнением, смог снять с нижнего Изера значительные силы. Он вводит их в дело на еще проходимой местности, начиная от Диксмюда вверх по реке. С самого утра он переходит в очень сильное наступление на всем фронте Изера с явным намерением форсировать реку. Его главный удар направлен на Диксмюд и Стэнстраатэ.

Наши морские стрелки выбиты из Диксмюда и вынуждены отойти на левый берег Изера, где они и занимают заранее оборудованную позицию. Часть нашего 32-го корпуса также отброшена на левый берег Изера. Таким образом, мы теряем переправы на правый берег, и основание ипрского выступа еще больше суживается.

Но, что еще опаснее, противнику удается форсировать Изер в Пузеле и перебросить несколько частей на левый берег реки. Этим создается очень серьезная угроза. Нам удается устранить ее лишь благодаря вводу в дело частей только что прибывшего 20-го корпуса, отбросивших противника на правый берег [1].

11-го ноября немцы, продолжая осуществление своего плана, сильно атакуют на юге. Ночью бомбардировка Ипра усиливается. Утром она продолжается. Затем наступление развивается новыми силами, в том числе одной из гвардейских дивизий, от Капельри до Фельдхука. В то же время на севере противник пытается расширить пространство, занятое им на левом берегу Изера. Этот день опять проходит в серьезных боях. Несмотря на силу своих ударов, противник нигде не достигает крупного успеха. Он задержан на всем фронте, а на некоторых участках даже вынужден отойти.

12-го ноября борьба продолжается так же безрезультатно. 13-го бои происходят только в направлении на Зоннебеке. Этой последней попыткой заканчивается ряд ожесточенных боев, завязавшихся вокруг Ипра. Впоследствии произошло еще несколько довольно оживленных боев, но это были уже только частные столкновения. 13-го сражение под Ипром затихает. Попытки немцев срезать ипрский выступ, атакуя северный и южный углы его основания, привели к двум серьезным

[1] Ген. Бальфурье.

сражениям, продолжавшимся несколько дней и окончившимся безрезультатно для противника.

К 18-му ноября армии обеих сторон окончательно закрепились на своих позициях.

* * *

Немедленно после прекращения сражения мы пользуемся наступившей передышкой, чтобы восстановить наши соединения и дать им отдых. Это в значительной степени облегчается прибытием подкреплений, посылаемых главнокомандующим.

Многие из наших частей совершенно выбились из сил; необходимо было их спешно сменить. Я вступил в переговоры с фельдмаршалом Френчем относительно размежевания фронтов и распределения их между силами союзников. После продолжавшихся несколько дней переговоров, носивших очень напряженный характер, так как обе армии были сильно истощены, мы пришли к соглашению, установившему полосы, которые должна была занимать каждая из них.

В итоге к 20-му ноября союзные силы в Северной Франции имеют следующий состав:

1) За Изером с его затопленными берегами — бельгийская армия, на ее правом фланге — 89-я территориальная дивизия, на ее левом фланге — 81-я территориальная дивизия, обе усиленные кадровыми частями.

2) На периферии ипрского выступа от Кноке до Витсхаэтэ — французская 8-я армия; на ее фронте расположены, считая с севера на юг, 32-й, 20-й, 9-й и 16-й корпуса; в резерве у нее в общей сложности до полутора дивизий.

Кроме того, я оставляю в своем распоряжении бригаду морских стрелков, 87-ю территориальную дивизию, 1-й и 2-й кавалерийские корпуса.

3) От Витсхаэтэ до Фестюбера — британская армия, имеющая в первой линии, считая слева направо, 2-й, 3-й 4-й и индийский корпуса. В резерве у нее 1-й и кавалерийский корпуса.

4) От Фестюбера до Бомец-лэ-Лож — французская 10-я армия, имеющая в первой линии, считая с севера на юг, 21-й, 33-й и 10-й корпуса.

В секторе Ипра усиленно ведутся работы по оборудованию оборонительных позиций второй линии.

Все еще не имея верных сведений о противнике, мы одновременно предпринимаем воздушную и кавалерийскую раз-

ведку с целью установить, не происходит ли у противника отступательных движений, и просим у морского флота в Дюнкерке определить расположение германских береговых батарей к северу от Ньёпора.

Эта разведка устанавливает, что германские окопы заняты крупными силами. Она повсюду натыкается на ружейный и артиллерийский огонь. Корабли, производящие разведку, не могут подойти к берегу из-за минных заграждений, поставленных у выходов с бельгийских рейдов.

В общем противник, повидимому, прочно устраивается на своих позициях.

Глава четвертая

События на остальном фронте северных армий

(17-го октября — 20-е ноября)

Операции не свелись только к ожесточенной борьбе во Фландрии и вокруг Ипра. Они распространились одновременно и на другие участки Северного фронта и сопровождались следующими боевыми действиями:

1) боями на фронте британских 2-го и 3-го корпусов с 17-го октября по 9-е ноября;

2) борьбой вокруг Арраса в тот же промежуток времени;

3) атаками, предпринятыми французской 2-й армией южнее 28-го—30-го октября;

4) наступлением союзников впереди Ньёпора с 7-го по 12-е ноября.

1. Бои на фронте британских 2-го и 3-го корпусов

(с 17-го октября по 9-е ноября)

Продолжая выполнение своей наступательной задачи, британские 2-й и 3-й корпуса, связь между которыми обеспечивалась кавалерийским корпусом Конно, продолжали с 17-го октября по 20-е октября наступать между Живанши и Мессин. 3-й корпус захватил Армантьер, 2-му корпусу не удалось взять Ля-Бассэ.

С 21-го усилившийся противник в свою очередь перешел в наступление. В боях, продолжавшихся несколько дней, он немного оттеснил французский кавалерийский корпус, а затем, предприняв яростные атаки против британских корпусов,

отбросил их на линию Живанши, Нёв-Шапель и завладел этими двумя пунктами. На всем остальном фронте союзники с успехом оказывали ему сопротивление. После еще одной попытки, предпринятой противником 2-го ноября в районе Нёв-Шапель, где британский 2-й корпус был поддержан французским 21-м, задержавшим продвижение противника, последний отказался от дальнейших попыток к югу от р. Лис и перенес свои усилия в район к северу от реки, в более тесной связи с атаками на Ипр.

Последствием этого были яростные безрезультатные бои на восточной опушке леса Плугстеерт 7-го и 8-го ноября.

2. Борьба вокруг Арраса

(17-го октября — 9-го ноября)

В то же время продолжались бои на фронте Аррас, Ля-Бассэ.

Стараясь улучшить свои позиции, французская 10-я армия вела бои с целью овладеть несколькими опорными пунктами — Каранси, Альбэн-Сен-Назер, Вермель, за которые крепко уцепился противник. Эта борьба велась всеми средствами в течение второй половины октября, но не внесла сколько-нибудь значительных изменений в обстановку.

Со своей стороны, немцы особенно ожесточенно атаковали оба фланга 10-й армии, южный — в направлении на Сен-Лоран, с целью захватить выступ фронта у Арраса, северный,— пытаясь продвинуться вдоль канала Ля-Бассэ. С 22-го октября по первые числа ноября им удалось после упорных боев овладеть местечком Сен-Лоран, но развить свой успех они не смогли.

Затем борьба постепенно затихла с обеих сторон. С 9-го ноября на фронте в Артуа никаких крупных действий не происходило.

3. Атаки французской 2-й армии

(28-го — 30-го октября)

Во исполнение директив главнокомандующего о проведении наступлений на различных участках фронта с целью прорвать расположение противника 2-я армия предприняла с 28-го октября атаки к северу и югу от Соммы. Эти атаки привели лишь к незначительному выигрышу пространства.

3-го ноября бои с обеих сторон закончились, а 4-го распоряжением главнокомандующего 2-я армия была изъята из моего подчинения.

4. Наступление союзников впереди Ньёпора
(7-го — 12-го ноября)

Как мы видели выше, наводнение в долине р. Изер в самых последних числах октября заставило немцев отойти на правый берег реки, оставив на левом берегу только некоторые охраняющие части, расположенные на отдельных фермах.

Доступ к этим фермам был еще возможен по мощеным дорогам на уровне воды. С другой стороны, так как наводнение начиналось только южнее Ньёпора, между этим городом и устьем Изера оставался некоторый свободный участок суши. Бельгийцы даже соорудили впереди Ньёпора, на правом берегу реки, солидное предмостное укрепление.

Я решил воспользоваться этой обстановкой, чтобы атаковать крайний правый фланг немцев. Эта операция не только отвечала намерениям главнокомандующего, но могла также благоприятно отразиться на ходе сражения, завязавшегося перед Ипром. Немцы сняли с Изера свои лучшие части, и мы могли при этих условиях предпринять операцию даже войсками, не вполне приведенными в порядок.

На совещании, происходившем 6-го ноября в Касселе, я разработал вместе с начальником штаба бельгийской армии ген. Виллемансом подробности наступления. Оно слагалось из наступления 81-й территориальной дивизии, которая должна была, выйдя из Ньёпора, атаковать в направлении на Ломбартзидэ, Вестенде, и наступления бельгийской армии, поддержанного французской тяжелой артиллерией. Оно имело целью отбросить отряды противника с левого берега Изера.

Боевые действия продолжались с 7-го по 11-е ноября, причем нам не удалось сколько-нибудь ощутительно продвинуться вперед. Противник ввел в дело флотскую дивизию, только что выгрузившуюся в Остенде. 12-го ноября наступление было прекращено.

Как мы видим, борьба, которая с наибольшей активностью велась вокруг Ипра, распространилась и поддерживалась, правда с неодинаковой интенсивностью, на фронте более 150 *км*, от Ньёпора до Руа. Такое протяжение фронта с самого начала заставило нас выставить на фронте все силы,

которыми мы располагали. Таким образом, мы были совсем лишены резервов, и нам все время грозила та опасность, что в случае прорыва противника на каком-либо участке этого обширного боевого фронта мы сможем противопоставить ему только войска, уже занимающие боевую линию.

Глава пятая

Общий взгляд на сражение во Фландрии

Эту длительную обширную операцию, которой обстоятельства придали особую сложность, пришлось вести разношерстными, быстро перемешивавшимися войсками всегда ограниченной численности и поздно прибывавшими. Прежде всего нам потребовалось установить тесное единение командования, стремившегося узнать истинную обстановку этого сражения, которое трудно было охватить целиком. Для этого нужно было установить активное взаимодействие войск союзников и связь между командирами их соединений.

Командующие союзными войсками часто виделись в течение дня. Но к концу дня для выяснения положения наших дел и разработки приказов на следующий день я часто вызывал к 20 час. в Вормоудт ген. д'Юрбаля, штаб которого находился в Роусбрюгге. Почти каждый вечер я принимал в 22 часа в моем штабе в Касселе ген. сэра Г. Вилсона, привозившего мне сведения, полученные британским главным командованием в Сент-Омере, и информировавшего меня о его замыслах. Точно так же мы жили в полном согласии с бельгийским главным командованием, находившимся попрежнему в Фюрне.

Быть может, никогда девиз наших союзников «В единении сила» так хорошо не проводился в жизнь при величайшей активности всех участников. Скольких волевых людей, помогавших друг другу взаимным обменом сведениями и не щадивших своих сил, объединило это сражение! Вот чем, несомненно, объясняется успех этой импровизированной обороны, оказавшейся способной противостоять в конце концов победоносно грандиозному наступлению, мощно организованному, упорно повторяемому и затянувшемуся почти на целый месяц.

Само собой разумеется, что я поддерживал тесную связь с моим главнокомандующим. Хотя я и не виделся с ним со 2-го ноября, мы ежедневно обменивались мнениями, записками. Отнюдь не отрицая важного значения боевых действий, завя-

завшихся во Фландрии, он не мог немедленно выделить все силы, которых они требовали. Со своими армиями, сильно пострадавшими за два месяца трудной войны, скудно оснащенными артиллерией, различными техническими средствами, а также боевыми припасами, он должен был обеспечивать безопасность еще недостаточно укрепленного фронта, быстро растянувшегося почти на 600 *км* от Вогез до р. Лис. Какой только внезапностью не мог поразить нас противник на фронте такого протяжения, где обе стороны находились в тесном соприкосновении? Этим и объясняется прибытие подкреплений во время сражения под Ипром, так сказать, капля за каплей, а также продолжительность действий, которых пришлось потребовать от войск, с самого начала участвовавших в сражении. Приходилось все время держать их на фронте, так как не было других, которыми можно было их сменить. Доблесть их оказалась на высоте всех требований, которые предъявляла к ним борьба. Ограничиваясь только двумя примерами, напомним о британском 1-м корпусе, жестоко пострадавшем 31-го октября и уже начавшем отступление в этот день. Он все же нашел в себе силы продолжать сражение, выдержать еще ряд яростных атак и покинул свои позиции только 18-го ноября, после того как противник был окончательно задержан. Упомянем также о французском 9-м корпусе, 42-й дивизии и кавалерийских корпусах, участвовавших в сражении непрерывно с 23-го октября по 15-е ноября и сменявшихся только через несколько дней. Какой стойкости и какого напряжения потребовало это сражение!

В итоге сражение под Ипром происходило на фронте в 45 *км* от Нордсхоотэ до р. Лис близ Армантьера. Немцы ввели в бой силы численностью до пятнадцати корпусов [1], союзники — до десяти корпусов [2]. 31-го октября французы держали 25 *км* этого фронта, англичане — 20 *км;* 5-го ноября французы держали 30 *км,* англичане — 15.

Как мы видим, французские войска и по занимаемому ими

---

[1] 3-й резервный корпус, 2-й баварский, 22-й, 23-й, 26-й, 27-й, 15-й, 13-й армейские корпуса; части 2-го, 7-го, 14-го, 4-го, 3-го баварского корпусов, 4-ю эрзац-дивизию, 37-ю, 38-ю ландверные бригады, 3-й кавалерийский корпус.

[2] Французы ввели в дело 9-й, 16-й, 20-й, 32-й армейские корпуса, 2-й кавалерийский корпус, две территориальные дивизии. Англичане — 1-й корпус (в составе трех дивизий), 3-й корпус, кавалерийский корпус.

фронту и по своей численности играли в этом сражении преобладающую роль. Поэтому утверждение, что сражение под Ипром было исключительно английским сражением и английской победой, противоречило бы истине.

Потери обеих сторон были очень велики. Чтобы преодолеть упорное сопротивление, немцы ввели в дело значительно более сильную, чем у союзников, тяжелую артиллерию, в состав которой входило большое число орудий крупных калибров, до 380 *мм*. Германские резервные войска, особенно рвавшиеся в бой, но ошеломленные и смущенные стойкостью противника, были брошены в яростные и шумные атаки в густых сомкнутых построениях, которые привели к настоящим гекатомбам. Это сказалось на их моральном состоянии. Да и во всей Германии это произвело глубокое впечатление. Год спустя газета «Локаль анцайгер» писала: «День Лангемарка: никогда еще равнины Фландрии так обильно не орошались кровью, и к несчастью кровью нашей молодежи. Поэтому никогда в Германии не будет пролито столько слез, как в этот день». А газета «Франкфуртер цейтунг» писала: «Эти полки пошли на смерть. В этот день были принесены огромные, непоправимые жертвы. Туманные осенние дни воскрешают во многих из нас ужасные воспоминания, живую и безутешную скорбь».

Уже 13-го ноября я представил главнокомандующему общий отчет, в котором вкратце излагал события, а также результаты этих крупных столкновений. Вот начало и заключение этого отчета:

«Г-н генерал,

атаки противника прекращаются. Повидимому, он отказывается от мысли захватить Ипр, а следовательно, и от своего плана охвата нашего правого фланга.

Большая часть подкреплений, которые вы соблаговолили мне послать, уже прибыла; они продолжают непрерывно выгружаться. Некоторые из них находятся уже в первой линии, где сменяют участвовавшие в сражении войска; остальные направляются туда же. Тем временем инженерные роты вооружают или усиливают позиции совместно со всеми свободными воинскими частями. Наши перемешавшиеся части приводятся в порядок.

Таким образом, наше положение с каждой минутой укрепляется и улучшается. То же можно сказать и об английской армии. Поэтому, если противник возобновит свои атаки, мы

окажемся в более благоприятных условиях, чем когда-либо, для их отражения.

Этим несомненно и ограничится в данное время наше преимущество, так как для того, чтобы быть в состоянии снова двинуться вперед, нам понадобится время, и противник на нашем фронте, повидимому, очень сильно укрепился. Но мы можем надеяться посредством небольших, хорошо комбинированных операций вновь овладеть некоторыми пунктами, одним словом, выровнять фронт. Это и будет сделано.

Пользуюсь временным затишьем, чтобы вкратце изложить ход событий и достигнутые результаты.

. . . . . .

С нашей стороны, хотя мы осуществили соединение всех сил союзников и обеспечили наши морские базы, достигнутый нами тактический результат является еще чисто негативным. Мы помешали противнику осуществить свой план, несмотря на все жертвы, которые он принес, чтобы добиться успеха.

Теперь мы будем сковывать его.

При существующих условиях бессилие противника может привести к важным решениям в нашу пользу.

Вот к чему мы в настоящее время пришли, г-н генерал.

Сопротивление наших войск оказалось на высоте всех требований. Потери наши серьезны. Потери противника, должно быть, значительно серьезнее ввиду густых и глубоких боевых порядков, которые он применял при наступлении.

В скором времени я буду иметь честь войти к вам с представлениями о награждениях, которые вполне оправдываются доблестью, проявленной офицерским составом.

Примите, г-н генерал, выражение моей почтительной привязанности.

(подп.) *Фош*».

Согласно этому документу, написанному под свежим впечатлением случившегося, мы не одержали крупной победы над противником, но мы вырвали ее у него и тем самым помешали ему добиться тех важных результатов, к которым он стремился.

Вследствие постепенного развития охватывающего маневра, предпринятого через несколько дней после победы на Марне, нам пришлось растянуть наш боевой фронт от Швейцарии до Северного моря на протяжении 680 *км*, фронт, еще не виданный до сих пор в истории, и через шесть недель после Марны импровизировать на северной оконечности этого

фронта новое решительное сражение. Если принять во внимание огромные запасы живой силы и средств, организованные и заготовленные противником еще в мирное время, не удивительно, что исход этого столкновения внушал нам серьезнейшие опасения! Недостаток в людях, еще больший недостаток технических средств, а главное — боевых припасов, необходимость наскоро наладить взаимодействие с союзниками и в наших войсках — вот при каких условиях мы вступали в столкновение с противником. Затруднения были устранены благодаря общему единению, а главное — благодаря бдительности и решимости, с которыми французский главнокомандующий встретил опасность, не побоявшись возложить на французские армии оборону большей части союзного фронта.

Достигнутый результат был значительным. Окончательно задержав противника на берегах Изера и, под конец, под Ипром, союзные армии разрушили его план, заключавшийся в том, чтобы разбить западные армии, прежде чем наброситься на Россию. Они спасли от нашествия и оккупации особенно богатые области Северной Франции, а также порты Северного моря и Ламанша, т. е. французские и английские коммуникации. Они защитили Англию от вторжения противника и сохранили Бельгии ключок территории, который обеспечивал ей место на карте Европы.

Три союзные армии приняли участие в сражении, продолжавшемся более месяца. Благодаря своему единению они достигли победы. Разве кровь, пролитая вместе при таких условиях, не должна была скрепить дружбу между тремя нациями? А это было важным приобретением для коалиции.

В отместку за свою неудачу немцы усилили бомбардировку Ипра. 22-го ноября они избрали целью для своих зажигательных снарядов собор св. Петра и крытый рынок. Вскоре эти два великолепных исторических здания превратились в жалкую груду развалин.

Бои вокруг Ипра лишний раз показали, какую силу приобрела оборона благодаря развитию огневых средств, а в особенности благодаря применению пулеметов. Сила наступления пропорционально не увеличилась. Это привело к продолжительному периоду неподвижного стояния армий друг против друга. В этом явлении увидели новый тип войны — позиционную войну, противополагавшуюся так называемой маневренной войне. На самом деле это было лишь признанием бессилия, кризисом боевой деятельности, неспособностью сокру-

шить посредством наступления, обеспеченного соответствующим вооружением, те средства сопротивления, которыми располагала оборона. Наступающий должен был найти средство, чтобы разбить препятствия и броню, которые земля позволяет бойцу повсюду воздвигать перед ним, и с ближайшей дистанции атаковать эту неуловимую машину — пулемет, который своим огнем, часто ведущимся вслепую, сметает все на поле сражения. В итоге техника получила первостепенное значение для борьбы.

Под Ипром наши попытки перейти в наступление потерпели неудачу главным образом из-за недостатка тяжелой артиллерии. Немцы имеют более сильную тяжелую артиллерию, чем наша; но они также терпят неудачу из-за недостаточного количества орудий, а также из-за несоответствующего их использования. Чтобы вернуть наступлению всю его силу, нам придется удесятерить число наших тяжелых орудий, количество боевых припасов всех калибров, а также выработать систему стрельбы нашей артиллерии. Нам также придется посредством бронированных машин отыскивать и уничтожать пулеметы противника.

Наступление, оснащенное всеми этими средствами, не будет, как и во время Наполеона, знать позиционной войны. Оно вновь приобретет свою подвижность, которую оно утратило из-за худосочия, из-за своего бессилия перед препятствиями. Еще раз темп развития войны зависит от имеющихся налицо машин и материальной части. Человек, каким бы доблестным он ни был, не может один его изменить. Без этой техники он совершенно бессилен. А так как количество этой техники все время увеличивается, то одна из первых задач бойца в армии заключается в том, чтобы одухотворять, обслуживать эту технику.

Таковы были уроки войны уже к концу 1914 г.

Чего только нельзя ожидать в войнах будущего от успехов авиации и развития химической войны? Поэтому при нашей подготовке к будущей войне мы должны прежде всего подумать о мощных и разнообразных технических средствах, которые придется применять на поле сражения, о том, чтобы частично заготовить их, а также установить в мирное время такую организацию войск, которая обеспечила бы обслуживание материальной части во время войны.

Во всяком случае еще в конце 1914 г. было ясно, что мы не сможем довести борьбу до желаемого конца — победы, не

увеличив в значительной мере количества нашей артиллерии и пулеметов, а также наших запасов боевых припасов. Успех действующей армии зависел только от промышленного производства в тылу. Первейшей задачей командования было безоговорочно открыть правительству глаза на это совершенно необходимое условие.

Все эти соображения я изложил главнокомандующему в приведенном ниже письме от 19-го ноября, добавив к ним свой взгляд на направление, в котором надо было вести войну в будущем.

«Г-н генерал,

обстановка остается без изменений, противник больше не ведет серьезных атак. Мы восстанавливаем свои силы.

Рассматривая эту обстановку, как и обстановку на русской границе, я прихожу к следующему выводу.

Основной германский план заключался в том, чтобы уничтожить западного противника, охватив его левый фланг от Ипра до моря, прежде чем обратиться на восточного противника — русскую армию. Первая часть этого плана провалилась. Немцам не удалось ни обойти наш левый фланг ни уничтожить нас. Более того, мы в материальном и моральном отношении вполне в состоянии сами их атаковать.

В итоге после трех месяцев войны они пришли к состоянию плачевного бессилия на западе. На востоке им приходится вести войну очень ослабленной армией. Какой бы образ действий они ни избрали на Восточном фронте, — а их может быть несколько, — они не могут не снять часть войск с Западного фронта. Для этого им придется сократить свой фронт. Первый, ближайший фронт, на котором они окажут нам серьезное сопротивление, пройдет, несомненно, от Страсбурга через Мец, по Маасу у Мезьер, через Намюр на Брюссель и Антверпен.

1. Характер войны. Прежде чем подойти к этому фронту, нам, несомненно, придется атаковать другие оборонительные линии. Во всяком случае на нашу долю все больше будет выпадать война против укрепленных позиций. Мне кажется, что мы должны все больше считаться с необходимостью организации такой войны. Чего же она требует? Многочисленной осадной артиллерии, обильно снабженной боевыми припасами, соответствующей характеру крепости, намеченной для осады. Очевидно, что для атаки земляных укреп-

лений нужна другая материальная часть, чем для атаки укреплений бетонных.

Очевидно также, что для позиционной войны, стоящей теперь в порядке дня, надо иметь возможность бросать снаряды навесным огнем, то-есть позаботиться о мортирах или других аналогичных орудиях с большим запасом боевых припасов и т. д.

Кроме такой артиллерии, нам необходимо подумать об организации многочисленных инженерных войск, оснащенных для саперных работ, для минной войны. В этой области я менее осведомлен. Но меня занимает одна мысль. Не имеется ли у нас, после отрывки артезианских колодцев, после подземных работ на Северо-Южном канале, парижском метро (тюбинги Берлье), механических средств, более быстродействующих, чем прежние, для проходки минных галерей и их крепления? Это позволило бы нам закладывать мощные подрывные заряды под некоторые очаги сопротивления противника.

2. Что же касается направлений нашего наступления, то я скажу следующее.

Вплоть до Ватерлоо судьбы Европы всегда решались в Бельгии. Мне кажется, что трудно отказаться от этого района.

Там нам всегда обеспечена помощь англичан и бельгийцев при условии, что мы сумеем увлечь их за собой. В других местах и без этого условия эта помощь может оказаться бесплодной. До Мааса перед нами нет серьезного естественного препятствия. Так как германские оборонительные сооружения в этом районе более недавнего происхождения, то они могут оказаться менее прочными, чем в других районах.

Из всех этих соображений я делаю вывод, что необходимо сильное наступление на севере, направленное на интервал между Антверпеном и Намюром, который, несомненно, будет прикрыт поспешно укрепленным районом вокруг Брюсселя. Далее, наступление будет направлено на р. Маас между Намюром и Льежем. Здесь наше наступление, несомненно, натолкнется на сильное сопротивление. То же, вероятно, случится и на Маасе от Намюра до Мезьера, Седана, Музона...

Повидимому, мы сможем преодолеть это сопротивление только посредством маневра по правому берегу, предпринятого из Вердена и его окрестностей.

Итак, вначале сильное наступление на нашем левом фланге, затем, как продолжение его, сильное наступление на нашем правом фланге, — вот план действий, к которому я прихожу.

Центр нашей группировки будет стремиться к продвижению вперед, пользуясь результатами, достигнутыми на флангах, и сгущая свои силы по мере сокращения фронта сначала к нашему левому, а затем к нашему правому флангу.

3. Против этого плана можно возразить, что он сразу не отдает в наши руки территории, на которые мы заявляем свои права. Я остаюсь верен чистой теории уничтожения сил противника, которое решает все остальные вопросы, — мысли, что наши операции следует вести в направлении, наиболее выгодном с военной точки зрения. Это направление позволит нам захватить наибольшую территорию и самым убедительным образом поддержать наши законные требования, конечно, при том условии, что мы будем развивать свое военное усилие безостановочно и беспощадно.

4. Возвращаясь к предпосылкам всех моих рассуждений, я считаю, что германское наступление на западе остановлено окончательно. Немцы не могут возобновить с второсортными войсками мощный удар, который они нанесли по Ипру 1-го ноября: если бы они повторили его, они потерпели бы неудачу. На Западном фронте они по необходимости обречены на оборону. Маневрировать они могут теперь только на Восточном фронте, и то еще не наверное. Первое, что они должны сделать, это — организовать маневр. А готовятся они к маневру удивительно медленно и нерешительно.

Остановив нас 15-го сентября на теперешнем фронте, они только 1-го ноября, то-есть спустя полтора месяца, подготовились к наступлению на Ипр. Они поставили бы нас в очень затруднительное положение, если бы с такой же силой атаковали нас под Аррасом 10-го или 15-го сентября, когда англичане еще не были перевезены на север. Из этого я извлекаю мораль, что надо ожидать большой медлительности в их повороте на восток, в перевозке их войск на тот фронт, в изменении их фасада, обращенного к нам, хотя мне кажется, что с заднего крыльца они снимают некоторые свои соединения, подвозят подкрепления к остающимся, назначают лучшие гарнизоны (из Меца и Страсбурга) для занятия крепостей и пунктов, которые, по их мнению, окажутся в первой линии: Антверпена, Брюсселя, Намюра.

Из всего этого я еще раз заключаю, что нам необходимо организовывать наступление на укрепленные позиции, то-есть мощную осадную войну.

Вот, г-н генерал, несколько мыслей, которые я набросал по мере того, как они приходили мне в голову в относительно свободные минуты. Извините за некоторую замечающуюся в них несвязанность и верьте моей неизменной почтительной преданности.

(подп.) *Фош*».

Наши отношения с британской армией, уже очень искренние и сердечные, стали еще более тесными после сражения, которое мы вели совместно и выиграли благодаря полному нашему единству. Эта дружба, укрепившаяся на поле сражения под Ипром, распространилась на обе нации. В дальнейшем ходе войны она еще более окрепла и привела к победе.

Оба сражения, на Изере и под Ипром, были выиграны общими, тесно сплоченными усилиями армий трех государств, сильно пострадавших и соединившихся внезапно, без подготовки, каждая со своим командующим. Этими командующими были бельгийский король, фельдмаршал Френч и я. Несмотря на это, единство воли и действия никогда не было более полным, более безусловным, чем в этом соединении войск, импровизированном для спасения общего дела перед лицом могучего противника, который со свежими войсками и обильными техническими средствами наносил один из своих самых решительных ударов.

Если мне было дано принять важное участие в обоих сражениях, подсказывая отдельные решения и вдохновляя некоторые действия наряду с этими командующими армиями, из которых один был королем, а другой английским фельдмаршалом, то это случилось не в силу какого-нибудь декрета, облекавшего меня правами командующего над союзными войсками, а в силу доверия, проявленного ко мне этими высокими авторитетами.

Во всех коалициях отношения между союзными армиями неизбежно складываются именно так. У каждой армии свой собственный, отличный от других образ мыслей; каждая должна выполнять требования своего правительства, а последнее имеет свои частные интересы и потребности. Кроме того, каждая армия имеет свое самолюбие. Она очень высоко расценивает тяготы, возложенные на нее войной, и столь же убедительно выдвигает невозможность для себя сделать еще новое усилие, пойти на новые жертвы во время сражения. Отсюда главным образом следует, что общее руководство

создается и поддерживается главным образом благодаря доверию, которым пользуется у союзных правительств и главнокомандующих одно определенное лицо.

То, что впоследствии называли единым командованием, дает ложное представление о власти этого лица, если думать, что оно может командовать в военном смысле слова, как оно командовало бы, например, во французской армии. Оно не может с такой же безусловной полнотой власти управлять войсками союзников, так как эти войска ускользают от него, в частности в отношении карательных мер, которые иногда приходится принимать. Но своим убеждением оно увлекает за собой или сдерживает командование отдельных армий, устанавливает линию поведения и таким образом добивается общности действий, приводящих к победе, даже при коренным образом различных армиях. Конечно, чрезвычайно желательно, чтобы в один прекрасный день официальный «патент на командование» зафиксировал в глазах всех союзников положение, занимаемое этим лицом, но при том непременном условии, чтобы назначенный таким образом главнокомандующий вскоре оправдал полученное им звание. Это высокое звание не надолго спасет его от критики, от сопротивления и от расхождения во взглядах и действиях армий. Они, несмотря ни на что, остаются для него чужими, но их единение легко поддерживать, если все будут признавать его испытанный на деле авторитет.

Слишком жесткое командование приводит к раздроблению сил коалиции. Доверие объединяет и укрепляет их. Ни на Изере ни под Ипром у меня не было никакого «патента на командование».

Глава шестая

Первые попытки союзников прорвать германский укрепленный фронт. — Перегруппировка союзных сил во Фландрии

(Декабрь 1914 г. — апрель 1915 г.)

Хотя германское наступление было основательно задержано на Западном фронте, что предоставляло союзным армиям относительный отдых, оно должно было под угрозой самой серьезной опасности разразиться на Восточном фронте против русских армий, продвижение которых становилось очень

грозным. Это наступление требовало снятия возможно большего количества германских сил с Западного фронта, а следовательно, союзники обязаны были действовать так, чтобы удержать на Западном фронте как можно больше этих сил.

Наступление, которое следовало предпринять с этой целью французским армиям, должно было происходить на участках фронта, обеспечивавших наиболее благоприятные условия для атак и развития успеха. Чтобы вызвать рассредоточение сил противника, оно должно было захватить возможно более широкий фронт.

Поэтому я наметил следующие операции:

1) в 8-й армии — наступление в районе юго-восточнее Ипра, во взаимодействии с английской армией;

2) в 10-й армии — крупное наступление севернее Арраса для захвата гребня Ля-Фоли между Сушэ и Живанши-ан-Гоэль.

С конца ноября в этих армиях начались и деятельно велись подготовительные работы. 6-го декабря я поехал в Шантийи, в ставку главнокомандующего, чтобы представить на его утверждение план операций.

8-го декабря главнокомандующий отдал общую директиву по действующей армии, сводившуюся в основном к следующему:

«Настало время вновь перейти в наступление, отбросить противника на северо-восток и подготовить последующую операцию на его сообщениях.

С этой целью должны быть произведены два главных наступления:

1. Одно из района Арраса, в направлении на Камбрэ и Дуэ, будет проведено усиленной для этого 10-й армией;

2. Другое в Шампани, в направлении на Атиньи, — 4-й армией».

Кроме того, на различных участках фронта будут предприняты вспомогательные операции, а именно:

В 8-й армии и на левом фланге британской армии «концентрическое наступление в направлении на Вервик».

Во 2-й армии, которая будет наступать в направлении на Конбль, и т. д.

Наступление 8-й армии. Смена англичанами правофланговых частей 8-й армии позволила ген. д'Юрбаль снять с фронта довольно значительные силы, которые были возвращены 10-й армии, откуда они были взяты во время сражения под Ипром.

С другой стороны, благодаря тому, что бельгийский штаб

согласился удлинить свой фронт к югу, ген. д'Юрбаль смог снять отсюда и перевести в резерв весь 32-й корпус.

При таких условиях командующий 8-й армией смог подготовить на первую половину декабря предписанное ему наступление во взаимодействии с английской армией.

Его атаки, произведенные 14-го, 15-го и 16-го декабря, в общем не имели никакого успеха или привели лишь к ничтожному продвижению вперед. Повсюду мы наткнулись не только на бдительного и хорошо укрепившегося противника, но, в гораздо большей степени, и на затруднения, вытекавшие из состояния болотистого грунта, в котором бойцы вязли по бедра. Наши орудия не могли съезжать с дорог.

После этого наши войска предприняли на своем фронте наступления сапные и минные работы для разрушения важнейших пунктов обороны противника. Эти работы были очень замедлены непреодолимыми затруднениями в связи с размокшим грунтом.

В северной части ипрского выступа мы встретились с теми же препятствиями и лишь незначительно продвинулись вперед. Так же обстояло дело и с попытками, предпринятыми англичанами южнее, где результаты свелись к небольшому продвижению на отдельных участках.

19-го декабря мы прекратили наступление ввиду затруднений, связанных с грунтом. 24-го, когда выяснилось, что нам больше нечего ожидать от английских атак, мы уменьшили количество войск в первой линии и вновь создали себе резервы. Таким образом, к северу от р. Лис мы снова перешли к обороне.

Наступление 10-й армии. С конца ноября в 10-й армии рассматривались возможности проведения атак по обе стороны Арраса. Успех этих атак дал бы, как полагали, по меньшей мере ту выгоду, что позволил сравнять аррасский выступ, а следовательно, облегчил бы оборону города, которая после этого потребовала бы меньших сил.

Однако, чтобы достигнуть достаточного сосредоточения сил и средств, мы решили ограничиться наступлением на северном участке. Только оно могло привести к крупным, быть может, решающим результатам. Длинный гребень, тянущийся от Сушэ через Ля-Фоли и Тэлю и примыкающий к плато Пуэн-дю-Жур к востоку от Арраса, образует гряду, почти отвесно возвышающуюся над деревнями Живанши-ан-Гоэль, Вими, Фарбюс, Байель и командующую над обширной равниной почти до Дуэ.

Овладеть этим гребнем, расположить на нем артиллерию и наблюдательные пункты значило лишить противника возмож-

ности сколько-нибудь прочно устроиться на равнине, заставить его отойти на значительное расстояние, до линии р. Сансэ и верхнего течения р. Дэль, и тем самым выпрямить фронт.

Этот гребень и был объектом наступления, которое имело целью прорыв германского фронта в районе Сушэ и южнее, захват высот, командующих над Живанши и Вими, и развитие этого успеха.

Наступление должны были вести 33-й армейский корпус под командой ген. Петэна и 21-й армейский корпус под командой ген. Мэтра по сходящимся направлениям.

Начать его было намечено между 16-м и 20-м декабря. До того времени надо было произвести работы по улучшению исходного положения и провести несколько предварительных операций: 21-м корпусом — на Нотр-Дам-де-Лорет, 33-м — на Каранси и Ля-Таржет, 10-м — на Сен-Лоран и Бляндж.

Опыт показал нам, что нужно действовать не спеша, но наверняка, переходя от одного результата к другому, что не позволяло нам составить план, вполне уточненный с начала до конца. Таким образом, время главного наступления 33-го корпуса нельзя было назначить заранее, так как его начало зависело от успеха вспомогательных атак и завершения артиллерийской подготовки.

Исходя из этих соображений, 21-й корпус атаковал 17-го декабря в направлении на плато Лорет, где ему и удалось овладеть германской первой линией между северным скатом плато и магистральной дорогой из Бетюна в Аррас. Но вскоре дождь сделал местность непроходимой и помешал продвижению пехоты, подвозу снабжения и даже устройству войск на захваченном пространстве. Возведение каких бы то ни было сооружений в море грязи было невозможно. Только благодаря своей доблести пехота 21-го корпуса удержалась на захваченной ею позиции.

Тем временем 33-й корпус встретился с большими затруднениями. Две его атаки, одна на севере, на Каранси, другая на юге, на Ля-Таржет, потерпели неудачу вследствие прочности оборонительных сооружений и хорошей организации обороны противника, с которыми не могли справиться наличные средства разрушения.

Таким образом, главное наступление на гребень Вими пришлось отложить.

В итоге к 23-му декабря наши атаки на севере потерпели неудачу и дали незначительные результаты.

Надо было вводить новые приёмы наступления с мощными средствами разрушения. Перед нами стояла прозно организованная оборона. В маневренной войне она уже оказалась чрезвычайно прочной благодаря силе пулеметного огня, а также закрытиям, создаваемым путем самоокапывания. Время позволило обороняющемуся противнику еще усилить оборону проволочными заграждениями, бетонированными закрытиями для фланкирующих пулеметов и орудий, подземными или блиндированными ходами сообщения. В результате населенные пункты превратились для обороны в настоящие цитадели, которые наступающий должен был разрушать прежде, чем пускать в атаку пехоту. А это разрушение требовало сильной артиллерии, способной разрушать убежища и окопы, а также уничтожать проволочные заграждения.

Недостаток материальной части уже помешал нашему наступлению в маневренной войне, он еще сильнее сказывался в быстро возникшей позиционной войне. Мы не могли бы одной живой силой брать укрепления, оборудованные современными средствами. Мы должны были возможно скорее потребовать от нашей промышленности материальной части, необходимой для разрушения укреплений. Командованию приходилось первым долгом позаботиться о повышении производительности промышленности. В этом заключалась для нас единственная возможность возобновить наступательную войну, по крайней мере на Западном фронте.

Но в течение времени, необходимого для этой эволюции нашей тактики, мы не могли забывать о наших союзниках на Восточном фронте, о русской армии, которая своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне. Мы должны были всемерно притти ей на помощь. Этим и объясняется необходимость предпринятых операций, несмотря на их кажущуюся бесплодность, и обязанность для нас предпринимать подобные же операции и в будущем. За отсутствием победы, которую мы еще не могли одержать, мы должны были удерживать на Западном фронте все силы, которые противник сосредоточил там; это мешало ему перебросить их на Восточный фронт и организовать там решительное наступление, которое могло бы стать прелюдией к окончательной победе.

Но в вопросе согласования операций на обоих фронтах я всецело подчинялся директивам главнокомандующего французскими армиями. Таким образом, наступления на севере были начаты не по моей инициативе, не считая, конечно, мер, принятых мною для того, чтобы развитие их отвечало видам главного командования и для обеспечения всей возможной помощи со стороны наших сюзников — англичан и бельгийцев. К концу 1914 г. в Шампани началось наступление (20-го декабря), первые стадии которого проходили удовлетворительно.

В данный момент моей формулой было: работа в штабах, отдых для войск до того момента, когда улучшение погоды позволит приступить к выполнению операций с шансами на успех. Главнокомандующий одобрил это предложение и приказал отвести на отдых все войска, которые не были безусловно необходимы на месте. Но так как продолжительность операций, предпринятых в Шампани, требовала создания крупных резервов, северным армиям было предложено выделить себе резервы.

По мере того как время шло и размеры операции в Шампани увеличивались, главнокомандующий приказал 27-го февраля приостановить все действия, намеченные 2-й армией, продолжая, однако, деятельно проводить подготовку, чтобы быть в состоянии безотлагательно приступить к ним в надлежащий момент. Таким образом, зима закончилась без новых операций с нашей стороны, за исключением наступления под Ньёпором.

Многие из наших войск были отведены на отдых или даже переданы в распоряжение главнокомандующего; им предстояло покинуть Северный фронт. Я воспользовался этим обстоятельством, чтобы по очереди побывать в частях. Каждый раз я не упускал случая собирать офицеров и беседовать с ними. Я не сумею описать, в каком прекрасном моральном состоянии находились все, офицеры и солдаты, и это после очень тяжелой зимы. Они хорошо отдавали себе отчет в важности результатов, которых они достигли, еще раз разрушив на Изере и под Ипром планы противника. Они не сомневались в том, что скоро одолеют противника в намеченных будущих наступлениях. Их общая вера в успех производила сильное впечатление.

Наступление 2-го кавалерийского корпуса к востоку от Ньёпора.

Бельгийское побережье Северного моря представляло для противника особый интерес ввиду того, что он мог устроить

там базы для ведения подводной войны против Англии и для стеснения сообщений через Ламанш. Ближайшим к нам портом, находившимся в его руках, был Остенде. Его оборона должна была приковать к себе значительные германские силы. Отсюда — значение наступления, которое мы предприняли бы в этом направлении. Самое побережье, образованное довольно высокими песчаными дюнами, не затопленными наводнением Изера, давало нам некоторую возможность для действий.

В самом начале декабря я предложил командиру 2-го кавалерийского корпуса ген. де-Митри разработать план наступления из Ньёпора. Коменданту Дюнкерка приказал приготовить переправочные средства, необходимые для переправы через Изер ниже Ньёпора. Наконец, в распоряжение ген. де-Митри были предоставлены многочисленные плавучие средства, главным образом плоскодонные шаланды и моторные катеры. Но попрежнему мы располагали только легкой полевой артиллерией.

15-го декабря началось наступление в общем направлении на Вестенде, Остенде. Мы овладели первыми домами Ломбартзидэ и Польдера, однако не смогли сколько-нибудь значительно продвинуться по самому берегу из-за внушительных оборонительных сооружений, воздвигнутых противником в песчаных дюнах. Мы также подошли на 600 *м* к Сен-Жоржу, между тем как французские моряки и бельгийские солдаты на шаландах захватили несколько ферм к юго-западу от этого селения.

Операция продолжалась в следующие дни. Тщетно противник предпринимал сильные контратаки,— все они были отражены. К 19-му мы захватили и укрепили на правом берегу Изера прочную предмостную позицию. В то же время мы устроили ряд переправ через реку.

Но когда 25-го декабря мы хотели возобновить наступление, все наши попытки на участке от Ломбартзидэ до моря разбились об оборонительные сооружения противника, об его проволочные заграждения, которые мы не могли разрушить из-за недостатка в артиллерии. 28-го мы взяли Сен-Жорж, в то время как бельгийская 5-я дивизия, переправившись через Изер к югу от Диксмюда, устроила небольшую предмостную позицию на правом берегу реки.

Прежде чем предпринимать новые атаки значительными силами, надо было закрепиться на захваченном пространстве.

Это потребовало времени; оборудование местности отняло несколько недель, так как работам серьезно мешали атмосферные условия. Окопы и ходы сообщения заливало водой или засыпало песком. Частые бури прекращали сообщение. Мост на бочках, наведенный в устье Изера, все время разрушался огнем германской артиллерии.

Невзирая на все эти трудности, наши войска проявили замечательную активность. В течение целого месяца, с 27-го декабря по 27-е января, они без устали проводили работы, связанные с подготовкой намеченного наступления на Польдер и Ломбартзидэ.

Эта новая атака была предпринята 28-го января. Мы овладели германской первой линией. Но с наступлением темноты, ввиду понесенных серьезных потерь, а также из-за воды, которая не позволяла производить в захваченных окопах работы по их приспособлению к обороне, наши войска, которые при малейшей контратаке оказались бы в безвыходном положении, вернулись на исходные позиции.

В то время как этот бой разыгрывался напротив Польдера, взводу стрелков удалось смелым поиском захватить небольшое укрепление противника, устроенное впереди Большой дюны. Однако взятое под продольный огонь и контратакованное в штыки, это подразделение было почти целиком уничтожено. Шесть рядовых с унтер-офицером продолжали оказывать сопротивление весь день и часть ночи. Все они были убиты на своей позиции.

Эти случаи бесспорно свидетельствуют о высоком моральном состоянии и рвении войск французского отряда в Ньёпоре. Но несмотря на все их качества, они были не в силах преодолеть всякого рода трудности, нагроможденные естественными условиями. Они физически не были в состоянии справиться с ними, и было бы безумием продолжать в середине зимы наступление, обреченное на верную неудачу. Действительно, 28-е января было последним днем этого наступления.

* * *

В январе, 17-го числа, ген. Жоффр пострадал при автомобильной катастрофе, которая могла иметь очень серьезные последствия. Мы ехали на машине из Роусбрюгге в Дюнкерк, когда наша дорога была преграждена грузовиком, у которого оказалось испорченным управление. Последовало

столкновение двух машин, при котором главнокомандующий получил сильные ушибы. Ему пришлось прекратить намеченный объезд и вернуться прямо по железной дороге в Ромильи, в свою ставку. Я остался цел и невредим, но был сильно обеспокоен за моего начальника. Моя тревога еще возросла после того, как я расстался с ним на вокзале в Дюнкерке. По счастью, он через несколько дней совершенно поправился.

Немного времени спустя я в качестве помощника главнокомандующего письменно запросил военного министра о том, что мне делать, если ген. Жоффр, вследствие происшедшего с ним несчастного случая, не будет в состоянии исполнять свои обязанности? Я спрашивал, какое лицо в действующей армии должно будет отдавать распоряжения, чтобы парировать всегда возможные внезапные действия со стороны противника. Мне ответили, что мне нечего заботиться, так как правительство предусмотрело этот случай. Действительно, как оказалось, еще в августе было намечено, что командование над армиями примет в подобном случае ген. Гальени. Несмотря на свой высокий ум и бесспорные положительные качества, он к январю 1915 г. принимал еще слишком небольшое участие в войне, особенно в войне позиционной.

Кабинетные деятели слишком легко судят о военных. О достоинствах последних можно судить только по результатам, которых они добиваются на поле сражения.

* * *

Смена 8-й французской армии англичанами.

С начала декабря британское правительство выразило французскому свое пожелание, чтобы британские силы были переведены во Фландрию, где они занимали бы участок союзного фронта более близкий к морю и в частности могли бы опереть свой фланг о побережье. Британское правительство полагало, что это было бы встречено с большим удовлетворением английским общественным мнением. Присутствие противника на бельгийском побережье в Остенде и Зеебрюгге представляло для Великобритании непрестанную угрозу, которая могла быть устранена наступлением английской армии вдоль побережья на морскую базу Остенде. Эту идею особенно отстаивал британский морской министр Уинстон Черчиль. Она гораздо меньше нравилась главнокомандующему британской армией фельдмаршалу Френчу и еще меньше главнокомандующему французскими армиями.

И тот и другой видели большое неудобство в выборе для главного удара британской армии такого объекта, который был интересен только с точки зрения борьбы на море, и отвлечении ее от сухопутных операций против главного противника коалиции — германской армии, — операций, которые должны были решить исход войны. При таких обстоятельствах, после продолжительных переговоров, было решено в последние дни декабря, что британская армия, удерживая попрежнему свой правый фланг в Ля-Бассэ, постепенно сменит корпуса французской 8-й армии, использовав для этого подкрепления, которые она постепенно должна была получить. Французская армия, оставив в Ньёпоре свои находящиеся там части, постепенно очистит ипрский выступ, оставив только отряд в Эльфердинге, между английским левым и бельгийским правым флангами.

В действительности осуществление подготовленной таким образом смены сильно задержалось, прежде всего из-за медленности прибытия британских подкреплений. Дело в том, что военный министр лорд Китченер хотел послать на континент только вполне организованные войска, сведенные в дивизии или армейские корпуса, тогда как фельдмаршал Френч был согласен получать их в виде отдельных батальонов. Недостаток боевых припасов также мешал Френчу растянуть свой фронт и причинял ему серьезные беспокойства; между тем производство снарядов налаживалось в Англии очень медленно.

В то же время британский морской министр снова попытался заставить принять его проект наступления на Остенде, предлагая прислать для усиления французского отряда в Ньёпоре 3 000 солдат морской пехоты. Французское главное командование продолжало оставаться на своей точке зрения, считая, что сражение должно преследовать чисто сухопутные цели. Оно, наоборот, утверждало, что главный удар британская армия должна наносить на левом фланге нашей 10-й армии, в районе Ля-Бассэ. Поэтому наше главное командование старалось заключить с фельдмаршалом Френчем двойное соглашение, добиваясь его согласия на удлинение своего фронта и на активное участие в наших наступлениях.

Как мы видим, война застыла из-за недостатка технических средств у союзников. Эта остановка, затянувшаяся и внушавшая опасения общественному мнению, побудила членов некоего правительства[1] вмешаться в руководство опера-

[1] Здесь Фош явно намекает на английское правительство.—*Ред.*

циями, направить их по ложному пути и тем еще больше затруднить задачу командования.

Здесь еще раз сказались последствия недостатка материальной части. Вооружение войск, снабжение боевыми припасами приобрели в современной войне первостепенное значение. Они должны стать одной из первейших забот главного командования как с точки зрения ведения военных действий против неприятеля, так и для сохранения в своих руках общего руководства ими, несмотря на беспокойство тыла, общественного мнения или правительства.

Вследствие этих различных затруднений британская армия, вопреки выработанным сообща условиям, сменила к концу января только французский 16-й корпус. Оставалось еще сменить 9-й и 20-й корпуса. И это положение затянулось без существенных изменений до марта месяца. Но к этому времени закончилась подготовка к наступлению британской 1-й армии в районе Ля-Бассэ. Переговоры были прерваны, и их удалось возобновить только после того, как наступление дало свои результаты.

Проведение этого наступления было возложено на британскую 1-ю армию под командой ген. Хейга. Войска пошли в наступление 10-го марта и сразу же добились результатов, но в последующие дни их не удалось ни расширить ни даже целиком закрепить.

В ночь на 13-е марта ген. Хейг приказал прекратить наступление и прочно закрепиться на позициях, захваченных 10-го марта. Решение, принятое командующим британской 1-й армией, объясняется двумя причинами: опасением остаться без снарядов и понесенными потерями.

Теперь оказалось возможным вернуться к плану смены французских корпусов вокруг Ипра. На конференции в Шантийи, в которой участвовали фельдмаршал Френч, лорд Китченер, ген. Жоффр и Мильеран, было решено, что британская 2-я армия сменит до 20-го апреля французские 9-й и 20-й корпуса, что во Францию будут отправлены две новые британские дивизии и что французское наступление в Артуа будет проведено в конце апреля.

Теперь смена была произведена быстро. 7-го апреля 9-й корпус был целиком снят с фронта и направлен в район 10-й армии. 19-го апреля за ним последовал 20-й корпус.

Итак, в конце апреля 1915 г. мы пришли к новому распределению сил союзников на севере.

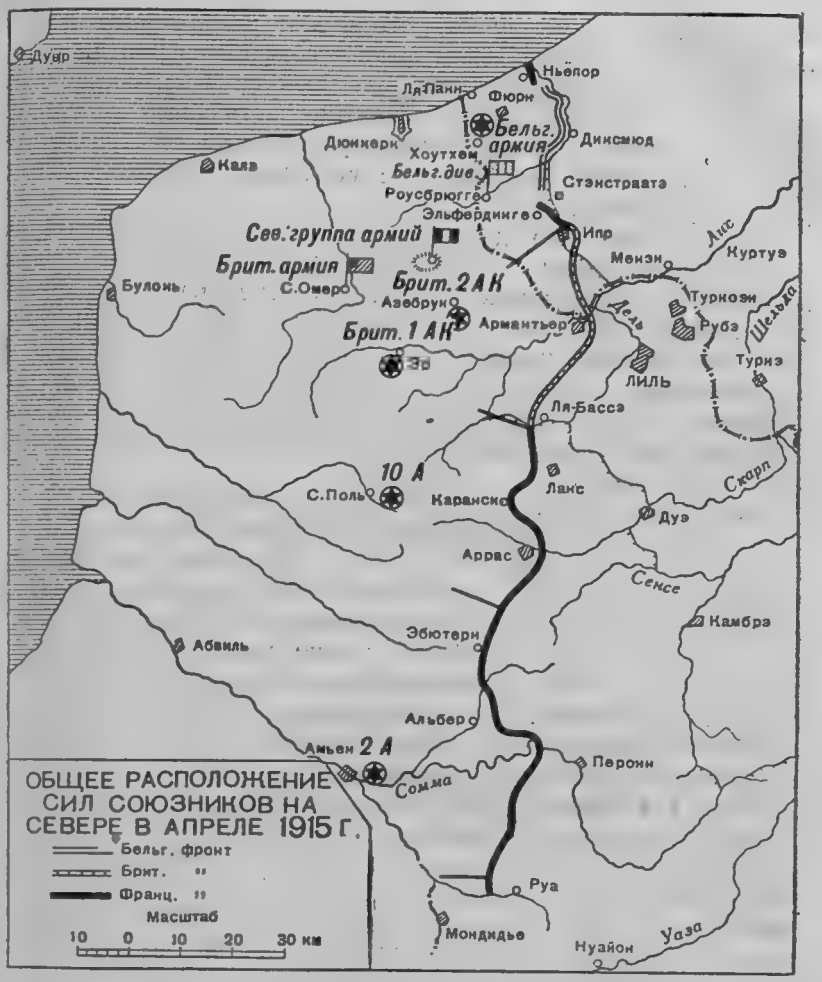


Схема 12

Британские силы располагались от канала Ля-Бассэ до шоссе из Ипра в Поэлькапелле. Они были сведены в две армии: на юге — 1-я армия под командой ген. Хейг; севернее ее — 2-я армия под командой ген. Смит-Дориен.

Французскую 8-ю армию, расформированную 8-го апреля, заменила во Фландрии армейская группа в Бельгии под командой ген. Пюца. Эта группа распадалась на два отряда:

эльфердингский — между бельгийцами и англичанами и ньёпорский — на крайнем левом фланге союзного фронта.

Бельгийская армия, которая, по моей просьбе, согласилась на новое удлинение своего фронта, растянулась теперь от Ньёпора, занятого французским отрядом, до Стэнстраатэ. Со времени прибытия на Изер ее моральное состояние непрерывно улучшалось.

В марте она это доказала. Дивизии, расположенные на фронте, подготовили и провели целый ряд мелких боевых действий, продолжавшихся почти без перерыва целый месяц, с 11 марта по 11 апреля. Хотя они и не достигли больших результатов, однако они по крайней мере развивали в бельгийских солдатах дух предприимчивости и свидетельствовали об их желании не сидеть сложа руки. Впрочем, эти действия подчас вызывали довольно энергичные ответные действия противника.

Мы поддерживали с бельгийскими генералами и бельгийскими офицерами всех рангов все более и более частые и тесные сношения. Благодаря этому дух армии настраивался в унисон, и братство по оружию все более укреплялось, создавая боевое товарищество, очень желательное в эти трудные дни.

В конце января бельгийской ставке пришлось выехать из города Фюрн, часто подвергавшегося сильному обстрелу со стороны противника. Она расположилась в более скромном населенном пункте — местечке Хоутхем. Король с королевой и принцами поместился неподалеку, в приморском курорте Ля-Панн. Он каждый день приезжал в ставку и тогда работал в доме хоутхемского священника, где помещались некоторые отделы ставки. Дом отнюдь не имел внушительного вида; это было прочное квадратное здание, окруженное со всех сторон водой и доступное только через узкий деревянный мостик. В этом скромном пристанище продолжало биться сердце Бельгии. Там находился очаг энергии, которая позволила в течение четырех лет оказывать сопротивление прозлому врагу, а в 1918 г. двинуться на завоевание родной земли. Этот дом остается в моих глазах памятником, способным засвидетельствовать перед будущими поколениями величие маленькой страны, которая благодаря доблести своих сынов восторжествовала над самой могучей и самой беззаконной агрессией.

ТОМ ВТОРОЙ

ОТ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Маршал Фош не успел написать все свои воспоминания о войне. Он ограничился рассказом о событиях, в которых он принимал участие в 1914 и 1918 гг. События 1914 г. вошли в том I его «Воспоминаний»; настоящий том II содержит описание событий 1918 г. В обоих томах охвачены важнейшие факты, рисующие роль маршала во время войны, — именно те факты, относительно которых его суждения представляют особую ценность. Однако небесполезно обрисовать события, в которых маршал участвовал в 1915, 1916 и 1917 гг. Их изложение показывает, какие почти непрерывно восходящие ступени привели его к верховному командованию союзными армиями, каким образом он готовился к тому, чтобы взять на себя это тяжкое бремя.

1. Командование Северными армиями

(5 января 1915 г. — 27 декабря 1916 г.)

5 января 1915 г. ген. Фош назначается командующим Северной группой армий (Северным фронтом); в действительности приказ об этом назначении только подтвердил фактическое положение дел, реально существовавшее уже три месяца.

Подготовка наступления в Артуа. Первой задачей, возложенной на Северную группу армий, является подготовка наступления весной 1915 г.

Местом для наступления был выбран гребень Вими, к северу от Арраса. «Ввиду его командования над обширным районом,— пишет ген. Фош 24 марта 1915 г., — а также ввиду удобопроходимости местности, над которой он господствует, и невозможности для противника создать на нем новые оборонительные сооружения, захват этого гребня будет несомненно иметь большие результаты и создаст прорыв фронта противника».

Подготовка ведется чрезвычайно деятельно, и уже к середине апреля передвижения войск и подвоз материальной части и имущества к Аррасу почти закончены, когда во Фландрии вспыхивает новая тревога.

Первое германское химическое нападение. 22 апреля 1915 г., в 17 ч. 30 м., после спокойного дня немцы внезапно выпускают по северной части Ипрского выступа очень густое облако удушливого газа, действие которого сказалось на несколько километров в тыл.

Захваченные врасплох и полузадушенные французские территориальные части и алжирские стрелки в беспорядке устремляются в тыл; часть нашей артиллерии попадает в руки противника. Левый фланг англичан (Канадская дивизия), также атакованный, отходит на Сен-Жюльен. Дорога на Ипр открыта.

Пользуясь общей растерянностью, противник продвигается, не встречая сопротивления; он подходит к городу Ипр; немногочисленные частные резервы, брошенные навстречу, вряд ли могли бы задержать его продвижение. По счастью, к наступлению темноты он сам останавливается, продвинувшись на 4—5 *км*. Удобный случай им упущен,— и в этом наше спасение.

Ген. Фош, осведомленный о происходящем кратким донесением, тотчас же проявляет решимость и кипучую энергию.

Чтобы получить точные сведения, он ночью посылает офицера своего штаба в район, где было произведено внезапное нападение. Он вызывает подкрепления из Ньёпора и поднимает по тревоге некоторые из многочисленных частей, собранных вокруг Арраса.

В 4 ч. 30 м. его делегат связи доносит, что противник переправился в нескольких пунктах через Изер, что на нашем фронте образовался разрыв шириной в 4 *км* и что на этом протяжении дорога на Ипр совершенно открыта.

Эта опасность требует принятия немедленных мер. Надо прежде всего задержать противника, а для этого восстановить непрерывность нашего фронта, затем посредством контратак выбить противника с захваченных им позиций. Этот план был указан в ту же ночь ген. Фошем командующему французскими войсками в Бельгии ген. Пюцу. В первые часы 23 апреля он дополняет этот план посылкой из Арраса пехотной дивизии и просьбой к фельдмаршалу Френчу усилить английские войска в районе Ипра. Благодаря этим мерам и распоряжениям, отданным на месте ген. Пюцем, и помощи бельгийских и английских союзников утром 23 апреля брешь, пробитая немцами, была закрыта; Ипр был снова спасен.

Тем не менее тактические результаты, достигнутые немцами, представляются довольно значительными. Англичане, слишком выдвинутые вперед, вынуждены очистить часть Ипрского выступа.

Атаки в Артуа (май, июнь, сентябрь 1915 г.). Наступление в Артуа, первоначально назначенное на 7 мая, было ввиду неблагоприятной погоды перенесено на 9-е.

После артиллерийской подготовки тяжелой артиллерией в течение шести дней и легкой в течение двух дней 10-я армия, под командой ген. д'Юрбаля, была брошена 9 мая в 10 час. против гребня Вими.

В центре она сразу же добилась большого успеха. Меньше чем за час времени позиции противника были захвачены на фронте в 6 *км* и в глубину на 3—4 *км*. Нам досталось более 6 000 пленных, 200 орудий, сотня станковых пулеметов; самая высокая часть гребня, высота 140, захвачена и перейдена. Немцы не выпускают больше ни одного снаряда; создается впечатление, что достигнут прорыв. К несчастью, наши резервы, оставшиеся слишком далеко в тылу, не могут ни закрепить успех, ни во-время расширить прорыв. Очень незначительный выигрыш пространства на обоих флангах этого быстрого наступления также ограничивает его развитие. В руках противника остаются такие важные пункты, как дер. Каранси слева и Невиль-Сен-Вааст справа. На плато Лорет и далее, по направлению к Понт-а-Вандэн, наше продвижение ничтожно или равно нулю. Со своей стороны англичане терпят почти полную неудачу к северу от Ля-Бассэ.

Используя сопротивление, оказанное нам во всех этих пунктах, противник сосредоточивает против высоты 140 все силы, какие он только может собрать. Наши войска, окончательно выдохшиеся и не получившие поддержки, сброшены с гребня; фронт противника восстанавливается.

11-го новая атака с нашей стороны терпит неудачу под фланкирующим огнем из дер. Каранси, Сушэ и Невиль-Сен-Вааст; прежде чем снова приступить к захвату гребня, надо покончить с этими крупными центрами сопротивления.

Посредством тщательно подготовленных атак нам удается овладеть 12 мая Каранси, 13-го — Аблен-Сен-Назер и 9 июня — Невиль-Сен-Вааст. Не удается захватить только Сушэ; решено включить захват этого селения в план нового общего наступления, назначенного на 12 ч. 15 м. 15 июня.

В этот день, как и 9 мая, нам удается бросить несколько подразделений на вершину гребня, но, изолированные в узком клине и подвергаемые сосредоточенному огню и контратакам против-

ника, они не могут долго продержаться. 21-го они отброшены назад. На всем фронте германские артиллерия и пехота предпринимают очень энергичные встречные действия. За исключением плато Лорет, наш выигрыш пространства совершенно незначителен. 24-го ген. Фош, по распоряжению главнокомандующего, прекращает общую операцию.

В это время главнокомандующий намечает другую операцию, в которой атаки в Артуа должны сочетаться с большим наступлением, предпринятым в Шампани. В июле, августе и в первые три недели сентября проводится перегруппировка французских сил. В это время части отводят на отдых, а оборонительные сооружения совершенствуют; возобновляют боевую подготовку войск, увеличивают их боевые средства.

В течение этого же периода времени ген. Фош формулирует выводы, к которым его привели последние наступательные операции. Эти выводы изложены в записке, поданной 19 июля главнокомандующему, в которой можно прочесть, между прочим, следующее:

«...При существующей обстановке, ввиду того, что противник устроился прочно и надолго, представляется разумным не возлагать все наши надежды на возможность прорыва и не рисковать всеми нашими наличными силами ради идеи решительного и победоносного прорыва, а включить в наш план захват некоторых важных пунктов на местности, соответствующим образом разработав этот план; указать для каждой из наших атак определенную цель, объект, захват которого может принести пользу в будущем... В прежнее время захват такого объекта был необходимым и достаточным условием успеха. Ныне это условие остается необходимым, и если оно не даст полного успеха, то во всяком случае приблизит нас к нему. При всякой другой комбинации мы рискуем, затратив очень большие усилия, остаться с пустыми руками...

Наступление, предпринятое в пространство, без точного и определенного объекта, не может привести к результату, в особенности же к прорыву, если только не будет обеспечен эффект внезапности.

Размеры результатов, которые может дать наступление, зависят от степени важности намеченного объекта по отношению к положению противника или в его оборонительной системе.

Обеспечить в первую очередь захват этого объекта с боя главным ударом, облегчить этот захват вспомогательными действиями — вот каковы должны быть принципы распределения сил на различных участках наступления».

По мнению ген. Фоша, главным объектом должен оставаться гребень Вими и целью главного удара — его захват, так как этим

будет нанесен глубокий урон обороне противника. Атаками, вроде тех, которые подготовляются в Шампани, пренебрегать не следует, но они должны рассматриваться лишь как второстепенные, вспомогательные по отношению к наступлению в Артуа.

В этом он расходится с мнением штаба главнокомандующего, который продолжает верить в возможность прорыва, тогда как сам Фош уже перестал верить. Главное командование возлагает теперь все свои надежды на наступление в Шампани, ожидая от него широкого и решающего прорыва неприятельского фронта. Поэтому главнокомандующий назначает для наступления в Шампани бо́льшую часть французских сил.

25 сентября начинается наступление одновременно в Шампани и в Артуа.

В Артуа фронт 10-й армии увеличивается вдвое: с одной стороны, к югу от Арраса, где она выставляет новый армейский корпус, а с другой — между плато Лорет и каналом Ля-Бассэ, где английская 1-я армия вводит в дело 13 дивизий, поддержанных 800 орудиями.

Начав наступление в 6 ч. 30 м. после мощной газобаллонной атаки, англичане быстро продвигаются вперед, захватывают Лоос и Гюллюш и забирают 1 400 пленных и шесть орудий.

В 12 ч. 25 м. 10-я армия в свою очередь предпринимает атаку гребня Вими. Успехи неравномерны: на правом фланге — неудача, в центре — небольшое продвижение, на левом фланге — несомненное продвижение.

Противник сосредоточивает свои усилия против грозного наступления англичан; он берет обратно Гюллюш и ведет ожесточенную борьбу впереди Лооса, не достигая на этом направлении сколько-нибудь значительных результатов. Он предпринимает также целый ряд контратак в районе Сушэ, стараясь спасти эту деревню, на которую наседают французские войска; но, отброшенный повсюду, он вынужден очистить ее утром 26-го.

Несмотря на эти результаты и успех, достигнутый в Шампани в первый день наступления, главнокомандующий решает сократить размах операции в Артуа; он строго ограничивает расход огнеприпасов на этом участке. Тогда ген. Фош принимает решение сосредоточить усилия 10-й армии в том районе, где они увенчались успехом, т. е. в направлении на Живанши. Кроме того, чтобы помочь фельдмаршалу Френчу, резервы которого быстро тают вследствие бешеного сопротивления противника, он решает перебросить к Лоосу французский корпус, действовавший без успеха к югу от Арраса.

28 сентября, после полудня, одна из французских дивизий поднимается по скатам высоты 140 и выдвигается на самый ее гребень; такого успеха французы еще не имели после 9 мая, и ген. Фошу хотелось бы немедленно использовать его. На следующее утро он едет к фельдмаршалу Френчу и получает его согласие на совместную операцию британских и французских войск, которая должна быть предпринята 2 октября на фронте Понт-а-Вандэн, Живанши.

Но вследствие целого ряда задержек намеченная совместная операция со дня на день откладывается. В конце концов провести ее не удается, так как в середине октября союзные правительства, чтобы оказать помощь сербской армии на Балканах, решают отправить в Салоники экспедиционный корпус из войск, снятых с Западного фронта. Участие в формировании этого корпуса вынуждает как фельдмаршала Френча, так и ген. Жоффра прекратить атаки в Артуа.

* * *

Уроки наших наступлений в Артуа в 1915 г. Наступления, предпринятые в 1915 г. как в Артуа, так и в Шампани, показали недостаточность наших наступательных средств, в особенности же тяжелой артиллерии. 10 ноября того же года ген. Фош представляет главнокомандующему докладную записку со своими замечаниями, в которой можно прочесть следующее:

«...Каково бы ни было направление, выбранное для наступления, важнее всего обеспечить наступление всеми средствами, необходимыми для его успеха. Кампания 1915 г. осталась безрезультатной из-за недостатка огнеприпасов для тяжелой артиллерии. Наступления не могли быть достаточным образом подготовлены тяжелой артиллерией.

Необходимо развивать траншейную артиллерию, сделать ее подвижной, обучить ее личный состав.

Наши зажигательные и химические снаряды дают лишь слабые результаты. В наших приборах газопуска применяются вещества ненадежного действия. До сих пор наши химические лаборатории производили очень мало...

Наряду с газами потребуются снаряды, начиненные веществами удушливого и зажигательного действия. Постараемся затратить не более нескольких месяцев, чтобы покончить с этими, частью уже разрешенными, задачами.

При атаках мы должны прежде всего экономить нашу пехоту для сохранения ее боеспособности на время неизбежно затягивающегося сражения в районах, укрепленных на большую глубину.

После артиллерии призовем на помощь химию. Не будем затрачивать целый год на постановку производства химических веществ».

Ген. Фош окончательно осуждает идею прорыва и заменяет ее идеей последовательных усилий, прилагаемых на широком фронте, расстраивающих и приводящих к распаду оборонительную систему противника.

«...Последовательный ряд препятствий, встречаемых наступлением на своем пути, неизбежно приведет к последовательному ряду атак. Наступление должно последовательно развиваться в течение некоторого времени. Итак, вместо непродолжительного мощного и быстрого действия мы должны предусматривать целый ряд ударов, следующих как можно быстрее один за другим...

Мы должны отказаться от грубо прямолинейной атаки более или менее глубокими и густыми массами, с резервами, следующими по пятам за первым эшелоном, и с задачей одним броском захватить несколько рядов препятствий и даже добиться прорыва. Такая атака еще ни разу не удавалась...

Если подготовка недостаточна, атака пехоты не имеет успеха или останавливается...

Мы можем бросать пехоту только на такие объекты, атака которых наверняка подготовлена...»

6 декабря он снова пишет:

«Сила наступления основывается на все возрастающем разрушительном могуществе (артиллерия, газы), используемом на каждом рубеже в интересах атакующих войск и способном как можно быстрее возобновляться на каждом последовательном рубеже.

Характерными особенностями наступления станут разрушение и повторение; первое — желательно и потому должно всячески усиливаться; второе — вынужденно и потому подлежит ограничению.

Во всяком случае теперь уже нельзя избежать операции, рассчитанной на продолжительное время, но она грозит исчерпать наши людские ресурсы. Провести ее до конца, а тем более сократить ее длительность, можно будет только путем дальнейшего развития нашей материальной (технической) разрушительной мощи, которая только и может позволить сберечь нашу пехоту...

Мы должны готовиться к наступлению, могущему развиваться в пространстве на большую глубину, а во времени — в течение еще неизвестного нам срока...»

Наконец, 21 января он писал:

«...В итоге мы имеем последовательный ряд боевых действий, из которых каждое требует большого количества артиллерии и

небольшого количества пехоты. Эта будущая форма борьбы открывает перед нами возможность крупных повторных наступлений, если только мы будем располагать большим количеством орудий и большими запасами огнеприпасов...»

* * *

Подготовка франко-британского наступления между Аррасом и р. Уазой в 1916 г. Все возрастающая численность британских сил, которые в начале 1916 г. образуют три армии, развернутые от района Ипра до Соммы, позволяет ген. Жоффру наметить на 1916 г. союзное наступление на фронте еще небывалого протяжения.

Он предполагает атаковать около 1 июля весь фронт от Арраса до долины р. Уазы английскими силами к северу от Соммы, французскими — к югу от нее. Основы этого наступления устанавливаются на междусоюзнической конференции, созванной 14 февраля в Шантийи.

На французском фронте проведение наступления должно быть возложено на Северную группу армий, которая будет располагать 14 корпусами, сведенными в три армии (2, 3 и 6-ю).

16 марта ген. Фош представляет в ставку главнокомандующего общий план операций этих сил и дает директивы для технической подготовки наступления. Затем, на основании указаний главнокомандующего, он составляет для войск записку о «наступательном сражении», в которой сформулированы основные правила всякого наступления на укрепленные позиции. При подготовке главная роль выпадает на долю артиллерии. «Артиллерийская подготовка является мерилом возможностей пехоты... Глубина пространства, поражаемого артиллерией, определяет пространство, которое может быть назначено для захвата пехотой». При проведении операции необходимо предусматривать ряд последовательных ударов. Захват неприятельских позиций, оборудованных и эшелонированных в глубину, является «длительной операцией. Она должна вестись методически и продолжаться до тех пор, пока обороноспособность противника не будет сломлена в результате моральной, материальной и физической дезорганизации без истощения нашей наступательной способности». Последовательные боевые действия должны предприниматься на широких фронтах, которые одни допускают развертывание большого количества артиллерии.

Ген. Фош заканчивает следующими словами:

«Когда противник, исчерпав свои резервы, перестанет оказывать нам сопротивление на непрерывных, хорошо оборудованных обо-

ронительных линиях, только тогда можно будет отказаться от методического образа действий..., который один позволяет разрушать укрепленные фронты, только тогда можно продолжать операцию, сочетая бой с маневром, ставшим, наконец, возможным на свободной от препятствий местности...»

13 апреля 1916 г. в письме к главнокомандующему он снова рисует характер сражения и условия, которых оно требует. Сражение будет затяжным. Поддерживающие его артиллерийские массы должны быть в изобилии обеспечены огнеприпасами, без чего нельзя надеяться на какой бы то ни было успех на Западном фронте.

В то время как разрабатывается таким образом план наступления на Сомме, в районе Вердена развертываются важные события, которые заставляют главнокомандующего изменить свои первоначальные планы.

26 апреля он сообщает ген. Фошу, что количество сил и средств, которые он сможет предоставить в его распоряжение, «временно сокращается ввиду расхода этих сил вокруг Вердена». Северная группа армий может теперь рассчитывать только на 9 корпусов вместо 14, на 30 дивизий вместо 39. Фронт ее наступления ограничивается примерно 30 *км*. «...Мы уже далеки, — пишет ген. Фош, — от широкого, мощного наступления, могущего развиваться в течение продолжительного времени и направленного на достижимую цель; между тем это — единственные условия, позволяющие привести наступление к стратегически значительным результатам и избежать бессилия. После нескольких тактических успехов в начале нашей операции мы должны вскоре предвидеть остановку, т. е. потери и жертвы без ощутительной пользы».

Месяц спустя, 20 мая, — новое сокращение. Для первых атак можно уже рассчитывать лишь на 7 корпусов с общим составом самое большее в 26 дивизий.

При таких условиях французское наступление, ограниченное фронтом между Марикуром и шоссе Амьен, Перонн, возлагается только на одну армию — 6-ю, действующую по обе стороны Соммы. Она может претендовать только на роль, сводящуюся к обеспечению с юга и поддержке наступления, возложенного теперь преимущественно на британские армии. Однако, чтобы обеспечить себе возможность будущих действий, ген. Фош решает продолжать начатую подготовку на всем фронте.

3 июня назначенные для наступления корпуса 6-й армии уже расположены в своих полосах. Установка орудий тяжелой артиллерии заканчивается к 15 июня.

1 июля начинается французско-британское наступление.

* * *

Наступление на Сомме (1 июля—15 ноября 1916 г.). Укрепленная полоса, которую атакуют 17 союзных дивизий, состоит из двух главных позиций, эшелонированных в глубину на 4—5 *км*. В некоторых районах имеется еще и промежуточная позиция.

В первый же день французская 6-я армия и британские правофланговая группа и центр овладевают на значительном протяжении германской первой позицией и даже во многих пунктах выдвигаются за указанные им рубежи. Только левофланговая группа наступающих британских войск, наткнувшись на очень сильные опорные пункты, почти не продвигается вперед.

В следующие дни продвижение продолжается. В частности, к югу от Соммы оно не встречает никакого сопротивления со стороны противника; на этом направлении продвижение ограничивается лишь в силу необходимости не выходить из общих рамок всей операции. Главный удар наносится к северу от Соммы совместно с британскими силами, действия же к югу от реки должны прежде всего обеспечивать и поддерживать главный удар. Назначенные для этого силы и намеченные рубежи были рассчитаны, исходя из намеченной задачи с учетом обстановки.

Главное наступление к северу от Соммы развивается довольно медленно вследствие усилившегося сопротивления и ожесточенных контратак противника.

Тем не менее между 2 и 20 июля атакующим французско-английским войскам удается продвинуться в районе, простирающемся от долины Соммы до большой дороги Амьен, Бапом; они овладевают всеми промежуточными позициями, устроенными в этом районе, и подходят на дистанцию атаки ко второй позиции противника. За 14, 15 и 16 июля британскому центру удается даже захватить эту позицию на фронте в 6 *км*.

К несчастию, после успехов, достигнутых в июле, темп операций замедлился самым нежелательным образом. Рассчитывая в значительной степени усилить свою артиллерию, увеличить запасы огнеприпасов и ввести в дело новые дивизии, прибывающие из Англии, и новое наступательное средство — танки, британское командование ограничивается в течение августа захватом нескольких отдельных пунктов, причем оно достигает лишь самых незначительных результатов или терпит неудачу. Французское командование тщетно настаивает перед британским на необходимости без промедления возобновить атаки на широком фронте. Хейг, выражая свое принципиальное согласие на это, ставит условием для

возобновления крупных операций предварительное достижение частных результатов. Это решение вызывает топтанье на месте французской армии, основной задачей которой является оказание поддержки британским армиям. Тем не менее наша 6-я армия захватывает германскую вторую позицию между Морепа и Соммой (12—24 августа). В это же время справа от 6-й армии французская 10-я армия готовится расширить к югу от Соммы фронт франко-британского наступления и начать боевые действия в первых числах сентября.

3 сентября атаки союзников возобновляются в таком масштабе и с такой согласованностью, каких они не знали в течение всего августа. Это сказывается на достигнутых результатах. Левофланговая группа британских войск, впервые применив танки, захватывает такие крупные опорные пункты, как Тиемон, Женши, Флер, Морваль, Тьепваль. Французская 6-я армия рядом ударов в центре выдвигается до дороги Бапом, Перонн, на которую она выходит в Бушавене и Ранкуре. Противник пытается освободиться мощной контратакой, предпринятой им 20 сентября против Бушавен. Он терпит неудачу, а шесть дней спустя оказывается вынужденным очистить важный центр Конбль (Combles).

К югу от Соммы 10-я армия овладевает деревнями, оборонительные сооружения которых германцы непрерывно совершенствовали в течение двух лет: Шильи, Суайекур, Деньекур, Вермандовиллер. К сожалению, недостаток наступательных средств ограничивает развитие ее усилий. Так как продолжают сказываться последствия сражения под Верденом, французское командование еще не в состоянии одновременно питать два фронта наступления— к северу и югу от Соммы. Все свободные силы и средства предназначаются для 6-й армии, поддерживающей английские силы к северу от реки.

Как бы то ни было, сентябрь отмечен несомненными успехами. В течение этого месяца французско-британские силы захватили на фронте в 30 *км* три последовательные позиции противника, продвинулись больше чем на 6 *км*, взяли много пленных и значительное количество трофеев.

Для достижения этого результата ген. Фошу пришлось усилить двумя свежими корпусами три французских армейских корпуса, действовавшие к северу от Соммы.

Наличие на этом направлении пяти корпусов рядом на узком пространстве приводит к скучиванию войск. Передвижение и снабжение их происходят с величайшими затруднениями под огнем многочисленной и бдительной германской артиллерии. Становится

необходимым разгрузить этот район и уменьшить в нем число действующих соединений. В связи с боевыми действиями, предпринятыми на стыке французских и английских армий, это сокращение может касаться только правого фланга 6-й армии. Поэтому ген. Фош решает временно отказаться от всяких наступательных действий в центре, между Бушавеном и шоссе Амьен, Перонн, и продолжать атаки левым и правым флангами в соответствующей последовательности и в надлежащем масштабе.

На левом фланге усилия британских армий и французской 6-й армии должны развиваться в направлении на Бапом, Бертенкур. На правом фланге французская 10-я армия, использовав преимущество, которое дает ей начертание ее фронта, образующего угол, должна продолжать свои атаки в южном направлении.

Эта двойная операция развивается в течение октября.

7 октября к северу от Соммы предпринимается комбинированное франко-британское наступление на фронте примерно в 20 *км*; оно дает некоторые результаты, но войскам не удается достигнуть указанных им рубежей. Оборонительные средства противника значительно усилились; пулеметные гнезда, зачастую расположенные в трудно обнаруживаемых местах, например, в воронках от снарядов, останавливают атакующие войска и вынуждают их вести разрозненные бои, замедляющие ход общей согласованной операции, единственно могущей дать результаты. Эти тактические затруднения вскоре усугубляются неблагоприятными атмосферными условиями. Дожди, начавшиеся во второй половине октября, вскоре делают непроходимой местность, уже изрытую снарядами и окопными работами; они влекут за собой всяческие затруднения и увеличивают утомление войск. В частности, 30 октября сильнейшая буря разрушает сооружения и временно лишает нас возможности использовать запасы и боевые средства.

Несмотря на эту неустойчивую обстановку, нашей 6-й армии удается 18 октября овладеть местечком Сайи-Сайизель, между тем как 10-я армия ощутительно расширяет свои позиции в направлении на Пресуар и Абленкур.

Французское главное командование поддерживает моральное состояние и поощряет рвение войск. Оно желает во что бы то ни стало добиться осуществления своего наступательного плана и подготовляет на первые числа ноября общее наступление 10-й и 6-й армий между Шон (Chaulnes) и Сайи-Сайизель.

5 ноября 6-я армия и правофланговая группа британских армий атакуют, но не добиваются значительных успехов.

Зато 7-го 10-я армия захватывает все указанные ей объекты:

Пресуар, Абленкур, Женермон; она оказывается в удобном расположении для подготовки более важной операции, которая, согласно директивам ген. Фоша, должна вывести ее на железную дорогу Мазанкур, Апленкур (Happlincour) и на Сомму выше Петронна.

К сожалению, после нескольких сухих холодных дней снова начинаются сильные дожди, разрушающие пути сообщения и окопы; наступление становится невозможным, и командование решает перенести начало намеченного наступления на декабрь.

13 и 14 ноября 5-я британская армия одерживает еще один блестящий успех по обе стороны долины р. Анкр, но в сущности этот успех знаменует собою конец сражения.

Французский главнокомандующий составил свой план операций на 1917 г.; он докладывает его 15 ноября на междусоюзническом совещании, созванном в Шантийи.

Северная группа армий в составе четырех армий должна будет наступать между Соммой и Уазой. В то же время британские армии предпримут общую операцию между Бапомом и Вими (к северу от Арраса). Подготовка к наступлению должна быть закончена к 1 февраля.

Чтобы сделать возможной перегруппировку сил, принимается решение, в силу которого британские войска должны к 1 декабря сменить французов до окрестностей Бушавена.

16 декабря в командование французскими армиями вступает ген. Нивель, который принимает новый план действий на 1917 г.

Северная группа армий должна принять в них участие уже не под командой ген. Фоша. Последний, смещенный с должности, сдает в полдень 27 декабря 1916 г командование Северными армиями и уезжает в Санлис.

2. Опала

(27 декабря 1916 г. — 17 мая 1917 г.)

Результаты, достигнутые в сражении на Сомме, были далеко не ничтожными. Число пленных и количество трофеев, захваченных у немцев, число квадратных километров территории, отбитой у них, намного превышали все успехи, достигнутые до сих пор. Разочарование противника своей неудачей под Верденом усугублялось беспокойством, возбуждаемым той материальной мощью, которую развернули союзники и которая в будущем могла только еще вырасти. Это беспокойство уже несколько раз высказывалось

в сводках германского штаба во время сражения; смена Фалькенгайна Гинденбургом и Людендорфом в верховном командовании также свидетельствовала об этом беспокойстве. За этим свидетельством последовали другие, как предложения мира в конце 1916 г. и отход на позицию (линию) Гинденбурга весной 1917 г.

Однако достигнутые результаты были сочтены недостаточными. Полагая, что введенная в дело материальная часть не грешила ни количеством ни качеством, французские правители придрались к примененным тактическим приемам и к людям, рекомендовавшим их. Потребовались жертвы,— и ген. Фош оказался одной из этих жертв. Не посчитались с предостережением, полученным от него в то время, когда ввиду событий под Верденом фронт наступления на Сомме пришлось сократить настолько, что решающий успех стал невозможным. Заявили, что методы ведения войны, применяемые Фошем, изжили себя, что они устарели. Им противопоставили удачные контрнаступления, проведенные в октябре 1916 г. перед Верденом, не учитывая того, что их успехом мы были обязаны главным образом тому обстоятельству, что резервы противника находились на поле сражения на Сомме и были скованы там.

Таким образом, главное командование французскими северными армиями перешло в другие руки.

* * *

Санлис—Миркур. Так как новый главнокомандующий, ген. Нивель, предложил ген. Фошу оставаться в районе действующей армии, последний с небольшой группой офицеров устроился в Санлисе.

Он получил задание разработать план возможных операций на случай нарушения немцами нейтралитета Швейцарии. 12 января 1917 г. этот план был представлен главнокомандующему и одобрен им.

Десять дней спустя ген. Фош был послан в Миркур, чтобы временно принять командование 7-й и 8-й армиями в отсутствии их командующего, ген. де-Кастельно, находившегося в то время в России; Фош пробыл в Миркуре до 30 марта. Во время своего двухмесячного пребывания в Вогезах он развивает большую деятельность по организации прочной обороны обеих вверенных ему армий и по доработке некоторых планов наступления, подготовка которых была предписана главным командованием.

Параллельно этому он по мере возможности продолжает практическую подготовку операций в Швейцарии. Начальник его

штаба, ген. Вейган, командируется в Берн для установления контакта со швейцарским генеральным штабом.

Через несколько дней сам Фош получает распоряжение отправиться в Италию. 8 апреля 1917 г. он встречается в Виченце с ген. Кадорна и рассматривает с ним условия, при которых британские и французские войсковые соединения могли бы активно выступить в Италии в случае угрожающего наступления противника. Перевозка, сосредоточение и способ применения этих соединений явились предметом тщательного изучения, значение и пользу которого доказали события, происшедшие на итальянском фронте шесть месяцев спустя.

15 апреля ген. Фош снова в Санлисе, почти на отдыхе. Внутренне он страдает от этого вынужденного бездействия, но этот период отдыха нельзя назвать потерянным, так как он позволяет ему задуматься над уроками и проблемами войны и, таким образом, подготовиться к ожидающей его все более и более трудной работе.

3. Фош—начальник генерального штаба

15 мая 1917 г. военный министр Пенлеве приглашает ген. Фоша на должность начальника генерального штаба.

Сделавшись техническим советником французского правительства, ген. Фош в то же время становится членом совета союзных правительств. Поле его деятельности охватывает как Западный, так и Восточный фронты.

При вступлении Фоша в должность дела Антанты находились в критическом положении. На Западном фронте только что потерпели крушение надежды, возлагавшиеся на план кампании 1917 г. Французская армия, разочарованная бесплодностью своих усилий, находится накануне очень серьезного морального кризиса, который на некоторое время должен обречь ее на оборонительный образ действий; лишенные ее поддержки англичане уже не могут рассчитывать на решающие результаты своих наступательных действий. На востоке русская армия, охваченная революционной пропагандой, еще держится в окопах, но, повидимому, решила вести себя пассивно; Румыния оправляется после испытаний, пережитых ею осенью предыдущего года; Греции, примкнувшей к нам после отречения Константина, предстоит заново создавать свою армию. Правда, Америка предоставляет Антанте значительные ресурсы живой силы и материальной части, но они могут быть введены в дело не раньше весны 1918 г.

Во вражеском лагере хотя Австрия и Турция проявляют признаки утомления, зато Германия вновь приобретает свободу дей-

ствий, которой она постепенно лишилась в 1916 г. Ее армия, частично освободившаяся на Восточном фронте, может сосредоточить крупные силы на западе и получить там численный перевес, которого она еще не могла добиться с самого начала войны.

* * *

План операций на вторую половину 1917 г. 8 июня 1917 г. ген. Фош встречается в Абвиле с начальником британского имперского генерального штаба ген. Робертсоном, чтобы договориться с ним относительно образа действий во второй половине 1917 г. Ввиду несостоятельности России, ее влияния на Западном театре и времени, необходимого для прибытия на фронт американской армии, оба генерала приходят к заключению, что операции во Франции придется ограничить действиями на измор вплоть до того времени, когда помощь Америки восстановит наше численное превосходство и позволит нам снова добиваться решающих результатов.

Тем временем итальянская армия, усиленная доставленными Францией и Англией тяжелыми орудиями и огнеприпасами и поддержанная одновременной операцией русских, атакует действующие против нее австрийские силы с целью их окончательного разгрома. Таким образом, можно надеяться при содействии дипломатии оторвать Австрию от ее могучей союзницы.

Но вскоре становится очевидным, что никакой русской операции не последует и что можно даже в ближайшее время ожидать полного отпадения России. Фош составляет по этому поводу записку, которую передает представителям союзных правительств, собравшимся в Париже 26 июля 1917 г.; вот его выводы:

«...В случае отпадения России... союзники все же были бы в состоянии собрать необходимые силы, чтобы оказать сопротивление натиску противника до того времени, когда Америка сможет выставить на фронт достаточное количество войск для восстановления положения.

Но эта относительно благоприятная военная обстановка может быть создана лишь путем проведения следующих мероприятий:

а) ограничиться обороной на второстепенных фронтах и сократить численность сил на них до минимума, необходимого для обороны;

б) ускорить в максимальной степени подготовку американской армии и ее перевозку;

в) подготовить тоннаж, необходимый для перевозки войск, снимаемых со второстепенных фронтов;

г) осуществить единство действий на Западном фронте посредством создания постоянного междусоюзнического военного органа, который должен разрабатывать или подготовлять быструю переброску войск с одного театра на другой...»

Эти выводы, основательность которых события должны были подтвердить несколько месяцев спустя, принимаются собранием не очень благосклонно. В частности, Ллойд-Джордж заявляет, что отпадение России маловероятно, что военным нехватает воображения и что надо, главным образом, стараться «улучшить обстановку в нашу пользу, оторвав от Германии одного из ее союзников».

Собравшись снова 7 августа в Лондоне, главы союзных правительств предлагают начальникам своих генеральных штабов провести подготовку сильного наступления в Италии в начале 1918 г. Ген. Фош договаривается с ген. Робертсоном и Кадорна относительно отправки в Италию 10 дивизий и 400 тяжелых орудий, предоставляемых наполовину Англией и наполовину Францией.

* * *

Отпадение России. Тем временем, подготовляя будущую помощь Италии, союзные правительства пытаются поддержать военную мощь России. Революция 7 ноября знаменует отпадение России и ее волю положить конец войне. 21 ноября Ленин предписывает главнокомандующему русскими армиями договориться о перемирии и начать с противником переговоры о заключении мира. Французское правительство заявляет протест. Ген. Фош телеграфирует начальнику французской военной миссии при русской армии ген. Ниссель, что Франция полагается на патриотизм русского главного командования и надеется, что оно откажется от переговоров с немцами и удержит русскую армию на фронте против их общего врага. Нашему представителю при румынском штабе ген. Бертело он приказывает передать румынскому командованию, что французское правительство вполне оценивает серьезность положения, которое создалось бы для Румынии в результате полного выхода России из войны, но не может допустить роспуска румынской армии. Если события заставят эвакуировать территорию Румынии, борьбу надо будет продолжать в Бессарабии и Донецкой области.

Таким образом, опираясь на русское главное командование и на Румынию, Париж пытается прежде всего помешать проведению политики Петрограда. Но смещение главнокомандующего русской армией лишает Антанту поддержки, на которую она рассчитывала.

В это время в южной России начинает образовываться очаг сопротивления советской власти; в согласии с французским правительством ген. Фош решает поддержать этот очаг и способствовать ему в его деятельности. В течение декабря 1917 г. и января 1918 г. его усилия сосредоточиваются на организации этих антибольшевистских ячеек и на формировании польских, чехословацких и украинских дивизий. Ген. Бертело действует в этом направлении в южной России, ген. Ниссель — в центральной и северной.

Так, не будучи в состоянии, несмотря на все свои усилия, помешать заключению мира между Россией и Германией, ген. Фош рекомендует всеми средствами препятствовать использованию этого мира Германией.

Поэтому он входит к министру иностраных дел с предложением немедленно организовать междусоюзническое выступление в Восточной Сибири, где быстро развиваются события, угрожающие Сибирской железной дороге. Он требует, чтобы это выступление было поручено Соединенным Штатам и Японии, и указывает его цели: помешать отправке в Россию запасов военного имущества и сырья, находящихся на складах во Владивостоке; впоследствии позволить поддерживать и питать очаги сопротивления, которые могли бы остаться или образоваться в России, во всяком случае воспрепятствовать выходу противника на Тихий океан и, таким образом, лишить его возможности вести там подводную войну [1].

* * *

Австро-германское наступление в Италии.

24 октября 1917 г. на итальянском фронте австро-германцы, воспользовавшись очень густым туманом и грозовым ливнем, парализующими активные органы обороны, переходят в наступление и прорывают итальянский фронт на верхнем Изонцо в районе

[1] Здесь французский издатель «Воспоминаний» Фоша, «признавая» общеизвестные факты организации Антантой интервенции в Советскую Россию, извращает цели интервенции и старается скрыть от читателей, что главной ее целью было уничтожение советской власти.

Руководители Антанты отлично знали, что партия большевиков, Советское правительство и народы Советской России вели борьбу в одинаковой степени и против Антанты и против коалиции центральных держав за выход из империалистической войны. Лозунг большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую принес свои плоды не только в России, но и в остальных воюющих державах и их армиях. Пример революционной России, сбросившей иго самодержавия и капитала, начал заражать тыл и армии и Антанты, и коалиции центральных держав. — *Ред.*

Капоретто. Брешь, пробитая противником на фронте итальянской 2-й армии, вынуждает главнокомандующего, ген. Кадорна, отвести все свои силы на Тальяменто.

26 октября французское правительство предлагает итальянскому командованию подкрепления. Телеграмма французского правительства совпадает по времени с депешей ген. Кадорна, просящего о присылке британских и французских дивизий во исполнение соглашений, заключенных в 1916—1917 гг. Ген. Петэн немедленно принимает меры для отправки командующего армией с четырьмя дивизиями и соответствующим количеством тяжелой артиллерии.

Начальник британского генерального штаба ген. Робертсон сперва выказывает меньшую готовность послать в Италию английские войска и лишь по получении следующего категорического заявления начальника французского генерального штаба решается погрузить армейский корпус в составе двух дивизий. «Несомненно, — пишет ему ген. Фош, — ген. Кадорна располагает всей материальной частью, войсками и оборонительными рубежами, необходимыми для того, чтобы задержать противника... Но события сильнее всяких рассуждений. В интересах союзников — во что бы то ни стало помешать расширению катастрофы, происшедшей с Италией. А для этого они должны, немедля, морально и материально поддержать итальянскую армию».

Действительно, опасность, нависшая над Италией, может стать грозной. Если противник проникнет в глубь этой страны, он сможет в значительной степени стеснить сообщения союзников с Северной Африкой, Египтом, Палестиной и Грецией. Таким образом, завязавшаяся игра имеет первостепенное значение. Французское правительство настолько отдает себе отчет в этом, что, не колеблясь, посылает за Альпы начальника своего генерального штаба с самыми широкими полномочиями.

28 октября, в то время как грузятся первые французские части, ген. Фош выезжает из Парижа. 30-го он прибывает в Тревизо, немедленно встречается с ген. Кадорна и получает от него точную информацию об обстановке.

Итальянская армия отходит через Фриуль на р. Тальяменто. Сможет ли она удержаться там? Кадорна не решается ответить утвердительно; 2-я армия была настолько растрепана под Капоретто, что ее сопротивляемость представляется в данное время сильно подорванной, и кажется вероятным, что придется отходить до р. Пиаве.

Исходя из этого предположения, ген. Фош решает выгрузить первые французские войска в Виченце. Но в тот же день, 30-го,

видимо, достоверные сведения заставляют итальянское верховное командование опасаться сильного наступления противника к северу от озера Гарда. Ген. Фош изменяет свои первоначальные распоряжения; он намеревается выставить две французские дивизии к северу от Бреши, а две — вокруг Вероны, где должен расположиться командующий французскими экспедиционными силами ген. Дюшен.

31 октября ген. Робертсон в свою очередь приезжает в Тревизо и совещается с ген. Фошем. Оба генерала считают, что итальянские армии не разбиты; фактически была атакована только одна из них. При условии восстановления в них порядка они все же представляют силу, которая должна позволить удержать противника на линии Тальяменто и оказать ему сопротивление на Пиаве и в Трентино.

1 ноября ген. Фош видится с герцогом Аостским, посещает короля в Падуе и едет в Рим с председателем итальянского совета министров Орландо. Последний оценивает обстановку вполне разумно и хладнокровно; он намерен сопротивляться до конца, если даже, заявляет он, пришлось бы отступить в Сицилию.

«Не в этом дело,— отвечает ему Фош,— надо оказать сопротивление на Пиаве».

2 и 3 ноября он несколько раз встречается с членами итальянского правительства и настаивает перед ними на необходимости перемен в верховном командовании, чтобы придать последнему большую активность.

5-го в Рапалло съезжаются главы английского, французского и итальянского правительств. Ген. Фош описывает им последние события. Итальянская 2-я армия разбита, остальные три нетронуты; все они отходят с линии Тальяменто на более сильный и короткий рубеж Пиаве; имея в своем составе 700 000 человек, они легко смогут держаться при условии, если главное командование ясно выразит свою волю и будет следить за выполнением своих приказов.

6 ноября конференция продолжается. Английский премьер, опираясь на высокий авторитет ген. Фоша и Робертсона, заявляет, что он не может доверить союзные войска итальянскому главному командованию в его теперешнем составе. На это Орландо отвечает, что проект реорганизации главного командования и намеченные изменения в его личном составе будут немедленно представлены на утверждение королю.

Возникает другой вопрос—о численности союзных войск. Председатель итальянского совета министров просит о присылке в Италию 15 союзных дивизий. Фош и Робертсон считают эту

цифру чрезмерно большой. К тому же, добавляет ген. Фош, «одним из замечательных уроков настоящей войны является большая сила обороны. При некоторых условиях численное превосходство может обеспечить победу, но при других дело может обстоять совершенно иначе. Лучшим доказательством этого послужило сопротивление, оказанное за Изером союзными армиями германским силам, имевшим очень большое численное превосходство. Та же истина была доказана под Верденом, где противник был задержан гораздо более слабыми силами, хотя он по нескольку раз повторял свои атаки. При помощи колючей проволоки или других препятствий можно организовать на Пиаве действительное сопротивление... За Пиаве находится организованная армия с хорошим командованием, обильно снабженная огнеприпасами; она может оказать сопротивление силам, численностью значительно превосходящим ее».

События в Италии бросили также свет на одно обстоятельство, которое вот уже несколько месяцев привлекало внимание некоторых союзных государственных людей и генералов. Ввиду численного превосходства, свободы маневрирования и возможности для противника осуществлять внезапные нападения союзники могут вести успешную борьбу лишь посредством быстрой переброски своих резервов на всем протяжении фронта. Это требует прежде всего своевременного получения сведений о замыслах противника, а во-вторых, наличия органа, который без промедления отдавал бы распоряжения о переброске этих резервов на угрожаемые участки. Необходим междусоюзнический орган, который руководил бы операциями на всех театрах военных действий. В сущности говоря, коалиции необходимо было иметь единого главнокомандующего; но умы, особенно в Англии, еще мало были расположены признать это.

Решение, одержавшее верх в ноябре 1917 г., заключалось в создании Высшего военного совета, в состав которого должны были входить первые министры и по одному члену от всех союзных правительств, представленных в Рапалло. Этот совет должен был заседать в Версале; в помощь ему образован был штаб, в состав которого входило по одному военному представителю от каждой державы; военные представители не должны были занимать других должностей. Последнее решение касалось главным образом Франции, наметившей своим представителем ген. Фоша. В то же время он являлся начальником генерального штаба. Таким образом, он должен был по возвращении из Италии отказаться от одной из своих должностей.

Наряду с ген. Фошем назначаются: от Англии — ген. Вилсон, а от Италии — ген. Кадорна, которого на посту главнокомандующего сменил ген. Диац. Впоследствии Соединенные Штаты были представлены ген. Блиссом.

Немедленно по вступлении в должность военные представители получают задачу изучить общую обстановку на всех фронтах и, в частности, обстановку на итальянском театре.

9 ноября ген. Фош и Вилсон встречаются в Падуе с новым итальянским главнокомандующим ген. Диацем; он твердо решил обороняться на Пиаве, но опасается обходного наступления австрийцев через перевал Тонале.

Чтобы устранить это опасение, Фош снова изменяет расположение французских сил. Одна из дивизий перебрасывается в долину Каноника, другая — на Брешу, где будет расположен ген. Дюшен. Кроме того, Фош вносит предложение возложить на французского генерала командование участком фронта между озером Гарда и швейцарской границей; итальянское главное командование принимает это предложение.

Вскоре ген. Диац начинает жалеть о том, что французские войска расположены так далеко. 11 ноября он высказывает беспокойство за Монтелло — стык между долиной Пиаве и горным районом — и обращает внимание Фоша на то обстоятельство, что «на итальянское общественное мнение производит неблагоприятное впечатление факт расположения армий союзников вдали от опасности». Поэтому он просит, чтобы французские дивизии были постепенно переведены на фронт Пиаве.

Ген. Фош отказывается ради удовлетворения эмоциональных требований вводить французские войска в район, уже переполненный итальянскими войсками, по забитым дорогам. В этих условиях французские силы не оказали бы никакой действенной помощи, а сами подверглись бы опасности оказаться вовлеченными в отступление итальянцев. К тому же он с самого своего приезда все время отстаивал мысль, что необходимо избегать преждевременного и разрозненного введения в дело союзных сил; это привело бы к тому, что они влились бы в операции местного значения и их не оказалось бы налицо в случае нового прорыва итальянского фронта.

Тем не менее, чтобы по мере возможности удовлетворить пожелания итальянского главного командования, он решает перевести французские войска в район между Вальданьо и Виченцей, временно оставив одну дивизию к западу от озера Гарда. Английская армия должна сосредоточиться справа от французской, к югу от Виченцы.

15-го Фош уже может телеграфировать в Париж, что «положение на позициях, занимаемых в настоящее время итальянской армией, заметно улучшается в ее пользу» и что «в общем моральное состояние как будто поднимается».

16-го он посылает затребованный Высшим военным советом доклад о размерах помощи, которая должна быть оказана Италии. Он приходит к выводу о необходимости немедленной присылки 12 дивизий — шести французских и шести британских — с соответствующей тяжелой артиллерией. После прибытия этого первого контингента, т. е. к 1 декабря, события подскажут необходимый образ дальнейших действий.

18 ноября, несмотря на улучшающуюся с каждым днем обстановку, итальянский штаб присылает ген. Фошу ряд документов, касающихся организации отхода на Минчо и Адидже. Фош отказывается рассматривать подобное предложение.

Впрочем, с 20 ноября силы союзников уже в состоянии оказать итальянской армии значительную поддержку. 22-го и 23-го на плато Асиало, а также в районах гор Монте Граппа и Монте Томба развертываются упорные бои; повсюду итальянцы оказывают сопротивление.

После первоначального отхода итальянское командование быстро оправилось, и благодаря принятым мерам итальянская армия еще до ввода в дело британских и французских частей собственными силами восстановила непрерывный фронт в долине р. Пиаве.

Фош поддержал и подкрепил итальянское главное командование; он помог ему принять энергичные решения, которых требовала серьезная обстановка. Как за три года до того, во время сражения во Фландрии, он сумел заставить признать его авторитет своим ясным пониманием событий, своей решимостью, активностью, энергией и преданностью союзникам.

События под Капоретто оправдали прогноз ген. Фоша и выявили справедливость выводов его записки от 26 июля 1917 г. На первый план выступает необходимость выполнить два условия: ускорить прибытие во Францию американской армии, чтобы восторжествовать над численным превосходством противника, и создать междусоюзнический орган для руководства стратегией Антанты.

* * *

Помощь американской армии. Общие основы формирования американской армии и перевозки ее во Францию были выработаны в Америке по соглашению маршала Жоффра с правительством Соединенных Штатов.

Вступив в должность начальника генерального штаба, ген. Фош принимает, по соглашению с французским правительством и главнокомандующим, необходимые меры для выгрузки американских войск, устройства их в лагерях и формирования их во Франции. Одно из отделений его штаба получает специально задачу разработки этих вопросов.

Кроме того, надо предусмотреть порядок использования американских контингентов на французском фронте.

В то время, когда Соединенные Штаты вступали в войну, в Америке, как и в Европе, сходились на том, что американские силы должны использоваться в виде крупных соединений, под командой своих собственных начальников. Было решено, что по окончании периода обучения во Франции американские дивизии постепенно займут отдельный американский участок фронта по обе стороны р. Мозеля.

Но в ноябре 1917 г., ввиду событий в России и медленного темпа прибытия американских дивизий на фронт, союзники изменяют свою точку зрения. Они озабочены своей численной слабостью и кризисом в поступлении людских пополнений. Этот кризис возникает накануне германского наступления; размеры и продолжительность его предсказать нельзя. Союзники видят единственное средство улучшения положения в использовании американских сил спустя месяц по прибытии их в Европу, немедленно по окончании обучения мелких частей; затем их будут вводить отдельными полками и даже батальонами в состав британских или французских дивизий.

Эта система «амальгамы» в сущности не удовлетворяет ни Соединенные Штаты, которые понимают, что она задержит формирование желательной для них самостоятельной американской армии, ни Фоша, считающего, что войска никогда не дерутся лучше, чем под собственными знаменами. Но обеим сторонам приходится подчиниться временной необходимости. На сделанные в этом смысле предложения президент Вилсон и ген. Першинг отвечают, что если это нужно, то они в общих интересах согласятся на «амальгаму». В доказательство своей доброй воли они немедленно предоставляют в распоряжение ген. Петэна четыре полка негритянских войск.

Формирование, снаряжение, обучение, перевозка во Францию американской армии требуют значительных усилий.

За несколько месяцев до своей смерти маршал Фош писал:

«Задача, огромная по своему масштабу, так как речь шла не более не менее, как о том, чтобы перевести на военное положение

страну с более чем стомиллионным населением. Все приходилось создавать заново. Постоянная армия, рассчитанная на ограниченные потребности мирного времени, могла оказать лишь самую минимальную поддержку и помощь в деле мобилизации крупных войсковых соединений, которые решила создать Америка; в действительности их приходилось формировать целиком заново с их штабами, командным составом, войсками и многочисленной материальной частью, без которой в современной войне ничего нельзя предпринять. Приходилось выковывать новое оружие.

И его надо было выковать не только в самом большом масштабе, но и в кратчайший срок. Война продолжалась уже более трех лет; было ясно, что самые ее размах и интенсивность не позволят ей затянуться еще надолго и что для того, чтобы сказать свое веское слово при окончательном решении, Америка должна была как можно скорее прислать помощь в Европу».

Но как спешно ни принимаются меры к тому, чтобы американская армия появилась на полях сражений в Европе, достигнутые результаты остаются первое время довольно незначительными. Число прибывающих в Европу американских солдат не превышает в среднем 30 000 в месяц. В марте 1918 г., через год после вступления Америки в войну, к началу германского наступления, численность американских войск во Франции достигла лишь 300 000; дивизий же было только шесть.

Расчеты, произведенные в конце 1917 г., показывают, что на полезную помощь Соединенных Штатов можно надеяться лишь к лету 1918 г., а на их мощную поддержку — не раньше, чем в 1919 г.

* * *

План действий союзников на 1918 г.; вопрос о междусоюзнических резервах и едином командовании. Указанные сроки прибытия американских сил не удовлетворяли потребностей, вызываемых затруднениями, вставшими перед союзниками в конце 1917 г. Достоверно известно было, что германцы приложат все свои усилия и используют всю мощь своего оружия на Западном театре, чтобы добиться там победы до прибытия основных американских сил, могущих сыграть решающую роль. В течение первой половины 1918 г. союзникам приходится отражать натиск противника только своими собственными силами.

Какого образа действий им надо придерживаться, имея в виду перевес противника и открывающиеся перед ним возможности?

18 ноября 1917 г. ген. Петэн в докладе французскому Военному комитету высказывается за выжидательную тактику на Западном фронте.

Эта тактика, пишет он, требует прочного оборудования фронта и создания крупных резервов, готовых к вмешательству на угрожаемом участке. Но необходимо также назначить верховного главнокомандующего для разработки планов и использования резервов. «Одним из условий успеха является осуществление единства командования...»

1 января 1918 г. Фош в свою очередь излагает свой взгляд военным представителям в Версале:

«С начала 1918 г. нам надо ожидать сильного германского наступления.

Оно будет комбинированным в пространстве и во времени, т. е. распределено по различным участкам франко-английского фронта, а может быть и итальянского фронта, через различные промежутки времени.

Мы ответим на него мероприятиями, проводимыми в настоящее время как на французском, так и на английском фронте; эти меры позволяют надеяться на то, что наступление противника будет задержано, не успев дать решительных результатов.

Мы должны ответить на него не только пассивными действиями, но и наоборот, потребовать от армий Антанты решимости использовать малейшую возможность навязать противнику нашу волю путем перехода в наступление, являющееся единственным способом добиться победы...

Для этого союзные армии должны:

а) в случае наступления противника не только задержать и контратаковать его в районе его наступления, но предпринять мощные контрнаступления с целью отвлечь противника на заранее избранных участках, подготовленных для быстрого проведения таких операций;

б) если противник не будет наступать,— быть в состоянии предпринимать по своей инициативе операции с ограниченными целями, рассчитанными на то, чтобы сохранять моральный перевес над противником, изматывать его и поддерживать боеспособность войск;

в) в том и другом случае — быть в состоянии придать этим операциям форму комбинированного наступления с решительными целями, если истощение противника или всякое другое благоприятное условие общей обстановки позволит надеяться на успех такого наступления...»

Этот план от 1 января 1918 г. был тем самым планом, который Фош осуществил несколько месяцев спустя. Он содержит в зародыше ход операций, приведших к победе: сперва вынужденная оборона союзников, затем их частные контрнаступления и, наконец, общее наступление, приведшее к победе.

Но для того чтобы определить порядок, в котором будет проведено рекомендуемое Фошем наступление с целью отвлечь противника, «необходим,— заявляет генеральный штаб в записке от 6 января 1918 г.,— высший орган командования, который один способен постоянно отстаивать общий план против частных тенденций и интересов, быстро принимать решения и заставлять проводить их в жизнь без потери времени. Для этого необходимо назначить, по крайней мере для фронта, простирающегося от Северного моря до Швейцарии, авторитетного военного деятеля, который в интересах коалиции и в согласии с намерениями Высшего военного совета руководил бы действиями на всем фронте, распоряжался бы общими резервами, подготовлял бы контрнаступление и в надлежащий момент отдал бы приказ о его проведении...»

Таким образом, снова поднимается вопрос о междусоюзнических резервах и командовании, который Фош безуспешно ставил перед главами правительств Антанты 26 июля предыдущего года.

На этот раз условия уже не те: за это время произошли события в Италии, было заключено соглашение в Рапалло и создан Высший военный совет.

Но хотя это последнее учреждение представляет собой шаг вперед по сравнению с прежним положением, оно еще далеко не отвечает требованиям обстановки. Военный совет является совещательным и наблюдательным органом; он не способен быстро принимать решения и проводить их в жизнь; он не располагает никакими средствами действия; что сможет он противопоставить предстоящим германским атакам, как сможет он ответить на них? Когда начнется операция, не придется ли ему только подписываться под решениями, которые будут приняты помимо него? А будут ли соответствовать эти решения общим интересам коалиции? Не будут ли они продиктованы частными интересами или требованиями минуты?

Французское и американское правительства вполне согласны с требованием создания единого верховного командования; лично Ллойд-Джордж был сторонником этого решения, но английское общественное мнение и главное командование относились к этому требованию резко отрицательно. Англия придерживалась точки

зрения, выраженной в директиве, которую Китченер дал фельдмаршалу Френчу в начале войны, в августе 1914 г.: «Я желаю, чтобы вы знали, что ваше командование является совершенно независимым и что вы ни в коем случае не будете подчинены союзному генералу».

Но, что еще более серьезно, образование общих резервов и намечаемое их использование также встречают сопротивление, которое военный представитель Франции в Версале ген. Вейган и Фош со всей энергией стараются побороть.

21 января ген. Вейган представляет на рассмотрение своих коллег план действий Фоша на 1918 г. Под влиянием английского представителя ген. Вилсона военные представители союзников высказывают мнение, что в течение 1918 г. ни та ни другая сторона не смогут добиться никаких преимуществ на французском театре. Они считают, что для союзников будет лучше остановиться на выдвинутой Ллойд-Джорджем идее операции против Турции «с целью уничтожить турецкие армии и сломить сопротивление этой страны».

Благодаря стараниям ген. Вейгана союзники возвращаются к более трезвой оценке обстановки на западе и присоединяются к точке зрения Фоша.

Зато идея временного единого командования, выдвинутая французским генеральным штабом, встречает непреодолимое сопротивление, и военные представители ограничиваются тем, что рекомендуют образовать общий резерв «для всех союзных сил на Западном фронте как во Франции, так и в Италии...»

Все это представляет собой скорее пожелания, чем осуществление задачи, и ген. Вейган считает себя вправе написать 22 января председателю совета министров: «...Под угрозой и, быть может, накануне самого мощного удара, который противник когда-либо пытался нанести нам, мы не имеем никакого общего плана операций коалиции на 1918 г. ...»

И в самом деле, у союзных армий ничего не подготовлено для оказания взаимной поддержки или для проведения совместной операции. Ген. Фош может только констатировать это на совещании 24 января в Компьене, на котором присутствуют приехавший из Лондона ген. Робертсон и главнокомандующие. Фош, высказываясь против всецело оборонительного образа действий, призывает к активности. На примере сражения на Сомме, которое ослабило нажим на Верден, он показывает, что наилучшим средством задержать настойчивое наступление противника является переход в свою очередь в мощное наступление. Но только, добавляет он,

такая операция возможна лишь в том случае, если она предусмотрена и подготовлена. Какими же силами она будет проведена? Всеми остающимися свободными британскими и французскими силами. Таким образом, следует рассматривать весь франко-британский фронт в целом, а не французский фронт, с одной стороны, и британский — с другой. Нам необходимо иметь общий план, «предусматривающий и подготовляющий переход в наступление в надлежащий момент, на поле сражения, общем для всех имеющихся в распоряжении сил союзников».

Главнокомандующие в принципе согласны с Фошем по вопросу о контрнаступлении для отвлечения противника, но полагают, что силы, которые придется противопоставить германским войскам и которые будут еще ослаблены потерями, не позволят провести это контрнаступление.

Значит, заключает Фош, «в ответ на наступление противника мы подготовили лишь паллиативы; мы не имеем в запасе широкого, мощного контрудара».

Он вновь поднимает этот вопрос перед главами союзных правительств, собравшимися в Версале с 30 января по 2 февраля 1918 г.:

«Обстановка вынуждает нас в начале 1918 г. оставаться в выжидательном положении. Отсюда — необходимость иметь для всего фронта от Ньёпора до Венеции единый оборонительный план, который мог бы в зависимости от обстоятельств превратиться, целиком или частично, в наступательный план.

Наш наступательный план должен быть разработан так, чтобы мы могли ответить на несколько наступлений противника, направленных против различных союзных армий; отсюда вытекает необходимость комбинировать оборонительные средства этих армий. Помимо оборонительных сооружений, которые необходимо создать в каждой армии, и резервов, которыми каждая должна располагать, чтобы быть в состоянии отразить наступление на своем фронте, необходимо иметь общие резервы, которые можно было бы перебрасывать с одного участка фронта на другой, в наиболее угрожаемое место, или сосредоточить для контрнаступления, имеющего целью положить конец ожесточенному наступлению противника на одного из союзников. Поэтому, одновременно с обороной, необходимо подготовить и эти наступательные маневры».

Таким образом, вопрос о союзнических резервах оказывается поставленным перед государственными деятелями, ответственными за ведение войны в целом, вместе с вопросом о плане кампании.

План действий Фоша подвергается рассмотрению и обсуждению; главнокомандующие выдвигают против него возражения, основанные, как мы видели, на недостаточной численности войск. Но, по настоянию Клемансо, план в конце концов принимается.

Затем переходят к вопросу о междусоюзническом резерве. Фош без труда заставляет признать его необходимость и предлагает создать для его формирования, сохранения и использования орган, который вел бы переговоры с главнокомандующими и принимал необходимые решения. Он предлагает образовать этот орган из начальников английского, французского и итальянского генеральных штабов.

Во время прений военный представитель Соединенных Штатов ген. Блисс высказывается за необходимость междусоюзнического резерва и единоличного главнокомандующего. Ллойд-Джордж подчеркивает бесполезность нового органа, который дублировал бы работу Высшего военного совета, но выражает пожелание, чтобы, ввиду опыта и прошлой деятельности ген. Фоша, последний вошел в состав уже существующего органа.

По предложению Ллойд-Джорджа образуется Исполнительный комитет из военных представителей Америки, Англии и Италии под председательством ген. Фоша. Этот комитет имеет задачей определить численный состав общего резерва и долю участия каждой армии в его образовании, установить районы его расположения, подготовить его действия и, когда придет время, принять решение о его использовании.

Таким образом, Версальская конференция знаменует собой большой шаг в сторону дальнейшего объединения сил Антанты. За отсутствием единого верховного командования, которое являлось бы самым правильным решением, она все же делает возможным известное единство действий в критические дни сражения.

Новый Исполнительный комитет немедленно приступает к делу. Установив силу общего резерва примерно в 30 дивизий, он 6 февраля требует от британской армии выделения 9—10 дивизий, в том числе трех, находящихся на итальянском фронте; французская армия должна предоставить 13 — 14 дивизий, в том числе 4 из Италии, итальянская армия — 7 дивизий, что составляет одну седьмую сил союзников — «минимум, ниже которого можно было бы спуститься, только отказавшись от образования резерва, действительно способного повлиять на исход сражения». Кроме того, Исполнительный комитет решает, что соединения общего резерва будут в принципе расположены в районе своих армий так, чтобы быть в состоянии быстро вступать в бой; чтобы иметь возмож-

ность увеличить их состав, он просит бельгийскую армию сменить англичан на фронте до окрестностей Лангемарка.

Эти распоряжения вызывают возражения со стороны исполнителей. Французский главнокомандующий считает цифру 10 дивизий чрезмерной и предлагает дать только 8, добавляя: «Что касается использования пехотных дивизий, назначенных в состав общего резерва, то я надеюсь, что наши общие усилия сгладят затруднения практического порядка, которые не могут не возникнуть в начале сражения». Ген. Фош принимает предложенные 8 дивизий и отвечает главнокомандующему: «Можете быть уверены в том, что со своей стороны Исполнительный комитет постарается избежать всяких задержек и сгладить все затруднения».

Таким образом, благодаря взаимному пониманию положения, между комитетом и французским главным командованием устанавливается полное согласие.

Иначе обстоит дело с англичанами. 2 марта британский главнокомандующий пишет Фошу, что он уже распределил все свои войска для отражения наступления противника, что он никак не может изменить свои планы и распоряжения и что он, к сожалению, не может пойти навстречу предложениям Исполнительного комитета.

Итак, вследствие отказа британского главного командования, Комитет лишен возможности продолжать выполнение своей задачи. 4 марта, за 17 дней до начала германского наступления, он может лишь притти к следующему выводу:

«...Исполнительный комитет считает, что он не в состоянии продолжать свою работу и, следовательно, организовать междусоюзнический резерв в соответствии с указаниями, данными ему Высшим военным советом на заседании 2 февраля. Исполнительный комитет решает, чтобы каждый военный представитель, информируя свое правительство, запросил инструкций».

Тогда вопрос ставится 14 и 15 марта перед Высшим военным советом, собравшимся в Лондоне.

В самом начале заседания Ллойд-Джордж, снова провозглашая необходимость междусоюзнического резерва, отстаивает точку зрения фельдмаршала Хейга. Французский премьер одобряет ее; он заявляет, «что ввиду непосредственной угрозы наступления противника взять дивизии у фельдмаршала Хейга или ген. Петэна невозможно и что, кроме того, между Хейгом и Петэном, принявшими все меры для оказания друг другу взаимной поддержки в случае необходимости, существует полная согласованность, одобренная обоими правительствами».

Представители Соединенных Штатов и Италии держатся дру-

гого мнения. Чтобы постараться удовлетворить их, не изменяя ни в чем особых мероприятий, проведенных на франко-английском фронте, совет решает образовать «ядро» общего резерва из британских и французских дивизий, находящихся в Италии, и нескольких итальянских дивизий, число которых должно быть установлено Исполнительным комитетом. Впоследствии резерв должен быть усилен свежими дивизиями, прибывающими из Америки.

Ген. Фош протестует против этих решений, текст которых к тому же не был сообщен ему до начала заседания: «Очевидно, речь идет, — говорит он, — об организации исполнительного совета, но прежде всего этот совет, повидимому, будет лишен всякой исполнительной власти».

На это Клемансо отвечает, что, по его мнению, принятое решение не сократило, а наоборот, расширило права Исполнительного комитета.

На другой день, 15 марта, Фош возвращается к этому вопросу. Перейдя во время прений от вопроса об образовании междусоюзнического резерва, он подходит к вопросу об общем руководстве операциями. «По вашим словам, между главнокомандующими установилось полное согласие, — говорит он, — каждая армия знает, чего ей ждать от соседней армии. Пусть так. Но если Высший военный совет не будет в точности знать положения каждой армии и размеров взаимной помощи, то как сможет он принимать решения, которых, несомненно, потребуют события, и каким образом будет он приводить их в исполнение? Чтобы Высший военный совет мог приносить пользу, — говорит Фош, — необходимо расширить его полномочия».

Доводы Фоша производят сильное впечатление на Ллойд-Джорджа, но он не углубляется в существо вопроса, а ограничивается заявлением, что «соглашение, достигнутое между главнокомандующими союзных армий во Франции по вопросу о взаимной поддержке, составит предмет официального сообщения постоянным представителям в Версале». Таким образом, Лондонская конференция не приводит почти ни к каким результатам.

Не было достигнуто удовлетворительного решения по вопросу об общем резерве, а вопрос о командовании даже не был затронут.

Понадобилась почти катастрофа, чтобы исправить ошибку, допущенную 15 марта 1918 г. в Лондоне.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ СОЮЗНЫМИ АРМИЯМИ

Глава первая

Германское наступление 21 марта и соглашение в Дулане

21 марта 1918 г. в 4 часа утра на всем фронте между долиной р. Скарп и долиной р. Уаза германская артиллерия внезапно открыла сильнейший огонь.

В 9 час. пехота противника, пользуясь густым туманом, атаковала позиции, на которых с весны 1917 г. были расположены английские армии:

— к северу —3-я армия (ген. Бинга) между Аррасом и районом ле-Катлэ;

— к югу — 5-я армия (ген. Гофа) от района ле-Катлэ до Баризи-о-Буа.

3-я армия имела на фронте в 40 *км* 10 дивизий в первой линии и 6— в резерве.

5-я армия, оборонявшая фронт в 60 *км*, имела в первой линии 11 дивизий, а в резерве —3 пехотные и 3 кавалерийские дивизии.

Против них наступающие массы германцев были сгруппированы в три армии:

— к северу, в районе Арраса,—17-я армия (Отто ф. Белов);

— в центре, между Камбрэ и ле-Катлэ,— 2-я армия (фон дер Марвиц) из группы армий кронпринца баварского;

— к югу, опираясь на долину Уазы,—18-я армия (ф. Хутье) из группы армий кронпринца германского.

Хотя в то время, как они ринулись в атаку на английские позиции, в лагере союзников в точности не был известен их численный состав, однако приблизительное представление о нем союзники имели. Работа, произведенная за три месяца до того в штабе французского главнокомандующего, пока-

зала, что немцы смогут к 1 марта 1918 г. располагать на Западном фронте приблизительно 200 дивизиями, что позволит им образовать ударную массу в 80 дивизий, примерно с 1 000 батарей тяжелой артиллерии. Можно было предполагать, что до пятидесяти из этих дивизий будут сразу назначены для ближайших операций, что обеспечит им в районе наступления двойное численное превосходство.

Весной 1918 г. германское командование собиралось применить во Франции те же приемы, которые принесли ему успех под Капоретто, сводившиеся к следующему:

1. Достижение внезапности благодаря скрытной доставке ударной массы в район операции (ночные передвижения, отсутствие света в районах расквартирования и лагерях, маскировка против воздушной разведки противника) и занятие атакующими частями исходного положения лишь в последнюю минуту.

2. Чрезвычайная мощность и непродолжительность артиллерийской подготовки на глубину 4—5 *км* при широком применении химических снарядов; атака пехоты, которая во время артиллерийской подготовки занимает исходное положение в 200—300 *м* от атакуемой первой линии.

3. Быстрый темп операции, что достигается быстрым продвижением пехоты, обеспечиваемой сначала подвижным заградительным огнем артиллерии, затем батареями и минометами сопровождения, а главное — ручными пулеметами.

4. После начала прорыва — расширение его атаками в стороны флангов.

5. Стремление быстро проникнуть в глубину расположения противника (решительное продвижение войск к заранее указанным объектам, находящимся на значительном расстоянии, чтобы тем самым дезорганизовать оборону противника, захватив узловые пункты его оборонительной системы).

6. Инициатива командиров: роль командования является решающей на всех ступенях и во всех родах войск. Когда сражение началось, частные приказы больше не доходят до подчиненных начальников; каждый должен действовать по собственной инициативе.

7. Использование резервов не против очагов сопротивления, захваты которых требуют излишних жертв, а на тех участках, где войска продвигаются вперед и где можно облегчить развитие наступления.

Таковы были общие принципы, применению которых германские войска были обучены на неоднократных тренировочных занятиях, проводившихся в течение нескольких недель перед наступлением.

Верховное командование собиралось использовать эти войска для достижения стратегической цели, от которой оно ожидало столь же быстрых, сколь и решающих результатов. Поразив один из самых чувствительных участков союзного фронта — стык между британской и французской армиями, оно могло разъединить эти две армии посредством наступления крупными силами, энергично проведенного в направлении на Амьен. Развивая начальный успех и расширяя достигнутый прорыв с целью отбросить англичан к морю, а французов на Париж, оно могло разбить коалицию и вывести из строя обоих своих главных противников прежде, чем могла действительным образом сказаться помощь Америки. Таковы были возможности, представлявшиеся германскому верховному командованию.

В северной области Франции верховное командование к тому же имело особенно благоприятные условия для маневрирования благодаря густой и удобно планированной железнодорожной сети. Линии этой сети вели к одному из жизненных узлов сообщений союзников — Амьену. На большей части избранного фронта наступления командование, по всей вероятности, должно было встретить менее устойчивое сопротивление, чем на всех других фронтах, так как здесь союзники занимали добровольно отданные меньше года назад немцами позиции, а в тылу их, примерно до Амьена, расстилалась местность, превращенная в пустыню как планомерными разрушениями, произведенными весной 1917 г., так и опустошениями во время сражения на Сомме летом 1916 г. Таким образом, германское верховное командование считало, что оно держит в руках все козыри.

* * *

Однако ни британское ни французское главное командование не находилось в неведении относительно планов противника. Получаемые ими сведения с февраля указывали на участки фронта от Уазы до р. Скарп и в Шампани по обе стороны Реймса как на главные районы наступления.

Но в то время как англичане считали, что противник будет наносить свой главный удар в Шампани, ген. Петэн пола-

гал, что этот удар будет направлен против английского фронта к северу от Уазы. Исходя из этого последнего предположения, он предвидел, что стык между британскими и французскими силами неизбежно явится той точкой наименьшего сопротивления, где будет «труднее, чем где бы то ни было, вести сражение».

Правда, в течение зимы начальник французского генерального штаба и военные представители в Версале пытались исправить этот недостаток, но их усилия остались практически бесплодными. 13, 14 и 15 марта союзные правительства собрались на конференцию в Лондоне, чтобы, в частности, рассмотреть вопрос о создании общесоюзного резерва, вверенного мне как председателю версальского Исполнительного комитета. На заседании 14 марта фельдмаршал Хейг, участвовавший в конференции, заявил, что он не может оказать при образовании этого резерва той помощи, которой у него просили, и выделить требуемое число дивизий; несмотря на мои возражения, английское правительство присоединилось к его мнению, а французское правительство безоговорочно приняло британское предложение.

Так как это решение правительств продолжало внушать мне беспокойство, то на заседании 15 марта я попросил слова и решительно указал на недостатки в организации командования как раз в то время, когда союзникам предстояло дать, как казалось, в ближайшем будущем серьезнейшее оборонительное сражение. Мой опыт позволял мне утверждать это. С начала войны мы провели большое число сражений, в которых участвовали совместно армии союзников: в 1914 г. на Марне и под Аррасом — французы и англичане; на Изере и под Ипром — французы, англичане, бельгийцы; в 1917 г. на Пиаве—итальянцы, французы, англичане. Ни одно из сражений не могло бы окончиться успешно без объединяющего органа, обеспечивавшего своей планомерной работой успех общесоюзного дела, согласовывавшего и сосредоточивавшего усилия армий различной национальности, без чего эти усилия неизбежно оказались бы разрозненными.

При настоящих условиях таким органом являлось бы командование общего резерва, если бы он был сформирован. Но при отсутствии этого междусоюзнического органа можно было опасаться, как бы каждая из армий — французская и английская,— на которые должны были обрушиться удары противника, не подчинилась соображениям собственных инте-

ресов и опасности, которой она подвергается, и не упустила из виду общих интересов, которые, однако, надо было обеспечить в первую голову. В итоге, при существующих условиях успех сражения мог быть поставлен для союзников под сомнение вследствие отсутствия единства взглядов и единого командования. Мои замечания и предсказания занесены в протокол Лондонской конференции 15 марта. Эти замечания хотя и произвели впечатление на главу одного из правительств—Ллойд-Джорджа, но не заставили конференцию изменить свои решения от 14 марта. Справедливость моих замечаний получила полное подтверждение шесть дней спустя на поле сражения.

Во всяком случае накануне большого германского наступления союзные правительства решили положиться исключительно на соглашение, существующее между Хейгом и Петэном, считая его достаточным при данной, чреватой опасностями, обстановке.

Действительно, оба главнокомандующих приняли особые меры для предотвращения нависшей угрозы:

— ген. Петэн,— выделив в резерв в район Клермона 3-ю армию (ген. Энбера) силой в 5 пехотных дивизий, кавалерийский корпус и 3 артиллерийских полка, которые должны были действовать в английской полосе либо между Уазой и Соммой, либо даже к северу от Соммы;

— фельдмаршал Хейг,— обязавшись в случае наступления противника на французском фронте прислать на помощь армию в составе 6—8 дивизий, 4—6 дивизионов полевой артиллерии и 2 дивизионов тяжелой артиллерии, но с оговоркой, что эта помощь будет оказана лишь постольку, поскольку германское наступление большого масштаба не распространится и на британский фронт.

Какова бы ни была ценность этих мероприятий, они представлялись недостаточными и страдали слишком серьезными пробелами, чтобы послужить ответом на наступление, которое могло быть предпринято на различных участках фронта и успех которого мог развиваться в заранее намеченном направлении.

К тому же обещания взаимной поддержки, данные обоими главнокомандующими, были ослаблены оговорками, откровенно сделанными фельдмаршалом Хейгом; но мысленно такие же оговорки делал и ген. Петэн, так как, глядя

в сторону британского фронта, он предусматривал «непрерывно возрастающую возможность германского наступления, которое захватило бы одновременно и наш фронт в Шампани и британский фронт».

При таких условиях, когда наступил бы день сражения и на широком горизонте собрались бы густые и грозные тучи, который из обоих главнокомандующих решился бы отказаться от оговорок во взятых им обязательствах? Впрочем, во что превратились бы эти обязательства перед лицом внезапной крупной операции противника, если бы она вышла за пределы условий соглашения между обоими союзными главнокомандующими? Каким образом каждый из них, к тому же ответственный перед своим правительством за обеспечение интересов своей страны, как и за размер средств и жертв, которых приходилось требовать от нее, осмелился бы заглянуть за ограниченные пределы района действий своей армии? А когда наступил бы момент принятия ответственных решений, сумел ли бы он отрешиться от этой ответственности, чтобы оказать находящемуся в опасности соседу соответствующую быструю и сильную помощь, для чего, может быть, пришлось бы перебрасывать войска на большое расстояние? К тому же, даже если бы он захотел этого, смог ли бы он быстро и безошибочно направить подкрепления в район действий своего соседа, когда штабы и войска были еще между собой незнакомы, не были в точности осведомлены о потребностях, средствах, образе действий соседа и обеспечивали свое взаимодействие соглашениями или протоколами, неизбежно формальными или, по меньшей мере, медленно проводимыми в жизнь?

К тому же дело не в одном желании главнокомандующего. Здесь приходилось вести ожесточенное оборонительное сражение, продолжительность которого была неизвестна.

Вот почему соглашение, заключенное в Лондоне между главнокомандующими, показалось мне безусловно недостаточным, что немедленно доказали последующие события. Вот почему союзные правительства взяли на себя тяжкую ответственность, когда, ни минуты не колеблясь, доверились этой простой договоренности двух главнокомандующих, имевших каждый свои собственные частные интересы, и на этом успокоились.

* * *

21 марта план германского командования был осуществлен во всем своем объеме. Введенные в дело силы — 50 дивизий, ширина фронта наступления — 80 *км*, намного превосходили все, что наблюдалось со времени начала позиционной войны на Западном театре. Не менее значительными были достигнутые результаты.

На севере английская 3-я армия в общем удержала свои позиции, но иначе обстояло дело в 5-й армии ген. Гофа. Она была опрокинута почти на всем своем фронте, и правый фланг, в частности, был отброшен к западу от Сен-Кантена на подступы к каналу Кроза.

На другой день, 22 марта, эта сильно расстроенная армия отошла на Сомму. Тот непонятный факт, что линия Соммы, проходившая в нескольких километрах в тылу, была занята противником почти без выстрела, можно объяснить только смущением и растерянностью, овладевающими войсками, сильно атакованными в первой линии. То же нам довелось наблюдать на р. Эне во время наступления 27 мая.

Несмотря на введение в бой британских резервов, общее отступательное движение 5-й армии совершалось темпом, свидетельствовавшим о значительном понижении ее сопротивляемости. Обеспокоенный этим, фельдмаршал Хейг просил ген. Петэна срочно сменить французскими войсками британские части, эшелонированные между Уазой и Соммой под Перонном. Но Петэн еще не избавился от заботы о своем фронте в Шампани. В данный момент он мог только выполнить условия уже заключенного соглашения, а именно — ввести в дело в районе действий британских армий французскую 3-ю армию; но так как эта помощь требовала известного срока, она могла полностью дать себя почувствовать, только начиная с 27 марта. До тех пор англичане были более или менее предоставлены своим собственным силам.

Чтобы отчасти смягчить серьезность положения, французский главнокомандующий, по соглашению с фельдмаршалом Хейгом, решил возложить на командующего резервной группой армий, ген. Файоля, руководство сражением между Баризи-о-Буа и Перонном. Таким образом, Файолю должны были подчиняться английские дивизии, ведущие бой в этом районе, а также французская 3-я армия после ее прибытия и впоследствии французская 1-я армия, которую в данное время

снимали с фронта из района Воэвр. От Файоля требовали, чтобы он любой ценой восстановил прочный оборонительный фронт на линии Перонн, Гискар, Шони, Баризи-о-Буа или, по крайней мере, на линии Нель, Нуайон.

Однако события развивались с быстротой, опрокидывавшей всякие предположения.

23 марта германцы расширили фронт своего наступления до района к востоку от Арраса.

Не считая незначительного отхода западнее Круази, британская 3-я армия победоносно отражала атаки противника, но для сохранения связи с 5-й армией ей пришлось отвести правый фланг в направлении на Бопом.

Действительно, британская 5-я армия продолжала отходить безостановочно. Днем 23 марта она оставила предмостное укрепление Перонн, а на следующий день, 24-го,— линию Соммы между городами Перонн и Ам.

Тщетно французский 5-й корпус (3-й армии), спешно вступивший в бой, пытался оборонять Нуайон и Северный канал; он был охвачен с обоих флангов, и 25 марта Нуайон перешел в германские руки.

Дело в том, что правый фланг ген. Гофа, вместо того чтобы отходить в направлении на Руа, Мондидье, что обеспечило бы его соприкосновение с французским левым флангом, отступал в направлении на Нель, Амьен, удаляясь от французов и приближаясь к английским базам.

Таким образом, между английским правым флангом и французским левым флангом образовался разрыв в 20 *км*, который наш 2-й кавалерийский корпус не был в состоянии заполнить и куда быстро проникал противник.

Правда, ген. Файоль предполагал бросить туда части 3-й армии по мере их прибытия и выгрузки, но успел ли бы он сделать это, и если бы разложение армии ген. Гофа продолжалось, не надо ли было бы опасаться, что эти части сами будут унесены водоворотом, прежде чем смогут восстановить непрерывный фронт?

Французский главнокомандующий, который днем 23 марта встретился в Дюри с Хейгом и согласился с ним относительно необходимости обеспечить тесную связь между британской и французской армиями, сомневался теперь в том, удастся ли восстановить эту связь. При том обороте, какой дела приняли 24-го, он уже не надеялся на то, что англичане окажут противнику сопротивление, которое позволило бы француз-

ским дивизиям в благоприятных условиях вступить в бой справа от английской 5-й армии. Он считал, что обстановка требует новых неотложных решений. Он объявил их в тот же день, 24 марта, в директиве командующим группами армий: «В первую очередь,— писал он им,— необходимо сохранить прочный остов всех французских армий в целом, в особенности не дать отрезать резервную группу армий от остальных наших сил. Затем надо, если возможно, сохранить связь с британскими силами....»

Это было серьезное решение; казалось, что оно не вполне соответствует общим интересам союзников, что оно могло нанести новый удар уже сильно подорванному моральному состоянию английских войск.

На следующий день, 25 марта, фельдмаршал Хейг в свою очередь передал в Абвиле ген. Вейгану записку, излагавшую его требования и намерения.

Он требовал немедленного сосредоточения «по обе стороны р. Соммы к западу от Амьена по крайней мере 20 французских дивизий для действий против фланга немцев, наступающих на английскую армию». Это означало, что он предвидел, что события заставят англичан перенести свою линию сопротивления к западу от Амьена.

Его намерения выражались следующей простой фразой: английская армия «должна медленно отходить с боем, прикрывая порты Па-де-Калэ».

Как мы видим, в момент, когда быстро и непрерывно развивался сильнейший кризис, каждый из главнокомандующих думал только о своей частной ответственности перед своей страной. Произошло то, чего можно было опасаться. Каждый из них был озабочен прежде всего тем, чтобы поддержать и сохранить свою армию, а для этого направить ее на собственные базы, т. е. в направлении, лучше всего обеспечивавшем интересы своего государства. Для англичан это были порты Ламанша, для французов — Париж и в тылу его остальная Франция; каждому главнокомандующему эта задача представлялась наиболее существенной. Это могло привести к маневру по расходящимся направлениям. Помощь соседу становилась уже побочной задачей, подлежащей выполнению лишь по мере возможности.

В противоположность единой германской операции союзники вели два отдельных сражения: британское сражение за порты Ламанша и французское — за Париж. Они должны

были развиваться раздельно, по расходящимся направлениям. Тем самым союзные главнокомандующие увеличивали разрыв между своими армиями, что было основной целью германской операции. Они рисковали тем, что этот разрыв станет непоправимым. В этом случае мы пошли бы навстречу верному поражению, если только союзные правительства, на которые падала наибольшая доля ответственности за создавшееся положение, во-время не вмешались бы, приняв немедленно решение, обеспечивающее спасение коалиции, подтвердив общность ее интересов и поставив во главе армий высший орган, который взял бы на себя охрану этих общих интересов, а также использование всей совокупности сил союзников.

В воскресенье 24 марта около 15 час., прежде чем ген. Петэн успел отдать директиву, подтвердившую несогласие с фельдмаршалом Хейгом, я по своей собственной инициативе попросил свидания с председателем совета министров Клемансо и передал ему докладную записку, в которой обращал его внимание на ход развития сражения; я указал ему на военные мероприятия, которые надо было осуществить немедленно, а также на необходимость создания «органа, руководящего войной», способного отдавать соответствующие директивы и следить за их выполнением. Без этого союзники должны вести «серьезнейшее по своим последствиям сражение, недостаточно подготовленное, недостаточно организованное, недостаточно управляемое».

Первые его слова, после того как я вручил ему свою записку, были: «Вы меня не покинули в беде! Я согласен с Хейгом и Петэном; что еще можно сказать?» — «Нет, г-н председатель,— ответил я ему,— я вас не покину, но необходимо, чтобы каждый немедленно взял на себя свою долю ответственности, вот почему я передаю вам эту записку».

В качестве начальника генерального штаба я был военным советником французского правительства. В то время как происходили важные события, я не мог оставаться бесстрастным зрителем непосредственно угрожающей катастрофы; каждый должен был взять на себя свою долю ответственности, а французское правительство должно было хорошо понять, что многократные разговоры председателя совета министров с Петэном или Хейгом не дадут союзным армиям возможности провести большое, продолжительное и тяжелое сражение. Для решения дела надо было как можно скорее

создать руководящий орган, целиком и полностью предназначенный для ведения войны, выбранный для этой цели союзными правительствами и ответственный перед ними, обладающий опытом, авторитетом, знанием обстановки; надо было также организовать соответствующие штабы, иначе борьба окончилась бы раздроблением усилий, катастрофой.

Таким органом не могли быть ни Версальский исполнительный комитет, лишенный 14 марта всяких средств, а следовательно, и всякой власти, ни, тем более, Высший военный совет правительств, решения которого неизбежно всегда плелись бы в хвосте событий.

Эту необходимость в тот же день признал и фельдмаршал Хейг.

24 марта около 23 час., когда и у него уже не могло быть сомнений относительно намерений французского главного командования, он телеграфировал в Лондон начальнику имперского генерального штаба, прося его немедленно приехать во Францию, чтобы добиться возможно скорейшего назначения верховного командующего всем Западным фронтом.

В ответ на этот призыв ген. Вилсон утром 25-го высадился в Булони. Ему предшествовал член британского военного кабинета лорд Милнер, прибывший накануне в Версаль по распоряжению Ллойд-Джоржа, «чтобы представить кабинету личный доклад об обстановке».

Воспользовавшись приездом во Францию этих двух английских государственных деятелей, Клемансо устроил днем 25 марта совещание в ставке французского главнокомандующего в Компьене. К сожалению, ни ген. Вилсон, ни фельдмаршал Хейг, задержавшийся в Абвиле, не смогли приехать на это совещание. И фактически в этот день имели место два совещания: одно — в Компьене, на котором присутствовал я с президентом республики, Клемансо, Лушером, лордом Милнером и ген. Петэном; другое — в Абвиле с ген. Вилсоном, фельдмаршалом Хейгом и начальником моего штаба ген. Вейганом.

На совещании в Компьене ген. Петэн доложил о состоянии глубокой дезорганизации, в котором находилась британская 5-я армия, и мерах, принятых им для оказания ей помощи; о посылке 15 дивизий, из которых шесть уже ввязались в сильные бои; он заявил также, что в данную минуту он больше ничего не может сделать ввиду необходимости оборо-

нять дорогу на Париж, которая оказалась под угрозой со стороны долины Уазы, а быть может, и со стороны Шампани. Когда мне предложили высказать свою точку зрения, я указал, как и в своей записке, поданной накануне, что наибольшая опасность грозит в направлении Амьена, где германское наступление привело к прорыву франко-британского фронта, создало широкий разрыв, первым последствием которого явилось отделение британской армии от французской, что надо во что бы то ни стало восстановить этот фронт, хотя бы ценой некоторого риска на других участках фронта. Подвести туда столько дивизий, сколько необходимо, чтобы заполнить разрыв, и сделать это быстро — вот, по моему мнению, необходимая линия поведения и цель общих усилий.

В какой мере англичане могли способствовать выполнению этой задачи? Лорд Милнер, за отсутствием своих военных советников, не смог ответить на этот вопрос, заданный ему Клемансо. Он предложил созвать на следующий день, 26 марта, новое совещание с участием английских генералов. Поэтому мы около 17 час. разъехались из Компьена, назначив это совещание на 11 час. следующего дня в Дюри.

Между тем, в то время как совещание в Компьене закончилось безрезультатно, фельдмаршал Хейг переговорил с ген. Вилсоном и, сознавая опасность, которой грозило Антанте отделение британской армии от французской, убежденный в необходимости любой ценой предотвратить это отделение, он предложил начальнику имперского генерального штаба, чтобы ген. Фош был немедленно назначен главнокомандующим.

Вилсон в тот же день приехал в Версаль, переговорил с лордом Милнером, а затем около 23 час. явился ко мне в Париж. Он предложил мне доверить Клемансо, техническим советником которого должен был сделаться я, «обеспечение более тесного взаимодействия между армиями и наилучшего использования всех имеющихся налицо резервов».

Мне без большого труда удалось объяснить ему, насколько нежелательным было бы осуществление этого проекта, так как вместо того, чтобы упростить дело, он мог еще более затруднить положение. Мои взгляды, высказанные во время этой беседы, ясно сформулированы в записке лорда Милнера: «Что же касается ген. Фоша, то у него нет никакого желания чем-нибудь командовать. Он только просит, чтобы обоими правительствами на него была твердо возложена задача обес-

печивать возможно более полное сотрудничество обоих главнокомандующих. Другими словами, он просил для себя примерно такого же положения, какое он занимал когда-то во время сражения под Ипром (в 1914 г.), когда маршал Жоффр поручил ему добиться, если возможно, более тесного взаимодействия между англичанами и французами. Только в настоящее время он хотел быть уполномоченным на это высшей властью обоих союзных правительств». Лорд Милнер и Вилсон были согласны в том, что при данных обстоятельствах это было наилучшим решением.

* * *

Так приблизительно стоял вопрос утром 26 марта, когда открылось совещание в Дулане [1].

Когда я около 11 ч. 30 м. приехал в этот город, фельдмаршал Хейг принимал доклады командующих своих армий в зале ратуши, где вскоре к нему присоединился лорд Милнер. Их совещание затянулось, и я имел время снова увидеть скромное помещение школы, где я расположился со своим штабом 6 октября 1914 г., чтобы следить за операцией, которая увлекала армии обоих противников на север. Как известно, она привела к сражениям на Изере и под Ипром и к окончательной остановке противника. Переносясь в эти уже далекие времена и сравнивая нынешние численный состав наших войск, наши оборонительные сооружения, наше вооружение и наши запасы в 1918 г. с тем, что мы имели в то время, я никак не мог допустить, что мы, настолько усилившиеся в 1918 г., дадим себя разбить там, где при относительном недостатке во всем мы победили в 1914 г. Формулу успеха мы должны были снова найти в согласованном использовании наших сил и средств и в укреплении морального состояния; при имеющихся у нас силах, чтобы остановить продвижение противника, нужна была прежде всего твердая воля главного командования. Я не сомневался в исходе дела при том условии, что я им буду руководить в духе тесного, энергичного сотрудничества союзных главнокомандующих, энергично направляемых и увлекаемых на последова-

[1] По просьбе Хейга, который должен был находиться в Дулане, куда он вызвал своих командующих армиями, местом совещания был назначен этот город вместо Дюри, избранного накануне.

тельно угрожаемые участки. Чего только мы ни достигли в 1914 г. на Изере и под Ипром, и при каких условиях! Эти мысли я высказал членам французского правительства в саду ратуши Дулана в ожидании открытия союзнической конференции, которая началась в ратуше в 12 ч. 45 м. В конференции участвовали с французской стороны: президент республики, Клемансо, Лушер, ген. Фош, Петэн, Вейган; с английской стороны: лорд Милнер, фельдмаршал Хейг, ген. Вилсон, Лоренс, Монтгомери.

С самого же начала конференции все единодушно признали, что Амьен должен быть спасен любой ценой, ибо там решается судьба войны. Я энергично высказался в этом смысле. Наш фронт был уже оттеснен до Брэ-сюр-Соммы в тылу фронта 1916 г. Надо было во что бы то ни стало не допустить дальнейшего отступления. Не уступать без боя ни одного дюйма территории, любой ценой, не щадя последних сил, удержаться на месте,— вот первый принцип, который надо было твердо установить и довести до сведения всех. Надо было возможно скорее обеспечить его осуществление, ускорив прибытие резервов и направив их на участок стыка между союзными армиями.

Между тем у англичан не было больше свободных войск, которые они могли бы послать к югу от Соммы, если только не снять их с участка Арраса, который был сильно атакован и об ослаблении которого нечего было и думать. Помощь могла притти только от французской армии.

Ген. Петэн на заданный вопрос изложил свой план. Он решил увеличить число дивизий, посылаемых в Пикардию: вместо 15 дивизий, о которых он говорил накануне на совещании в Компьене, он намеревался направить на Мондидье 24. Он надеялся, не утверждая этого наверняка, расширить, таким образом, свой фронт до Соммы; но это расширение могло быть лишь постепенным и медленным, так как перевозка войск, по 2 дивизии в сутки, требовала довольно продолжительного срока.

Лорд Милнер имел с Клемансо отдельный разговор, при котором он предложил поручить мне руководство операциями.

Председатель совета министров согласился на это и немедленно выработал текст, в силу которого на меня возлагалось согласование операций союзных сил «вокруг Амьена». Фельдмаршал Хейг, тотчас же заметивший узость и недостаточность этой формулировки, заявил, что она не отвечает цели.

Он потребовал распространения ее на британские и французские силы, действующие во Франции и Бельгии. В конце концов формулировка была распространена на все союзные силы, действующие на Западном фронте. Был принят следующий текст, который подписали лорд Милнер и Клемансо:

«Британское и французское правительства поручают ген. Фошу координировать действия союзных армий на Западном фронте. Для этого он должен договориться с главнокомандующими, которым предлагается доставлять все необходимые сведения».

В 14 ч. 30 м. Дуланская конференция закончилась. Мы отправились наскоро позавтракать в гостиницу «Четырех сыновей Эмона», которую я знал с 1914 г. Здесь, садясь за стол, Клемансо обратился ко мне со следующими словами: «Ну вот, теперь вы получили столь желанное положение!» Мне нетрудно было ответить ему, — и Лушер поддержал меня,— что взять на себя руководство сражением, которое мы проигрывали уже семь дней подряд, не могло быть предметом желаний с моей стороны, но что ввиду опасности положения это было необходимо.

Глава вторая

Первые мероприятия командования

26 марта. Получив задачу, возложенную на меня обоими правительствами, я выработал общий план действий:

1. Французские и британские войска остаются в тесной связи для прикрытия Амьена.

2. С этой целью войска, уже введенные в бой, во что бы то ни стало удерживают занятую ими местность.

3. Под их прикрытием французские дивизии, присланные на помощь, заканчивают выгрузку и будут использованы:

а) прежде всего для подкрепления британской 5-й армии;

б) затем для образования ударной массы в порядке, который будет указан впоследствии.

Вместо двух сражений — английского для прикрытия портов Ламанша и французского для прикрытия Парижа — мы сперва будем вести англо-французское сражение для прикрытия прежде всего Амьена, соединительного звена между обеими армиями.

Исходя из этих общих соображений, я разработал подроб-

ные мероприятия и, так как времени было в обрез, поехал лично к их главным исполнителям.

Так, около 16 час. я был в Дюри у командующего британской 5-й армией ген. Гофа и приказал ему любой ценой удерживать занимаемый им фронт, пока французские силы не сменят части его армии на его южном фланге.

Начальнику штаба командующего резервной группой армий ген. Файоля, ген. Бартельми, которого я также встретил в Дюри, я отдал аналогичную директиву, «чтобы любой ценой обеспечить защиту Амьена».

Я просил делегата связи штаба главнокомандующего майора Муарана доложить об этих директивах ген. Петэну.

Наконец, я передал по телефону командующему 1-й армией ген. Дебенэ мои распоряжения относительно его образа действий.

Эта армия, еще формировавшаяся в районе западнее Мондидье, должна была сыграть особенно важную роль. В данное время от нее-то и зависело восстановление непрерывного франко-британского фронта. Поэтому, не ограничиваясь разговором по телефону, я поехал из Дюри в Меньелэ, чтобы лично повидаться с ген. Дебенэ и еще раз точно указать ему его задачу: немедленно ввести в дело имеющиеся у него части, чтобы сменить британский 18-й корпус и передать смененные части этого корпуса в распоряжение ген. Гофа, который использует их в качестве резерва; во что бы то ни стало держаться на занимаемой сейчас линии, связавшись с английским правым флангом в районе Рувруа.

Я, таким образом, к вечеру 26 марта информировал о своих намерениях всех командующих, войска которых были введены в бой.

Впрочем, в этот вечер ген. Петэн, в отмену своей директивы от 24 марта, приказал Файолю прикрывать Амьен и держать связь с силами фельдмаршала Хейга. Кроме того, он приказал перевезти в район резервной группы армий 10 дивизий и 4 полка тяжелой артиллерии, изъятые из других групп армий.

27 марта. 27-го, переночевав в Париже, я, попрежнему в сопровождении ген. Вейгана и полк. Дестикера, снова поехал на фронт. Однако перед отъездом я написал ген. Петэну личное письмо, в котором настаивал на указанном характере наших действий и просил его объяснить французским армиям необходимость этих действий.

ПОЛОЖЕНИЕ СОЮЗНЫХ АРМИЙ
ПЕРЕД АМЬЕНОМ
В МОМЕНТ ПРИНЯТИЯ ФОШЕМ
КОМАНДОВАНИЯ НАД НИМИ
26 МАРТА 1918 г.
Масштаб
5 0 5 15 25 км
Брит.6 АК
Брит.4 АК
Пюизьё
Герм. 2 армия
(Марвиц)
Бокен
Брит.3 армия
Брит.5 АК
Амель
Альбер
Брит.7 АК
Сомма
Анкр
Брэ-сюр-Сомм
Перонн
АМЬЕН
Брит.5 армия
Фр.133 ПД
Брит.19 АК
Герм.18 армия
(Хутье)
Дюри
Бов
Сель
Нуа
Розьер-ан-Сантер
Шон
1 Бр.
Морей
Рувруа
Айи-с-Нуа
Брит.18 АК
Конти
Андеши
Авр
Фр.4 КД
Фр.56 ПД
Руа
Авангард 56 ПД
Выгружающиеся дивизии
Мондидье
Бретэй
Фр.3 армия
Фр.2 КК
Фр.6 АК
Ласиньи
Нуайон
Меньелэ
Фр.5 АК
С. Жюст-ан-О
Аронд
Фр.5 КД
Фр.6 армия
БОВЭ
Компьень
Фр.1 армия
Клермон
16 ПД и 3 КД,
перевозящиеся или назначенные к перевозке
Уаза

Схема 13

Прежде всего я поехал в Клермон, в штаб командующего 3-й армией ген. Энбера. Там я встретился с ген. Файолем. Я повторил свои директивы, проникнутые все той же идеей: держаться во что бы то ни стало, организовываться на месте, не думая о смене, пока не будут достигнуты первые результаты.

В 12 ч. 30 м. я поехал в Дюри к ген. Гофу.

Связь между британским правым и французским левым флангами мне показалась плохо обеспеченной вследствие слишком поспешного отхода некоторых частей британского 18-го корпуса. Поэтому я приказал командующему левофланговой группой французской 1-й армии ген. Мепль принять новые меры и просил Гофа лично проследить, чтобы британский 18-й корпус учитывал наши директивы и обеспечивал их выполнение.

Оттуда я отправился в Бокен к командующему британской 3-й армией ген. Бингу. Он изложил мне свое мнение о положении своей армии. В настоящее время оно не внушало ему опасений, и он заявил, что вполне согласен со мной относительно необходимости оказывать сопротивление на месте, назначив для этого все имеющиеся в распоряжении силы.

Ясно, что за неимением общего резерва, введение которого в дело могло бы сразу восстановить положение, необходимо было как можно скорее спаять отдельные участки союзного фронта, разбитого германским наступлением и вследствие этого растянувшегося; в этом должны были без малейшего промедления участвовать совместно как отступающие войска, так и вновь прибывающие резервы, независимо от их национальности, временно оставив всякую мысль о смене. Без этого нельзя было бы остановить противника раньше чем через несколько дней. Можно было добиться быстрого восстановления фронта и решительной перемены образа действий обеих союзных армий только непосредственным вмешательством союзного главного командования.

Вернувшись вечером в Клермон, я узнал, что немцы, выдвинувшись из Руа и просочившись между французскими 1-й и 2-й армиями, между которыми еще не удалось создать прочный стык, овладели Мондидье.

Несмотря на всю серьезность положения, оно, по счастью, компенсировалось некоторыми благоприятными результатами, которые позволяли надеяться, что 27 марта будет днем наи-

высшего развития кризиса и что опасность, которая уже целую неделю угрожала союзникам, вскоре будет устранена.

Фронт наступления немцев не только не расширялся, а, наоборот, с каждым днем суживался благодаря стойкости британской 3-й армии, уцепившейся на севере за опорный пункт Аррас, и французской 3-й армии, державшейся на юге в лесном массиве Рибекур-Ласиньи.

Между этими двумя центрами сопротивления район натиска противника в западном направлении постепенно суживался по фронту и растягивался в глубину. Его уже трудно было питать из тыла. Район, в котором шло наступление, был местом сражения на Сомме в 1916 г.; это была развороченная, разрытая, опустошенная местность, на которой немногие имевшиеся пути сообщения были окончательно приведены в негодность во время последнего сражения. Наступление, постепенно выдыхавшееся вследствие этого, неизбежно должно было остановиться перед восстановленной на его пути организованной системой обороны.

К тому же французские дивизии, присланные для подкрепления, выгружались непрерывно. Тогда как первые прибывшие дивизии поступали в состав 1-й армии, остальные должны были образовать в районе Бовэ ударную массу, находящуюся в распоряжении главного командования.

Английская 5-я армия должна была получить нового командующего Ролинсона, энергичного и способного генерала, который вернул бы ей веру в свои силы. Из Англии прибывали крупные подкрепления (75 000 человек). Три британские дивизии, уже укомплектованные, сменили на спокойных участках свежие дивизии, которые должны были принять участие в сражении.

Вскоре первоначальная растерянность сменилась планомерной подготовкой.

28 марта. Днем 28 марта противник сосредоточил свои главные усилия на плато Сантер между долинами Соммы и Авра. На этой легко проходимой местности немцам удалось продвинуться вперед в направлении на Амьен, оттеснив правый фланг все еще неустойчивой британской 5-й армии.

Ген. Дебенэ еще не смог подвести достаточно сил, чтобы подкрепить ее. Глубокое продвижение противника на Мондидье заставило Дебенэ направить туда первые свои резервы. Они энергично вмешались в ход сражения и даже отбили у противника несколько селений: Мениль-Сен-Жорж, ле Мон-

шель, Асенвиллер; однако борьба продолжалась с прежним ожесточением, и опасность еще не была полностью предотвращена. Чтобы избежать ее, командующему 1-й армией пришлось отсрочить смену британских сил к югу от Соммы; британская 5-я армия должна была, хотя бы на ближайшее время, оставаться на фронте и восстанавливаться на месте.

Но, несмотря на все, необходимо было усиление нашего сопротивления по всему фронту. Это должно было стать нерушимым принципом, который я неустанно внушал всем.

Так, ген. Гоф, который сначала намеревался отвести свой штаб в тыл, оставил его на месте.

Ген. Петэн, отвергнув всякую мысль о возможном отделении английских сил от резервной группы армий, что привело бы к потере Амьена, приказал последней «держаться во что бы то ни стало на теперешних позициях.., как можно скорее отбросить противника на значительное расстояние от Амьена и Мондидье и во всяком случае обеспечивать связь с английскими армиями».

Наконец, ген. Файоль перевел свой штаб из Вербери в Бовэ, чтобы приблизиться к самому критическому пункту сражения — левому флангу французской 1-й армии, где был стык с англичанами.

Между тем в тылу, в районе Бовэ, продолжалось формирование французских резервов; необходимо было обеспечить их организацию и управление. Для этого ген. Петэн уже снял с фронта в Шампани штаб 5-й армии. На совещании, происходившем в Клермоне 28-го после полудня между Петэном, министрами Клемансо, Лушером и мною, было также решено отозвать из Италии штаб 10-й армии.

За несколько часов до того ген. Першинг, по собственному почину, приехал ко мне предложить свою непосредственную помощь немедленным вводом в дело уже обученных американских дивизий.

29 марта. В течение 29 марта район германских атак еще сузился. Теперь он охватывал только участок фронта между Мондидье и шоссе Амьен, Перонн. Если в районе Мондидье эти атаки потерпели почти полную неудачу и противник лишь немного продвинулся вперед к северо-западу от города, они имели более значительный успех между р. Авр и шоссе Амьен, Перонн. Там английская правофланговая группа и отряд Мепля были отброшены на линию Марсельков, Виллер-оз'Эрабль.

Несмотря на этот отход, положение союзников продолжало улучшаться. В 1-ю армию прибыли пять свежих дивизий; эта армия уже смогла полностью сменить британский 18-й корпус (правофланговый корпус 5-й армии). Части британского 3-го корпуса, еще дравшиеся совместно с французской 3-й армией, присоединились к английской армии, за исключением одной дивизии (58-й), временно удержанной к югу от Уазы.

Таким образом, фельдмаршал Хейг оказался благодаря этому в состоянии восстановить свои резервы, а следовательно, и привести в порядок свою 5-ю армию, не снимая ее с фронта. После разговора, который я имел с ним в Абвиле, ген. Ролинсону было предписано во что бы то ни стало удержать свой фронт к югу от Соммы. Это не могло представить затруднений, так как теперь его фронт значительно сократился.

Вечером 29 марта я устроился со своим штабом в Бовэ, где с утра работал штаб ген. Файоля и куда через четыре дня перенес свой командный пункт ген. Петэн.

Окончание сражения под Мондидье, Амьеном. С 26 марта моя работа протекала в условиях чрезвычайной спешки. Я объезжал штабы и указывал задачу данного момента — восстановить расстроенный фронт.

Теперь сопротивление можно было организовывать планомерно. Надо было установить общие правила, по которым должно было вести сражение.

С этой целью я отдал главнокомандующим общую директиву, которая явилась синтезом отдельных директив, отданных мною с 26 марта. Основной целью общих усилий оставалось попрежнему «поддержание тесной связи между британской и французской армиями, обеспеченное в особенности обладанием Амьеном, а затем и полной ликвидацией угрозы этому городу».

Этой цели надо было добиваться следующими мерами:

1) удержанием и укреплением прочного оборонительного фронта на занятых в настоящее время позициях;

2) созданием к северу от Амьена для англичан и к северо-западу от Бовэ для французов сильных ударных резервов, предназначенных для отражения наступления противника или для перехода в наступление.

Чтобы возможно быстрее создать такую ударную массу возможно большей численности, приходилось решительно снимать часть войск с неатакованных участков фронта.

Но в то самое время, как эта директива была получена по назначению, противник удвоил свои усилия. 30 марта он возобновил и расширил свои атаки, действуя по обе стороны Мондидье на фронте между шоссе Амьен, Перонн и Ласиньи. Таким образом, он начинал в сущности второе сражение, тогда как мы еще не успели прочно устроиться на наших позициях; однако, несмотря на введенные в бой большие силы и средства, он добился еще меньших результатов, чем накануне. Он лишь немного продвинулся вперед в долине р. Авр в направлении на Морей и восточнее Мондидье в районе Ролло, Руа-сюр-Мас.

На другой день, 31 марта, он возобновил свои наступательные действия, но, прикованный к месту сопротивлением и контратаками союзных войск, он лишь очень незначительно продвинулся вперед в низине р. Люс между Морей и Марсельказ. Правда, это продвижение имело место на особо чувствительном участке, в направлении на Амьен, на еще непрочном стыке французской и английской армий. Чтобы отвратить угрозу, мы обеспечили британской 5-й армии возможность во что бы то ни стало сопротивляться на занимаемых ею позициях, придав ей достаточные силы для выполнения ее задачи. Кроме того, французская 1-я армия растянула свой фронт до Ангара.

Как бы то ни было, сражение под Амьеном — Мондидье, очевидно, подходило к концу. 1 апреля вечером я написал председателю совета министров: «С сегодняшнего дня инициатива противника, повидимому, задержана и парализована».

На самом же деле противник после краткой передышки еще раз с большой силой атаковал 4 апреля позиции британской 4-й армии [1] и французской 1-й армии между Соммой и Мондидье.

Центр британской 4-й армии был отброшен на Виллер — Бретоне. Французская 1-я армия значительно подалась назад, на плато Руврель; впрочем, на другой день, 5 апреля, она контратаками вернула себе часть потерянного пространства.

Но уже произошло событие первостепенной важности: связь между обеими армиями была надежно установлена в районе Ангара. Чтобы окончательно обеспечить эту связь, ген. Ролинсону было предложено использовать свои резервы и свобод-

[1] Фельдмаршал Хейг переименовал 5-ю армию, восстановленную под командой Ролинсона, в 4-ю.

ную артиллерию для поддержки французского левого фланга. Руководствуясь аналогичными соображениями и чтобы яснее подчеркнуть нашу волю не уступать пространства, я просил Хейга повлиять на Ролинсона и не дать ему перевести свой штаб в тыл, как он намеревался сделать.

В этот день меня посетили в Бовэ Клемансо, Лушер, Уинстон Черчиль, а затем и президент республики; это показывает, какая тревога царила в правительственных кругах союзников.

Теперь немцы больше не могли надеяться получить серьезные результаты от происходившего сражения. Ввиду усиления союзников атаки немцев становились все более трудными и обходились им все дороже, так что вскоре они были вынуждены прекратить атаки, не достигнув намеченных стратегических целей. Им не удалось отделить французскую армию от английской.

Чтобы закончить сражение легким успехом, они 6 апреля решили овладеть небольшим участком, который французская 6-я армия занимала к западу от Сен-Гобэна между Уазой и каналом р. Элет. Впрочем, эта атака противника была заранее известна, и 6-я армия, занимавшая далеко вперед выдвинутое положение, держала к северу от канала р. Элет лишь слабое боевое охранение. Наступавшие немцы встретили только отдельные разбросанные подразделения, которые отошли с боем; однако немцы продвигались вперед очень осмотрительно и только через 4 дня дошли до р. Элет (6—9 апреля).

Глава третья

Соглашение в Бовэ

Учитывая обстановку, создавшуюся в связи с прекращением неприятельского наступления и усилением союзных войск к югу от Соммы и полученные сведения о противнике, я составил следующий прогноз:

1. Противник, остановившийся на фронте от Уазы до Арраса, мог возобновить свои атаки с трудом южнее Соммы, с большей легкостью — севернее ее. Поэтому надо было организовать особенно устойчивую оборону между Соммой и Аррасом, что должно было являться заботой британского командования.

Необходимо было также, чтобы французские резервы, собранные в районе Бовэ, могли быть введены в дело к северу от Соммы и чтобы их перевозка была подготовлена заранее, что лежало на обязанности французского командования.

2. Каков бы ни был образ действий немцев, мы должны были как можно скорее перейти в наступление к югу от Соммы, чтобы оттеснить противника от железной дороги Париж — Амьен и амьенского железнодорожного узла, имевших первостепенное значение для наших сообщений и снабжения.

С этой целью французские войска должны перейти в наступление в районе Мондидье, чтобы отбросить противника на Руа, а британские войска перейти в наступление по обе стороны от Соммы, чтобы ликвидировать угрозу Амьену.

Таким образом, приходилось предусматривать для союзных армий наступательную операцию, организовывать для них не только пассивный, направленный на консолидацию фронта образ действий, навязанный им развитием событий с 21 марта, но и активные действия.

Однако для того, чтобы организовать активную операцию, руководить ею, вдохновлять ее, побуждать главнокомандующих развивать ее, а также чтобы добиться правильного распределения сил, полномочия, которые я имел в результате Дуланского соглашения, становились явно недостаточными. Они были недостаточными даже для ограниченных оборонительных операций, которые велись в данное время; тем более они оказались бы недостаточными в ближайшем будущем, когда мне пришлось бы принимать решения относительно стратегического использования союзных сил, обновленных и увеличившихся благодаря американской помощи, определять в зависимости от обстановки точку приложения этих сил, распределять наступательные и оборонительные задачи, быть может, даже производить обмен войсками между французским и итальянским фронтами.

Роль простого координатора не могла соответствовать расширенному плану действий, который мы неизбежно должны были принять в ближайшем будущем. Она предоставляла слишком мало инициативы исполнявшему эту роль начальнику, чтобы позволить ему быстро и энергично реагировать на возможные случайности, возникающие в процессе оборонительного сражения, или организовать и предпринять серьезные наступательные операции. Эту роль надо было превратить

в роль руководящего органа. Чтобы получить от этого межсоюзнического органа, созданного в Дулане доверием правительств, все, чего ждали от него, необходимо было теперь же расширить его полномочия, передать ему стратегическое руководство на Западном фронте, подтвердить его власть над союзными главнокомандующими, распространить эту власть на все войска, сражающиеся от Северного моря до Адриатики.

Нескольких дней было достаточно, чтобы убедиться в несостоятельности Дуланского соглашения. Как интересы настоящей минуты, так и будущее коалиции требовали его немедленного пересмотра.

В этом смысле я и поставил вопрос перед председателем совета министров и просил его о дополнении решения, принятого 26 марта британским и французским правительствами.

Клемансо, переговорив со мной по этому поводу 1 апреля, решил созвать новую конференцию, на которую пригласил, кроме английских и французских представителей, также представителей Америки.

На этой конференции, 3 апреля, в ратуше, в Бовэ было вынесено следующее решение:

«Ген. Фошу поручено британским, французским и американским правительствами координировать действия союзных армий на Западном фронте; для этого ему даются все необходимые полномочия для обеспечения эффективности его работы. С этой целью британское, французское и американское правительства поручают ген. Фошу общее руководство (direction stratégique) военными операциями.

Главнокомандующие британской, французской и американской армиями осуществляют во всей полноте управление (conduite tactique) каждый своей армией. Каждый главнокомандующий будет иметь право принести жалобу своему правительству, если, по его мнению, его армия окажется в опасном положении вследствие какой-либо директивы, полученной от ген. Фоша».

На эту конференцию приехал из Лондона Ллойд-Джордж. Высадившись в Булони, он приехал на автомобиле к нам в Бовэ, где находился также Клемансо, причем по пути ему пришлось пересекать дороги, по которым отходили снятые с фронта английские войска. Очевидно, беспорядок и низкое моральное состояние этих войск не могли дать ему особенно благоприятной картины обстановки. Не говоря уже о значи-

тельном опоздании, он приехал в Бовэ с самыми мрачными впечатлениями.

Будучи в таком настроении, он во время конференции заявил мне: «Английский народ доверяет вам. Нигде ваше назначение главнокомандующим союзными армиями не было принято так хорошо, как в моей стране». А затем, по окончании конференции, он вдруг спросил меня: «А теперь, за кого же мне держать пари? За Людендорфа или за Фоша?» На что я спокойно ответил ему: «Пока что можете держать за меня; вы выиграете. Людендорфу нужно прорвать наш фронт,— это ему уже не удастся, а мы должны остановить его, что мы, несомненно, и сделаем. Впоследствии, когда нам придется прорывать его фронт, надо будет подумать; мы посмотрим, на что мы способны». На этом наш разговор закончился.

* * *

Хотя решение, принятое в Бовэ, не вполне отвечало моим предложениям, так как фактически моя власть не распространялась ни на весь Западный фронт от Северного до Адриатического моря, ни на все войска, сражавшиеся на этом фронте, однако оно в основном содержало все то, что было необходимо для ведения американской, британской и французской армиями сражения на фронте во Франции, т. е. на главном театре военных действий. Уверенный в том, что британское и американское правительства согласятся на эту новую формулу, Клемансо несомненно хотел, чтобы выиграть время, на первых порах ограничить сферу деятельности общесоюзного главнокомандующего этим театром и этими армиями; добившись этого результата, он рассчитывал впоследствии распространить соглашение в Бовэ на итальянский театр и итальянскую армию, с одной стороны, и на бельгийскую армию — с другой.

Вопрос об Италии рассматривался Высшим военным советом 2 мая в Абвиле.

Орландо и Соннино [1] заявили от имени итальянского правительства, что не могут безоговорочно принять текст соглашения в Бовэ, и предложили примирительную формулу, устанавливавшую различие между итальянским фронтом и командо-

[1] Итальянский премьер и итальянский министр иностранных дел. — *Прим. перев*

ванием итальянской армией. Эта формула, которую приняли затем и остальные правительства, заключалось в следующем:

1) итальянский фронт теперь же подчиняется полномочиям ген. Фоша в смысле согласования операций в том виде, в каком эти полномочия определены соглашением в Дулане;

2) однако главное командование итальянской армией будет передано этому генералу лишь в том случае, если обстановка потребует присутствия за Альпами других союзных армий, которые будут сражаться там под его командованием в тех же условиях, как во Франции.

Ограничение, внесенное таким образом итальянским правительством, тем не менее предоставляло междусоюзническому командованию право наблюдения за итальянским фронтом и возможность, если оно сочтет это нужным, использовать заальпийский театр для осуществления своих стратегических планов.

Что же касается бельгийской армии, то этот вопрос обсуждался Высшим военным советом в Версале 3 июля, в то время как союзные армии готовились к переходу в наступление во Франции. Так как можно было предвидеть, что бельгийские дивизии будут привлечены к активному участию в этом наступлении, то было желательно, чтобы и они, как и остальные союзные дивизии, находились в моем распоряжении. Но добиться этого не удалось, так как начальник штаба бельгийской армии ген.-лейт. Жиллен категорически отказал в своем согласии, сославшись на конституцию своей страны.

Спустя несколько недель бельгийский король безоговорочно согласился руководить во Фландрии операциями союзных бельгийских, французских, английских и американских войск по директивам союзного главного командования.

* * *

Чтобы покончить с этим вопросом общесоюзного командования, следует добавить, что решением правительств от 2 мая был упразднен Исполнительный комитет, созданный за 3 месяца до того и теперь утративший свое значение. 14 мая я официально получил звание главнокомандующего союзными армиями во Франции.

Но все это были только официальные документы, устанавливавшие права на бумаге. Оставалось еще увидеть созданное таким образом общесоюзное командование в действии. Да

позволено мне будет повторить то, что я сказал после описания сражения под Ипром: такое командование может черпать необходимые для его существования силы исключительно в доверии, оказываемом ему подчиненными ему армиями разных государств, в согласии, которое оно во что бы то ни стало должно поддерживать с ними и между ними и которое оно будет укреплять и расширять единственно для торжества общего дела.

Во всяком случае, в первых числах апреля 1918 г. приходилось, не теряя времени, укреплять с очень ослабленными борьбой войсками весьма непрочное положение на фронте, удлинившемся вследствие успехов противника.

Глава четвертая

Восстановление положения союзников на Сомме и германский удар во Фландрии

Добившись первого результата — быстрого заполнения импровизированными средствами огромного разрыва, образовавшегося во франко-британском фронте в результате германского наступления 21 марта, надо было прежде всего укрепить новый фронт планомерной организацией обороны и созданием резервов. Надо было также обеспечить потребности войск и населения, отняв у противника наступательными действиями некоторые захваченные им участки территории.

Отсюда директивы от 3 апреля Хейгу и Петэну, с одной стороны, относительно создания прочного фронта к северу от Соммы, с другой — относительно наступления к югу от этой реки с целью ликвидировать угрозу Амьену:

«В настоящее время противник задержан на фронте от Арраса до Уазы. На этом фронте он может снова перейти в наступление:

а) легко — к северу от Соммы и в особенности в районе Арраса благодаря многочисленным железнодорожным линиям, которыми он располагает;

б) с большим трудом — на юге, так как здесь он захватил меньше железных дорог, да и те находятся в плохом состоянии и частично проходят в пределах досягаемости наших орудий...»

Поэтому мы могли ожидать:

«На фронте к северу от Соммы — наступления, и даже, может быть, сильного наступления.

На юге — наступления меньшего масштаба или в более отдаленном будущем.

С точки зрения наших интересов нам нужно было как можно скорее оттеснить противника:

1) от железной дороги Сен-Жюст, Бретэй, Амьен;

2) от железнодорожного узла Амьена.

А для этого мы должны были:

1) атаковать его к югу от Соммы в районе Мондидье;

2) атаковать его по обе стороны Соммы от р. Люс до р. Анкр».

Этим мы осуществляли бы основные идеи, руководившие до сих пор нашими операциями, а именно — укрепляли связь между французской и британской армиями и прикрывали Амьен.

С другой стороны, не претендуя на решающие результаты, мы могли, благодаря тому, что наш фронт образовывал входящий угол, нанести противнику серьезное поражение, перейдя в наступление на Сомме и к югу от нее, что было бы лучшим ответом на его возможное наступление к северу от этой реки.

«...Эти соображения приводят нас к следующему определению задач союзных армий на ближайший период операций:

1) наступление французских армий в районе Мондидье с целью ликвидировать угрозу железной дороге Сен-Жюст — Амьен и, используя выгодное начертание нашего фронта, отбросить противника к востоку в район р. Авр и продвинуться к северу в направлении на Руа;

2) наступление английских армий по обе стороны Соммы от р. Люс до р. Анкр в восточном направлении с целью ликвидировать угрозу Амьену.

Было бы чрезвычайно желательно одновременно провести эти два наступления, направления которых очень удачно сочетаются.

Поэтому прошу главнокомандующих не отказать сообщить число месяца, когда они считают возможным приступить к этим операциям, которые важно провести в ближайшем будущем...»

Кроме того, чтобы парировать новые попытки противника к северу от Соммы, надо было провести там все оборонительные мероприятия как в смысле оборудования местности, так и в отношении резервов.

Поэтому британскому и французскому главнокомандующим

было предложено быстро оборудовать фронт между Аррасом и Альбером.

Из тех же соображений ген. Петэн должен был «держать французский резерв в районе к северу от Бовэ и подготовить его переброску на север...»

2 апреля после полудня я уже переговорил по этим вопросам с Петэном и обсудил с ним порядок проведения указанных мероприятий с французской стороны. 4 апреля ген. Вейган в свою очередь отправился в Монтрей, чтобы рассмотреть совместно с Хейгом, каким образом британский штаб предполагает выполнить вышеприведенную директиву. Основной задачей фельдмаршала должна была быть в настоящее время оборона английского фронта от района Арраса до подступов к Сомме. Я особенно настаивал на этом в письме, которое я написал главнокомандующему британскими армиями. В этом письме я указал ему на то, что выступление французских резервов на английском фронте потребует еще некоторого времени; поэтому мероприятия английской армии должны были позволить ей держаться даже в случае очень мощного наступления противника.

На основании последних разведывательных данных фельдмаршал ожидал очень сильного германского наступления на фронте Бетюн, Аррас. Он хотел, чтобы ему теперь же была оказана помощь французскими войсками либо в виде крупного наступления с целью отвлечь и поглотить угрожавшие ему свободные германские войска, либо в виде смены английских войск к югу от Соммы французскими, либо, наконец, путем образования французского резерва в английской зоне, в районе Сен-Поля.

7 апреля в Омале я обсудил с ним все эти вопросы, от души желая по возможности удовлетворить его, но в то же время озабоченный тем, как бы преждевременно не распылить или не израсходовать французские резервы. В конце этого совещания было решено, что 4 французские пехотные и 3 кавалерийские дивизии, выделенные из резерва в районе Бовэ, будут переведены в английскую зону, в район к западу от Амьена; там они будут находиться в готовности освободить британские резервы в случае сильного наступления противника в районе Арраса.

Что же касается подготовки к франко-британскому наступлению к югу от Соммы, то план его в общих чертах был уже выработан; я указал ближайшую цель: возможно скорее

снова овладеть фронтом Морей, Демюэн, Обанкур, Варфюзе. Я возложил на ген. Файоля задачу установить необходимое взаимодействие между французской 1-й и британской 4-й армиями.

На другой день, 8 апреля, Файоль пригласил в Бретэй ген. Дебеней и Ролинсона и установил с ними порядок наступления, учитывая ограниченные силы британской 4-й армии; это наступление было в принципе назначено на 12 апреля. Но противник упредил нас в осуществлении этого плана. Действительно, 9 апреля немцы начали во Фландрии мощное наступление, которое поглотило британские и часть французских резервов.

Уже 10-го фельдмаршал Хейг сообщил мне, что я больше не должен рассчитывать на участие английской 4-й армии в наступлении к югу от Соммы, а ген. Петэн, которому было предложено продолжать подготовку к французскому наступлению на фронт Морей, Демюэн, расширив его в случае надобности к северу, донес, что сам ген. Файоль больше не располагает силами, достаточными для достижения успеха. Он должен был ограничиться частной операцией в районе Морей. Эта операция была с успехом проведена 18 апреля французской 1-й армией.

* * *

Германское наступление во Фландрии (9 апреля). С 9 апреля во Фландрии разыгрывалось новое большое сражение. В этот день германская 6-я армия (ф. Кваста) атаковала девятью дивизиями между Ля-Бассэ и Армантьером позиции, занятые тремя английскими и одной португальской дивизией (ген. Хорна).

Застигнутая во время смены частей, португальская дивизия была отброшена; в английском фронте образовался разрыв, противник продвинулся в центре на Лаванти, прошел через это селение и достиг р. Лис между Эстер и Сайи.

10-го он продолжал развивать свое наступление на севере в направлении на Мессин, введя в дело еще 5 дивизий; таким образом, его наступление распространилось и на правый фланг британской 2-й армии (ген. Плюмера). В его руки попали Армантьер и Мессин; он перешел через р. Лис на фронте в 25 *км* от Ле-Тукэ до Эстера и продвинулся на запад в направлении на Азебрук, Сент-Омер.

С первого же дня германского наступления я был занят подготовкой выступления в британской зоне французского резерва, собиравшегося в то время к западу от Амьена. С этой целью было решено по соглашению с Хейгом, что для выхода в случае надобности и на северный берег Соммы в распоряжение этого резерва будут предоставлены мосты в Монтьере, Дрей-лез'Амьен, Айи-сюр-Сомм и Пикиньи.

Это решение не вполне удовлетворяло фельдмаршала. Находясь еще под впечатлением сражения в Пикардии, он считал, что впредь немцы будут направлять все свои удары на его войска; он рассчитывал на немедленную и более непосредственную поддержку со стороны французов. Но как ни хотелось мне восстановить уверенность англичан, я однако еще не мог вводить в дело французские дивизии, находившиеся в стадии сбора, не имея более ясного представления о замыслах противника. В наступлении, развивавшемся во Фландрии, участвовала до сих пор лишь незначительная часть свободных сил немцев; численность войск, введенных в дело противником, а также протяжение фронта и новое направление его наступления позволяли предполагать, что в данный момент он имеет в виду не столько наступление решительного характера, сколько диверсию, имеющую целью отвлечь резервы союзников и обеспечить более важную операцию, предпринятую в другом районе. Нам приходилось быть очень осторожными при использовании своих резервов. Фельдмаршал Хейг располагал достаточными силами (почти все британские дивизии второй линии), чтобы задержать немцев. Во всяком случае ни один участок территории, не атакованный противником, не будет очищен добровольно; на последнее обстоятельство я привлек особое внимание главного командования в Монтрее.

Однако надо было также предвидеть, что противнику, развивающему свое наступление во Фландрии в направлении на Сент-Омер или на Дюнкерк, может быть, удастся поглотить все английские резервы. Вернувшись тогда к своему первоначальному плану, он разовьет мощное наступление на Аррас, в направлении на Абвиль. Ясно было, что в этом случае французские резервы, сосредоточенные в настоящее время к югу от Соммы, окажутся слишком далеко от их вероятного района действий. Надо было без промедления передвинуть их на север. Поэтому, переговорив с ген. Петэном на его командном пункте после полудня 10 апреля, я приказал рас-

положить 10-ю армию [1] по обе стороны Соммы от Пикиньи до Амьена в направлении фронта Дулан, Аше, а 5-ю армию подтянуть вслед за ней до долины Бовэ, Бретэй.

Эта выжидательная группировка допускала два варианта использования сил, давая возможность перебросить французские резервы: в 24 часа на фронт в Артуа или в 48 час. на фронт во Фландрии.

Но фельдмаршал Хейг под впечатлением натиска противника на английские силы все же считал эти меры недостаточными и 10 апреля вечером написал мне письмо, в котором настоятельно просил, чтобы французы, сменив английские войска на части их фронта, приняли активное участие в сражении.

Беспокойство, ясно чувствовавшееся в письме фельдмаршала, побудило меня немедленно отправиться в Монтрей; во время беседы, которую я имел ночью с Хейгом, мы пришли к выводу, что смена английских войск потребовала бы недопустимого при данной обстановке срока. С другой стороны, приходится попрежнему опасаться германского наступления в Артуа, и поэтому необходимо как можно скорее иметь к северу от Соммы группу французских сил, готовую быстро вступить в дело в районе Арраса.

С этой целью ген. Петэну было предложено выдвинуть 12 апреля головы колонн 10-й армии на линию Виллер — Бокаж, а чтобы оказать англичанам существенную поддержку на севере,— перебросить по железной дороге на Дюнкерк французскую 133-ю дивизию.

* * *

Тревога Хейга не была лишена оснований. Противник, в целях немедленного использования успеха, достигнутого им 9 апреля, расширил фронт своего наступления. 11-го сражение распространилось на те 30 *км*, которые отделяют канал ля-Бассэ от Ипрского канала в Комине; противник усилился несколькими вновь прибывшими дивизиями. 14 апреля в наступлении участвовало уже 25 германских дивизий. Это усиление выразилось значительным продвижением противника в направлении на Азебрук. Переправившись через канал Лаве,

[1] В составе четырех дивизий, сосредоточенных к западу от Амьена под командой вернувшегося из Италии ген. Мэтра.

войска ген. ф. Кваста захватили Локон, Эстэр и, севернее, Холлебеке. Еще 12-го они овладели Мервилем и Мери, и их авангарды уже подходили к опушкам Ньепского леса. Таким образом, глубина их продвижения достигла 18 *км*.

При таком развитии сражения Хейг полагал, что он быстро израсходует свои резервы, и более чем когда-либо считал необходимой помощь французов во Фландрии.

11-го вечером он прислал ко мне в Саркюс начальника оперативного отдела своего штаба ген. Дэвидсона с письмом, в котором изложил мне состояние истощения британских сил и настаивал на необходимости «немедленно сосредоточить не менее четырех французских дивизий между Сент-Омером и Дюнкерком».

С ген. Дэвидсоном мы установили, что английские резервы, в том числе еще находившиеся на правом фланге английской армии, составляют 17 дивизий. Действуя совместно с французскими частями, перебрасываемыми на север, они должны позволить Хейгу восстановить положение при условии:

1) если противник будет сдерживаться на фронте минимальными силами;

2) если он будет окончательно задержан на линии гора Кеммель, Байель, Ньепский лес, долина р. Кларанс, Мон-Бернаншон, Энж (Hings);

3) если оборона будет поддержана организованной системой огня артиллерии, действующей преимущественно против флангов наступающего противника.

Однако, вводя в расчет сил, которыми Хейг мог располагать на р. Лис, английские дивизии, оставшиеся до сих пор в резерве в районе Арраса, я тем самым обязывался возложить оборону этого района в случае надобности на французские войска. Таким образом, я оказался вынужденным перевести 10-ю армию на север до линии Дулан, Вошель, которой она и достигла 13 апреля, перейдя в зону британских армий.

Со своей стороны, Петэн передвинул к северу, на линию Амьена, 5-ю армию, усиленную частями, выделенными из резервной группы армий, наступление которой в данный момент больше не предусматривалось; он перебросил также на запад Уазскую группу (2 дивизии), часть которой перешла на правый берег Уазы; наконец, он направил 1-й кавалерийский корпус Лез'Андели на Омаль.

Ген. Файолю было предложено немедленно эшелонировать

свои резервы на левом фланге так, чтобы быть в состоянии в случае необходимости поддержать британскую 4-ю армию на участке Люс, Сомма.

Наконец, командующий 10-й армией, ген. Мэтр, получил инструкцию о своей вероятной задаче на фронте под Аррасом. Ему и британской 3-й армии была указана главная позиция сопротивления, которую в случае наступления противника надо было удерживать во что бы то ни стало; ему были также указаны его исходная группировка и способ участия в сражении.

Принимая эти общие меры для подготовки участия на всякий случай французских дивизий в оборонительных действиях между Аррасом и Соммой, я хотел насколько возможно поддержать британское главное командование, боровшееся с затруднениями материального и морального порядка, вызванными сражением во Фландрии. 12 апреля я решил усилить непосредственную помощь, которую я начал за два дня до того.

Я отдал 2-му кавалерийскому корпусу, находившемуся в резерве в районе Омаля, приказ выступить походным порядком и днем 13 апреля достигнуть Сент-Омера и там совместно с французской 133-й дивизией усилить британскую 2-ю армию.

Командир 2-го кавалерийского корпуса ген. Робийо явился ко мне в Саркюс [1] за распоряжениями, и, указывая ему его задачу в общем плане происходившего сражения, я особенно подчеркивал, что ему придется поддерживать связь между английскими 1-й и 2-й армиями.

Что же касается общего плана маневра, то я представлял его себе следующим образом:

1. Во что бы то ни стало удержаться на обоих флангах:

а) на севере — «постепенно заняв, примерно, линию горы Кеммель, Кассель, фронтом на юг»;

б) на юге — «постепенно заняв, примерно, линию Бетюн, Сент-Омер, фронтом на северо-восток».

2. Между этими прочно удерживаемыми флангами задерживать и затем остановить противника с фронта, «последовательно занимая на местности опорные пункты фронтом на восток».

Английские резервы были развернуты между каналом Ля-

[1] С 7 апреля мой штаб находился в Саркюсе (в 6 *км* к северо-западу от Гранвилье).

Бассэ и железной дорогой Азебрук, Лиль, т. е. на южном фланге района прорыва.

Теперь надо было обеспечить северный фланг, оборона которого имела особенно важное значение, так как, если бы противник овладел Фландрскими высотами и горой Кеммель, это явилось бы опасной угрозой для союзных сил, расположенных между Ипром и морем. Оборона этого фланга была возложена на ген. Плюмера и его 2-ю британскую армию; очень важно было придать им силы, необходимые для того, чтобы обеспечить эту оборону. Для этого и было решено послать туда французские 133-ю дивизию и 2-й кавалерийский корпус, но эта помощь могла вскоре оказаться недостаточной. Поэтому я просил ген. Петэна подготовить к переброске на север еще одну французскую дивизию из восстанавливаемых соединений; выбор пал на 28-ю дивизию.

Я просил также начальника штаба бельгийской армии предоставить в распоряжение ген. Плюмера те бельгийские соединения, которые не были необходимы для удержания фронта; к сожалению, бельгийское главное командование не удовлетворило этой просьбы.

Наконец, я послал своего помощника Дестикера передать ген. Плюмеру мои директивы, проследить за их выполнением и согласовывать действия французских соединений, переброшенных на север.

Теперь, когда оборона южного фланга была обеспечена, а оборона северного фланга постепенно налаживалась, надо было организовать сопротивление в центре. Для этого можно было прежде всего перевезти британский кавалерийский корпус в район Эр, откуда он будет «в состоянии помочь войскам этого района задержать движение немцев на Азебрук».

С другой стороны, коменданту Дюнкерка ген. Пофэн де-Сен-Морелю было предложено устроить наводнение от Сент-Омера до шоссе Дюнкерк, Фюрн через Ваттен и Берг, для того, чтобы остановить продвижение противника, если бы оно начало развиваться в направлении на Дюнкерк и Калэ, и для того, чтобы обеспечить Дюнкерк от внезапного нападения.

Наконец, днем 13 апреля я поехал в Рошикур, в штаб британской 1-й армии, и переговорил с ген. Хорном о принятых или подлежащих принятию мерах, имеющих целью задержать германское наступление в направлении на Азебрук и прикрыть горнопромышленный район Бетюна.

На следующий день, 14-го, в записке полк. Дестикеру я на-

стаивал на том, чтобы оборона Азебрука велась «как можно ближе к восточной опушке Ньепского леса».

Однако ввиду моего сдержанного образа действий английский штаб был озабочен следующим вопросом: «В случае новой неудачи,— говорил он,— какое направление намерены вы прикрывать? Будете ли вы в первую очередь обеспечивать защиту Парижа и Франции, отказавшись от защиты портов Ламанша — баз английской армии? Или же, чтобы прикрыть порты Ламанша, вы пренебрежете защитой Парижа?» На это я отвечал: «Я отнюдь не собираюсь отказываться от прикрытия пути на Париж, или пути к морским портам, или обнажать эти пути; первый необходим для французской армии, второй — для английской, а также для спасения бельгийской армии». «Но в конце концов, — возражали мне, — если неудача заставит вас сосредоточить свои силы на одном из этих расходящихся направлений, которым из них вы пожертвуете?» Я отвечал: «Я рассчитываю не жертвовать ни тем, ни другим, ни путем на порты, ни путем на Париж, так как потеря одного из них означала бы уменьшение наших сил и ресурсов наполовину. Я стараюсь и буду всячески стремиться обеспечить оба направления. Мне кажется, что это возможно при том условии, что мы сразу не израсходуем всех наших свободных сил на атакованном в настоящее время направлении на порты». Перед нами возникла опасность израсходования последних свободных французских резервов на английском фронте, тогда как нам приходилось опасаться новых наступательных операций противника на других участках общего фронта. Во время разговора со мной в Абвиле утром 14 апреля,— разговора, при котором присутствовал лорд Милнер,— фельдмаршал Хейг снова упомянул об утомлении британской армии и о недостатке подкреплений. Он опять просил о том, чтобы французы сменили англичан на части их фронта. Мне пришлось ограничиться повторением доводов против этого решения: смена, произведенная во время сражения, приковала бы на все время смены как сменяющие, так и сменяемые части, и это в такую минуту, когда численность союзных резервов едва позволяла удерживать весь фронт. С другой стороны, под угрозой мощного германского наступления, которое могло быть предпринято на другом участке фронта, было бы большой ошибкой окончательно обрекать еще свободные французские резервы на более или менее пассивную роль. Сейчас они были нацелены и распре-

делены так, что могли активно вступить в дело на самом угрожаемом участке обширного поля сражения.

Я еще не мог также, несмотря на просьбу Хейга, подтянуть французскую 10-ю армию к северу на линию Бетюн, Лилер, передвинув вслед за ней и 5-ю армию. Было бы опасно обнажать район Артуа, а с другой стороны, казалось, что в настоящее время Хейг располагает во Фландрии достаточными силами. Действительно, кроме присланных ему французских соединений (двух пехотных и трех кавалерийских дивизий), у него только что освободились 2—3 британские дивизии вследствие сокращения фронта, явившегося результатом добровольного очищения Ипрского выступа к востоку от линии Бикскоотэ, Лангемарк, Холлебеке (13—15 апреля).

Желая во всяком случае поддержать английское главное командование, я приказал принять меры для ускорения вступления в дело французских войск на севере. Я приказал 10-й армии расположить одну из своих дивизий эшелонированно до района к северу от Фревана и подготовить аналогичное расположение для другой дивизии, которое позволило бы ей быстро поддержать британскую 1-ю армию на фронте канал Ля-Бассэ, Аррас или Бетюн, Азебрук.

Кроме того, чтобы дать Хейгу возможность увеличить свои резервы, я просил ген.-лейт. Жиллена предусмотреть и подготовить удлинение бельгийского фронта в сторону Ипра; 18 апреля бельгийская дивизия сменила одну дивизию и одну бригаду англичан к северу от этого города.

* * *

В то время как мы такими мерами усиливали нашу оборону во Фландрии, противник готовился нанести нам там новые удары.

После двухдневной передышки, в течение которой его наступление заметно замедлилось, он возобновил наступление в новом направлении; он, несомненно, понял, что, продолжая наступление в западном направлении, не овладев предварительно линией Фландрских высот, он подвергал серьезной опасности свой правый фланг. Поэтому он решил атаковать эту линию, прежде чем продолжать движение на Азебрук и Дюнкерк.

Вечером 15 апреля он предпринял против британской 2-й армии в северном направлении сильные атаки, в результате которых ему удалось захватить Байель и Вульвергем.

16-го он продолжал развивать свои усилия на еще более широком фронте, овладел Витсхаэте и Мессин и подошел к горе Кеммель почти на дистанцию атаки.

Сражение во Фландрии распространялось на север, и уже теперь германское наступление по своему масштабу, силе, а главное — по своему новому направлению, представляло, как мы уже отметили, серьезную угрозу для сил союзников, расположенных севернее Ипра.

Последним, в состав которых, в частности, входила вся бельгийская армия, грозила опасность оказаться отрезанными от своих баз и обреченными на полное бессилие.

Необходимо было как можно скорее предотвратить опасность, грозившую коалиции и северной оконечности ее фронта. Для этого, несмотря на транспортные затруднения, вытекающие из сокращения нашей железнодорожной сети в результате наступления 21 марта, первым делом надо было ускорить перевозку французских резервов во Фландрию. Поэтому я приказал:

— ген. Петэну — подготовить перевозку в район Берг еще одной дивизии, взятой, если нужно, из числа восстанавливаемых соединений;

— ген. Мэтру (10-я армия) — выдвинуть 16-го после полудня артиллерию и обозы 34-й дивизии на Норан-Фонтэс и быть готовым к переброске пехоты этой дивизии на автомобилях на рассвете 17-го.

После этого передвижения 16-й корпус, головной корпус 5-й армии, должен был перейти через Сомму и поступить в распоряжение командующего 10-й армией, задача которой была уже указана раньше.

Затем, чтобы лично оценить обстановку во Фландрии, я, переговорив в Абвиле с ген. Вилсоном и лордом Милнером, поехал в Бландек, в штаб британской 2-й армии. 16-го вечером я встретился с ген. Плюмером в Каппеле близ Касселя. Я приехал туда в полной темноте, с потушенными фарами, под грохот канонады, свидетельствовавшей о чрезвычайном усилении деятельности противника во Фландрии. Я застал там командира французского 2-го кав. корпуса ген. Робийо и полк. Дестикера, которого я послал вперед, чтобы выяснить положение свободных английских резервов. В 22 часа мы вернулись с ген. Плюмером в его штаб в Бландек, откуда я по телефону приказал ген. Вейгану, находившемуся в моем штабе в Саркюсе, отдать необходимые распоряжения для перевозки

34-й дивизии на автомобилях в Стэнворде на следующий день.

17-го утром на совещании с начальником имперского генерального штаба ген.-лейт. Вилсоном, соглашавшимся с мнением Хейга и Плюмера, британский штаб предложил постепенно отвести союзные войска во Фландрии до линии наводнений Эр, Сент-Омер, Фюрн. Я отказался пойти на такую меру, а также не мог разделить опасений Хейга относительно Дюнкеркского порта, об эвакуации и разрушении которого он уже подумывал.

По моему мнению, в настоящую минуту можно было говорить только о том, чтобы организовать и поддерживать сопротивление на месте, вызвав по мере необходимости французские резервы и используя бельгийские войска на их собственной территории. Эту же точку зрения я изложил бельгийскому королю и начальнику штаба бельгийской армии при свидании с ними 17-го днем; в том же духе была составлена директива ген. Плюмеру 18-го числа. Та же точка зрения легла в основу писем, которые я спустя несколько часов написал ген.-лейт. Жиллену и фельдмаршалу Хейгу, чтобы еще раз ясно определить образ действий бельгийской и 2-й английской армий при создавшейся обстановке. Та же точка зрения, наконец, была высказана в общей инструкции об основах оборонительного боя, изданной мною для союзных армий.

Впрочем, идея энергичной обороны не должна была исключать для командования обязанность предусматривать и подготовлять на случай неудачи одну или несколько тыловых линий, а также улучшать существующие оборонительные сооружения, как, например, имеющиеся на фронте английской 1-й армии от района Арраса до окрестностей Сент-Омера.

В то же время на совещании бельгийского и британского штабов мы предложили разработать вопрос «о смыкании последовательных английских позиций с существующими или намеченными оборонительными сооружениями бельгийской армии», а также о разграничительной линии, которую следует установить между обеими армиями. Наконец, на случай наступления противника в направлении от Ипра на Поперинге, использование союзных резервов, британского, бельгийского или французского, было предусмотрено общим планом, принятым по соглашению между заинтересованными командующими.

Все эти меры предосторожности не замедлили принести свои плоды.

С 17 по 20 апреля противник, тщетно повторяя свои атаки против союзного фронта к югу от Фландрских высот, понес тяжелые потери, но ничего не добился.

Но если германские потери были велики, то у англичан они были не меньше. О размерах этих потерь говорится в письме фельдмаршала Хейга от 18 апреля. По счастью, для продолжения борьбы в дело вступали новые силы, а именно — французские резервы. Так, после 34-й дивизии, переброшенной, как мы видели, 17 апреля, 18-го были подвезены 154-я и 39-я дивизии, а 23 апреля — 27-я дивизия. Вместе с войсками, уже находившимися на месте, они образовали Северную армейскую группу под командой ген. де-Митри. Численность этих французских сил — 5 пехотных и 3 кавалерийские дивизии,— а также расширение бельгийского фронта к северу от Ипра позволили английской 2-й армии вывести из боя 7 дивизий и 16 бригад и, таким образом, дали ей возможность выполнить свою задачу.

Тем не менее на тот случай, если бы непрекращающийся нажим противника потребовал переброски во Фландрию новых французских дивизий, я теперь же приказал 10-й армии выдвинуть головы своих колонн — 16-й корпус (31-я и 32-я дивизии) — на линию Эшен (Heuchin), Перн. 10-я армия по-прежнему должна была оказать в случае необходимости поддержку в районе Арраса и разработать план использования части своих сил на фронте Канбрен, Бетюн, Робек.

В то же время 46-я и 47-я дивизии 5-й армии должны были выдвинуться вслед за 10-й армией на линии Виллер — Бокаж.

Таким образом, путем общего перемещения в сторону фланга произошло расширение района французских резервов к северу. Это было вызвано необходимостью поддерживать англичан во Фландрии и в случае необходимости действовать совместно с ними в районе Арраса, оставаясь в то же время в готовности принять участие в действиях на Сомме.

В самом деле, германская угроза этим двум направлениям не была еще полностью устранена; борьба на них могла снова разгореться с минуты на минуту; по расчетам французского штаба, противник располагал еще примерно 60 дивизиями, которые он мог использовать для не удавшейся до сих пор попытки отделить французские силы от английских.

* * *

И действительно, 23 апреля фронт к югу от Соммы, на котором в течение трех недель царило относительное затишье, был внезапно потревожен. Восемь германских дивизий, перейдя в наступление под покровом тумана, отняли Виллер-Бретонё у английской 4-й армии, Ангар — у французской 1-й армии и продвинулись непосредственно до подступов к Каши.

Захват противником Виллер-Бретонё должен был иметь самые неприятные последствия для нас. Он обеспечивал противника наблюдательными пунктами и позициями, с которых можно было бы в наилучших условиях предпринять обстрел, атаку и захват Арраса, т. е. значительно углубить по линии Соммы разрыв коммуникаций союзных армий и даже добиться разъединения этих армий.

Крупный населенный пункт Виллер-Бретонё явился бы в руках противника очень сильным опорным пунктом, если бы мы дали время укрепить его. Нам необходимо было без промедления отбить его любой ценой.

Поэтому немедленно по получении этого известия я написал ген. Ролинсону, предлагая ему приложить все усилия к тому, чтобы взять обратно Виллер-Бретонё, обладание которым имело для нас существенное значение, и договориться с ген. Дебенэ относительно контратаки. Ролинсон тотчас же принял соответствующие меры.

Контратака, возложенная на австралийские батальоны, была проведена в ночь с 24 на 25 апреля; австралийцы взяли приступом высоту и д. Виллер-Бретонё, тогда как правее Марокканская дивизия французской 1-й армии отбила некоторое пространство к северу от Ангара. Чтобы закрепить восстановленное положение, ген. Дебенэ продолжал продвижение вперед, а одновременно ген. Файоль передвинул 2 дивизии на север, чтобы быть в состоянии вступить в дело между Соммой и р. Люс. Все английские резервы были введены в бой вокруг Виллер-Бретонё, где понесли новые потери; еще 24-го вечером Хейг обратил на это мое внимание. Мы удовлетворили его требования, не только обещав ему в случае необходимости помощь французских резервов, расположенных, как сказано выше, но и сменив британский 3-й корпус — правофланговый корпус армии Ролинсона — частями французской 1-й армии.

В то же время я предложил Файолю с наибольшей энергией подготовить наступление 3-й армии в районе Мондидье, так как, если бы удалось при этом наступлении продвинуться по ту сторону р. Авр, были бы перерезаны коммуникации противника к югу от Соммы, а следовательно, ликвидирована угроза на амьенском направлении.

В общем германский натиск на Виллер-Бретонё не получил дальнейшего развития. Со своей стороны, франко-британские контратаки после обратного захвата этого важного опорного пункта выдохлись в течение 25 и 26 апреля, и мы были окончательно задержаны на линии Виллер-Бретонё, дорога на Ангар, причем д. Ангар осталась в руках противника.

Все внимание пришлось снова обратить на Фландрию.

* * *

25 апреля кронпринц баварский снова атаковал между Байелем и Ипром правым флангом своей 6-й армии и левым флангом 4-й. Тогда как последняя выиграла пространство в направлении на Ипр, 6-я армия захватила Дранутр и угрожала Локру по дороге на Поперинге. В центре баварский альпийский корпус взял приступом Кеммель и гору Кеммель и, таким образом, утвердился в восточной части фламандских холмов. На следующий день, 26 апреля, продолжалась ожесточенная борьба на фронте Схерпенберг, Формезееле, но на этот раз противник не смог сколько-нибудь значительно продвинуться вперед. Союзные подкрепления прибывали непрерывно. 25-го в распоряжение командующего Северной группой прибыла 31-я дивизия 16-го корпуса, а также другая дивизия этого корпуса, 32-я, переброшенная на Фоканберж. В то же время я просил Петэна передать Северной армейской группе 2 полка полевой артиллерии и 12 дивизионов тяжелой артиллерии, а бельгийской армии — полк полевой артиллерии.

Значительная численность этих пополнений еще раз подтверждала наше желание в полной мере, до пределов возможного, поддержать британское главное командование, а также решимость во что бы то ни стало вести оборону на месте.

Действительно, во Фландрии нельзя было больше терять ни кусочка территории. Гора Кеммель находится всего в 40 *км* от Дюнкерка. Она командует над всей равниной до этого города. Если бы противник расположил на этой горе свою

тяжелую артиллерию, он мог бы не только сломить всякое сопротивление на пути к этому порту, т. е. выйти на берега Ламанша, чтобы нанести удар по нашим сообщениям с Англией, но и поставить под величайшую угрозу всю бельгийскую армию.

Однако мне удалось помешать англичанам отвести 27 апреля свой фронт в Ипрском выступе под самые стены города, что повлекло за собой отход бельгийского фронта до канала Иперле.

27-го после полудня я снова выехал на север, повидался с ген. Плюмером в Бландеке и ген. де-Митри в Эскельбеке, объяснив им серьезность положения и основные принципы, на которых должна строиться оборона при существующей обстановке. Я настаивал на необходимости расположения войск в их боевой группировке, с вполне определенной задачей, немедленно по их прибытии, так как вопросы о расквартировании должны уступать место тактическим требованиям.

Мне пришлось убедиться в огромных потерях союзных войск, подвергавшихся непрерывным атакам и бомбардировке с применением огромного количества химических снарядов [1]. Чтобы возместить эти потери, я приказал перевезти во Фландрию еще 3 французские дивизии (32, 129, 168-ю), часть которых должна была сменить британский 22-й корпус, дошедший до крайнего предела истощения.

С другой стороны, я потребовал от ген. Петэна, чтобы он распорядился держать постоянно в тылу фронта Северной армейской группы 3 свежие французские дивизии до тех пор, пока этого будет требовать обстановка, но при этом оставить 4 дивизии в 10-й армии, в районе Дулан, Сен-Поль для парирования случайностей.

29 апреля противник атаковал высоты Красную, Черную и Схерпенберг, но был отброшен.

8 мая он произвел еще одну атаку на фронте в 3 *км* к юго-востоку от Дикебуша; это было изолированное действие, не получившее дальнейшего развития.

Сражение во Фландрии закончилось. Оно продолжалось больше месяца и отличалось силой и крайним упорством, с которыми противник наносил свои удары. Если глубина

---

[1] В частности, 23 апреля Хейг имел в своем собственном резерве только 2 дивизии, находившиеся в стадии восстановления, и 1 дивизию, выгружавшуюся после возвращения из Италии.

продвижения немцев была не так велика, как в марте на Сомме, то это объясняется тем, что здесь их объект — побережье — был ближе и что благодаря более быстрому подвозу войск нам удалось задержать их натиск. Действительно, опасность быть сброшенными в море заставляла союзные армии принимать бой на своей первой линии; они не могли организовать сопротивление в глубину за отсутствием пространства для маневрирования. Ввиду трудности своевременного подкрепления северной оконечности сильно поколебленного обширного фронта союзников несколько раз возникала серьезная опасность. Во всяком случае, если сражение не дало намеченных немцами стратегических результатов, то его можно было возобновить. Для противника могло оказаться выгодным возобновить свое продвижение, чтобы, несмотря на все, выйти на берег Ламанша и, расширив действия подводного флота в этом море, нарушить наши сообщения с Англией и изолировать Британскую державу. Сражение уже дало тактические результаты, несомненно, невыгодные для союзников.

После чувствительной потери пространства Фландрские высоты (Красная, Черная, Схерпенберг) — главный оплот обороны союзников на севере — оставались под непосредственной угрозой немцев, уже овладевших горой Кеммель. Надо было во что бы то ни стало обеспечить обладание высотами, иначе оборона оказалась бы под серьезной угрозой. Поэтому я обратил внимание ген. де-Митри на необходимость не только прочно организовать оборону высот, но и расширить занятое на них пространство до подошвы скатов, чтобы не позволить противнику окружить вершины и атаковать седловины. Частные операции, проведенные с этой целью Северной армейской группой 4 мая, позволили ей несколько продвинуться вперед.

Я также неустанно внушал необходимость оказывать сопротивление на месте, не помышляя о добровольном отходе. Я снова указал линию поведения и предписал, чтобы впредь, намечая отход в значительном масштабе, предварительно испрашивали моего согласия.

Наконец, возвращаясь к вопросу в целом, я в общей инструкции принципиального характера установил правила, которыми надо было руководствоваться при организации оборонительного сражения, чтобы единством доктрины привести союзников к единству действия.

Другим последствием сражения во Фландрии было то, что Бетюнский угольный бассейн оказался под обстрелом германской артиллерии. Это внесло значительное расстройство в эксплоатацию шахт, а следовательно, и в работу снабжавшихся ими военных заводов и железных дорог.

Наконец, сражение во Фландрии сопровождалось значительной убылью в личном составе. Британские резервы растаяли в нем, а из французских резервов было уже выделено в интересах англичан целых 10 дивизий.

Чтобы дать ген. Петэну возможность восстановить эти резервы, не ослабляя первой линии, я добился от фельдмаршала Хейга, чтобы английские дивизии, выведенные из боя, были переброшены на один из спокойных в настоящее время участков французского фронта, где они освободили бы таким образом столько же французских дивизий, могущих быть использованными для восстановления резервов. Но эту переброску удавалось осуществить лишь медленно. Так, Петэн получил на первых порах только 4 британские дивизии, образующие 9-й корпус. Этот корпус был придан французской 6-й армии и в середине мая расположился на фронте Краон, Луавр.

Другим, уже упомянутым последствием сражений, продолжавшихся уже целый месяц, было нарушение равновесия в общей группировке французских сил. В начале мая 47 французских дивизий находились к северу от Уазы (23—в первой линии и 24 — в резерве), для обороны фронта от Уазы до швейцарской границы оставалось только 55 дивизий, а именно — 43 в первой линии и 12 в резерве.

Ген. Петэн обратил мое внимание на опасность этого положения.

Учитывая глубокое ослабление британской армии и принимая во внимание грозные последствия, которые могло бы иметь для союзников всегда возможное германское наступление на фронте от Уазы до р. Лис ввиду близости жизненно важных объектов, я оставил группу из четырех дивизий к северу от Соммы и другую группу такого же состава к югу от этой реки, без ущерба для соединений, которые надо было посылать во Фландрию для пополнения Северной армейской группы.

В то же время я делал все возможное, чтобы облегчить задачу французского командования, обратившись к американским войскам с просьбой, чтобы американские дивизии были

как можно скорее введены в бой или заняли хотя бы спокойные участки фронта. Американская 1-я дивизия была уже введена 26 апреля на фронте французской 1-й армии и вскоре доказала свои боевые качества, взяв приступом д. Кантиньи (28 мая). Я также просил ген. Першинга, чтобы его 26, 42 и 2-я дивизии были возможно скорее направлены на боевой фронт, а пехота 32, 3 и 5-й американских дивизий была использована для подкрепления французских дивизий, возвращавшихся ослабленными из боя, чтобы таким образом дать им возможность быстро вернуться на спокойные участки фронта. Наконец, я подал ему мысль о прикомандировании американских летчиков к французским авиаотрядам, где они продолжали бы свою тренировку и вместе с тем облегчили бы труд своих французских коллег.

Одновременно мы сократили потребности Северной армейской группы, ограничив также ее операции. Большие потери, которые она несла, казалось, не соответствовали достигнутым тактическим результатам. Несмотря на трудные условия борьбы, происходившей во Фландрии (в особенности интенсивность обстрела химическими снарядами), было ясно, что эти потери в значительной степени вызываются неопытностью войск и недостаточной бдительностью командования.

Таким образом, пришлось предписать ген. де-Митри ускорить исправление своего фронта, так чтобы занять прочное оборонительное положение, общий порядок которого ему также был указан.

С другой стороны, ген. Петэну было предложено возобновить боевую подготовку воинских частей и подразделений, пехотных и артиллерийских. Указано было, что необходимо поручить ее таким генералам и штаб-офицерам, которые, будучи вполне знакомы со всей практикой войны, уже проводили, особенно в начале военных действий, операции того типа, с которым должны были освоиться войска.

Однако, несмотря на всю изобретательность, проявленную главным командованием в отношении удовлетворения требований, возникших в процессе сражения, в середине весны 1918 г. общая обстановка для союзных армий во Франции ставила основную задачу — задачу увеличения численности живой силы.

Глава пятая

Вопрос о численности союзных армий во Франции

1. Британская армия

Весной 1918 г. британская армия, едва оправившаяся от кровавых потерь, понесенных во время ее наступлений в 1917 г., подверглась двум тяжким испытаниям подряд: германскому наступлению на Аррас, Амьен, начавшемуся 21 марта, и германскому наступлению во Фландрии, начавшемуся 9 апреля. Первое обошлось ей более чем в 120 000 человек; второе довело эту цифру почти до 300 000, в том числе 14 000 офицеров.

Пополнения, посылаемые из Англии, далеко не возмещали этих потерь, особенно в командном составе.

Правда, в июле и августе можно было рассчитывать на возвращение в строй значительного числа раненых в первых сражениях после их выздоровления; можно было также предвидеть, что к тому времени скажется действие военных законов, недавно принятых парламентом. Но до тех пор каким образом пополнить огромную убыль в британских войсках?

Не найдя другого выхода, фельдмаршал Хейг решил расформировать дивизии, которые он не мог укомплектовать: 5 дивизий — после германского наступления на Сомме и 4 — после сражения во Фландрии. Таким образом, состав британской армии сократился до 51 полевой дивизии.

Исчезновение такого большого числа дивизий имело, помимо прочих серьезных последствий, ту отрицательную сторону, что уменьшало общее количество союзных резервов как раз в то время, когда германские свободные силы возрастали[1]. 11 мая я обратился к фельдмаршалу Хейгу с просьбой обеспечить сохранение всех английских дивизий и указал ему некоторые способы, которые, по моему мнению, позволяли добиться этого. Но Хейг заявил, что эти способы неосуществимы. Тогда я предложил ему восстановить по крайней мере некоторые из дивизий, намеченные к расформированию, хотя бы для того, чтобы показать лондонскому правительству всю важность сохранения возможно более высокого числа английских дивизий. Ввиду моих настоятий

[1] По расчетам французского штаба, эти свободные силы составляли на 25 апреля 69 дивизий, на 10 мая — 70 дивизий и на 19 мая — 81 дивизию.

Хейг потребовал от английского военного министерства, чтобы, за неимением людей, пригодных для участия в активных операциях, ему посылали контингенты худшего качества, которые он использовал бы на спокойных участках. Таким образом, состав общего резерва не пострадал бы.

Я немедленно же указал на опасность разделения британской армии на дивизии двух категорий: полевые и оккупационные (ударные и позиционные). Надо сказать, что эта идея пользовалась довольно большим успехом в германской армии, но это не значит, что она была правильной. Напротив, надо было стараться формировать приблизительно равнокачественные дивизии, одинаково боеспособные. Уклоняясь от этой линии поведения, мы поощрили бы некоторые правительства к тому, чтобы не делать необходимых усилий. Чтобы тотчас же придать делу надлежащее направление, я просил французское правительство немедля сделать соответствующее представление Ллойд-Джорджу.

Я сам 20 мая говорил об этом в Абвиле с ген. Вилсоном. Я объяснил ему настоятельную необходимость укомплектовать все английские дивизии и не допустить установления между ними различия. Вилсон заявил, что он вполне согласен со мной, и вскоре затем сообщил мне, что английское правительство решило послать во Францию на 70 000 человек больше, чем было намечено.

Однако вскоре после этого германское наступление на Шмен-де-Дам 27 мая снова снизило численность английских войск: 5 британских дивизий были расстроены этим наступлением и понесли большие потери.

Я немедленно написал ген. Вилсону личное письмо, прося его ускорить укомплектование английской армии.

Со своей стороны, Хейг представил мне 10 июня план восстановления своих дивизий. Выражая ему свое удовлетворение по поводу решения вопроса, которому он сам придавал большое значение, я обратил внимание фельдмаршала, с одной стороны, на желательность придания временного характера использованию контингентов «Б», а с другой — на необходимость придать дивизиям, укомплектованным этими контингентами, большое количество артиллерии и пулеметов.

Однако было бы слишком оптимистически рассчитывать на то, что силы британской армии будут восстановлены в ближайшем будущем. Чтобы перековать свое боевое ору-

жие и снова наладить его, ей требовалось еще несколько недель. Она могла восстановить свою боеспособность не ранее конца июля, и ей приходилось ждать начала сентября для укомплектования всех своих соединений, за исключением двух дивизий, которые было окончательно решено сохранить лишь в виде кадров. Таким образом, с середины апреля до середины июля положение английской армии оставалось весьма шатким.

2. Французская армия

Не пострадав так сильно, как британская армия, французская армия, поспешившая к ней на помощь, подверглась с 21 марта многим испытаниям, которые не могли не отозваться на ее численном составе. Порученный ей фронт удлинился на 120 *км*; она 86 раз вводила в бой свои дивизии и понесла чувствительные потери, особенно во время сражения во Фландрии.

Ген. Петэн также встретился с большими затруднениями при укомплектовании своих соединений. Небольшой людской запас, которым он располагал, не позволял ему дожидаться прибытия на фронт людей призыва 1919 г., и хотя он просил военного министра отдать ему 200 000 человек, занятых в военной промышленности внутри страны, он получил из этого числа только 40 000.

Таким образом, к концу весны 1918 г. Франция и Англия испытывали величайшие затруднения при пополнении потерь, понесенных их армиями.

Но возможным выходом из этого тяжелого положения являлось обращение к Соединенным Штатам, огромному, еще не тронутому резерву живой силы. В какой же мере Америка была способна оказать в эту минуту союзникам немедленную помощь, в которой они нуждались?

3. Американская армия

В середине апреля, когда кризис численного состава франко-британской армии особенно обострился, американская армия насчитывала во Франции только пять полевых дивизий, из которых одна (1-я) должна была войти в состав французской 1-й армии, три (2, 26 и 42-я) занимали спокойные участки фронта, а последняя (32-я) была временно

распределена по французским дивизиям для завершения своей боевой подготовки.

Итак, эта пехота представляла собой единственную непосредственную помощь, которую оказывала американская армия в смысле пополнения потерь французской армии. Если добавить сюда два американских негритянских полка, находившихся в составе наших дивизий, это составляло в общем итоге 23 000 человек пехоты,— количество, которое, как мы видим, далеко не отвечало насущной потребности.

Правда, в течение апреля во Францию должна была прибыть пехота еще двух американских дивизий (3 и 5-й), но войти в состав французских соединений она могла только через 3—5 недель.

Что же касается британской армии, то помощь, оказанная ей американской, сводилась в данный момент к пехоте одной дивизии (77-й), находившейся в пути.

В общем для пополнения своих очень значительных потерь в пехоте франко-британские армии не могли рассчитывать немедленно или в ближайшем будущем больше чем на 70 000 американских пехотинцев.

Бесспорная недостаточность этой цифры требовала устранения ошибки, допускавшейся до сих пор в отношении перевозки американской армии во Францию. Прежде всего нужно было, чтобы в течение нескольких месяцев Соединенные Штаты посылали союзникам исключительно пехоту без всяких других родов войск; только при этом условии британская и французская армии могли получить те 300 000 или 350 000 пехотинцев, которые были необходимы им, чтобы преодолеть переживаемый кризис численности личного состава. Эту точку зрения я и изложил в подробной записке председателю совета министров, прося его сделать соответствующее представление американскому правительству, чтобы добиться проведения ее в жизнь.

Американское правительство уже знало об этом и, казалось, разделяло взгляд главнокомандующего союзными армиями. Оставалось убедить ген. Першинга, который, не вполне отдавая себе отчет в неотложности текущих подробностей, всецело находился во власти стремления как можно скорее командовать большой американской армией.

Мы легко договорились по этому вопросу 25 апреля в Саркюсе на совещании, где присутствовал также ген. Блис. После подробного обсуждения было решено, что в течение

мая и июня американцы будут в принципе перевозить в первую очередь только пехотные войска. На май это было дело решенное; на июнь было обусловлено, что окончательное решение будет принято несколько позднее, но теперь же было заявлено, что вашингтонское правительство подготовит к отправке во Францию пехоту по крайней мере в составе шести дивизий.

В то же время на этом совещании выяснилась настоятельная необходимость направить работу, которая велась в Соединенных Штатах, и координировать ее в интересах коалиции: направить так, чтобы приспособить ее к последовательным требованиям во времени; координировать так, чтобы избежать частных соглашений, вроде соглашения, заключенного между Першингом и лордом Милнером и доложенного в конце заседания 25 апреля,— соглашений, которые ведут только к распылению усилий. Одним словом, надо было, чтобы союзные правительства рассмотрели вопрос об американских войсках во всей его совокупности и совместно приняли надлежащее решение. Это и произошло 1 и 2 мая в Абвиле и привело к следующим решениям:

1. Британское правительство обязалось предоставить тоннаж, необходимый для перевозки из Соединенных Штатов во Францию 130 000 человек в мае и 150 000 человек в июне, исключительно пехоты и пулеметчиков.

2. Американский тоннаж будет использован для перевозки артиллерийских и инженерных частей, служб и т. д.

3. В начале июня положение подвергнется новому рассмотрению, чтобы установить дальнейший порядок перевозок.

Как мы видим, эти решения имели величайшее значение. Они вполне удовлетворили нас, так как благодаря помощи английского флота к 1 июля во Франции должно было находиться до 450 000 американских пехотинцев и пулеметчиков, прибывших для пополнения потерь британской и французской армий; ген. Першинг же, со своей стороны, продолжал в то же время перевозку других родов войск и служб посредством американского тоннажа и мог бы вскоре сформировать во Франции самостоятельные американские дивизии. Таким образом, были обеспечены как частные интересы американцев, так и общие интересы коалиции.

Тогда как, используя только свои собственные средства, Америка смогла перевезти только 60 000 человек в марте и 93 000 человек в апреле 1918 г., с британской помощью

цифры эти возросли до 240 000 в мае и 280 000 в июне. Но в связи с быстрым прибытием этих больших масс возникали другие задачи. Времени на то, чтобы закончить в Америке обучение и организацию этих войск, не было; пришлось возобновлять и заканчивать это во Франции.

Между тем, если задача обучения была сравнительно легко разрешима, задача организации и снабжения войск боевыми средствами, необходимыми для современной армии: снаряжением, вооружением, всякого рода имуществом, лошадьми и т. д., была гораздо сложнее. Во избежание ошибок и потери времени приходилось весьма внимательно следить за этим делом.

С этой целью при моем штабе был организован в Париже отдел, возглавлявшийся помощником начальника штаба и имевший задачей централизовать и согласовывать все вопросы, касавшиеся завершения организации американских дивизий.

Глава шестая

Германское наступление от Реймса до Мондидье

(27 мая—13 июня)

1. Наступление на Шмен-де-Дам

(27 мая—4 июня)

С 9 мая германские атаки во Фландрии прекратились, а 18-го, как мы видели, ген. де-Митри был отдан приказ сократить количество войск в первой линии и увеличить свои резервы. Было также приказано коменданту Дюнкерка понизить уровень наводнений, чтобы уменьшить неудобства, причиняемые ими местному населению.

Период сражений, начало которых было отмечено громом немецких орудий 21 марта, сменился затишьем, от которого мы успели отвыкнуть почти за два месяца. Что скрывало за собой это молчание? Было известно, по сведениям разведывательного отдела штаба главнокомандующего, что противник располагает большими свободными силами в количестве 76—80 дивизий, т. е. еще более значительными силами, чем в день его первого наступления между рр. Скарп и Уазой. Где они появятся? Мы пристально вглядывались в горизонт, тщетно стараясь разгадать тайну. Фельдмаршал Хейг считал,

что ему угрожает новое германское наступление между Амьеном и морем с нанесением главного удара в районе Альбера или Ипра. Ген. Петэн также склонялся к этому предположению: действительно, он больше не опасался наступления противника в Шампани, а за неимением подтверждения другими данными не верил показаниям пленных, которые 19 и 22 мая заявили, что между Уазой и Реймсом готовится германское наступление большого масштаба.

Внимательно следя за разведывательной работой моих подчиненных, я вовсе не собирался допустить, чтобы деятельность союзных армий ограничивалась исключительно догадками о замыслах противника и обсуждением их. На них лежала другая неотложная задача — готовиться, в свою очередь, к переходу в наступление. Действительно, только наступление позволит им победоносно закончить сражение и, захватив инициативу, вновь получить моральный перевес.

Так как мы должны были соблюдать строгую экономию сил, это наступление должно было преследовать цели, соразмерные жертвам, которых оно потребовало бы. Этому условию удовлетворяли два района:

1. Местность между Уазой и Соммой, на которой было возможно комбинированное наступление французских 3-й и 1-й армий и правофланговой группы британской 4-й армии с целью ликвидировать угрозу железной дороге Париж — Амьен и узлу сообщений Амьен.

2. Район р. Лис, где комбинированное наступление 2-й армии и Северной армейской группы имело бы целью ликвидацию угрозы Бетюнскому угольному бассейну и Ипру.

Когда были намечены эти два района, каждому из главнокомандующих был послан общий план наступления союзников.

Оба наступления должны были подготовляться одновременно и без промедления. Если бы противник не перешел в наступление, они давали нам возможность захватить его врасплох мощным наступлением. Если бы он атаковал, они явились бы в руках командования ответом, быть может, очень необходимым.

Из этих двух наступлений более крупным в отношении вводимых в дело сил было наступление между Уазой и Соммой. Разработка плана наступления была предпринята немедленно после моего вступления в должность в Дулане; ее

взяли на себя Петэн и Файоль, так чтобы «организовать операцию не только крупными силами, но и быстро».

Участие британской армии было урегулировано в особом письме фельдмаршалу Хейгу.

Подготовка к наступлению на р. Лис находилась еще в более ранней стадии готовности. Как мы видели, фельдмаршал уже принял меры для наступления в направлении на Мервиль, Эстер, но зато в районе Кеммеля и Ипра все надо было начинать с самого начала, и можно было предвидеть, что подготовительный период затянется на довольно продолжительное время. Действительно, приходилось приводить в порядок войска, только что вышедшие из тяжелого сражения, и создавать исходную базу на еще плохо оборудованных позициях. Приходилось также проводить перегруппировку союзных сил во Фландрии, где необходимость быстрого оказания помощи привела к перемешиванию французских и английских дивизий, что очень затрудняло управление войсками.

Так обстояло дело, когда мы внезапно узнали, что вот-вот должно начаться новое германское наступление и что на этот раз оно будет направлено против французского фронта. 26 мая после полудня германские пленные показали, что следующей ночью будет предпринято наступление на Шмен-де-Дам после короткой артиллерийской подготовки, начатой в 1 час ночи. Эти сведения оказались правильными.

В указанный час германская артиллерия начала на фронте Реймс, Куси-ле-Шато, полосе глубиной в 10—12 *км*, чрезвычайно сильный обстрел с массовым применением химических снарядов; на некоторых участках насчитали более 30 батарей на 1 *км*.

В 3 ч. 40 м. пехота противника пошла в атаку на фронте в 55 *км* от Бримона до Лейи и под прикрытием очень плотного подвижного заградительного огня, поддержанная на некоторых участках танками, одним натиском ворвалась глубоко в расположение французских войск. Внезапность была почти полной, а наступление предпринято очень значительными силами.

30 германских дивизий (7-я армия ген. фон Бена и правофланговая группа 1-й армии ген. фон Белова), перевозка на место и сосредоточение которых остались незамеченными нами, ринулись на захват Шмен-де-Дам, и эта мощная ударная масса встретила на своем пути только 7 союзных диви-

зий, 4 французские и 3 британские в первой линии, поддержанные в тылу 2 французскими и 1 английской дивизией.

Наступающий легко преодолел их сопротивление. В частности, в центре французская 22-я и британская 50-я дивизии были буквально затоплены волной германцев. Быстро овладев плато, по которому пролегает Шмен-де-Дам, противник продвинулся до Эны. В 10 час. он уже захватил эту реку от Вайи до Эйи.

К несчастью, с самого начала наступления командующий 6-й армией двинул почти всю 157-ю дивизию, находившуюся на Эне, на поддержку первой позиции и, таким образом, оставил столь важный тыловой рубеж, как р. Эна, почти без всякого обеспечения на широком фронте. По роковой случайности немцы нанесли свой главный удар именно в этом направлении. Таким образом, они подошли к реке, не встречая сопротивления, и, благодаря быстроте своего продвижения, смогли захватить все мосты между Вайи и Понтавером прежде даже, чем были заряжены подрывные камеры.

Положение стало для нас очень серьезным. «В 11 час. утра нельзя было питать никаких иллюзий»[1]. Еще свободные 3 дивизии резерва были переданы корпусам и использованы против обоих флангов наступающих германцев в попытке хотя бы ограничить ширину фронта наступления; но в центре, в прорыве шириной в 15 *км*, противник, свободный в своих движениях, быстро продвигался к р. Вель, к которой он подошел вечером между Курландоном и Бреном; только Фим оборонялся первыми частями французской 13-й дивизии, быстро подвезенной на автомобилях.

Здесь повторилась ошибка, которую мы уже видели 23 марта на Сомме.

Водная преграда, находящаяся в 10 *км* или больше от первой позиции, как, например, Эна или Сомма, представляет собой препятствие, задерживающее победоносное наступление противника, заставляющее его возобновлять планомерную артиллерийскую подготовку, если только обороняющийся принял меры обеспечения на этом рубеже, а именно — оставил на каждом мосту по роте или даже взводу с единственной задачей оборонять и прикрывать переправы.

Под прикрытием этих постоянных гарнизонов войска первой линии, отброшенные и отступающие в беспорядке под

[1] Отчет маршала Петэна.

натиском мощного наступления, могут отойти через переправы, привести себя в порядок в тылу преграды, не подвергаясь преследованию, и восстановить свои силы.

Противник, дойдя до водной преграды, вынужден для форсирования ее организовать новую артиллерийскую атаку и вновь начинать целую операцию.

Возражение, будто отсутствие отрядов, оставленных на реке, почувствуется во время сражения в первой линии, несостоятельно. Ввиду их небольшой численности они сами по себе не представляют серьезной силы, могущей дать ощутительный эффект в этом сражении, если ввести их в бой разновременно.

Зато, будучи расположены на реке, они, несмотря на свою незначительную численность, получают особое значение на опорных пунктах поля сражения, например, на переправе через Эну или Сомму. Они кладут конец преследованию со стороны противника и позволяют потесненным войскам возобновить сопротивление в тылу ясно очерченного рубежа.

В итоге обладание переправами через реку посредством хорошо организованной службы охранения является обязательной мерой предосторожности для командования, желающего сохранить свободу действий по ту сторону реки или на самой реке. Это было упущено как на Сомме, так и на Эне.

27 мая после полудня ген. Петэн осведомил меня о мерах, спешно принятых им ввиду серьезности обстановки.

На место уже подвозились штаб 5-й армии, 6 пехотных дивизий, 1-й кавалерийский корпус в составе 3 дивизий, 4 полка легкой полевой артиллерии на грузовиках и 6 дивизионов тяжелой тракторной артиллерии, а также авиационная группа из состава воздушной дивизии.

Половина пехотных дивизий и 2 кавалерийские должны были принять участие в сражении уже на следующее утро.

28-го противник, опрокинув немногочисленные части, оказавшие ему сопротивление в районе Фима, переправился на широком фронте через р. Вель и расположился на плоских возвышенностях к югу от этой реки, не стараясь, впрочем, продвинуться дальше.

С другой стороны, используя разрыв, образовавшийся перед его центром, он комбинировал фронтальные атаки

с атаками с тыла и, таким образом, опрокидывал сопротивление, встречаемое им на обоих флангах. На востоке, быстро продвигаясь по долинам рр. Вель и Ардр, он отбросил английский 9-й корпус на высоты Сен-Тьери и Савиньи; на западе он отнял у нашего 11-го корпуса плато, господствующее с северо-востока над Суассоном, а к наступлению темноты ворвался даже в самый город.

Тщетно командующий французской 6-й армией бросал навстречу немцам прибывающие к нему батальоны по мере их выгрузки; 4 пехотные и 2 кавалерийские дивизии, введенные таким образом в бой в течение 28 мая, оказались бессильными заполнить разрыв, который расширялся с каждым часом.

Надо было в самом спешном порядке подвозить новые силы, и 28-го Петэн доложил мне в Провене, что, кроме тех резервов, о переброске которых он доносил мне накануне, он отдал приказ о перевозке 10 пехотных дивизий, 4 полков тяжелой артиллерии, 3 полков легкой полевой артиллерии на грузовиках из состава Северной армейской группы; с другой стороны, он предписал ген. Файолю снять со своего фронта 4 пехотные дивизии и направить 2-й кавалерийский корпус на Крей и Шантийи.

В итоге в район сражения перебрасывались почти все свободные французские силы.

Решение, принятое, таким образом, Петэном, отвечало насущным требованиям обстановки, и на первых порах я мог только одобрить его. Но с общей точки зрения оно имело последствия, против которых необходимо было немедленно принять все доступные меры.

Так, вся 5-я армия, т. е. ее штаб и все 4 дивизии, входившие в ее состав, была переброшена на юг от Уазы, а с нею — одна из двух французских групп, составлявших общий резерв в английской зоне.

Отсюда вытекала необходимость для фельдмаршала Хейга принять меры против возможного германского наступления, используя почти исключительно свои собственные силы, а для этого создать британский общий резерв, который мог бы быть своевременно введен в дело в желательном направлении. Я просил об этом Хейга в письме от 28 мая.

В то же время я приказал командующему 10-й армией принять все меры к тому, чтобы в случае необходимости выступление французских сил, которые теперь свелись к 4 ди-

визиям этой армии, на любом участке английского фронта могло произойти ***во-время и безошибочно.***

Наконец, чтобы облегчить ген. Петэну задачу создания новых резервов, я приказал ген. де-Митри в кратчайший срок вернуть в распоряжение главнокомандующего части усиления 36-го корпуса и принять меры для снятия с фронта одной дивизии путем расширения фронта остальных дивизий.

Противник, добровольно остановившийся 28 мая на плато к югу от р. Вель, не продолжая наступления по открытому пространству, южнее [1], 29-го возобновил наступление с еще большей силой, чем в предыдущие дни. В этот день его центр нанес мощный удар в направлении Ульши-ле-Шато, Фер-ан-Тарденуа, Виль-ан-Тарденуа и, встречая на своем пути только слабые французские части, неспособные оспаривать у него пространство и уже сильно потрепанные, быстро продвинулся на фронте в 25—30 *км* и к вечеру вышел на высоты, командующие над северным берегом Марны между Шато-Тьери и Дорманом.

Его правый фланг также энергично перешел в наступление против района Суассон, но встретил здесь гораздо более стойкое сопротивление. Однако ему все же удалось отбросить оборонявшиеся французские части на запад от Суассона и на плато к югу от этого города.

На левом фланге германцев их атаки были менее сильными, но, благодаря продвижению к Марне в центре, они

[1] Причина эта вскоре выяснилась. Во время предыдущих наступлений против англичан (21 марта, 9 апреля) немцы после начального успеха каждый раз задерживались подоспевшими французскими резервами.

Прежде чем предпринять новое наступление против британского фронта во Фландрии, они решили отвлечь и сковать эти резервы; отсюда — наступление против Шмен-де-Дам 27 мая.

Первоначально это наступление имело ограниченную цель: овладение плоскими возвышенностями к югу от р. Вель, чем и объясняется остановка, отмеченная 28-го пополудни.

Но вечером ввиду неожиданного успеха, достигнутого за истекшие два дня, верховное командование изменило свои планы и приказало возобновить продвижение:

— с одной стороны, — в юго-западном направлении с целью продвинуться дальше Суассона и выиграть как можно больше пространства в направлении на Париж;

— с другой стороны, — в южном направлении, чтобы как можно скорее дойти до Марны. перерезать железную дорогу Париж — Нанси и создать прочное предмостное укрепление на южном берегу реки.

заставили союзные войска отойти к шоссе Реймс, Виль-ан-Тарденуа.

Таким образом, мы уступили территорию на всем фронте, а так как дивизии, перебрасываемые на помощь 6-й армии, таяли по мере того, как она бросала их на поле сражения, то эта армия оставалась настолько угрожающе слабой по сравнению с противником, что ген. Петэн спрашивал себя, удастся ли ему достигнуть намеченной цели, т. е. неприкосновенности Марны и сохранения в наших руках Реймской горы и плато к югу от Суассона.

В полдень 29-го ввиду продолжения германского наступления он просил меня предоставить в его распоряжение 10-ю армию и добиться смены Северной армейской группы англичанами и бельгийцами.

Я не мог полностью удовлетворить эту просьбу. Несмотря на мощь наступления, предпринятого к югу от Уазы, противник имел еще достаточно свободных сил[1], чтобы провести другое наступление, в районе Соммы и на севере. В предвидении этой возможности было бы преждевременным выводить 10-ю армию из британской зоны; однако, оставив входившие в ее состав соединения в том районе, в котором они были расположены, их подтянули поближе к удобным погрузочным платформам.

С другой стороны, я добился от ген. Жиллена, чтобы бельгийская армия, сменив части английского левого фланга, удлинила свой фронт до ближайших подступов к Ипру, чтобы дать возможность создать новые британские резервы. Чтобы облегчить задачу бельгийской армии, английская 2-я армия должна была предоставить в ее распоряжение некоторое количество батарей, а в случае необходимости оказать ей широкую поддержку своими резервами.

Но я сообщил фельдмаршалу Хейгу, что французская 10-я армия может оказаться вынужденной покинуть английскую зону, и вместе с тем предупредил его, что в случае, если противник введет все свои свободные силы в дело на французском фронте, мне, может быть, придется призвать на помощь британский общий резерв, только что выделенный фельдмаршалом.

Тем временем, чтобы дать Северной армейской группе

---

[1] 29 мая считали, что кронпринц баварский имеет в резерве около 30 свежих дивизий.

необходимые ей дивизии, Петэн вынужден был взять их из резервной группы армий и, несмотря на всю опасность такой меры, приказал ген. Файолю перевести в резерв 7—8 дивизий. Последний мог сделать это, только сняв их со своего фронта и отдав свои собственные резервы, т. е. в итоге ослабив особенно ответственный участок — стык между британскими и французскими армиями. Чтобы по возможности укрепить этот участок, я возложил на фельдмаршала Хейга заботу о подкреплении правого фланга английской 4-й армии к югу от Соммы и об обеспечении тесной связи с французской 1-й армией.

Из этого мы видим, насколько напряженной была обстановка и как остро чувствовался недостаток живой силы.

Между тем 30 мая германские атаки продолжались с прежней силой; их главный нажим опять чувствовался в центре, с одной стороны, в направлении на Марну, которой противник достиг на всем фронте от Шато-Тьери до Дормана, с другой — в направлении на Урк и лес Виллер-Котрэ, где французская 6-я армия довольно далеко подалась назад.

Точно так же к северу от Суассона немцы снова продвинулись вперед и отбросили французов на плато Нуврон.

Только со стороны Реймса положение становилось все более устойчивым ввиду прибытия на фронт французской 5-й армии, очень облегчившего командованию организацию обороны.

Поле действия противника, казалось, ограничивалось в данное время районом, заключенным между Марной у Дормана и Уазой у Нуайона, но на этом пространстве, на фронте более 100 *км*, шло ожесточенное сражение. Германское верховное командование вводило в дело свои резервы. 30 мая было установлено присутствие здесь 6 новых дивизий, прибывших с фронта кронпринца баварского, а авиация, со своей стороны, доносила о движении сильных германских колонн на запад в общем направлении на Париж.

Вот почему Петэн, прочно организовав оборону южного берега Марны, решил сосредоточить все свои усилия именно на этом направлении, и в помощь ему я распорядился немедленно перебросить 10-ю армию с ее 4 дивизиями из британской зоны в район Марны.

Это перемещение было тем более необходимо, что штаб французского главнокомандующего все время получал многочисленные и точные сведения, заставлявшие ожидать расши-

рения района германского наступления до западного берега Уазы от Нуайона до Мондидье. Германское верховное командование, несомненно, хотело во что бы то ни стало проложить себе дорогу на Париж.

В самом деле, 31 мая между Марной и Уазой разыгрались ожесточеннейшие бои; французские войска, все еще недостаточной численности, отошли далеко назад по долине Урка и были отброшены на подступы к лесу Виллер-Котрэ, тогда как к северу от Нуайона им пришлось очистить Нувронское плато.

Настоятельную просьбу Петэна о предоставлении в его распоряжение части дивизий Северной армейской группы и американских дивизий, обучающихся в британской зоне, а также об отправке нескольких свободных английских дивизий в тыл резервной группы армий, в настоящий момент нельзя было удовлетворить, так как возможность германского наступления на британском фронте все еще была налицо. Установление присутствия на Марне нескольких соединений с фронта кронпринца баварского было еще недостаточно, чтобы отвергнуть эту возможность.

Помимо этого, предстоявшее в ближайшем будущем прибытие в Северную группу армий 10-й армии и двух новых обученных американских дивизий (3 и 5-й) в дополнение к дивизиям, выделенным Петэном из резервной группы армий и Восточной группы армий, должно было позволить ему восстановить положение, конечно, при том условии, что на всех ступенях командования будет выработана твердая линия поведения, будут отданы соответствующие приказы и обеспечена строжайшая проверка их выполнения.

По моему мнению, это условие являлось в данный момент решающим, и только выполнение его позволяло предотвратить кризис. Я ясно высказал это ген. Петэну и Дюшену в Трильпоре, после полудня 31 мая.

Однако, напоминая командованию об его основной обязанности, надо было продолжать подготовку необходимых ему сил. В тот же день, 31 мая, принимая в Саркюсе фельдмаршала Хейга, я переговорил с ним о возможном использовании американских дивизий, обучающихся в английской армии, на французском фронте, о возможном уходе двух дивизий Северной армейской группы, о помощи, которую британская армия может быть призвана оказать в случае сильного наступления противника на французском фронте, и

о мерах, которые надо было предусмотреть теперь же для подготовки этой помощи.

1 июня противник, непрерывно продолжая свои атаки, снова значительно продвинулся вперед, с одной стороны, между Марной и Урком, с другой — в направлении на лес Виллер-Котрэ, к восточным опушкам которого он и подошел вплотную.

Ген. Петэн, считая, что серьезность положения все более неотложно требует принятия соответствующих мер, снова написал мне о затруднениях, которые он испытывает при питании сражения, повторяя свою высказанную накануне просьбу относительно американских и британских дивизий. К этому письму он приложил донесение ген. Кастельно, который писал, что если немцы атакуют крупными силами фронт Восточной группы, лишенный в настоящее время всяких резервов, ему не останется ничего другого, «как возможно быстрее отвести в тыл неатакованные дивизии, перегруппировать их и маневрировать ими, чтобы сдержать противника в ожидании лучшего».

Все это было признаком кризиса, о котором я уже сигнализировал, в частности, во время совещания в Трильпоре 31 мая, и который я заметил в течение предыдущих недель и при аналогичных обстоятельствах у англичан. Мне опять пришлось поддерживать колеблющуюся энергию.

2 июня, повидавшись и переговорив с Петэном в Бонбоне, я оставил ему записку, содержавшую резюме нашего разговора:

«1. Линия поведения, которой должно держаться французское командование, заключается в том, чтобы любой ценой остановить движение противника на Париж, особенно через район к северу от Марны.

2. Средством для этого является оборона территории шаг за шагом в этом направлении, не щадя последних сил.

3. Для этого нужно прежде всего обеспечить *разработку приказов,* которыми определялся бы образ действий войск в соответствии с этой линией поведения, и следить за *точным выполнением этих приказов,* смещая всякого начальника, повинного в слабости».

А чтобы восстановить уверенность, я добавил:

«4. Все союзные войска получают такую же ориентировку и примут участие в сражении в зависимости от транспортных возможностей».

В этом отношении я принял значительные меры. По соглашению с ген. Першингом было решено отправить на французский фронт 5 американских дивизий, проходивших обучение в британской армии, для смены французских частей на спокойных участках и, таким образом, освободить их для участия в сражении.

Фельдмаршала Хейга просили направить походным порядком 3 дивизии из его общего резерва в район к западу от Амьена, где они смогли бы в случае необходимости действовать в интересах либо британской, либо французской армии.

Наконец, чтобы приблизиться к ставке французского главнокомандующего, я переехал сначала в Муши-ле-Шатель (1 июня), а затем в Бонбон (5 июня).

Объявляя об этих решениях, я настаивал на необходимости организовать сражение и немедля призвать «всех начальников к энергичным и решительным действиям».

Впрочем, прибытие многочисленных французских подкреплений, целесообразное распределение органов командования на поле сражения, а также утомление противника должны были все более и более стабилизировать положение между Уазой и Марной.

Уже 2 и 3 июня немцы лишь с трудом продвигались вперед к югу от Суассона, а 4 июня, наткнувшись повсюду на прочный фронт, прекратили свои атаки.

2. Германское наступление между Нуайоном и Мондидье

(9 — 13 июня)

Сражение, подготовлявшееся немцами, в действительности являлось частью плана операций, который они начали проводить 27 мая и который первоначально предусматривался как общая операция на всем фронте между Реймсом и Мондидье. За неимением достаточного количества тяжелой артиллерии и минометов германское верховное командование не смогло провести это наступление в один прием, и ему пришлось расчленить его на две последовательные операции: одну к востоку от Уазы — это было наступление 27 мая на Шмен-де-Дам, другую — к западу от Уазы. Второе наступление могло начаться только после переброски артиллерии, послужившей для подготовки первого.

Но во второй операции немцы уже не имели тех преимуществ, как в первой. Необходимость действовать быстро

заставила их пренебречь тщательными мерами предосторожности, которые позволили им полностью скрыть подготовку к наступлению 27 июня; поэтому их новый замысел был быстро раскрыт французской авиацией и разведывательной службой. 30 мая ген. Петэн уже был осведомлен в общих чертах о плане противника; оставался неясным только один вопрос — о численности сил, которыми противник намеревался осуществить его. Предположительно эти силы могли быть очень значительными.

По расчетам французского штаба, главное командование противника, располагавшее в то время примерно 60 дивизиями в резерве, могло бросить в наступление между Уазой и Соммой 45 дивизий, т. е. еще больше, чем при наступлении на Шмен-де-Дам 27 мая, и во всяком случае гораздо больше, чем было у нас в резерве.

В действительности же германская 18-я армия (ген. фон Хутье), на которую было возложено проведение этой операции, выставила в первую линию только 13 дивизий на фронте в 34 *км*.

Против нее были расположены 7 дивизий первой линии французской 3-й армии (ген. Энбера), поддержанные 5 дивизиями во второй линии и в резерве и могущие быть усиленными еще 7 пехотными и 3 кавалерийскими дивизиями, сосредоточенными дальше в тылу, между Бовэ и Санли.

Как мы видим, этих сил было вполне достаточно, по крайней мере вначале, чтобы остановить натиск германцев; но при нашей неуверенности относительно возможности развития этого наступления нам приходилось думать и о более отдаленном будущем.

С этой целью я 4 июня предупредил фельдмаршала Хейга, что если «противник будет безостановочно продолжать свой маневр на Париж между Марной и Уазой или развивать его на более широком фронте, например, между Шато-Тьери и Мондидье.., все союзные силы во Франции должны будут участвовать в сражении, которое, по всей вероятности, решит исход всей войны...». Далее, я предлагал Хейгу подготовить во всех подробностях эту переброску, учитывая возможность сокращения численности его войск, расположенных в первой линии.

Это предложение явилось причиной недоразумения между мною и английским главным командованием.

Хейг, который во исполнение предшествовавших директив

приказал передвинуть три из своих дивизий (22-й корпус) к Сомме западнее Амьена, а с другой стороны—все еще опасался наступления противника между рр. Лис и Соммой [1], заявил формальный протест «против изъятия из его подчинения какой-либо части британской армии», пока он будет находиться под угрозой противника, и в силу соглашения в Бовэ принес жалобу своему правительству.

7 июня в Париже у председателя совета министров состоялось совещание, на котором присутствовали Клемансо, лорд Милнер, фельдмаршал Хейг, ген. Вилсон, Лоренс, Вейган и я.

Лорд Милнер заявил, что настоящая конференция созвана по просьбе английского правительства, встревоженного, как и фельдмаршал Хейг, требованием, предъявленным к британским резервам. Я без труда доказал, что я отнюдь не трогал английских резервов, что до сих пор я просил фельдмаршала Хейга только о принятии предварительных и подготовительных мер и что, кроме того, я не имел никакого намерения лишать его резервов прежде, чем это станет безусловно необходимым.

Инцидент был легко улажен; но не показывает ли он, с какими неожиданными затруднениями приходится иногда сталкиваться командованию коалиционными армиями из-за того, что отдельные армии не легко понимают друг друга? Разве настройка инструментов большого оркестра не требует известного времени? А если он образован из разнородных элементов, не приходится ли учитывать их диапазоны?

В конце того же совещания, на котором были рассмотрены и другие возможные случаи, ген. Вилсон, возвращаясь к вопросу, поднимавшемуся во время сражения во Фландрии, спросил меня, между прочим, какова будет линия поведения в отношении британской армии, если при дальнейшем развитии германского наступления возникнет угроза одновременно Парижу и английским морским базам.

На это я повторил ему, что намерен обеспечивать одновременно и связь между английской и французской армиями, и оборону Парижа, и защиту портов, поскольку каждое из этих условий необходимо для успеха войны.

Фактически, не говоря уже о беспокойстве населения,

[1] 4 июня считали, что у кронпринца баварского имеется 49 свободных дивизий, из них 26 свежих.

а следовательно, и правительств, противник был близок к достижению одного из объектов своих стремлений, т. е. Парижа или портов Ламанша. Союзники же были вынуждены в данный момент ограничиваться обороной со всей присущей ей неизвестностью, более или менее внезапными ударами противника, беспокойством, неуверенностью; все это — явления морального порядка, ослабляющие уже без того истощенные силы, сами по себе ослабленные перипетиями ожесточенной войны, продолжавшейся без малого 4 года. Главы правительств, Клемансо и Ллойд-джордж, с рвением поддерживали борьбу; президент Вилсон был вполне готов предоставить для ведения ее огромные ресурсы Америки, позже вступившей в войну. Главное командование обязано было, используя все средства и наблюдая за всеми слабыми участками, избежать новых потрясений и возможно скорее повернуть ход событий.

Ожидая наступления противника между Мондидье и Нуайоном, я еще 5 июня предоставил в распоряжение Петэна одну из дивизий (14-ю) Северной армейской группы. Я просил Хейга подготовить смену другой дивизии этой группы британскими войсками, а взамен предложил вернуть ему штаб 8-го корпуса и 2 английские дивизии, выведенные из сражения на Эне.

Мы приняли все меры предосторожности к тому, чтобы не оказаться под ударом частных наступлений, которые противник мог попытаться предпринять в виде диверсий на различных участках фронта. Для этого мы перевезли в Лотарингию и в Вогезы подлежащие восстановлению французские дивизии и американские дивизии, прибывшие из британской армии, подготовили на всякий случай переброску нескольких французских корпусов на британский фронт, чтобы быть в состоянии в любой момент ответить на германское наступление, всегда возможное в районе Соммы, Аррас, Ланс; наметили как к северу от Соммы, так и на фронте французской 5-й армии небольшие наступательные операции на случай, если придется сковывать силы противника во время оборонительного сражения на Уазе.

Наконец, в ожидании сражения, которое могло оказаться решающим, я в письме к французскому главнокомандующему напомнил ему о стратегических результатах, которых надо было добиваться, общей линии поведения и обязанностях командования.

9 июня после начавшейся в полночь артиллерийской подготовки, на которую мы немедленно ответили контрподготовкой, пехота ген. фон-Хутье в 3 ч. 45 м. атаковала наше расположение между Айанкуром и Тиескуром. В 6 час. фронт наступления противника растянулся до Уазы.

На этом фронте германские дивизии были распределены неравномерно. Широко расчлененные на флангах, они были массированы в центре между Ролло и Тиескуром, где действовали 9 дивизий из 13, брошенных в атаку.

Здесь-то и произошел прорыв. Под натиском противника французские 58 и 125-я дивизии пришли в расстройство. В 8 час. они были отброшены за Гюри. В 10 час. противник вступил в Ресон-сюр-Мас, а в 11 час. овладел нашей второй позицией на протяжении 12 *км* от Мери до Марей-Лямот. Его быстрое продвижение в долине р. Мас (Matz) позволило ему затем обойти наши оборонительные сооружения между Рибекуром и Ласиньи; плато Сен-Клод и Тиескурский лес были в его руках.

К счастью, введение в дело 6 французских дивизий резерва после полудня замедлило это продвижение, а к концу дня противник был задержан на линии Мери, Белуа, Маркеглиз, Ванделикур.

Наступление ген. фон Хутье, за исключением правого фланга, лишь незначительно продвинувшегося вперед, вклинилось во французскую оборону. Компьен оказался под непосредственной угрозой.

Однако, по моему мнению, сил резервной группы армий было еще достаточно для ведения сражения, а с другой стороны, то обстоятельство, что свободные силы кронпринца баварского, как казалось, не участвовали в бою 9 июня, было решающим соображением в пользу оставления Хейгу всех его сил. Тем не менее я попросил последнего перевести 10-го утром южную дивизию 22-го корпуса в район Конти и заменить ее к югу от Соммы другой дивизией, что позволило бы ген. Петэну перевести на юг все французские резервы, расположенные в данное время в тылу его 1-й армии.

10 июня наступление противника продолжалось, но уже далеко не с таким успехом, как накануне. Несмотря на прибытие на фронт новой дивизии, противник лишь немного продвинулся вперед к западу от Маса; значительное продвижение имело место только к востоку от этого рубежа. Поражение одной из французских дивизий (53-й) открыло

противнику дорогу на Рибекур и позволило ему утвердиться на правом берегу Уазы между Монмаком и Сантиньи. Кроме того, под влиянием этого продвижения наши войска на левом берегу реки (38-й корпус) были вынуждены отойти на старые позиции 1914 г. в Байи, Траси-ле-Валь, Пюизален.

Несмотря на это прискорбное событие, общая картина боев за 10 июня оставалась удовлетворительной. «Противник не продвигался вперед с такой легкостью, как при своих последних наступлениях, начиная с мартовского. Наши дивизии упорно отстаивали местность шаг за шагом; наши органы командования быстро организовывались; прибывающие подкрепления вводились в бой экономно и планомерно» [1]. Французская оборона, эшелонированная в глубину в соответствии с последними инструкциями, ослабила первый удар и натиск, резкий и сильный нажим наступления, поддержанного мощной артиллерией.

Кроме того, ген. Файоль должен был использовать эту обстановку для контратаки во фланг противника 5 свежими дивизиями, из которых 4 были в первой линии.

Организация и проведение этого контрудара были только что возложены на ген. Манжена, находившегося в это время в резерве главного командования. Он немедленно принялся за дело, и я застал его после полудня 10 июня в Ноайе с командующим группой Файолем, которому он был подчинен. Манжен доложил нам результаты разведки, свои замыслы, а также о принятых мерах. Хотя большая часть его сил, в частности артиллерия, смогла подойти только ночью, он обещал провести подготовленную атаку на следующее утро. Для этого он до наступления темноты вызвал на местность командиров дивизий, начальников артиллерии, командиров полков, действующих на направлении главного удара, и указал им их объекты и исходные рубежи. Соответственно этому ночью должны были по мере прибытия располагаться войска.

Вечером и ночью он отдал распоряжение командирам дивизий, назначив часы начала артиллерийской подготовки и начала наступления.

Такая быстрота в проведении целого комплекса столь сложных мероприятий, требовавших сбора еще разбросанных вдалеке сил, очевидно, могла поразить умы, привыкшие

[1] Отчет маршала Петэна.

за несколько лет позиционной войны к большой медлительности при подготовке. Она заставляла сомневаться в последующем выполнении, так как некоторым методичным умам казалось невозможным, что Манжен сумеет подготовиться к правильному использованию своих 5 дивизий до 12 июня. Я, со своей стороны, настаивал на первостепенной важности возможно более скорого проведения контратаки; ведь мы застали бы противника тем менее подготовленным к обороне, чем меньше времени мы дали бы ему на ее организацию. Контратака, предпринятая 12-го, встретила бы гораздо более упорное сопротивление, чем 11-го.

В конце концов, по моим настояниям и благодаря четкости перспектив Манжена, Файоль отдал свой приказ, помеченный 16 час. 10 июня и предписывавший произвести контратаку 11 июня как можно раньше. Приказ командующего заканчивался словами: «Завтрашняя операция должна явиться концом оборонительного сражения, которое мы ведем уже целый месяц. Она должна ознаменовать собой остановку германцев, наш переход в наступление и привести к успеху. Необходимо, чтобы все это понимали». Действительно, наступление началось на следующий день, 11 июня, в 11 час.; оно имело значительный успех. Мы захватили д. Мери и Белуа, ликвидировали угрозу долине р. Аронд и взяли около тысячи пленных и несколько орудий.

12-го я встретился в Шантийи с ген. Петэном и договорился с ним о том, чтобы не развивать операцию Манжена дальше того рубежа, на котором она могла дать еще эффект, и таким образом избежать бесполезных потерь. Важно было по возможности бережливо использовать наши свободные дивизии; они могли нам еще пригодиться в другом месте, например, на Сомме, где угроза противника оставалась еще в силе.

Поэтому с нашей стороны больше не последовало серьезного наступления; мы ограничились тем, что некоторыми частными действиями, проведенными 14 июня, исправили линию фронта в свою пользу.

Со своей стороны, противник, улучшив 11-го свои позиции захватом левого берега Маса (Matz), ниже Шевенкура, совершенно прекратил свое наступление к западу от Уазы.

Правда, можно было подумать, что его наступление прекратилось на западе только для того, чтобы с еще большей силой возобновиться восточнее Уазы. На следующий день,

12 июня, две или три германские дивизии довольно сильной атакой к северу от леса Виллер-Котрэ овладели Кютри и Домье и отбросили французские войска на Кевр и Сен-Пьер-Эгль; но оказалось, что это была чисто местная операция, не получившая дальнейшего развития.

13 июня на всем французском фронте снова воцарилось спокойствие.

Глава седьмая

В ожидании

(13 июня — 15 июля)

После третьего наступления, проведенного немцами за весну 1918 г., перед нами стояла важная задача. Прежде всего необходимо было, учитывая уроки недавнего прошлого, закрепить и обеспечить установившееся положение, а также подготовить будущие операции союзных армий.

1. Уроки сражений весной 1918 г.

В трех наступлениях, проведенных противником с 21 марта по 12 июня, его наступательные приемы не менялись. Они характеризовались внезапностью, большой силой, быстротой исполнения, маневрами с целью расширения достигнутого прорыва, стремлением сразу же глубоко проникать в расположение противника. Было желательно, чтобы оборона противопоставила этим приемам соответствующие средства. Войска в обороне должны были научиться правильно оценивать обстановку, активно и всеми способами добывая сведения о противнике; парировать силу и быстрый темп наступления противника, занимая достаточными силами еще до начала наступления первые и вторые позиции, причем единственной задачей войск, занимающих позиции, является оказание сопротивления на месте; противодействовать маневру противника, имеющего целью расширение прорыва, а также глубокому вклинению противника, подкрепляя фланги прорыва большею частью сил, выделенных в резерв. Остальные силы необходимо было использовать для задержки противника с фронта и остановки его; наконец, достигнув этого, возможно скорее контратаковать его, особенно во фланг, всеми войсками, освободившимися или остававшимися с той и другой стороны прорыва.

В итоге с методом прямолинейно-грубого и мощного наступления, принятым противником, легко можно было справиться, если бы командование обороняющихся войск «заранее твердо наметило себе рациональную линию поведения, если бы оно выработало быстро выполнимый и насколько возможно надежный план, а затем твердо держалось бы его, все время руководя сражением».

Эти соображения послужили предметом записки, отправленной мною 16 июня подчиненным мне главнокомандующим с просьбой сообщить ее своим армиям в случае, если с их стороны не будет никаких замечаний.

Действительно, после сражения, во время которого мы почти без борьбы потеряли в мае Эну, а в марте Сомму, нужно было обратить внимание командования на значение вторых позиций, на способ их занятия, на образ действий, которого следовало на них держаться.

Мои указания вызвали некоторые возражения против одновременного занятия первой и второй позиций «достаточными силами». Французское главное командование не сочло возможным передать эти указания войскам и апеллировало по поводу моей теории к председателю совета министров.

Мне не составило труда разъяснить, что́ именно дальновидное командование должно понимать под заблаговременным занятием вторых позиций. Это отнюдь не означало равномерного, расплывчатого занятия их на всем их протяжении, что потребовало бы чрезмерного расхода сил, а просто расположения сравнительно небольших сил в точно определенных ответственных пунктах этих позиций. Эти прочно удерживаемые пункты составляли достаточно крепкий остов, обеспечивающий сопротивление до прибытия более крупных частей резерва.

Мне удалось рассеять недоразумение беседой с ген. Петэном в Бонбоне 18 июня и запиской, представленной мною председателю совета министров по просьбе последнего.

Еще раз из уроков успешных германских наступлений весной 1918 г. надо было твердо запомнить необходимость для союзного командования всех степеней подготовлять целесообразные мероприятия, строго следить за их проведением и требовать от войск той же энергии и решимости, какой требовали от самого командования. В этом отношении во время последних наступлений противника были отмечены случаи слабости. Пришлось принять репрессивные меры и произвести

некоторые перемены во французском высшем командовании.

Однако, какой бы интерес ни представляли прошлые события, нельзя было упускать из вида текущих требований сражения. Противник, очевидно, не собирался остановиться из-за своей неудачи на Марне. Он еще располагал крупными резервами, как говорили, 54 дивизиями 15 июня, 61 дивизией 20 июня, 75, из которых 55 свежих, 30 июня.

После усилий, которые привели на Сомме, во Фландрии, в Шампани и на Уазе к несомненному выигрышу территории и к крупным потерям противников Германии, казалось, что интересы немцев должны побудить их быстро использовать имеющееся еще налицо превосходство сил, так как, с одной стороны, они не могли сомневаться в том, что в процессе борьбы скоро даст себя почувствовать подавляющая сила Америки, а с другой,— они чувствовали приближение того же грозного кризиса живой силы, который переживали британская и французская армии [1].

Поэтому приходилось ожидать нового наступления с их стороны. Где же оно будет предпринято? Склоняясь к предположению, что оно будет направлено против британского фронта, все же допускали, что германская ударная масса может быть использована в любом районе театра военных действий во Франции, и я сделал из этого вывод, что резервы союзников должны быть готовы действовать на всем протяжении фронта от Северного моря до Вогез в интересах английской или французской армии.

Отсюда вытекала необходимость общей боевой готовности этих двух армий.

2. Приведение союзных армий в боевую готовность

Первым делом надо было подготовить быстрое вступление в дело французских резервов в британской зоне и английских резервов во французской зоне. Предварительная работа была уже проведена отдельно и для известного числа дивизий фельдмаршалом Хейгом и ген. Петэном. Теперь важно

[1] В июне 1918 г. германскому верховному командованию пришлось призвать очень значительную часть контингента призыва 1919 г. Призыв 1920 г. был уже частично зачислен на службу в мае, и рассчитывали, что уже в июле он появится на фронтовых сборных пунктах.

было возобновить работу сообща и распространить ее на все союзные резервы.

Это и вызвало мое письмо от 13 июня обоим главнокомандующим. 20-го работа была закончена.

Приходилось также усиливать оборону британского и французского фронтов. В отношении английского фронта было предположено использовать для заблаговременного занятия вторых позиций американские дивизии, а также некоторые британские.

22-й корпус был возвращен в распоряжение Хейга. Корпусу было разрешено целиком перейти на север до Соммы. Петэну было предписано обеспечивать французскими силами левый фланг армии Дебеней к югу от Соммы.

Петэну было предложено возможно скорее свести в корпуса французские дивизии, предназначенные для действий в британской зоне, в первую очередь те, которые уже были сосредоточены вблизи этой зоны.

Наконец, от французского главного командования потребовали усиления Северной армейской группы двумя полками тяжелой артиллерии, одним полком легкой полевой артиллерии на грузовиках и дивизионом 280-*мм* мортир.

Это последнее требование вызвало протест со стороны главнокомандующего, который написал мне 17 июня, что ввиду значительного количества батарей, которыми располагает ген. де-Митри, «в усилении Северной армейской группы артиллерией нет необходимости и что, кроме того, такое усиление было бы опасно, так как повлекло бы за собой не только отход на некоторых участках боевого фронта к югу от Соммы, но и израсходование последних подвижных резервов...» Впрочем, главнокомандующий не ограничился этим отказом; он добавил:

«...1. Французские армии участвовали во всех четырех сражениях, данных противником с 21 марта; они вынесли на своих плечах всю тяжесть двух из этих сражений; поэтому они насчитывают на своих фронтах большое число очень усталых или потрепанных дивизий, которые в скором времени придется сменять. Таково фактическое положение, которое неизбежно будет долго отзываться на использовании наших резервов.

2. Британские армии имели уже двухмесячную передышку и могли вполне справиться и спаять свои пополнения; они имеют на своем фронте протяжением в 150 *км* такую насы-

щенность пехотой и артиллерией, какой никогда не удавалось достигнуть в моих армиях, участвовавших в боях; поэтому они могут обойтись своими силами и дать французским армиям время в свою очередь привести себя в порядок, чтобы выдержать новый удар в направлении на Париж,— удар, который неизбежен. Между тем в настоящее время сил у французской армии едва хватает на то, чтобы производить необходимую смену частей; поэтому сейчас нельзя было бы уменьшить эти силы в интересах британского фронта, не подвергая себя серьезной угрозе в будущем».

В заключение он доносил мне, что ввиду серьезности вопроса он посылает копию своего письма председателю совета министров, военному министру.

Итак, через десять дней после Хейга французский главнокомандующий в свою очередь апеллировал к своему правительству.

Французское правительство, к счастью, поняло, что моя задача скоро стала бы невыполнимой, если бы важные решения, принимаемые мною в общих интересах, оспаривались каждый раз, как только они затрагивали частные интересы. Решив сделать все от него зависящее, чтобы избежать новых затруднений, правительство постановило, что статья соглашения в Бовэ, дававшая главнокомандующим право апеллировать к своим правительствам, не будет больше иметь силы по отношению к главнокомандующему французскими армиями.

Тем не менее необходимо было реагировать на состояние умов, имевших тенденцию проводить сравнения между союзными армиями в отношении проявленных усилий и понесенных потерь. Это нежелательное явление объяснялось, особенно с французской стороны, нервным напряжением за трудные недели последнего сражения.

С этой целью произвели некоторые перемены в личном составе и, так как германского наступления не последовало, предприняли перегруппировку союзных сил, чтобы вернуть их в их нормальные зоны действия. Так, я предложил Хейгу сменить британскими частями войска Северной армейской группы, которые должны были быть возвращены; Петэну — взамен вернуть английскому главному командованию 9-й корпус и 4 английские дивизии, использованные на французском фронте. В принципе фельдмаршал согласился на это; при-

шлось только торопить его с выполнением, чтобы намеченные перемещения были закончены в первых числах июля.

* * *

В то же время были рассмотрены некоторые вопросы, связанные с обороной французского фронта, так как в ожидании оборонительного сражения царило то же указанное выше настроение.

В то время как в директиве, посланной 23 июня французским главным командованием командующему Восточной группой армий, предусматривалась, среди других вариантов, возможность «частичного или полного отхода» сил *этой* группы армий в случае наступления противника на ее фронте или в соседнем районе, я категорически настаивал на прочном удержании *неатакованных* участков фронта при любых обстоятельствах.

А так как стык между французской и британской армиями оставался важнейшим участком, я просил французское главное командование приказать ген. Дебенэ устроить укрепленную линию впереди плато Каши, включающую д. Каши и примыкающую к оборонительным сооружениям, возведенным англичанами к юго-западу от Виллер-Бретонё.

После всех указанных выше перемещений французское главное командование сообщило мне, что к 10 июля его резервы образуют две основные массы:

1. К северу от Уазы (в районе Бовэ) —10 пехотных дивизий и кавалерийский корпус.
2. Между Уазой и Марной —11 пехотных дивизий.

Кроме того, оно будет иметь:

— к югу от Марны —10 пехотных дивизий и кавалерийский корпус;

— между Реймсом и Аргонной —3 пехотные дивизии;

— между Аргонной и Маасом —2 пехотные дивизии.

* * *

При таких условиях можно было рассчитывать на то, что еще до 15 июля реорганизация, перегруппировка и приведение союзных армий в полную готовность будут закончены.

Какого образа действий следовало держаться, если бы про-

тивник атаковал их к этому числу? Это-то я и указал в своей общей директиве № 4 от 1 июля.

Двинутся ли немцы на Абвиль, от которого они находились в каких-нибудь 60 *км*, или на Париж, от которого их отделяло такое же расстояние? Они в том и в другом случае добьются крупных результатов, могущих повлиять на исход войны и недостижимых ни на каком другом направлении. Поэтому их продвижение на этих двух направлениях необходимо было бы остановить любой ценой и возможно скорее. Для наступления на Париж и Абвиль немцы были вынуждены начинать свое движение с фронта Шато-Тьери, Ланс. Следовательно, именно на этом фронте союзники и должны были принять на возможно большую глубину самые серьезные меры, чтобы обеспечить упорную оборону каждого фута пространства: создать прочные оборонительные сооружения, расчлененные в глубину и надежно связанные отсечными позициями; подготовить артиллерийские позиции и провести тщательную подготовку стрельбы с них; издать четкие и точные инструкции для войск, назначенных для обороны позиций или для контратак.

Проведя эти мероприятия, командование должно было, когда придет время, действовать энергично, с полной инициативой, руководя сражением на местности.

Наконец, союзные резервы должны были быть расчленены и организованы так, чтобы их можно было легко перебрасывать туда, где их присутствие окажется необходимым; при этом французские резервы должны были действовать в интересах британской армии, если бы последняя была сильно атакована, а английские резервы точно так же — в интересах французских армий, если бы противник сосредоточил свои массы в направлении на Париж.

* * *

Одновременно с приведением союзных армий в полную боевую готовность, имея в виду, в частности, дальнюю оборону Парижа, организовали на всякий случай и ближнюю (непосредственную) оборону столицы. Эта задача была специально возложена на ген. Гийома, вызванного с Ближнего Востока.

15 июня на совещании, созванном в ставке главнокомандующего союзными армиями в Бонбоне под председатель-

ством Клемансо [1], были определены и разграничены права и обязанности всех заинтересованных в этом вопросе военных властей.

Прежде всего было установлено как принцип, что оборона Парижа обеспечивается армиями, которым поставлена задача ген. Фошем. Не щадя последних сил, они должны отстаивать каждый фут территории и столицу; затем было решено, что если наступающий на Париж противник дойдет примерно до линии Мо, Крей, долина р. Терэн (Thérain), военный губернатор Парижа, командующий парижскими армиями, подчиненный французскому главнокомандующему, примет командование над армиями, обороняющими долины Уазы и Марны, а также район между этими долинами.

Он должен был подготовить непосредственную оборону столицы на всем протяжении укрепленного района от Лез'Андели до Ножан-сюр-Сен путем организации оборонительных линий, разработки планов обороны, подготовки боевых действий и переброс войск.

Кроме того, чтобы облегчить выполнение этой задачи, было решено, что Париж будет включен в фронтовую полосу и что ген. Гийома установит и будет поддерживать связь с французским главным командованием, чтобы постоянно быть в курсе положения французской армии.

3. Подготовка союзников к контрнаступлению

Всеми этими мерами, распространявшимися как на фронтовую, так и на тыловую полосу, союзники рассчитывали ответить на новые наступления противника и подготовиться к большому оборонительному сражению.

Но принимая со своей стороны все меры к тому, чтобы это сражение окончилось неудачей для противника, я не терял из виду наступательной задачи, которую союзные армии должны были подготовить теперь же и выполнить, как только это окажется возможным, так как только наступление позволяло им победоносно закончить войну.

Мы видели, что с этой целью были первоначально выбраны два района; необходимые подготовительные работы

[1] В этом совещании участвовали: вице-председатель Комитета обороны Парижа Поль Думер, председатель комиссии по делам армии в палате депутатов Рене Рену, ген. Фош, Петэн, Гийома, Рок, Эр, Мордак и Вейган.

производились в них заинтересованными армиями — английской в районе р. Лис, французской — между Уазой и Соммой.

Глубокое продвижение, которое только что привело немцев от Эны до Марны у Шато-Тьери, открывало перед союзниками новые перспективы и новые возможности.

Действительно, нетрудно было заметить, что в глубоком, но сравнительно узком «мешке», в котором противник оказался на этом направлении, он располагал для удобного снабжения войск железнодорожными линиями, которые все проходили через Суассон.

В тот день, когда этот жизненно важный узел сообщений окажется под огнем нашей артиллерии, «всякое германское наступление, предпринятое на Шато-Тьери, будет обескровлено».

При существующем начертании нашего фронта обстреливать Суассон можно было только из дальнобойных орудий. Хотя они и стесняли работу снабжения противника, они не могли полностью прекратить ее. Полного запрещения ее можно было ожидать только от подвижной тяжелой и легкой полевой артиллерии, единственно способной обеспечить и надолго сохранить этот результат. Поэтому надо было придвинуть эту артиллерию на дистанцию действительного огня на запрещение.

Таким образом, я пришел к мысли предписать 14 июня ген. Петэну «организовать наступательную операцию, которая имела бы целью захват плато, командующих над Суассоном с запада, чтобы окончательно лишить противника возможности использовать этот пункт, имеющий для него важное значение».

Согласно отданной раньше директиве от 7 июня, 5-я армия подготовила наступление против восточного фланга «мешка» у Шато-Тьери, но германское наступление на Компьен ослабило значение этого наступления. Так как противник был задержан на Масе, оно больше не представляло непосредственного интереса, поэтому его можно было ограничить по масштабу или отложить. Вот почему я, снова уточняя свою мысль, просил Петэна перенести все свое внимание на подготовку наступления 10-й армии, возложив на нее задачу обратного захвата плато Домье до оврага Мисси-о-Буа. Это наступление должно было быть проведено как можно скорее, пока противник не успеет как следует укрепиться.

Петэн немедленно отдал необходимые распоряжения и ука-

зал 10-й армии в качестве ближайшего для достижения рубежа «линию, проходящую через Пернан, Мисси-о-Буа, Лонпон».

Несколько дней спустя, 20 июня, командующий этой армией ген. Манжен представил оперативный план, который в целом и был одобрен французским главнокомандующим.

* * *

Таким образом, к концу июня союзные армии подготовляли наступление в трех весьма различных районах: на р. Лис, на Сомме и на Марне. В последнем районе, мы, как сказано, и намеревались нанести свой первый удар, как только это окажется возможным. Но это нисколько не мешало предусматривать и подготовлять более общий переход в наступление, которое, когда пробил бы его час, не должно было явиться неожиданным для командования и для войск.

Выбор времени и формы нашего наступления требовал известной тонкости расчета. Не следовало упускать из виду, что с 21 марта союзные армии подвергались чрезвычайно мощным внезапным ударам противника, которые на первых порах увенчались бесспорным успехом и были задержаны только ценой очень серьезных жертв. Союзники понесли очень большие потери и находились под сильным впечатлением военной мощи противника.

Чтобы побороть такие настроения, наши первые активные действия должны были быть отмечены успехом, а если бы их развитие и было задержано, они во всяком случае не должны были поставить нас в опасное положение.

С этой точки зрения намеченное наступление на фронт от Суассона до Шато-Тьери все время было бы прикрыто с левого фланга р. Эной; следовательно, если бы оно было задержано во время его проведения, оно не привело бы к образованию «мешка» с уязвимыми флангами.

Наконец, хотя мы собирались вести наступление на первых порах только на одном участке, наши последовательные операции должны были быть организованы так, чтобы каждая без промедления использовала моральное превосходство, приобретенное предыдущей, и расстройство, внесенное в мероприятия противника. Направление каждой из операций в отдельности должно было быть выбрано так, чтобы в конце концов дать общую равнодействующую, которая значительно повысила бы эффект всех наших операций.

Во всяком случае после трех лет позиционной войны надо было подумать о том, чтобы воскресить в наших армиях понимание: силы, заключающейся в движении, применении этого движения, необходимости физической выносливости, и объявить об этом таким языком, который мог бы быть понят как армиями, сражавшимися с самого начала войны, так и теми, которые только еще вступали в борьбу.

Поэтому еще 27 июня ген. Петэну было предложено сформулировать в очень общей директиве, предназначенной для всех союзных армий, основные принципы организации и проведения наступательной операции. Кроме того, он должен был обеспечить боевую подготовку французских и американских соединений, назначенных для наступления. Наконец, ему было указано, что в известные моменты наступательная операция, возможно, будет вестись массой союзных сил — французских, американских и британских,— и ее подготовка должна быть закончена «самое позднее через два месяца». Для наступления можно было рассчитывать самое меньшее на 12 американских дивизий и 10 французских дивизий, к которым присоединятся 7 или 8 британских дивизий, т. е. всего около 30 дивизий.

Таким образом, намечая будущие операции, мы в значительной мере рассчитывали на помощь американцев.

Последняя, хотя и находилась еще в начальной стадии, уже начинала реально сказываться, и уверенность, с которой союзники с самого начала рассчитывали на нее в будущем, с каждым днем находила себе новое подтверждение. Однако союзное командование, которому предстояло использовать эту помощь на поле сражения, должно было непрерывно руководить подготовкой этой помощи.

4. Дальнейшая разработка плана участия американцев

На своей конференции в Абвиле 1 и 2 мая союзные правительства установили в общих чертах план перевозки американских войск во Францию в мае и в июне.

2 июня, снова собравшись в Версале, они предложили мне с лордом Милнером и ген. Першингом представить план перевозки американских войск на июль. Поэтому мы втроем заключили соглашение, в котором, подтверждая безусловную первоочередность перевозок пехоты в июне, требовали, чтобы эта первоочередность была сохранена и в течение июля

и чтобы за этот месяц во Францию было перевезено 140 000 пехотинцев и пулеметчиков.

Высший военный совет не только утвердил это соглашение, но, кроме того, выразил пожелание, чтобы для обеспечения численного превосходства Антанты, а следовательно, ее победы, правительство Соединенных Штатов создало к 1 августа 1919 г. армию в 100 дивизий, что потребовало бы ежемесячного призыва по меньшей мере 300 000 человек.

На этот призыв союзников к американской помощи ген. Першингу вскоре представился случай ответить косвенным образом, но весьма выразительно. 9 июня, когда германская 18-я армия вела атаки в направлении на Компьен, командующий американскими экспедиционными силами приехал ко мне в Бонбон и уверил меня в своей полной солидарности с общим делом, в своем более горячем, чем когда-либо, желании видеть все свои дивизии участвующими в сражении.

Понятно, насколько проявление этих чувств могло облегчить задачу союзных правительств. В самом деле, предел американской помощи ставили только препятствия материального порядка. К сожалению, эти препятствия были серьезными, и я подчеркнул их размеры в записке от 14 июня, представленной председателю совета министров.

Рассматривая в этой записке основу, на которой следовало построить план перевозок войск из Америки во Францию в течение второго полугодия 1918 г., я, наряду с моим вполне законным желанием видеть прибытие во Францию возможно большего числа людей, подчеркнул факторы, могущие помешать его осуществлению, и упомянул, в числе прочих, наличие тоннажа, возможность найти во Франции или неподалеку от нее лошадей, необходимых для организации американских частей, выгружаемых каждый месяц, ресурсы французского вооружения и американского производства, наконец, все возрастающие потребности снабжения американской армии во Франции. Поэтому сложность проблемы требовала «очень тщательной предварительной работы самых разнообразных органов, а также соглашений между правительствами с целью точно установить данные этой проблемы».

С согласия председателя совета министров я возглавил эту работу и совместно с Тардье, находившимся в это время во Франции, разработал программу на следующих основах.

Для того чтобы Антанта могла наверняка нанести в 1919 г.

решительный удар, ей необходимо было иметь неоспоримое численное превосходство над 220—240 германскими дивизиями, а это требовало от Америки присылки 80 дивизий к апрелю и 100 дивизий — к июлю 1919 г.

Чтобы эти дивизии могли пройти трехмесячный курс обучения до отправки в Европу, последняя дивизия, подлежащая отправке в апреле 1919 г., должна быть призвана в декабре 1918 г. Формирование каждой дивизии с учетом соответствующей пропорции служб, армейских и корпусных частей и т. д. требовало зачисления на военную службу 41 600 человек; следовательно, учитывая необходимость пополнения потерь, приходилось завербовать не менее 300 000 человек за каждый из шести последних месяцев 1918 г. и четырех первых месяцев 1919 г.

Эта программа, предварительно одобренная Першингом на совещании в Шомоне 23 июня, была представлена 2 июля членам Высшего военного совета в Версале, которые также приняли ее и переслали президенту Вилсону. Последний немедленно ответил, что к 1 июля 1919 г. во Франции будет 100 американских дивизий и что, если понадобится, за этими дивизиями последуют другие.

Затем было разрешено главное затруднение — вопрос о тоннаже, с одной стороны,— благодаря мощному развитию американского торгового флота[1], с другой,— благодаря помощи британского адмиралтейства, обязавшегося пополнить, если нужно, нехватку.

* * *

Между тем быстрый рост американских сил[2] вызвал все более настоятельное желание со стороны Першинга образовать из них самостоятельную армию.

10 августа он приехал ко мне и просил насколько возможно ускорить формирование армейских корпусов из американских дивизий, находящихся во французской зоне, и снабдить необходимой артиллерией те из них, которые ее еще не имели, выделив ее, если нужно, из французских соединений.

---

[1] К концу войны американская армия использовала 3 800 000 *т* судов по сравнению с 94 000, имевшимися вначале.

[2] В середине июня 1918 г. американская армия насчитывала как в Соединенных Штатах, так и во Франции 42 дивизии общей численностью в 1 747 000 человек.

Я не преминул снова уверить его в том, что никто, как я, так не желал создания американских корпусов, армий, американских участков фронта для сражения, которое должны вести американцы, и что все мои усилия направлены на достижение этой цели. Действительно, я был глубоко убежден в том, что солдаты какой-нибудь страны лучше всего сражаются под командой своих собственных начальников и под родными знаменами.

К тому же опытность и характер Першинга служили гарантией того, что там, где он введет в дело американские войска, он остановится только после достижения успеха. К сожалению, недостаток артиллерии еще не позволял снабдить орудиями все американские дивизии или корпуса, которые можно было бы сформировать.

Действительно, Антанта стремилась приобрести необходимое численное превосходство над противником, и изъятие артиллерии из французских соединений для передачи ее американцам мало соответствовало бы интересам Антанты [1]. Напротив, американские дивизии, не имевшие артиллерии, могли быть с выгодой использованы для смены на спокойных участках французских дивизий, которые, таким образом, освободились бы для участия в сражении.

* ■ *

Сотрудничество с нами американских сил не ограничивалось исключительно Западным фронтом.

17 июня ген. Блисс приехал ко мне в Бонбон перетоворить относительно просьбы, направленной лордом Милнером президенту Вилсону, об отправке американского отряда в 4 000 человек (трех батальонов и двух батарей) в Мурманск и Архангельск.

Президент Вилсон из осторожности и чтобы не уменьшить количества американских войск и транспортных

[1] Здесь Фош, говоря об «опытности» и «характере» Першинга, похваливает его, но одновременно невольно приоткрывает завесу над глубокими противоречиями между союзниками. За вопросом об «артиллерии» кроются вопросы «большой» политики. Американцы стремились как можно скорее приобрести большой удельный вес в общем «концерте» союзных держав с тем, чтобы получить как можно больше при предстоящем дележе добычи. Это, естественно, не было в интересах Антанты, как об этом вынужден признать здесь сам Фош. — *Ред.*

средств, предназначенных для французского фронта, был не очень склонен удовлетворить просьбу Милнера.

Однако спустя шесть дней, узнав, что немцы перебросили несколько дивизий из России во Францию, я в свою очередь телеграфировал президенту Вилсону, что это обстоятельство следует считать «решающим с военной точки зрения доводом в пользу интервенции союзников в Сибири», а 27 июня во второй телеграмме президенту Соединенных Штатов настоятельно просил его спешно отправить в Сибирь два американских полка.

2 июля этот вопрос был поставлен на заседании Высшего военного совета в Версале, и все дело перешло в ведение глав союзных правительств [1].

* * *

Как мы видим, круг деятельности союзного главнокомандующего все более расширялся, распространяясь даже на тылы каждой союзной страны для обеспечения формирования или снабжения войск, а также на все театры военных действий, где были затронуты их интересы. Выработанная в Дулане формула получала очень расширенное толкование.

Но, охватывая взглядом всю войну в целом, приходилось признать, что решалась война все же на Западном фронте, а Западным фронтом было все обширное пространство, простирающееся от устья Изера до устья Пиаве. Несмотря на всю заботу об операциях во Франции, нельзя было упускать из виду важного значения итальянского театра.

---

[1] Президент Вилсон боялся не того, что отправляемые в «Мурманск и в Архангельск» 4 000 солдат ослабили бы французский фронт, а того, что эти солдаты, попадая на советскую территорию, могли «заразиться» большевизмом. Известно, что спустя немного времени американский полк, высадившийся на севере и наступавший от Архангельска на юг, отказался воевать и потребовал отправки домой. Фош невольно признает здесь, что Вилсон из «осторожности... был не очень склонен удовлетворить просьбу Милнера» (об отправке войск в Мурманск и Архангельск).

Здесь мы видим, как Фош, один из организаторов интервенции, торопит союзников к усилению интервенции. Не то, что «немцы перебросили несколько дивизий из России во Францию», явилось главным мотивом спешки Фоша с интервенционистскими мероприятиями, а то, что смертельный страх обуял мировую буржуазию, ее маршалов и генералов, страх перед влиянием русской революции на трудящихся их стран, на армии воюющих держав.—*Ред.*

События, происходившие по сю и ту стороны Альп, неизбежно оказывали друг на друга взаимное влияние.

Прежде всего необходимо было, чтобы дело союзников не потерпело ущерба в Италии и чтобы последняя как можно скорее оказалась в состоянии одержать победу. С этой-то целью конференция в Абвиле возложила на меня задачу по координации действий на итальянском театре.

5. Операции на итальянском фронте

Получив эту задачу, я уже 7 мая написал ген. Диацу, прося его сообщить мне в общих чертах о наступательной операции, намеченной итальянским командованием в районе Мелетт, а также о желательном для него участии союзных сил — французских и британских — в этой операции и о времени, когда подготовка к ней будет закончена.

Ожесточенные бои на франко-британском фронте, бездействие и нерешительность, проявляемые австрийскими армиями с самой зимы, наконец, превосходство союзных сил в Италии являлись решающими факторами для скорого начала крупного итальянского наступления. Оно должно было иметь целью сломить сопротивление австрийцев или, по крайней мере, отвлечь на этот театр часть германских сил, действовавших в данное время на фронтах во Франции.

Чтобы разъяснить и уточнить эти соображения ген. Диацу, а также, чтобы быть в курсе его намерений, я даже временно прикомандировал к штабу итальянского главнокомандующего офицера моего штаба подполк. Лепти.

Так обстояло дело, когда 28 мая командующий французскими войсками в Италии ген. Грациани донес мне телеграммой, что итальянское командование, опасаясь наступления противника на Пиаве, откладывает наступление, намеченное им в районе Асиаго.

Это решение подтвердил два дня спустя начальник оперативного отдела итальянского штаба полк. Каваллеро, которого Диац прислал ко мне в Саркюс с личным письмом. В этом письме начальник генерального штаба итальянской армии подробно излагал мне причины, по которым он не мог ввиду австрийской угрозы в данное время осуществить план наступления.

При таких условиях нам пришлось согласиться с его оценкой обстановки и, одобрив принятые им меры, рассчи-

тывать на то, что итальянская армия будет готова возобновить в благоприятный момент наступательные операции, подготовка к которым уже началась.

9 июня полковник-бригадир Кальканьо, командированный ген. Диацем в качестве постоянного делегата связи в мой штаб, прибыл в Бонбон. Он подтвердил сведения относительно этого наступления, сообщенные мне итальянским главным командованием, впрочем, точно не указывая для него близкого срока, и добавил, что наступательные планы итальянского штаба ограничиваются в данное время частной операцией, которая будет проведена в ближайшем будущем в районе Тонале.

Между тем председатель совета министров Клемансо передал мне разговор, только что имевший место между нашим послом в Риме Камиллом Барером и Орландо; из этого разговора следовало, что ген. Диац отложил свое наступление только после того, как посоветовался со мною и получил мое согласие.

Очень взволнованный, Клемансо просил у меня объяснений по этому поводу. Я немедленно ответил ему, что хотя я 30 мая действительно одобрил образ действий ген. Диаца, однако я также рекомендовал ему перейти в наступление, как только изменится обстановка. К тому же мне казалось, что нерешительность австрийцев на итальянском фронте и упорный нажим германцев на франко-британском фронте должны были в скором времени вызвать изменение образа действий итальянского главного командования.

Действительно, рассмотрев еще раз обстановку с Калканьо, я 12 июня написал ген. Диацу, прося его немедля приняться за осуществление его плана наступления, и подчеркнул в своем письме, что ожидаемые результаты энергичного итальянского наступления крупного масштаба могли бы оказать большую помощь войскам франко-британского фронта в том ожесточенном сражении, которое они вели уже более двух месяцев.

Сообщая об отправке этого письма председателю совета министров, я просил его уведомить о содержании его и Барера, чтобы тот мог в случае надобности воздействовать в том же духе на итальянское правительство.

Но как только письмо было отправлено, началось большое австрийское наступление.

* * *

15 июня итальянские 6, 7 и 3-я армии были атакованы на фронте от верховьев Бренты до устья Пиаве; они прочно удержали свои позиции, и противнику только в нескольких пунктах удалось форсировать Пиаве.

Сражение продолжалось несколько дней, но австрийцам не удалось расширить незначительное захваченное ими пространство; а 23 июня они даже были вынуждены вернуться на левый берег Пиаве. В итоге их наступление окончилось полной неудачей.

Очень важно было, чтобы итальянцы без промедления использовали бесспорное преимущество, которого они таким образом добились.

Поэтому 27 июня я снова написал ген. Диацу. Поздравив его с большим успехом, одержанным его войсками, я просил его как можно скорее разработать и осуществить свои планы наступления, расширив их так, чтобы захватить массив Мелетт и гору Лиссер, т. е. участки, которые непосредственно приблизили бы итальянскую армию к дороге на Фельтре, дали бы ей удобную исходную базу для последующих операций в направлении на Трент в тот день, когда союзники перешли бы в общее наступление на всех фронтах, т. е., вероятно, в сентябре этого года.

Подполк. Лепти было поручено отвезти это письмо ген. Диацу и подробно объяснить ему вытекающие из него выводы. А так как, с другой стороны, 11 июля французское правительство заявило о своей готовности предоставить итальянскому главному командованию необходимые ему технические средства, в частности, танки и ипритовые снаряды, то можно было надеяться на скорое начало итальянского наступления.

Но в это время все наше внимание было снова сосредоточено на французском фронте, где вот-вот должно было начаться четвертое германское наступление.

Глава восьмая

Второе сражение на Марне

В начале июля союзное командование, благодаря работе разведывательных органов и удачным поискам, проведенным на различных участках фронта, получило сведения о ближайших намерениях противника.

Готовилось новое германское наступление на фронте в 120 *км* между Шато-Тьери и Аргонной. В его план входило форсирование Марны в районе Дормана; оно должно было быть проведено в первой половине июля.

Другое наступление противника готовилось также между Аррасом и Ипром. В нем должны были участвовать очень крупные силы.

Одновременность этих двух операций, разделенных большим расстоянием и направленных одна — на юг (в Шампани), другая — на запад (в Артуа и Фландрии), следовательно, по расходящимся направлениям, казалась нам трудно понятной и оправдываемой. Во всяком случае численность свободных германских сил, как казалось, не допускала в данный момент одновременного их проведения. Поэтому нам оставалось предугадать и определить, какая из операций будет предпринята в первую очередь, и на всякий случай готовиться ко второй операции.

Несколько позднее некоторые признаки позволили судить, что первым будет проведено наступление в Шампани. Действительно, здесь противник спешно проводил свою подготовку, и в спешке даже случалось, что он пренебрегал мерами предосторожности, могущими скрыть эту подготовку от нас. Осведомленные таким образом союзники со своей стороны принимали соответствующие меры и устанавливали свою линию поведения.

После того как 3 июля я обратил внимание Петэна на необходимость при обороне указывать каждому его задачу точными приказами с проверкой исполнения, я 5 июля предложил ему решительно усилить угрожаемый фронт авиацией, полевой артиллерией и пехотными дивизиями.

11-го я снова писал ему: «Расширение подготовки к наступлению (противника) в Шампани уменьшает вероятность германского наступления к северу от Соммы или сокращает возможный масштаб этого наступления. При таких условиях следует, как мне кажется, принять меры к тому, чтобы быть в состоянии быстро сосредоточить в тылу нашего фронта в Шампани резервы, достаточные для того, чтобы быстро остановить мощное наступление противника...» и требовал, чтобы он выделил для этого несколько дивизий из числа тех, которые были сосредоточены в то время на французском левом фланге для действий в случае необходимости в британской зоне.

В то же время об этой переброске сообщили фельдмаршалу Хейгу, прося его перевести к югу от Соммы 2 дивизии из его общего резерва, так чтобы во всяком случае обеспечить стык между британскими и французскими армиями. С другой стороны, ему предложили принять меры на случай, если ввиду истощения всех французских резервов в ожидаемом сражении придется для их замены обратиться к английским подкреплениям.

Наконец, ему указали на значение, которое могло иметь английское наступление на фронте Фестюбер, Робек, если бы наступление противника на французскую армию приняло размеры, могущие поглотить большую часть германских резервов.

Впрочем, на другой же день, 13 июля, я призвал на помощь британские резервы, прося Хейга немедленно отправить в тыл французского фронта четыре из своих дивизий и подготовить переброску еще четырех дивизий, если они потребуются; это вызывалось предстоявшим сражением в Шампани.

В предвидении этого сражения мы ежедневно проводили оборонительные мероприятия, могущие остановить противника, и в то же время принимали энергичные меры по подготовке контрнаступления, намеченного к юго-западу от Суассона. Оно должно было развиваться во все более крупном масштабе и явиться сильным ударом в Тарденуа в ответ на наступление противника в Шампани.

Действительно, обстановка, казалось, благоприятствовала успеху этого удара. Она уже сейчас была нацелена во фланг противнику между Марной и Эной, а этот фланг должен был растянуться и ослабеть в тот день, когда противник, наступая от Шато-Тьери до Аргонны, ввел бы главную массу своих сил в бой вблизи Марны, в южном направлении.

Чтобы успешно провести эту двойную операцию, все французские резервы надо было сосредоточить между Уазой и Аргонной. Укомплектованные, отдохнувшие, они вместе с несколькими американскими и британскими дивизиями должны были образовать внушительную массу из 38 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, позволяющую обеспечить одновременно потребности нашего оборонительного фронта в Шампани и наших наступательных операций в районе Суассона.

В близком будущем эти резервы должны были увеличиться,

так как численность американской армии, насчитывавшей во Франции уже 27 дивизий, непрерывно возрастала.

Наоборот, с германской стороны верховное командование испытывало затруднения при комплектовании своих частей, и было ясно, что численное превосходство вскоре будет на стороне союзников.

Таким образом, в середине июля уже можно было предвидеть момент, когда силы обеих сторон придут в равновесие. Действительно, настало время *перейти в наступление,* если противник *не атакует,* а если он *атакует,— сочетать оборону с сильным контрударом.*

Чтобы еще усилить этот ответный удар, я 9 июля предписал Петэну скомбинировать с наступлением 10-й армии другую наступательную операцию, которая должна была быть проведена одновременно между Марной и Реймсом, на восточном фланге «мешка» французской 5-й армией под командой ген. Бертело.

Наконец, 13 июля, я изложил этот замысел в письме к французскому главнокомандующему, указывая ему распределение наших сил в подготовлявшемся сражении.

Первая задача — задержать противника — требовала подвоза сил, который в значительной степени был уже осуществлен, но мог быть еще усилен. Что же касается второй задачи — контрнаступления, которое должно было, «помимо своих собственных преимуществ, явиться чрезвычайно действительным приемом обороны», то для него надо было немедленно выделить, насколько возможно, необходимые силы.

После полудня 14 июля я опять поехал в Провен, где было твердо решено, что это французское контрнаступление начнется в ответ на германское наступление в Шампани, которое ожидалось в самом близком будущем.

Подготовка к этому контрнаступлению, планы которого разрабатывались вот уже несколько недель, требовала четырех суток для сбора и размещения в исходном положении подкреплений, прибывающих с разных участков фронта, а за это время отсутствие их могло сказаться на тех участках, с которых они были сняты, если бы эти участки были атакованы. Таким образом, нам приходилось на эти четыре дня пойти на риск, быть может, пережить кризис, прежде чем быть в состоянии предпринять эффективные действия.

Несмотря на это, мы для ускорения хода событий приказали начать подготовку уже 14 июля, а так как в этот день

казалось, что германское наступление в Шампани должно вот-вот начаться, мы при встрече с Петэном в Провене решили энергично провести и к 18 июля совершенно закончить подготовку к контрнаступлению, которое было бы предпринято в ответ на наступление противника.

В то время как шли наши приготовления, на заседании верховного совета, состоявшемся 4 июля в Версале, нашло себе выражение то беспокойство, которое облеченные широкими полномочиями военные внушают некоторым политическим деятелям. В этот день в конце затянувшегося послеобеденного заседания Ллойд-Джордж внес и потребовал занести в протокол собрания написанную по-английски резолюцию, которую председатель французского совета министров Клемансо принял от имени французского правительства. Согласно этой резолюции, снова появлялся на сцене Версальский комитет, и составлявшие его военные представители вновь получали право контроля, если не инициативы, над планами операций союзных армий, что лишало командующего этими армиями всякой самостоятельности при разработке планов и всякой свободы в их осуществлении.

Как только этот документ был переведен и я ознакомился с его текстом, значение которого, повидимому, ускользнуло от членов совета, я отправился в Париж к Клемансо и заявил ему, что я не могу признать эту резолюцию и не смогу продолжать командовать союзными армиями, если резолюция останется в силе. Мы поехали вместе в Версаль к Ллойд-Джорджу, который собирался обедать с представителями английских доминионов. Несмотря на некоторое смятение, возникшее в среде собравшихся, тотчас началась дискуссия с британским премьером. Была выработана новая редакция, по которой я сохранял полную свободу при разработке планов операций и был обязан отчетом только главам правительств, тогда как военные представители обязаны были предварительно договариваться со мной о вносимых ими предложениях, касающихся ведения войны.

Тем временем подготовка противника продолжалась и близилась к концу. Во время поиска, произведенного 14 июля в 20 час. французским 4-м корпусом, было взято 27 пленных. Тотчас же опрошенные, они показали, что ожидаемое союзниками германское наступление начнется в ту же ночь с 14-го на 15-е, а артиллерийская подготовка — в 0 ч. 10 м.

Еще до ее начала на всем фронте центральной группы

армий началась наша артиллерийская контрподготовка и противобатарейная стрельба. Мы упредили противника в открытии огня. Большая часть наших батарей впервые обнаружила себя во время этих действий.

Тем не менее противник привел свой план в исполнение. В указанный пленными час его артиллерия открыла огонь, а между 4 ч. 15 м. и 5 ч. 30 м. германская пехота пошла в атаку на фронте в 90 *км* от Шато-Тьери до Массижа, за исключением выступа у Реймса. К востоку от Реймса эта атака потерпела полную неудачу благодаря мерам, принятым ген. Гуро. Не успев подойти вплотную к позиции сопротивления, прочно занятой силами французской 4-й армии, колонны противника были расстроены метким и плотным огнем наших батарей, а также пулеметов с линии боевого охранения. Тщетно германское командование несколько раз пыталось в течение дня возобновить атаку на эту позицию сопротивления,—ему не удалось вклиниться в нее ни в одной точке.

К западу от Реймса обстановка в этот день сложилась менее благоприятно для нас. На фронте 5-й армии противник довольно быстро продвинулся вперед между Марной и р. Ардр в общем направлении на Эпернэ и отбросил центр этой армии (французский 5-й и итальянский 2-й корпуса) на его вторую позицию. В то же время он переправился через Марну по обе стороны Дормана, оттеснил охранение, расположенное к югу от этой реки, и образовал предмостную позицию на линии Марей-ле-Пор, Конблизи, Сент-Аньян, Фосуа, где оборонялись левый фланг французской 5-й армии и правый фланг 6-й армии.

Чтобы задержать этот натиск противника, в течение 15 июля были брошены в бой армейские резервы и почти все дивизии общего резерва. К вечеру Петэн имел в тылу 4-й армии только одну пехотную и одну кавалерийскую дивизии, а в тылу 5-й армии — одну дивизию.

Таким образом, германское наступление, задержанное на фронте нашей 4-й армии, достигло бесспорных успехов на фронте нашей 5-й армии и на стыке ее с нашей 6-й армией. Там противнику даже удалось прорвать наш фронт и переправиться через Марну в районе Дормана. Мог ли этот частный успех привести к достаточно глубокому и достаточно быстрому продвижению, способному расстроить наши соседние соединения и помешать осуществлению нашего

плана? Мог ли он заставить нас отказаться от нашего контрнаступления, подготовка которого требовала еще двух суток? Вот вопросы, которые мы задавали себе в течение 15 июля. Однако колебаться не приходилось, если сопоставить слабые результаты, достигнутые противником, с величиной его усилий и мощью, с которой было предпринято его наступление, и учесть пространство, на котором он потерпел неудачу.

Он не добился никакого успеха на фронте более 40 *км* в Шампани. Он форсировал Марну на протяжении почти 20 *км* в районе Дормана. Эти два района были разделены на протяжении 30 *км* массивом города Реймса и Реймской горы, оставшимся в наших руках. Поэтому он не мог за 48 час., которые нужны были нам для завершения подготовки нашего контрнаступления, расширить и развить успех, достигнутый им на Марне, так, чтобы решить исход затеянного им сражения. Между тем по истечении этого срока мы могли атаковать его на фронте в 40 *км* от Эны до Марны мощными силами, во фланг, на новом направлении и по незнакомой ему местности, внезапно,— словом, при таких условиях, которые могли не только нейтрализовать достигнутые им преимущества, но и сделать эти преимущества гибельными для него самого. Для этого нам надо было только неуклонно держаться нашего замысла и плана, по которому мы готовились взять инициативу в свои руки, и перейти в наступление между Эной и Марной. Надо было, не сбрасывая со счетов намерения противника и немедленно парируя непосредственно угрожающую опасность, поддерживать и, если нужно, усиливать эту линию поведения.

На это я и посвятил весь день 15 июля.

Разделяя мою уверенность относительно будущего, главнокомандующий французскими армиями, находившийся под более непосредственным впечатлением событий на поле сражения, был все же озабочен, особенно продвижением германцев к югу от Соммы и в направлении на Эпернэ. Чтобы задержать это продвижение, он собирался взять войска из числа предназначенных для контрнаступления, и прекратить подготовку последнего.

По пути в Муши-ле-Шатель, где я должен был встретиться с Хейгом, я остановился в Ноай, в штабе ген. Файоля, и там узнал об этих мероприятиях. Я немедленно послал в штаб главнокомандующего распоряжение, которое и поправило

дело. Подготовка к контрнаступлению продолжалась без задержки.

Однако, учитывая вполне законную тревогу французского командования, я просил Хейга немедленно отправить вторые две английские дивизии, которые, согласно моему письму от 13 июля, довели бы число английских соединений на французском фронте до четырех. Несмотря на его опасения, что во Франции противник предпримет второстепенное наступление, как в Шампани, и нанесет главный удар на участке фронта между Шато-Тьери и Лансом, он согласился с моей точкой зрения, и на французский фронт были направлены еще 2 английские дивизии — 13 и 34-я.

При таких условиях 2 британские дивизии, уже находившиеся в пути и составлявшие британский 22-й корпус, были предоставлены в распоряжение тен. Петэна для усиления фронта центральной группы армии, занимавшей в данное время оборонительное положение. Две дивизии, перевозка которых только что началась, должны были выгрузиться в районе Уазы и оставаться там в *моем* распоряжении, а затем быть использованы либо наступательно для усиления нашей 10-й или 6-й армии, либо оборонительно — в интересах 3-й армии.

Таким образом, удалось удовлетворить непосредственные потребности обороны, не останавливая подготовки нашего контрнаступления и увеличив назначенные для него силы.

16 июля прошло без новых происшествий. Германское наступление, не имевшее успеха накануне, не принесло успехов и в этот день. На фронте в Шампани оно вырождалось в ряд частных, несвязных, бессильных попыток.

К югу от Марны противник тщетно пытался расширить свою предмостную позицию; он встретил не только упорное сопротивление, но и энергичные контратаки со стороны французской 6-й армии, которая повсюду задержала его и даже отняла у него несколько опорных пунктов. Если добавить сюда, что «наша артиллерия и наша авиация, непрерывно бомбардируя переправы через Марну, затрудняли противнику доставку подкреплений, боевых припасов и продовольствия»[1], мы поймем, насколько непрочным было положение противника на дне «мешка», в районе Шато-Тьери.

За 16 июля ему удалось несколько продвинуться вперед

[1] Отчет маршала Петэна.

только к юго-западу от Реймса между р. Вель и Марной, особенно вдоль последней, но эти успехи носили настолько местный характер, что не могли повлиять на общую обстановку, и обошлись противнику так дорого, что он не мог без ущерба для себя возобновить свои попытки.

После двухдневных бесплодных попыток расширить уже опасное для него «преимущество», достигнутое на Марне, германское верховное командование стало проявлять нерешительность. Каким должно было быть моральное состояние его армии, брошенной в наступление и задержанной в этом «штурме за мир» (Friedensturm), в этом ударе, который должен был привести к миру? В действительности же он вызвал только разочарование и горечь — предвестники поражения.

17 июля германская армия была приведена в состояние бессилия. 18 июля в назначенное время и в указанном районе раздался в свою очередь гром орудий союзников.

Как мы видели выше, еще в июне мы обратили внимание на важное значение железнодорожного узла Суассона, безусловно необходимого противнику для надлежащего снабжения его войск, забравшихся в глубокий, но сравнительно узкий «мешок» у Шато-Тьери. По моим указаниям от 14 и 15 июня ген. Манжен приступил к разработке плана наступления на расположенный недалеко от нас Суассон, а уже 20 июня этот план был готов. Нам стало ясно, что этим наступлением, с запада на восток, можно добиться большего, чем простое расстройство коммуникаций противника, при условии, что исходная база будет расширена и силы, предназначенные для него, будут увеличены.

Поэтому Манжен постепенно расширил фронт намеченного наступления до 24 *км*, которые отделяли его позиции на Эне от позиций на Урке, где он смыкался с левым флангом нашей 6-й армии. Постепенно были увеличены и силы, предоставленные в распоряжение Манжена, так что он должен был бы иметь для начала 18 дивизий (в том числе 1 и 2-я американские дивизии, образующие американский 3-й корпус), 3 кавалерийские дивизии, 240 батарей 75-*мм* пушек, 231 батарею тяжелой артиллерии, 41 авиаотряд, 375 танков.

Со своей стороны, командующий 6-й армией ген. Дегут сообщил, что он сможет действовать в том же направлении, продолжить вправо фланг 10-й армии и расширить на другом берегу Урка фронт намеченного наступления. Он раз-

работал план «возобновления наступления» 6-й армии, продолжая на фронте Урк, Клиньон операцию, предпринятую слева от него 10-й армией. В надлежащий момент в его распоряжение намечено было предоставить полк танков и одну или две пехотные дивизии. С этими добавочными силами, которые довели бы состав его атакующих войск до восьми дивизий, он должен был расширить фронт наступления на 26 *км*.

С 9 июля мы намечали также одновременную операцию 5-й армии, предпринятую между Марной и Реймсом в западном направлении. Но так как с того времени положение 5-й армии коренным образом изменилось, ее действия могли иметь только второстепенное значение.

Между тем 10 и 6-я армии целым рядом боевых действий, проведенных одно за другим, улучшили свою исходную базу. Так, к западу от Суассона 10-я армия расположилась на плато Кютри-Домье, а южнее она захватила д. Лонпон и Корси на опушке леса Виллер-Котрэ и выдвинула боевое охранение к востоку от ручья Савьер. Со своей стороны, 6-я армия снова овладела важными позициями к западу от Шато-Тьери, как д. Во, лесами Рош и Бело, где блестяще действовала американская 2-я дивизия.

Эти мелкие операции, очень тщательно подготовленные, стоили нам ничтожных потерь по сравнению с достигнутыми преимуществами морального и тактического порядка. Во всяком случае в этом районе они определенно понизили силу сопротивления противника, о чем свидетельствовало большое число захваченных нами пленных.

Чтобы смягчить переживаемый кризис численности личного состава, германское главное командование, вероятно, разделило свои дивизии на две категории: одни должны были только удерживать пространство фронтом к западу, другие — захватывать пространство в направлении на юг. Боевая ценность тех и других казалась неодинаковой.

Так обстояло дело с нашими планами и подготовкой, когда германское наступление дало почувствовать силу своего удара, правда, вскоре ослабленную. Несмотря на это наступление и некоторые опасения, мы продолжали и энергично развивали подготовку к многообещающей операции 10 и 6-й армий между Марной и Эной, в то же время подкрепляя импровизированными средствами наше временно ослабленное положение к югу от Марны и на фронте нашей 5-й армии.

На рассвете 18 июля 10 и 6-я армии перешли в наступление. В 4 ч. 35 м. на фронте от долины Марны до Нувронского плато значительно усиленная артиллерия обеих армий внезапно открыла огонь, тогда как пехота вышла из окопов без дальнейшей подготовки и двинулась вперед, предшествуемая своими танками и сопровождаемая в воздухе многочисленной авиацией.

К северу от Урка 10-я армия ворвалась на широком фронте в главную позицию сопротивления противника; к 10 час. она овладела Шодэном, Виерзи, Виллер-Элоном. Южнее 6-я армия, овладев линией германского охранения, провела, согласно плану, полуторачасовую артиллерийскую подготовку по позиции сопротивления противника. Затем она успешно возобновила продвижение и к полудню заняла эту позицию от Маризи-Сен-Мар до Торси.

Ввиду удачного хода этих атак я в тот же день отправил Петэну следующую частную директиву:

«1. Район к северу от Марны у Шато-Тьери оказывается наиболее удобным для плодотворного наступления.

Следовательно, надо сперва усилить операцию, предпринятую сегодня нашими 6 и 10-й армиями, а затем подготовить расширение этой операции на север.

2. С этой двойной целью необходимо немедля сосредоточить все свободные свежие соединения к югу от линии Шато-Тьери, Реймс, Массиж, где, несомненно, намечается район наших демонстративных действий.

3. Для этого намечаются следующие соединения:

— британский 22-й корпус, который должен будет присоединиться к британским 15 и 34-й дивизиям;

— американская 42-я дивизия;

— французские или американские соединения, прибывающие с восточной части фронта.

4. Это перераспределение сил не должно ни в какой мере ограничивать наступательную деятельность 9, 5 и 4-й армий. Последняя будет поддерживаться путем перегруппировки введенных в дело сил, а не путем придачи новых сил».

В то же время я сообщил Хейгу, что «для лучшего использования уже достигнутых результатов» английские 15 и 34-я дивизии перебрасываются в район Виллер-Котрэ, где, оставаясь пока в резерве, они смогут подготовиться к участию в сражении.

Действительные результаты, достигнутые 18 июля, были

значительны. Кроме выигрыша пространства, который к концу дня привел авангарды 6 и 10-й армий примерно на линию Пернан, Нейи-Сен-Фрон, Торси, эти армии захватили 10 000 пленных и несколько сот орудий. Захваченный врасплох противник оказал в общем слабое сопротивление. Теперь он уже был лишен возможности пользоваться железными дорогами через Суассон.

19-го наше наступление продолжалось на всем фронте без особых затруднений, а наша бомбардировочная авиация бомбардировала переправы через Марну и скопления противника, обнаруженные в Ульши-ле-Шато и Фер-ан-Тарденуа. Эти скопления, казалось, указывали на то, что германское верховное командование собирается оборонять долину Урка, где наступление союзников явилось бы серьезной угрозой для германских войск, занимающих плато у Суассона и предмостную позицию к югу от Марны.

Таким образом, можно было ожидать, что в Тарденуа завяжется ожесточенное сражение. Поэтому, повидавшись 19-го утром с Петэном, я отдал ему следующую директиву:

«Завязавшееся сражение должно иметь целью уничтожение сил противника к югу от рр. Эны и Вель.

Оно должно вестись чрезвычайно активно и с предельной энергией, без потери времени, чтобы использовать достигнутую внезапность.

Оно будет вестись:

10-й армией, прикрытой р. Эной, а затем р. Вель, с целью захватить плато к северу от Фер-ан-Тарденуа, имея свой правый фланг в Фер-ан-Тарденуа;

6-й армией, которая будет поддерживать продвижение 10-й и выдвинет свой левый фланг в Фер-ан-Тарденуа;

9 и 5-й армиями, которые как можно скорее энергично перейдут в наступление,— 9-я армия, чтобы отбросить противника к северу от Марны, 5-я, чтобы снова занять сперва фронт Шатийон, Блинье, а позднее шоссе Виль-ан-Тарденуа, Верней».

Фактически с 20 июля сопротивление противника усилилось. В этот день 10-я армия оставалась прикованной к плато западнее и юго-западнее Суассона. Только на ее правом фланге ее части несколько продвинулись в направлении Ульши-ле-Шато. 6-я армия также встретила большие затруднения между Урком и Марной и лишь незначительно продвинулась вперед, тогда как 5-я армия, в свою очередь пере-

шедшая в наступление при поддержке двух британских дивизий, несколько продвинулась вперед на некоторых участках между Марво и Бельвалем.

Командование противника, сперва застигнутое врасплох, не могло не понимать значения ударов, нанесенных ему 18 и 19 июля нашими 10 и 6-й армиями, а также той опасности, которую представляло для его войск, выдвинувшихся на Марну и за нее, наше продвижение вдоль Эны и вдоль Урка на Фер-ан-Тарденуа. Оно ставило под сильную угрозу коммуникации противника и могло отрезать его войска и запасы, собранные на Марне для наступления 15 июля. Противнику приходилось спешно перебрасывать их обратно в тыл, а для этого он должен был во что бы то ни стало задержать или, по крайней мере, замедлить наступление наших 10 и 6-й армий с запада и 5-й армии с востока, не говоря уже о жертвах на обоих флангах. Только при таких условиях противник мог в течение 19 и 20 июля отвести войска и материальную часть, находившиеся к югу от Марны, а в последующие дни эвакуировать на линию Урка всякого рода запасы, сосредоточенные в лесистом районе к северу от Марны.

Таким образом, центр тяжести нашей операции перемещался к северу от этой линии, и 21 июля я отдал Петэну соответствующие директивы:

«...Чтобы извлечь из настоящего сражения все результаты, которые оно может дать, необходимо как можно энергичнее развивать операцию 10-й армии на плато к северу от Фер-ан-Тарденуа; для этого надо придать ей все свободные силы и средства, не говоря уже о непрерывной поддержке, которую должен оказывать ей левый фланг 6-й армии, и о продолжении наступления на фронтах 9 и 5-й армий...»

Через день, 23 июля, я снова настаивал:

«...Очень важно энергично и немедленно взять управление операцией в свои руки, чтобы извлечь из происходящего сражения все результаты, которые оно еще может дать...

Все свободные силы и средства должны быть предоставлены 10-й армии... Надо, чтобы эта армия сосредоточила их на одном участке своего фронта для мощного наступления в особенно важном направлении, а именно — на район Фер-ан-Тарденуа.

Поддержанное справа 6-й армией, которая сосредоточит все свои свободные силы на своем левом фланге, это наступление может в результате заставить противника в трудной

для него обстановке очистить весь район к югу от Фер-ан-Тарденуа.

Вследствие передачи всех свободных сил в 10-ю армию 5-я армия будет располагать лишь ограниченными силами. Поэтому 5-й армии придется проводить последовательные операции, сосредоточивая силы для каждой из них и определяя их последовательный порядок так, чтобы каждая создавала благоприятные условия для последующей. Так, продвижение на высотах к северу от р. Ардр облегчит последующее наступление к югу от реки, а последнее, в свою очередь, заставит противника эвакуировать район к северу от Марны...»

Однако, усиливая и направляя таким образом происходящее сражение, я не мог пренебречь возможностью ответного удара немцев на другом участке фронта. Чтобы вырваться из упрожавших им тисков, верховное командование центральных империй могло попытаться использовать свои резервы для диверсии к северу от Уазы или против английского фронта. Чтобы быть в состоянии отразить ее, я просил Петэна перегруппировать в тылу французского левого фланга усталые дивизии, выведенные из сражения, и вернул в полное распоряжение Хейга обе британские дивизии, которые я 12 июля предложил ему перевести к югу от Соммы.

Тем временем 6 и 10-я армии, сосредоточив на обоих берегах Урка большую часть своих наступательных средств, 25 июля бросили их в наступление в направлении на Ульши-ле-Шато. Блестящей атакой были захвачены Ульши-ля-Виль и Ульши-ле-Шато, и наши войска утвердились на западных склонах горы Шальмон, командующей над долиной Урка; это был крупный успех, отнявший у противника надежду и возможность задержаться на линии Урка.

На другой же день немцы отступили к высотам севернее этой реки так поспешно, что на некоторых участках наши авангарды не смогли сохранить соприкосновение с ними.

Вечером 29 июля французские 10, 6 и 5-я армии были задержаны перед этими высотами на общей линии Гран-Розуа, Фер-ан-Тарденуа, Сьерж, Виль-ан-Тарденуа, Вриньи.

Противник оказывал на этой линии сопротивление. 30 и 31 июля наши попытки выбить его оставались бесплодными. Деревни Серенж, Сержи, Виллер-Агрон по нескольку раз переходили из рук в руки. Сражение снова дошло до мертвой точки.

Но, согласно моим директивам от 27 июля и распоряжениям

Петэна от 29 июля, 10-я армия снова перешла в наступление. 1 августа в 4 ч. 55 м. французские 25, 41, 68-я дивизии и английская 34-я дивизия, поддержанные танковыми частями, пошли в атаку на высоты Гран-Розуа. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, они с боем захватили германскую позицию между р. Орм у Гран-Розуа, высотой Серванэ с тригонометрическим знаком и д. Крамай и удержались на ней, несмотря на многочисленные сильные контратаки. Эти решительные действия принудили немцев к новому отходу.

2 августа на рассвете перед 10, 6 и 5-й армиями противника не оказалось, и к вечеру они без выстрела вышли на плато к югу от р. Вель. Был снова занят Суассон.

3 августа продвижение продолжалось. Наши войска, выйдя на левый берег р. Вель, вступили вновь в соприкосновение с противником, а в некоторых местах выдвинули несколько подразделений к северу от реки.

Однако, выйдя к линии р. Вель, мы 4 августа нашли ее прочно занятой немцами. Они, повидимому, решили оборонять ее. Чтобы сбить их, пришлось бы организовать новую операцию крупными силами без надежды на скорое достижение решающих результатов; между тем мы подготовляли в Пикардии и Сантере другую операцию, которая могла иметь серьезные последствия. Наши силы не позволяли нам вести одновременно и это сражение и наступление на р. Вель. Поэтому резервной и центральной группам армий было приказано «расположиться на позициях к югу от р. Вель, продолжая создавать у противника впечатление, что подготовка к атаке продолжается...»

Так после трехнедельной борьбы закончилось второе сражение на Марне, неудачно начатое немцами 15 июля, продолженное и с успехом проведенное союзниками, начиная с 18 июля. Удачное стечение обстоятельств привело к участию в нем американских, британских, итальянских и французских дивизий. В итоге его союзники получили значительные преимущества: было захвачено 30 000 пленных, более 600 орудий, 200 минометов, 3 000 пулеметов; фронт укоротился на 45 *км,* восстановлено железнодорожное сообщение Париж — Шалон, ликвидирована угроза Парижу.

Но, главное, было подорвано моральное состояние германской армии и повысилось моральное состояние войск союзников. После вынужденной четырехмесячной обороны, вызван-

ной превосходством сил противника, победоносное контрнаступление передаю в наши руки инициативу операций.

Было чрезвычайно важно сохранить в своих руках управление ходом войны, развивая и ускоряя ее фазы и удары в ряде планомерных операций, вводя в дело все силы и средства союзников как можно быстрее, не давая противнику оправиться.

Глава девятая

Записка от 24 июля

Проникнувшись этими соображениями, особенно с тех пор, как германское наступление было задержано, мы, по мере того как выяснились результаты нашей победы в Тарденуа, устанавливали порядок их осуществления.

Непосредственное проведение наших замыслов в жизнь должно было базироваться на всех ресурсах, которыми мы располагали в данное время и на которые могли рассчитывать в будущем. Оно должно было также, наряду с достижением тактических успехов, преследовать результаты, могущие увеличить эти ресурсы или облегчить их использование. Наконец, чтобы увлечь за собой все умы, положение надо было представить так, чтобы было ясно, что благодаря постепенному возрастанию сил мы могли надеяться нанести общий удар с решающими результатами при условии, если мы ускорим наши операции и координируем их во времени. Поэтому я составил следующую памятную записку:

«I. Пятое германское наступление, задержанное в самом начале, сразу оказалось неудачным.

Наступление, предпринятое французскими 10 и 6-й армиями, превратило его в поражение.

Это поражение мы прежде всего должны использовать до конца в самом районе сражения; этого мы и добиваемся, непрерывно и с величайшей энергией продолжая в этом районе свои атаки.

Но последствия этого поражения чувствуются далеко за пределами самого поля сражения.

II. Поражение противника обусловливает также общий образ действий, которого должны придерживаться союзные армии.

Действительно, на сегодняшний день мы, еще не имея на своей стороне преимущества в числе дивизий, достигли по

крайней мере равенства в числе батальонов и вообще в численности бойцов.

Впервые, благодаря числу дивизий, которые немцы были вынуждены ввести в дело, мы располагаем преимуществом в численности резервов, а благодаря значительному числу расстроенных дивизий, которые немцы вынуждены будут сменить свежими частями, мы будем также обладать преимуществом в количестве свежих резервов.

С другой стороны, все полученные сведения говорят о том, что противник вынужден иметь две армии: оккупационную армию, приносимую в жертву, не получающую пополнений, подолгу выдерживаемую на фронте, и ударную армию, маневрирующую под прикрытием этого хрупкого фасада и составляющую предмет всяческих забот со стороны германского главного командования, но уже сильно растрепанную.

Кроме того, на стороне союзников—неоспоримый материальный перевес в авиации и танках. Перевес в артиллерии, все еще ничтожный, должен увеличиться по мере прибытия американской артиллерии.

Наконец, в тылу союзников из мощного американского запаса ежемесячно прибывает по 250 000 человек, тогда как противнику, как нам известно, пришлось прибегнуть в мае к исключительным мерам для преодоления кризиса живой силы. Затруднения, испытываемые немцами в деле комплектования своих частей личным составом, свидетельствуют о наступлении нового кризиса.

Ко всем этим явным признакам изменения фактора материальной силы в нашу пользу присоединяется моральное превосходство, укрепившееся на нашей стороне с самого начала сражения благодаря тому, что противник, несмотря на свои не имевшие себе равных усилия, не смог добиться необходимого для него решающего результата; в настоящее время этот моральный перевес еще увеличился благодаря победе, одержанной союзными армиями.

Таким образом союзные армии в разгар сражения снова взяли инициативу в свои руки; их силы позволяют им сохранить эту инициативу, а принципы военного искусства требуют от них этого.

Настало время отказаться от оборонительного образа действий, диктовавшегося до сих пор относительной численной слабостью, и перейти в наступление.

III. Еще не задаваясь целью добиться решения, мы в этом

наступлении, слагающемся из ряда операций, которые должны быть предприняты теперь же, будем стремиться к результатам, благоприятствующим:

а) дальнейшему развитию операций;

б) экономической жизни страны.

Кроме того, оно позволит союзникам сохранить в своих руках инициативу.

Эти операции должны быть проведены быстро одна за другой, что позволит нанести противнику ряд повторных ударов; это условие естественно ограничивает их размах, уже ограниченный сократившимся после четырехмесячного сражения числом соединений, которыми будут располагать для наступления союзные армии.

Исходя из этих соображений, установлен следующий общий план ближайших наступательных действий.

1. Действия, направленные на ликвидацию угрозы железным дорогам, необходимым для последующих операций союзных армий:

а) ликвидация угрозы железной дороге Париж — Аврикур в районе Марны как минимальный результат происходящего сейчас наступления;

б) ликвидация угрозы железной дороге Париж — Амьен совместными действиями британских и французских армий;

в) ликвидация угрозы железной дороге Париж — Аврикур в районе Камерси путем захвата Сен-Миельского выступа[1] — операция, которая должна быть немедленно подготовлена и предпринята американскими армиями, как только они будут располагать необходимыми силами и средствами.

2. Операции, имеющие целью ликвидировать угрозу северному горнопромышленному району и окончательно оттеснить противника от района Дюнкерка и Кале.

Эти операции предполагают два наступления, которые могут быть проведены отдельно или в сочетании одно с другим.

Как сказано выше, все эти операции надо провести через короткие промежутки времени, так чтобы помешать противнику последовательно использовать свои резервы и не дать ему времени восстановить свои части.

---

[1] Не говоря о выгодном, впрочем, для обоих противников, сокращении фронта, к которому привела бы эта операция, она приближает нас к району Бриэ и дает нам возможность предпринять операцию крупного масштаба между Маасом и Мозелем, что впоследствии может стать необходимым.

Для них должны быть выделены необходимые крупные силы, так чтобы наверняка добиться успеха.

Наконец, должен быть во что бы то ни стало достигнут эффект внезапности. Недавние операции показали, что это — необходимое условие успеха.

IV. В настоящее время еще невозможно предугадать, к какому выигрышу приведут вышеуказанные намеченные нами операции и на сколько времени они затянутся. Однако, если намеченные результаты будут достигнуты не слишком поздно, то можно уже теперь предусматривать на конец лета или на осень крупное наступление, которое может увеличить наши преимущества, не давая противнику передышки.

Сейчас еще слишком рано более точно определять подробности этого наступления.

V. Наконец, надо предвидеть, что во время этих операций противник, чтобы вырваться из охвата или чтобы сэкономить живую силу, будет вынужден последовательно отходить на заранее оборудованные более короткие позиции.

Эти маневры не должны явиться неожиданностью для союзных армий.

Поэтому очень важно в каждой армии:

— определить возможность отхода противника путем изучения его тыловых оборонительных сооружений;

— наблюдать за противником, чтобы обнаружить малейший признак отхода;

— подготовиться ко всем действиям, необходимым для того, чтобы противник не мог проводить эти маневры непотревоженным».

24 июля, в то время когда еще шло победоносное сражение в Тарденуа, главнокомандующие союзными армиями, фельдмаршал Хейг, ген. Петэн и ген. Першинг, собрались в моей ставке в Бонбоне для совместного обсуждения открывающихся перед нами возможностей. На этом совещании начальник моего штаба ген. Вейган прочел им вслух вышеприведенную заметку. И я должен признать, что она вызвала у присутствующих некоторое удивление своим смелым размахом, масштабами и числом намеченных операций. Каждый из них высказался со своей точки зрения, не лишенной оснований. Хейг сказал, что британская армия, совершенно дезорганизованная мартовскими и апрельскими событиями, еще далеко не приведена в порядок; Петэн — что французская армия после четырех лет войны в настоящее время истощена и все

еще обессилена и обескровлена; Першинг — что американская армия рвется в бой, но еще не сформирована. Как при таких условиях можно было думать о проведении повторных наступлений крупного масштаба?

Признавая всю обоснованность этих замечаний, я указал, что эти временные слабости учтены и что наши силы будут использованы во взаимодействии, и заявил, что считал план возможным и осуществимым, причем его можно будет проводить темпом, который я буду устанавливать в зависимости от обстановки, ускоряя или замедляя его, сообразно успешности нашей операции.

Главнокомандующие не выдвинули формальных возражений. Уезжая, они взяли с собой текст записки от 24 июля и на следующий день сообщили о своем полном согласии, — в принципе они согласились на намеченные операции.

На совещании 24 июля был рассмотрен еще один вопрос — о необходимости для союзников при любых условиях решить исход войны в 1919 г. Лично я в письме, написанном незадолго до того, просил Клемансо призвать подлежащих призыву в 1920 г. еще в октябре 1918 г. по следующим соображениям:

«1919 год будет решающим годом войны. Начиная с весны Америка максимально увеличит свою помощь союзникам. Если мы хотим сократить длительность борьбы, мы должны, начиная с этого момента, придать ей максимальную интенсивность, а следовательно, иметь в наших армиях все возможные силы...», так как, заканчивал я, «чем сильнее мы будем, тем скорее мы победим и тем больше будут прислушиваться к нашему голосу».

В духе этого письма я 24 июля обратился и к главнокомандующим, прося их составить баланс сил и средств, которыми они будут располагать в начале 1919 г. в отношении численности личного состава, крупных соединений, артиллерии, авиации, танков, автотранспортных средств повышенной проходимости.

Я особенно настаивал на необходимости не только удерживать, но и усиливать наш перевес в танках и просил главнокомандующих повлиять на свои правительства в смысле ускорения производства этой материальной части.

Придерживаясь плана ближайших операций, ген. Петэн прислал мне 26 июля свое письменное согласие, добавляя, что, по его мнению, наступление на Сен-Миельский выступ

явится вместе с операциями в Армантьерском «мешке» тем большим наступлением, которое намечено на конец лета и на осень. Оно, вероятно, истощит французские ресурсы на 1918 г., но «зато будет достигнут полезный и полный результат...»

Два других главнокомандующих не прислали своего письменного согласия с положениями доложенной им записки, ограничившись устным выражением согласия.

Глава десятая

Частные наступления союзников

(август — сентябрь 1918 г.)

1. Ликвидация угрозы Амьену и железной дороге Париж—Амьен

Исходя из вышеуказанных соображений и основанных на них мероприятий, мы должны были начать 8 августа второе крупное наступление, на этот раз франко-британскими силами,— сражение в Сантере [1]. Оно имело особенно важные последствия.

Еще с 3 апреля мы носились с мыслью отобрать у противника выступ Мондидье, препятствовавший использованию железной дороги Париж — Амьен. Затем немцы утвердились в районе Виллер-Бретонё, близость которого угрожала последним франко-британским железнодорожным сообщениям. Из этого района артиллерия противника уже поражала железнодорожный узел Амьена.

Важно было как можно скорее ликвидировать угрозу району Амьена и железной дороге Амьен — Париж. Фельдмаршал Хейг хорошо понимал эту необходимость. 17 июля он писал мне: «Операция, которая, на мой взгляд, имеет величайшее значение и которую я предлагаю провести как можно скорее, заключается в том, чтобы продвинуть фронт союзников к востоку и юго-востоку от Амьена для ликвидации угрозы этому городу и железнодорожной линии. Наилучшим способом достижения этой цели была бы совместная франко-британская операция, в которой французы атаковали бы к югу от Морей, а англичане — к северу от р. Лис...»

---

[1] Сантер — район Перонна и Мондидье. — *Ред.*

Это предложение соответствовало моим предыдущим директивам и моей точке зрения, особенно после успехов в районе Суассона и в Тарденуа. 20 июня я писал Хейгу:

«В нашем положении необходимо сковывать противника и атаковать его всюду, где только возможно, с выгодой для себя. Поэтому я был особенно обрадован вашим письмом от 17-го, в котором вы сообщаете мне о различных планах, задуманных вами на вашем фронте...

Я думаю, что комбинированную операцию британской 4-й и французской 1-й армий, имеющую целью ликвидировать угрозу Амьену и железной дороге, надо провести теперь же ввиду весьма выгодных для нас результатов, к которым она может привести...

...Считаю целесообразным предложить командующим британской 4-й и французской 1-й армиями договориться между собой, чтобы немедленно выработать проект, который затем мы окончательно утвердим по взаимному соглашению...»

В заключение я писал:

«В настоящее время противнику, повидимому, приходится иметь две армии: одну — оккупационную, принесенную в жертву и поэтому не имеющую большой ценности, как доказывает полный успех предпринимавшихся нами за последнее время многочисленных небольших операций и число пленных, захваченных во время этих операций; другую — ударную, специально натренированную, но уже серьезно пострадавшую.

При таком положении надо использовать слабость противника, немедленно предприняв несколько наступлений на участки его фронта, занятые оккупационными войсками.

Надо использовать также неудачу последнего наступления противника, размеры которой с каждым днем увеличиваются. Не следует упускать этот удобный случай».

Как мы видели, это франко-британское наступление, имевшее целью ликвидировать угрозу железной дороге и Амьену, входило в план записки от 24 июля, оглашенной главнокомандующим в Бонбоне.

Уже 26-го в Саркюсе, на совещании с Хейгом, где присутствовали ген. Ролинсон и Дебенэ, мы наметили в общих чертах план наступления. Последнее должно было начаться с фронта р. Сомма, Аржикур; британская 4-я армия[1] силой

[1] Ролинсона.

в 12 дивизий должна была наступать в направлении на Шон (Chaulnes), французская 1-я армия[1] в составе 4—6 дивизий — в направлении на Руа.

28 июля была отдана следующая директива:

«1. Цель операции — ликвидировать угрозу Амьену и железной дороге Париж — Амьен, а также разбить и отбросить противника между рр. Соммой и Авр.

2. Для этого наступление, прикрытое с севера Соммой, следует развивать как можно дальше в направлении на Руа.

3. Наступление будет вестись:

а) британской 4-й армией силой в 12 пехотных и 3 кавалерийских дивизии и поддержанной

б) французской 1-й армией, усиленной 4 дивизиями.

Первая будет наступать к северу, вторая — к югу от шоссе на Руа, после того как будет обеспечен выход к югу от р. Люс и к востоку от р. Авр».

Так как к этому времени, несомненно, уже сказались бы результаты нашей победы в районе Суассона, важно было ускорить подготовку к наступлению к югу от Соммы, не давая противнику передышки. Для обеспечения полного взаимодействия между британской 4-й и французской 1-й армиями, которые должны были действовать совместно, а также для более энергичного выполнения поставленной задачи, я просил фельдмаршала Хейга лично принять на себя командование над этими армиями; этим объясняется мое второе за этот день письмо к Хейгу, переданное ему в Монтрее ген. Вейганом:

«Сегодня, 28-го, наше продвижение к р. Ардр и Эне быстро развивается. В районе Марны противник отходит на север. Несомненно, он займет за этой рекой оборонительную позицию, которую мы не сможем атаковать немедленно и которая, вероятно, позволит ему привести свои войска в порядок и через некоторое время выделить новые резервы.

При таких условиях представляется желательным ускорить совместную операцию вашей 4-й армии с нашей 1-й армией. Она наверняка застала бы противника менее подготовленным к встрече.

Поэтому я прошу вас по возможности ускорить начало этой операции. Я соответствующим образом ускорю возвращение вашего 22-го армейского корпуса.

Наконец, так как эта операция двух союзных армий тре-

[1] Дебеней.

бует единого руководства, я прошу вас согласиться лично принять командование над ними».

29 июля сэр Доглас Хейг дал свои общие директивы ген. Дебенэ, а 31-го последний отдал приказы трем французским корпусам, которые должны были действовать к югу от британской 4-й армии. Кроме того, чтобы облегчить охват Мондидье, 1-й армии был придан левофланговый корпус 3-й армии, расположенный к югу от этого города.

Частные операции, проведенные за истекшие недели, уже обеспечили армиям значительно более выгодное исходное положение. Так, 4 июля британская 4-я армия захватила к югу от Соммы лес Вер и д. Амель, а французская 1-я армия, взяв 12 июля Аншен и Кастель, 23-го овладела деревнями Майи-Ренваль, Совиллер, Обвилье и плато, на котором они расположены, причем захватила около 2 000 пленных и несколько орудий.

Этот последний бой имел для нас особенно благоприятные последствия. Угрожаемый в своем расположении на левом берегу р. Авр, противник отошел на правый берег этой реки, оставив к западу от Мондидье лишь некоторые передовые части (3 и 5 августа). Если добавить сюда, что в то же время перед фронтом британской 3-й армии немцы отошли к востоку от р. Анкер между Сен-Пьером и Дернанкуром и что во Фландрии они уступили британской 2-й армии часть их позиций к югу от р. Лис, мы увидим, какие признаки истощения проявлял противник в первых числах августа и насколько благоприятной представлялась обстановка для франко-британского наступления в Пикардии.

* * *

8 августа в 4 часа, в тумане, еще окутывавшем приготовления, закончившиеся ночью, артиллерия открыла сильнейший огонь и подавила батареи противника. В британской 4-й армии пехота и танки немедленно пошли в атаку; во французской 1-й армии, занимавшей исходное положение под углом к англичанам, наступление началось после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 45 минут.

Противник был застигнут врасплох быстротой и энергией атаки. Он отошел в полном беспорядке, оставив значительное количество материальной части. За день мы продвинулись вперед больше чем на 10 *км* на фронте более 20 *км*.

Мы прочно утвердились на плато Сантер и вышли на линию Морланкур, Маркур, Арбоньер, Кэ и Аржикур. Более 13 000 пленных и более 300 захваченных нами орудий свидетельствовали о размерах нашего успеха. Надо было энергично развивать успех, продолжая предпринятую операцию. С этой целью 9-го утром полк. Дестикер передал от меня ген. Дебенэ следующую записку:

«Безусловно необходимо, чтобы французская 1-я армия как можно скорее достигла Руа и вошла там в связь с 3-й армией.

Только когда этот результат будет достигнут, сама обстановка покажет, что делать дальше,— остановиться или продолжать движение вперед.

Именно потому, что сейчас еще нельзя определить дальнейших действий, нельзя так или иначе ограничивать свои возможности. Поэтому ни в коем случае не следует отсылать ни одной дивизии в тыл. Дивизии, которые не смогут продвигаться дальше, обгоняются свежими, переходят во вторую линию и поддерживают наступление до достижения результатов, намеченных высшим командованием.

Итак: двигаться быстро, бросать вперед значительные силы, маневрируя передовыми частями; поддержать их с тыла всеми силами до достижения результатов. Выполнение этих трех условий позволит избежать потерь за несколько дней боя».

Спустя немного времени я послал вторую записку ген. Дебенэ, все внимание которого было, повидимому, поглощено затруднениями, встреченными его правым флангом при переправе через р. Авр ниже Мондидье:

«Обеспечив себе ось для маневра по ту сторону Мондидье, ген. Дебенэ не должен упускать из виду, что его ударная фланговая группа (aile marchante) находится на правом берегу р. Авр на шоссе на Руа, в тесной связи с более сильной английской армией. Именно там он и должен, главным образом, оказывать личное воздействие, в частности немедленно, не теряя ни минуты, без малейших задержек и колебаний, бросить 31-й корпус на Руа.

Именно там решается вопрос, а следовательно, там необходимо его личное присутствие и влияние».

Днем 9 августа франко-британский фронт снова значительно продвинулся вперед и был перенесен на линию Морланкур, Шипийи, Розьер-ан-Сантер, Бушуар, Пьерпон, Асен-

виллер, Ле-Трокуа. В следующую ночь Мондидье, охваченный с севера и с юга, был очищен немцами.

10-го атаки продолжались, и мы опять захватили значительное пространство к северу от Соммы в направлении на Брэ и к югу от нее в направлении на Шон и Руа.

Исполняя приказ ген. Файоля, который с 5 августа, «предвидя косвенные последствия, которых можно было ожидать от франко-британского наступления, подготовил операцию 3-й армии справа от 1-й с целью захвата всей Малой Швейцарии к югу от Нуайона [1]», французская 3-я армия двинулась на Ласиньи и к вечеру 10 августа вышла на фронт Конши-лэ-По, Рессон-сюр-Мас; Машмон.

Ввиду таких результатов союзное главное командование отдало 10 августа общую директиву подчиненным ему командующим для координации и направления их общих усилий:

«1. Операцию британской 4-й и французской 1-й армий продолжать на восток в общем направлении на Ам..., британской 4-й армии постараться выйти на Сомму ниже Ама, чтобы подготовить переправу через нее, продолжая в то же время свои действия по обе стороны этой реки от Брэ на Перонн; французской 1-й армии поддерживать это продвижение, стремясь выйти на дорогу Ам, Гискар.

2. Французская 3-я армия теперь же предпринимает движение в направлении на Ласиньи, Нуайон, чтобы использовать продвижение французской 1-й армии и очистить район Мондидье, а затем и район Нуайона.

3. Фельдмаршала Хейга просят обратить внимание на безусловную желательность подготовки в ближайшее время операций британской армии в общем направлении на Бапом и Перонн с целью прорыва фронта противника и немедленного преследования».

Действительно, во время нашего победоносного продвижения по левому берегу Соммы надо было предвидеть момент, когда оно остановится, выдохшись или перед серьезным препятствием, еще обороняемым противником. К этому моменту надо было подготовить операцию на правом берегу Соммы и в Артуа. Этим и объясняется третий пункт моей директивы от 10 августа.

10-го утром я отправился к Хейгу, чтобы объяснить ему

[1] Отчет маршала Петэна.

идею подготовки к развитию его атак к северу от Соммы и в районе Арраса. Таким путем мы не позволили бы в борьбе на тесном пространстве свести на-нет завоеванные нами преимущества; мы воспользовались бы расстройством, внесенным в мероприятия противника нашими победами; мы продолжали бы подрывать его сопротивление, нанося новые удары.

Поэтому необходимо было начать подготовку этих операций.

* * *

Однако после трех дней непрекращающихся атак франко-британские армии внезапно встретили серьезное сопротивление. Противник во многих пунктах дошел до своих прежних позиций 1914 г.; казалось, что он собирается оказывать там упорное сопротивление.

Действительно, 11 августа левый фланг французской 1-й армии и британская 4-я армия лишь с трудом продвигались вперед между рр. Авр и Соммой, тогда как французская 3-я армия и правый фланг 1-й армии значительно продвинулись вперед в направлении на Ласиньи.

Я настаивал перед Хейгом на том, чтобы движение на Брэ энергично продолжалось, и вечером 11-го лично поехал к нему, чтобы снова просить его вести свои атаки со всей силой. Однако на другой же день пришлось признать, как я высказал в письме к британскому и французскому главнокомандующим, что необходимо применить новую тактику, для того чтобы добиться намеченных результатов между Соммой и Уазой, а именно—отбросить противника на Сомму и захватить переправы через нее в Аме и ниже по течению.

«...Ввиду сопротивления, оказываемого противником, не может быть и речи о том, чтобы для достижения этих целей производить равномерный нажим по всему фронту; это привело бы нас к тому, что мы всюду оказались бы слишком слабыми. Наоборот, следует направить сосредоточенные мощные удары по важным пунктам района, овладение которыми увеличит расстройство противника, в частности, поставит его коммуникации под угрозу. Эти действия должны быть быстро и сильно организованы путем быстрого сосредоточения и введения в дело имеющихся поблизости сил и средств, соответствующих характеру встреченных препятствий (танки, артиллерия, вполне боеспособная пехота...)».

В таком порядке надо было предпринять:

а) Как можно скорее комбинированное наступление французской 1-й армии и правого фланга британской 4-й армии с целью овладеть узлом дорог у Руа; это наступление должна была поддерживать с юга французская 3-я армия, имеющая задачей очистить от противника район Нуайона.

б) Без промедления наступление центра британской 4-й армии из района Лион, Эрлевиль в северо-восточном направлении с целью захватить или по крайней мере держать под огнем полевой артиллерии шоссе Амьен, Бри; это наступление должно быть согласовано с наступлением левого фланга британской 4-й армии в восточном направлении».

Но, озабоченный тем, чтобы придать нашему наступлению еще больший размах, я добавил:

«Эти результаты могут быть значительно увеличены путем расширения фронта атаки на обоих флангах, с одной стороны, к северу от Соммы, с другой — к востоку от Уазы».

С этой целью мы рекомендовали:

а) к северу от Соммы — наступление британской 3-й армии в общем направлении на Бапом, Перонн;

б) к востоку от Уазы — наступление французской 10-й армии в направлении на Шони и шоссе Шони, Суассон.

В заключение я писал:

«Результаты, достигнутые французской 3-й армией своими силами, показывают выгоды наступательных действий на фланге победоносного наступления.

С 15 июля противник ввел в сражение 120 дивизий. Сейчас представляется удобный случай, который наверное не скоро повторится и который требует от всех усилия, вполне оправдываемого ожидаемыми от него результатами... Интересы нашего дела требуют, чтобы вышеуказанные наступательные операции были проведены как можно скорее и через возможно меньшие промежутки времени».

После полудня того же 12 августа я встретился в Фликсекуре, близ Амьена, с фельдмаршалом Хейгом и ген. Петэном, вызванными, как и я, на аудиенцию к английскому королю; они уверили меня в своем полном согласии с вышеприведенной оперативной директивой.

Таким образом можно было вновь начать хорошо организованные мощные наступления из нового исходного положения.

С 13 августа в различных армиях начались перегруппи-

ровка и сосредоточение сил; 14-го началась артиллерийская подготовка в британской 4-й и французской 1-й армиях, которые ген. Энбер (3-я армия) и Манжен (10-я армия) готовились поддержать с юга. Возобновление комбинированного наступления на Руа, Нуайон, Шони было назначено на 16 августа.

После полудня 14 августа я поехал в Провен, чтобы переговорить с Петэном о намеченных операциях. Около 16 час. меня догнал по дороге английский офицер, прилетевший на самолете с письмом от Хейга. Последний доносил, что за последние двое суток стрельба артиллерии противника на фронте британской 4-й и французской 1-й армий значительно усилилась, что германские позиции на линии Шон, Руа прочно удерживаются противником и что поэтому он решил отложить операцию, назначенную на 16 августа, «до тех пор, пока не будет проведена соответствующая артиллерийская подготовка, так чтобы атака позиций противника была вполне подготовлена. Эту операцию можно будет провести одновременно с наступлением на фронте 3-й армии (английской), подготовка к которому ведется в ускоренном темпе».

В этот момент я, вполне понимая, что нельзя бросать войска в атаку без действительной артиллерийской подготовки, не видел необходимости «ставить начало наступления английской 4-й армии и французской 1-й армии в зависимость от наступления английской 3-й армии. Наоборот, надо было насколько возможно ускорить наступление британской 4-й и французской 1-й армий, за которым должно было также возможно скорее последовать наступление британской 3-й армии». В этом смысле я и ответил на письмо фельдмаршала Хейга.

Вернувшись в свой штаб в Бонбоне и осведомившись об обстановке на французском фронте, я дополнил свою мысль в новом письме британскому главнокомандующему, указав ему, что «ввиду мер, уже принятых во французской 1-й армии, и уже начавшейся артиллерийской подготовки отсрочка операции в направлении на Руа, назначенной на 16-е, представила серьезнейшие неудобства». Поэтому намеченный день должен был оставаться без изменений, а британская 4-я армия должна была «16-го оказать поддержку французской 1-й армии при ее продвижении до Атанкура, если только это не окажется безусловно невозможным для войск правого фланга

этой армии», о чем Хейг должен был мне немедленно сообщить.

Как мы видим, противник к западу от Соммы оправился и усилил сопротивление, использовав для этого прежние оборонительные линии 1916 г. В какой же мере нам надо было считаться с этой обстановкой?

Утром 15 августа я поехал в Саркюс, где принял ген. Дебенэ. Он заявил мне, что намеченное наступление на Руа, несомненно, будет очень трудным; со своей стороны, он считал, что если его силы и достаточны для проведения этого наступления, то для развития его они окажутся слишком слабыми. В тот же день после полудня я еще имел разговор с Хейгом. Он снова изложил мне причины, почему он считает наступление к югу от Соммы очень трудным, а успех — сомнительным даже при значительных потерях. По его мнению, искомый результат мог быть достигнут косвенным образом, но вернее — британской 3-й армией, которая, наступая к северу от р. Анкр на фронте Миромон, Монши-ле-Пре в юго-восточном направлении, выйдет в тыл линии Соммы к югу от Перонна.

В итоге я согласился с точкой зрения Хейга и изменил свои распоряжения от 12 августа относительно операций на Сомме, но с той оговоркой, что темп наступления британской 3-й армии должен позволить энергично возобновить натиск к югу от Соммы, чтобы захватить там указанные раньше объекты. Я подтвердил эти различные пункты в письме, отправленном Хейгу в тот же вечер.

Теперь надо было предвидеть совместную операцию британских 4 и 3-й армий во взаимной связи и операцию французской 1-й армии, согласованную с операциями 3 и 10-й французских армий. Поэтому в тот же день 1-я армия была снова подчинена командующему группой армий, к которой она принадлежала,—ген. Файолю, подчиненному главнокомандующему ген. Петэну.

В то же время я Петэна известил по телеграфу, что наступление на Руа и Шон временно откладывается, что британские армии деятельно готовятся расширить свою операцию, так чтобы она захватила и фронт между рр. Анкр и Скарп, и что они рассчитывают полностью развить эту операцию около 20 августа. Поэтому Петэну предлагалось скомбинировать действия его 1, 3 и 10-й армий с целью освободить район Ласиньи, Нуайон, Карльпонский лес и подготовить

последующее освобождение района Руа, Шони, Нуайон. Так как эти операции, подобно операциям британской армии, имели целью вызвать отход германских войск, занимающих расположение к западу от Соммы, необходимо было поддерживать энергичный нажим с этой стороны.

2. Расширение фронта франко-британского наступления

С середины августа мне не давала покоя мысль, что германское командование отведет свои армии из-под угрозы охвата и внезапно выйдет из боя, с тем чтобы возобновить его на некотором расстоянии в тылу в лучших условиях; оно выберет местность, имеющую препятствия, допускающую сокращение фронта и выгодное контрнаступление,— одним словом, попытается провести в условиях позиционной войны маневр, аналогичный тому, посредством которого ген. Жоффр подготовил и выиграл первое сражение на Марне.

Противник мог бы попытаться спасти свои армии от ожидавшей их участи. Он мог освободиться от нашего нажима, выйти из соприкосновения, которое повсюду поддерживали с ним самым тесным образом, и, использовав время, которое обеспечивала ему медленность нашего продвижения по опустошенным районам, вновь устроиться на таком тыловом рубеже, как линия Антверпен, Брюссель, Намюр, р. Маас, р. Шиер, Мец, Страсбург, чтобы собрать на ней все свои силы и организовать новое сопротивление, вынуждая нас к серьезному усилию в начале зимы. Эта линия была бы вдвое короче фронта, простиравшегося от Северного моря до Вогез. На большей части своего протяжения она имела серьезные естественные препятствия, а обоими концами очень прочно опиралась на долговременные фортификационные сооружения. К этой линии союзные армии могли бы подойти достаточными силами не раньше чем недели через две,— срок, который мог быть хорошо использован германским командованием. А в этом случае союзным армиям пришлось бы снова начинать большое сражение, требующее продолжительной и серьезной подготовки, на поле сражения, охватывающем столь сильно укрепленную Лотарингию, труднопроходимые Арденны и — на небольшом протяжении — низменные части Бельгии. Может быть, мы были бы вынуждены зазимовать там.

Но отход, с которым был связан такой маневр, который

один мог бы восстановить положение германских армий, был бы равносилен признанию германским командованием крупного военного поражения, что могло опасным образом подействовать на общественное мнение в Германии. Он означал оставление части Франции, большей части Бельгии, а также Верхнего Эльзаса. Он внес бы глубокие изменения в карту войны как раз в то время, когда обдумывались мирные предложения. Наконец, пришлось бы первым делом рискнуть вывезти или бросить огромное количество военного материала.

Во всяком случае союзное командование, ускоряя свои операции, принимало меры к тому, чтобы лишить противника всякой возможности осуществить такой маневр.

* * *

В результате принятых совместно мер франко-британское наступление должно было теперь вестись на расширенном фронте, от долины р. Эны до долины р. Скарп. Возобновление его было намечено на 20 августа.

На правом фланге французская 10-я армия 17 и 18 августа подготовила свою общую операцию частными боевыми действиями, которые привели к захвату высот, расположенных между Браси-ле-Валь и Морсеном, и позволили выдвинуть вперед часть артиллерии.

20-го она атаковала главную позицию противника, выбила его с Нувронского плато и отбросила в лесистый район горы Шуази и Карльпона. 21-го она овладела этим районом и, преследуя разбитых немцев, 22 и 23 августа вышла на берега рр. Уазы и Элет. В то же время французская 3-я армия заняла Ласиньи и правый берег р. Дивет.

Первая задача, возложенная на эти армии,— освобождение района Ласиньи, Нуайон, Карльпонский лес,— была таким образом выполнена в три дня.

На левом фланге оперативной группировки в свою очередь вступила в дело британская 3-я армия под командой ген. Бинга. Вследствие задержки в прибытии некоторых частей,— задержки, о которой Хейг донес мне,— наступление было перенесено на 21 августа. Во избежание новой отсрочки, нежелательной ввиду результатов, достигнутых французской 10-й армией, я 19-го числа обратился с настоятельным призывом к Хейгу:

«...Противник повсюду поколеблен нанесенными ему ударами; мы должны, не теряя времени, повторить эти удары,

назначив для этого все дивизии, могущие без задержки вступить в бой. Поэтому я считаю, что наступление нашей 3-й армии, уже отсроченное до 21 августа, начнется в этот день с большой силой и увлечет вперед соседние дивизии 1-й армии и всю вашу 4-ю армию. После ваших блестящих успехов 8, 9, 10 августа... нерешительный образ действий мало соответствовал бы положению противника и моральному перевесу, который мы получили над ним».

Британская 3-я армия не обманула возлагавшихся на нее надежд 21 августа; быстро вторгнувшись в расположение германцев, она отбросила противника по ту сторону железной дороги Аррас, Альбер между Муайенвилем и Бокуром, 23-го возобновила свое движение вперед, а 25-го, пожиная плоды своих усилий, подошла в воротам Круазий и Бапома.

Используя это продвижение, британская 4-я армия перешла в наступление к северу от Соммы и заняла Мамесское плато и высоты Брэ.

Однако в то время как на обоих флангах — к северу от Соммы и на Уазе — развивалось победоносное наступление, франко-британский центр продолжал вести между Соммой и Уазой сильные бои в направлении на Руа, не достигая ощутительных результатов.

Казалось все более и более несомненным, что германское сопротивление в этом центральном районе будет сломлено только действиями на флангах, непрерывно расширяемыми и усиливаемыми. Я без труда убедил главнокомандующих в правильности этой точки зрения. В частности, еще 22 августа фельдмаршал Хейг во время свидания со мной в Муши-ле-Шатель, правильно оценив обстановку, с большой уверенностью заявил мне, что наступление его 3-й армии будет продолжаться с величайшей энергией, поддержанное к северу от Соммы британской 4-й армией. Командующие этими армиями, Бинг и Ролинсон, получили задачу как можно скорее выйти на линию Кеан, Велю, Перонн. В то же время британская 1-я армия должна была около 26 августа в свою очередь перейти в наступление по ту сторону р. Скарп и попытаться прорвать линию Дрокур, Кеан.

Эти намерения, выраженные в общем оперативном приказе британского главного командования от 24 августа, вполне соответствовали моему пониманию обстановки, моему стремлению ускорить ход событий и расширить фронт наших атак. Поэтому я 26 августа написал Хейгу:

«Ваши дела идут очень хорошо. Я могу только приветствовать ту решительность, с которой вы их ведете, не давая передышки противнику и все время расширяя район ваших действий. Именно это непрерывное расширение наступления, питаемого свежими силами и мощно развиваемого против правильно избранных объектов, без заботы о равнении или о поддержании слишком тесной связи, даст нам наибольшие результаты при наименьших потерях, что вы отлично и поняли. Мне нечего говорить вам, что армии ген. Петэна немедленно возобновят свое продвижение в таком же духе».

Наступательный порыв, охвативший Хейга, вызывал в нем даже стремление увлечь по следам своих победоносных войск и американские дивизии.

«... Я определенно держусь того мнения, — писал он мне 27 августа, — что желательно, чтобы и американские дивизии немедля приняли активное участие в сражении, и я имею честь просить вас произвести распределение этих дивизий так, чтобы мы могли предпринять концентрическое движение на Камбрэ, а с юга — на Мезьер.

Нынешнее направление моих атак приведет меня к Камбрэ при условии, если будет непрерывно продолжаться нажим на остальные участки фронта противника».

Таким образом, мы видели, что приближается момент «решительного наступления», намеченного в моей записке от 24 июля.

Мы успешно провели намеченные освобождающие операции к северу от Уазы. Прежде чем оказаться в состоянии приступить к концентрическому продвижению на Камбрэ, мы должны были провести намеченные операции на Маасе, выделив для этого крупную группу американских войск. Поэтому я ответил Хейгу:

«... Указанные вами в вашем письме конечные объекты — те же, которые я намечаю со своей стороны и на которые я направляю все операции союзных армий.

В настоящее время эти операции организуются в различных районах через небольшие промежутки времени, причем каждая из них носит свой особый характер. Остается только развивать их как можно активнее. На это и направлены все мои усилия.

Только последующие события и их результаты позволят установить новое распределение имеющихся в нашем распоряжении сил и сказать, надо ли придать английской армии

еще несколько американских дивизий. А в данное время мы только должны нажимать покрепче и продвигаться как можно дальше вперед».

И действительно, нажимали мы крепко. 26 августа правый фланг британской 1-й армии под командой ген. Хорна, наступавший восточнее Арраса, блестящим ударом овладел высотой Монши-ле-Пре; на другой день он захватил переправы через р. Сансе ниже Круазий и, заняв 28-го этот последний пункт, подошел вплотную к укрепленной линии Дрокур, Кеан, которая представляла серьезное препятствие на его пути, а также служила прочной базой противнику. Последний использовал ее 29 августа для сильной контратаки против английской 1-й армии, которую ему однако не удалось поколебать; однако этим он выиграл время, необходимое для отхода, происходившего южнее. Действительно, 27, 28, 29 августа противник, угрожаемый быстро развившейся операцией Хорна, непрерывно теснимый британскими 3 и 4-й армиями и французской 1-й армией, предпринял отступательное движение на широком фронте между рр. Сансе и Уазой и отошел на высоту к востоку от Бапома, за Сомму выше Перонна и за Северный канал, отдав союзным армиям такие важные центры, как Конбль, Шон, Руа, Нуайон. Он удержал к западу от Соммы только одну предмостную позицию впереди Перонна, из которой его пришлось выбивать с боем.

30 августа части британской 4-й армии овладели железнодорожным мостом к югу от города, а в ночь с 31 августа на 1 сентября они взяли штурмом гору Сен-Кантен, ключ обороны Перонна. На рассвете этот древний город был очищен от немцев.

В то время как британская 1-я армия, продолжая свое наступление на крайнем левом фланге поля сражения, готовилась атаковать линию Дрокур — Кеан, а франко-британский центр (британские 3 и 4-я армии, французские 1 и 3-я армии) обходил и захватывал линию Соммы, французская 10-я армия, на правом фланге фронта сражения, вела ожесточенные бои между рр. Эной и Элет на плато к северу от Суассона, где хорошо укрепившийся противник оказывал отчаянное сопротивление. Ему важно было помешать охвату с юга массива Сен-Гобен, главного оплота его системы обороны за четыре года. Несмотря на это сопротивление, 10-я армия, борясь за каждый шаг, ежедневно выигрывала пространство.

2 сентября она вышла на высоты Круи и достигла шоссе Суассон, Куси-ле-Шато.

На другом фланге британская 1-я армия, попрежнему развивая операцию крупного масштаба, снова пошла в наступление. 2 сентября она после ожесточенной и упорной борьбы прорвала линию Дрокур—Кеан и продвинулась за нее на несколько километров в направлении на Маркион.

После этого мощного удара противник начал отступление на всем фронте от Соммы до р. Сансе и отошел за р. Тортий и Северный канал к линии Гинденбурга. Таким образом, в начале сентября в результате последовательного и быстрого развития операций, предпринятых после германского наступления 15 июля, победа перешла на сторону союзников, и цели, намеченные запиской от 24 июля, были достигнуты.

* * *

18 июля резервная группа армий (6 и 10-я армии) перешла в наступление между Эной и Марной; вскоре за ней последовала центральная группа армий (9 и 5-я армии), наступавшая между Марной и р. Вель. За три недели противник был оттеснен на Вель, и на большом расстоянии была освобождена железная дорога Париж — Шалон.

3 августа началось франко-британское наступление между рр. Анкр и Авр, вскоре расширившееся до Уазы. В три дня противник был отброшен почти до его позиций 1914 г. Амьен и железная дорога Париж — Амьен были вполне обеспечены от его ударов.

Когда эти результаты были достигнуты, наступление продолжалось тремя британскими армиями (1, 3 и 4-й) и тремя французскими (1, 3 и 10-й), действовавшими одновременно на всем фронте между Аррасом и Суассоном. После 15 дней борьбы противник отошел в расстройстве к позиции Гинденбурга.

Кроме того, непрерывные атаки, которым немцы подвергались с 18 июля, наносимые им крупные потери людьми и материальной частью, необходимость питать непрерывно развивающееся сражение, быть может, опасение остаться в выступе, в котором они рисковали подвергнуться новым атакам в неблагоприятных для них условиях,— побудили немцев сократить свой фронт в северном районе и добровольно отказаться от территории, которую они приобрели в апреле во-

время их наступления в направлении на Азебрук. Между 8 августа и 4 сентября германское верховное командование отвело свои войска из выступа к югу от Ипра и расположило их на линии Витсхаэте, Армантьер, Ля-Бассэ, очистив такие важные позиции, как гора Кеммель, и избавив Бетюнский угольный бассейн от опасной угрозы, нависавшей над ним в течение четырех месяцев. Это было одно из преимуществ,— и не меньшее,— которое союзники извлекли из своей победы, хотя она еще только намечалась.

Одним словом, за шесть недель противник потерял все, что завоевал весной. Он потерял много людей и материальной части. А главное — он упустил управление войной, утратил моральное превосходство. Его материальное и моральное расстройство должно было быть очень значительным. Нам надо было только продолжать проводить свой план, ускорить освобождение железной дороги Париж — Аврикур в районе Комерси силами американской армии, как мы добились того для железных дорог Париж — Амьен и Париж — Шалон французскими и британскими армиями; в общем — надо было возможно скорее бросить в общее сражение, расширив его фронт на восток, последнюю армию, вступившую в борьбу, армию Соединенных Штатов, как это предусмотрено запиской от 24 июля.

С другой стороны, ввиду отступательных движений противника, свидетельствовавших о его усталости и недостатке резервов, я обратил внимание фельдмаршала Хейга и ген.-лейт. Жилена на возможность выгодно использовать создавшуюся обстановку на севере: «В частности,— писал я им 2 сентября,— мне кажется, что можно было бы при небольшой затрате сил предпринять бельгийской армией и британской 2-й армией операцию с целью занять Клерканские высоты, лес Хоутхульст, гребень Пасхендаэле, Гелювельтские и Зандворские высоты, Комин. Помимо непосредственных выгод, которые эта операция принесет наступающему благодаря неожиданному расширению фронта наступления к северу от р. Лис, вышеуказанные результаты привели бы к созданию отличного исходного положения для последующих операций в направлении на Рулер и Куртрэ...»

Предлагая главнокомандующему британскими армиями и начальнику штаба британской армии немедленно разработать планы этих операций, я таким образом подготовлял проведение общего наступления, которое я уже теперь намечал для

союзных армий,— наступления, ставшего возможным благодаря успеху всех частных операций, проведенных с 18 июля, завершить которые должна была в Сен-Миельском выступе 1-я американская армия.

3. Ликвидация угрозы железной дороге Париж — Аврикур в районе Комерси

План американского наступления в Воэвре, как мы видели, был частью записки от 24 июля.

Для осуществления его было решено 22 июля, кроме формирования американской 1-й армии на Марне, сформировать на Маасе 2-ю американскую армию, которая по мере прибытия ее частей должна была занять полосу фронта от Номени до района к северу от Сен-Миеля.

Возможность создать эти два крупных соединения в конце июля подчеркивала размеры, которые принимала американская помощь на французском фронте, а также свидетельствовала о страстном желании ген. Першинга возможно скорее видеть экспедиционные силы объединенными под его командованием, пользоваться такой же самостоятельностью, как и прочие союзные армии, и поскорее итти в бой под собственным знаменем.

Я, больше чем кто-либо другой, был убежден в необходимости как можно скорее сформировать большую американскую армию, подчиненную ее собственному главнокомандующему, хорошо зная, что в национальных армиях солдат лучше всего дерется под командой офицеров, которых дала ему его страна, которые говорят на одном с ним языке и защищают одно дело знакомыми ему идеями и приемами. Мне очень хотелось возможно скорее исполнить желание Першинга. Однако нельзя было для этого приостанавливать или замедлять в конце июля удачно начавшиеся и развивавшиеся операции в Тарденуа, в которых участвовали некоторые дивизии американской 1-й армии. Кроме того, надо было оговорить непредусмотренные случаи, когда окажется необходимым использовать американские войска не под командованием их главнокомандующего. Об этом я и написал 28 июля ген. Першингу. Он настолько хорошо понял смысл моего письма в отношении фронта во Франции, что 29 июля поделился со мной своим беспокойством по поводу посылки американских подкреплений в Италию и просил меня оставаться в этом воп-

росе на моей, известной ему точке зрения, сводившейся к «необходимости сосредоточить наши боевые усилия на Западном фронте», к невозможности «отвлечения части американских сил в другой район».

Впрочем, в том же смысле я ответил и военному министру, который спустя некоторое время передал мне просьбу Нуланса об усилении американским контингентом союзных сил, действовавших в Северной России. Высказывая сомнения относительно необходимости увеличения этих сил сверх численности, установленной Высшим военным советом, я добавил, что снимать войска с французского фронта во всяком случае недопустимо.

* * *

В данное время я насколько возможно ускорил подготовку к наступлению в Воэвре, попросив 4 августа в моей ставке в Бонбоне ген. Петэна закончить эту подготовку к концу месяца, а ген. Першинга — поспешить с формированием американской армии в Воэвре.

9 августа ввиду блестящего развития операций на Сомме надо было как можно скорее перейти в наступление в Воэвре, и мы, чтобы выиграть время, решили на совещании с Петэном и Першингом в Саркюсе, что американская 1-я армия будет сформирована именно в этом районе, а не как было намечено раньше,— в районе р. Эны, где фронт уже стабилизировался. Как мы видим, временно ограничились созданием только одной американской армии.

17 августа Першинг получил директивы для намеченного наступления. Напомнив ему цель наступления — ликвидацию угрозы железной дороге Париж — Аврикур путем уничтожения Сен-Миельского выступа, директивы указывали ему намеченный для достижения рубеж: линию Буксьер-су-Фруамон (в 6 *км* к северо-востоку от Понт-а-Муссона), Марс-ля-Тур, Парфонрюп, Безонво. Указывался ему порядок проведения операции, которая слагалась из трех наступлений: 1) одного— к востоку от Сен-Миельского выступа, с фронта Лэмениль, Сешпрэ в северном направлении; 2) другого — к северу от выступа, с укрепленного фронта Калон, Одимон в восточном направлении; 3) третьего, обеспечивающего второе слева,— с фронта Шатийон-су-лэ-Кот, Безонво.

В общем требовалось 18—19 дивизий.

Достижение указанного рубежа с избытком обеспечило бы ликвидацию угрозы железной дороге Париж — Аврикур; преследуя свою непосредственную цель, операция в Воэвре имела бы другие последствия: нанесла бы противнику возможно более сильный удар, достигла бы всех результатов, каких можно ожидать от крупной операции, и создала бы удобную исходную базу для последующих наступлений.

Впрочем, ген. Першингу были предоставлены все необходимые средства. По его просьбе, три американские дивизии (33, 78 и 80-я), выделенные из тех, которыми располагал фельдмаршал Хейг, были переведены из британской зоны в район Мааса. Американская 1-я армия получила от французской армии некоторое количество дополнительных средств в виде артиллерии, боевых припасов, танков, авиации и т. д... Наконец, ген. Першинг принял командование над французскими силами (тремя корпусами), которые должны были участвовать в американском наступлении.

24 августа главнокомандующий американскими силами приехал в Бонбон и изложил мне общий план и организацию управления войсками для операции в Воэвре. Он также договорился со мной об использовании некоторых американских дивизий в составе союзных армий; так, было решено, что две дивизии (27 и 30-я) останутся в распоряжении Хейга и будут участвовать в операциях в британской зоне, что с 8 сентября еще две дивизии из резерва Першинга (сверх 14 дивизий, предусмотренных для операции в Воэвре) будут готовы к участию либо во французском либо в американском наступлении, в зависимости от обстановки.

* * *

Тем временем ввиду успешного развития наступлений, проведенных союзниками с 18 июля, и все усиливающегося расстройства противника я решил, как мы увидим ниже, предпринять то решительное наступление, которое в записке от 24 июля было намечено на конец лета или на осень.

В конце августа ряд наших победоносных операций позволял предвидеть более крупные результаты, чем только ликвидация угрозы железной дороге в районе Комерси путем захвата Сен-Миельского выступа. Мы могли подумать о сра-

жении за Мезьер при том условии, что в нем примут участие все союзные армии и что, в частности, американская армия не увлечется собственным наступлением в другом направлении, которое открылось бы перед ней в случае продолжения ее продвижения в Воэвре. Поэтому 30 августа, информировав утром ген. Петэна об этом новом плане, я поехал в Линьи-ан-Баруа и в тот же день повидался с Першингом. Я объяснил ему в общих чертах намеченный маневр, заключавшийся в сочетании франко-британских атак, предпринятых в направлении на Камбрэ, Сен-Кантен, с франко-американским наступлением на Мезьер по обоим берегам Мааса. Это наступление предполагалось поручить американской армии, расположенной по обе стороны Эны, при поддержке французской 4-й армии слева и впоследствии французской 2-й армии справа, усиленных 12—16 американскими дивизиями. Оно должно было начаться между 15 и 20 сентября. Тем временем необходимо было не давать передышки противнику и облегчить отрыв от противника и переброску американских соединений, предназначенных для участия в наступлении на Мезьер. Около 10 сентября должна была последовать операция в Воэвре силами, сокращенными примерно до девяти дивизий, и с ограниченной целью ликвидации угрозы железной дороге Париж — Аврикур, т. е. захвата линии Виньель, Тиокур, Реньевиль. Одним словом, чтобы быть в состоянии организовать наступление на Мезьер, от которого я ожидал крупнейших результатов, я вынужден был придать операции в Воэвре значительно меньший размах, чем я намечал в своей директиве от 17 августа, и просить ген. Першинга предпринять новую операцию.

Прежде чем уехать из Линьи, я оставил Першингу записку, резюмировавшую и уточнявшую вопросы, затронутые во время нашей беседы. Эта записка вызвала со стороны американского главнокомандующего некоторые замечания, которые он изложил мне в своем письме от 31 августа.

Чтобы устранить все затруднения и избежать потери времени, мы — Першинг, Петэн и я — собрались 2 сентября в моей ставке. В основу нашей беседы мы положили нижеследующий ответ, который я накануне послал Першингу:

«Моя записка от 30 августа и мои словесные объяснения в тот же день касаются немедленной организации союзниками генерального сражения, которое должно вестись:

1) в определенном направлении;
2) максимальными силами союзников;
3) в кратчайший срок;
4) в наилучших условиях в отношении снабжения, а следовательно, и сообщений.

Чтобы осуществить все эти условия, я наметил для американской армии:

а) операцию под Сен-Миелем, в более или менее сокращенном масштабе;

б) наступление на западном берегу Мааса.

При наступлении на западном берегу Мааса не может быть допущено никаких изменений:

а) в отношении направления;
б) в отношении численности вводимых в дело сил;
в) в отношении сроков.

Если вы считаете, как вы сообщаете мне в своем письме от 31 августа, что не сможете провести операцию под Сен-Миелем предварительно или одновременно, даже если ее масштаб будет сокращен, то я полагаю уместным совсем отказаться от нее.

Во всяком случае, чтобы теперь же и без малейшей потери времени организовать операции к западу от Мааса, я прошу вас завтра в 14 час. встретиться с ген. Петэном и со мной с целью окончательно установить в общих чертах порядок проведения этих операций...»

Во время этого совещания было подсчитано число американских дивизий, могущих участвовать в наступлении, и ген. Першинг признал, что Сен-Миельская операция и наступление на Мезьер нисколько не исключают друг друга при условии, что они будут проведены быстро одна за другой, а для этого должны быть точно рассчитаны во времени.

В этих условиях было решено, что:

1) наступление под Сен-Миелем с ограниченной целью захвата линии Виньель, Тиокур, Реньевиль будет подготовлено так, чтобы оно могло начаться 10 сентября силами 8—10 дивизий;

2) наступление к западу от Мааса будет проведено 20—25 сентября американской армией (12—14 дивизий, не считая освобождающихся после предыдущей операции) между Маасом и Аргонной и поддержано слева наступлением французской 4-й армии под общим командованием ген. Петэна.

Эти решения были зафиксированы в протоколе, тут же переданном обоим главнокомандующим в ожидании общей директивы, которая была послана им на другой день, 3 сентября.

* * *

Таким образом, вопрос о Сен-Миельской операции после только что указанных поправок и переговоров был, наконец, решен. Однако операция была еще отсрочена на 48 часов против назначенного дня ввиду «чрезвычайной сложности передвижений для сосредоточения войск» [1].

12 сентября после четырехчасовой артиллерийской подготовки, в которой участвовало почти 3 000 орудий, в 5 час. началась главная атака (американские 4 и 1-й корпуса) с фронта Сешпрэ, Лимэ в направлении на Виньель, Тиокур. Она была проведена с такой силой и решительностью, что противнику нигде не удалось задержать ее. Всюду густые проволочные сети были преодолены, огневые точки охвачены и обойдены, а к вечеру заняты намеченные объекты.

Тем временем вспомогательная атака (американский 5-й корпус), начавшаяся в 8 час. с фронта Эпарж, развивалась таким же темпом, как и главный удар; продвижение продолжалось весь день, и ночью атакующие достигли Виньель-лэ-Атоншатель, где 13-го утром была установлена связь между вспомогательной и главной атаками.

Нескольких часов оказалось достаточно, чтобы очистить Сен-Миельский выступ, где противник держался вот уже 4 года и который он теперь не успел полностью эвакуировать, оставив в руках американской 1-й армии 13 250 пленных и 460 орудий.

Это был блестящий успех, с которым я поспешил поздравить Першинга. Для завершения его американской армии оставалось только в последующие дни — 13, 14 и 15 сентября — расположиться перед новыми позициями, занятыми противником, и немедленно принять прочное оборонительное положение.

Надо было спешно снять с фронта часть ее сил и перебросить их на запад от Мааса.

---

[1] Отчет маршала Петэна.

Глава одиннадцатая

Общее наступление союзных армий

(С 26 сентября по 15 октября)

1. Взятие позиции Гинденбурга

В то время как американская армия подготовляла и проводила в Воэвре операцию, несомненно, очень полезную для дальнейшего развития действий, наступление франко-британских армий между рр. Эной и Скарп продолжалось.

Поколебленный прорывом линии Дрокур, Кеан, выгнанный из долины Соммы после потери Перонна, преследуемый по пятам на плато к северу от Суассона, противник, как мы видели, был вынужден отойти к позиции Гинденбурга. Этот отход, начавшийся 2 сентября, продолжался до 9 сентября. Союзники вышли примерно на линию Арле, Маркион, Верман, Тернье, Вайи. На этом огромном фронте они за один месяц продвинулись вперед на глубину от 20 до 50 *км*.

Теперь им предстояло атаковать грозную оборонительную систему, которую противник соорудил в течение зимы 1916—1917 г. на фронте Камбрэ, Сен-Кантэн, Ля-Фер, Сен-Гобен. К северу и к югу продолжением этой полосы служили непрерывно укрепляемые позиции, перед которыми мы были задержаны в конце 1914 г.

Чтобы выбить противника из этой укрепленной полосы, чтобы сломить это препятствие, надо было атаковать его, продолжая и поддерживая наступление наших уже победоносных армий. Но ограничившись этим усилием, мы рисковали наткнуться на все резервы противника, сосредоточенные на направлениях наступления союзных армий и могущие при помощи укреплений сломить наш натиск. Поэтому мы должны были возможно скорее (чтобы использовать расстройство противника) нанести новые удары в новых направлениях. Мы должны были сочетать с уже ведущимися наступлениями, которые надо было продолжать, новые наступления, способные сковать часть сил противника и благодаря своим сходящимся направлениям усилить эффект, уже достигнутый нашими победоносными армиями. В общем надо было расширить фронт нашего наступления, сохранив при этом его общее направление. Эта задача должна была быть возложена на американскую армию справа и на бельгийскую — слева.

Установив, как сказано выше, 2 сентября ход операции с ограниченной целью под Сен-Миелем, мы уже 3 сентября послали британскому, французскому и американскому главнокомандующим директиву, которая направляла главную массу их армий на линию Камбрэ, Сен-Кантен, Мезьер, где они перехватили бы главную германскую рокадную линию. Директива требовала нового мощного американского наступлиния к западу от Мааса.

«В настоящее время наступление союзников успешно развивается на фронте от р. Скарп до Эны, вынуждая противника к отступлению на всем этом фронте.

Чтобы развить и усилить это наступление, все союзные силы вступают в сражение по сходящимся направлениям и на благоприятных участках фронта.

С этой целью:

1. Британские армии, поддержанные слева французскими армиями, продолжают наступление в общем направлении на Камбрэ, Сен-Кантен.

2. В это время французский центр продолжает свои операции и отбрасывает противника за Эну и р. Элет.

3. Американская армия проведет следующие операции:

а) Намеченное наступление в Воэвре с ограниченной целью — овладение линией Виньель, Тиокур, Реньевиль для ликвидации угрозы железной дороге Париж — Аврикур и создания удобной исходной базы для дальнейших операций.

Это наступление должно начаться как можно скорее, не позднее 10 сентября, чтобы не дать противнику никакой передышки.

б) Наступление в общем направлении на Мезьер, насколько возможно мощное и энергичное, обеспеченное с востока Маасом, а слева поддержанное наступлением французской 4-й армии.

Это последнее наступление должно быть организовано с предельной быстротой, так чтобы оно могло начаться самое позднее между 20 и 25 сентября.

Оно будет иметь целью прежде всего боями по обе стороны Аргонны отбросить противника на линию Стенэ,Ля-Шен, Атиньи, а затем выйти в район Мезьера, заходя в то же время с востока, чтобы сломить сопротивление противника на Эне.

Его последовательные этапы отмечены рубежами:

1. Дэн, Гранпрэ, Шальранж, Сом-Пи.

2. Стенэ, Ля-Шен, Атиньи».

Давая эти общие указания, я тем не менее требовал от британских армий энергичного непосредственного удара против линии Гинденбурга. Так, 8 сентября я писал Хейгу, прося его «немедленно приступить к подготовке наступления с целью захвата этой линии и дальнейшего продвижения за нее в направлении на указанные объекты (Валансьен, Солем, Ле-Като, Васиньи). Важно застигнуть там противника как можно менее укрепившимся, для чего надо начать это наступление без промедления».

Чтобы предельно расширить район операций, я на другой день, 9 сентября, поехал в Ля-Пон, резиденцию бельгийского короля. Мы констатировали, что расстройство и истощение противника, а также сосредоточение его сил во Франции создают исключительно благоприятную обстановку, для того чтобы разбить его в Бельгии и отвоевать провинцию к северу от р. Лис. Мы рассмотрели в общих чертах операции, которые должна была предпринять с этой целью бельгийская армия при поддержке британских и французских.

Когда король Альберт вполне стал на мою точку зрения и дал свое принципиальное согласие на намеченные операции, я отправился в Кассель. Там на совещании с фельдмаршалом Хейгом, ген. Плюмером и ген.-лейт. Жиленом я в подробностях изложил вышеуказанный проект, и мы выработали соответствующий план. План предусматривал первым делом обеспечение исходного рубежа путем захвата линии: Клеркенский гребень, Хоутхульский лес, Пасхендаэльский гребень, высоты Гелювельт, Зандворде, Коминский канал. Намечено было затем решительно двинуться оттуда, с одной стороны, на Брюгге, чтобы освободить бельгийское побережье, а с другой — в направлении на Тиельт и Гент. Первая операция требовала 9 бельгийских и 2 британских дивизий. Во второй должны были участвовать вся бельгийская армия, британская 2-я армия, 3 французские пехотные и 3 кавалерийские дивизии.

По окончании совещания я передал участникам его записку, в которой были зафиксированы принятые решения.

Само собой разумеется, что ген. Петэн был в курсе этих предположений, а также моего намерения в случае необходимости обратиться для их осуществления к ген. Дегуту.

Когда утром 11 сентября бельгийский король приехал в Бонбон, я попросил его принять командование не только над бельгийской армией, но и над французскими и британскими

силами, которые будут собраны для этих операций. Он выразил согласие и просил составить соответствующий приказ о его назначении. Он также просил о прикомандировании к нему французского генерала. Назначенный ген. Дегут немедленно принял должность начальника штаба союзной Фландрской армии под командованием короля Альберта. Об этих решениях было сообщено Жилену, Хейгу и Петэну. В то же время я просил всех строжайше сохранить намеченные операции в тайне.

* * *

Фельдмаршал Хейг хорошо понял мой замысел. На мое письмо от 8 сентября он ответил 14-го, что намеревается в ближайшем будущем начать организованное наступление между Верманом и Гузокуром для захвата оборонительного сооружения противника к западу от Сен-Кантенского канала и р. Шельды и, таким образом, подвести британскую армию на дистанцию атаки позиции Гинденбурга.

Чтобы облегчить эту операцию, я приказал ген. Дебенэ поддержать своим левым флангом правый фланг британской 4-й армии, что впредь и должно было быть его главной и постоянной задачей: «В наступающий период времени левый фланг французской 1-й армии должен все время поддерживать правый фланг британской 4-й армии, сохраняя с ним тесную связь...»

Итак, 18 сентября британская 4-я армия, поддержанная левым флангом французской 1-й армии и правым флангом британской 3-й армии, с успехом атаковала немцев на фронте Ольнон, Френуа-ле-Пти, Аржикур, Лампир, Гузокур. Она захватила все намеченные объекты, более 10 000 пленных и 150 орудий, а главное — она находилась теперь на дистанции атаки от позиции Гинденбурга. Это было тем более важно, что Хейг намеревался наносить главный удар по этой позиции на участке между Сен-Кантеном и Камбрэ.

Подготовка удара началась немедленно. 22 сентября Хейг отдал приказы для общего наступления на позицию Гинденбурга своим 1, 3 и 4-й армиям и, хотя еще не сообщал своим подчиненным о дне начала операции, он наметил ее примерно на 25 сентября.

Ген. Петэну было сообщено о намерениях британского главного командования и предложено без малейшего промедления усилить французскую 1-ю армию, особенно артилле-

рией. Для этого ему было предписано щедро выделить необходимые силы из центра резервной группы армий, где «в настоящее время не предвидится никаких крупных операций». Петэну было нетрудно исполнить это требование, так как, благодаря операциям, проведенным за последние два месяца, фронт резервной группы армий значительно сократился,— настолько, что в первой половине сентября две армии из группы, 6 и 3-я, были выведены в резерв.

Пока происходило сосредоточение союзных сил, предназначенных для пробития бреши в германской твердыне, я, чтобы по возможности замаскировать подготовку и отвлечь внимание противника от грозы, собиравшейся над его головой на нашем левом фланге, совершил с 19 по 22 сентября инспекторскую поездку по Лотарингскому и Вогезскому фронтам. Я побывал в Шомоне, в Сен-Миеле, в Нанси, в Люре, в Масво и в Бельфоре, рекогносцируя передовые позиции и предписывая немедленно выработать планы крупных атак в этих районах, а также произвести подготовительные передвижения для этих атак.

Затем, вернувшись в Бонбон в мою ставку и договорившись с главнокомандующими, я окончательно установил сроки, в которые должно было развернуться общее наступление от Мааса до Северного моря:

26 сентября — франко-американское наступление между рр. Сюип и Маасом.

27 сентября — наступление британских 1 и 3-й армий в общем направлении на Камбрэ.

28 сентября — наступление фландрской группы армий под командованием бельгийского короля, между морем и р. Лис.

29 сентября — наступление британской 4-й армии, поддержанной французской 1-й армией, в направлении на Бюзиньи.

2. Франко-американское наступление между рр. Сюип и Маасом

В план этого наступления входили:

1. Операция «В»[1], предпринимаемая между Маасом и Аргонной американской 1-й армией в общем направлении на Бюзанси, Стонн.

[1] Операцией «А» называлась операция в Воэвре (захват Сен-Миельского выступа).

2. Операция «С», проводимая французской 4-й армией между рр. Эной и Сюип, имея осью дорогу Шалон, Мезьер. Смешанный франко-американский отряд должен был действовать на правом берегу Эны, обеспечивая связь между обеими операциями.

С другой стороны, ген. Петэн решил удлинить к западу фронт наступления центральной группы армий операцией «Д», которая должна была быть проведена 5-й армией «для захвата позиции Реймских фортов и Шампаньских высот и развития на фланге первых успехов 4-й армии».

Начало операций «В» и «С» было назначено на 26 сентября, а операция «Д» должна была быть подготовлена к полудню 28 сентября.

Наконец, чтобы использовать возможный успех последней операции и выбить противника со Шмен-де-Дам, где он мог укрепиться, 10-я армия получила распоряжение «подготовить наступление своей правофланговой группы в направлении на Шавиньон и Мальмезон».

Итак, франко-американская операция была организована с таким расчетом, чтобы в зависимости от обстановки ее можно было расширить от Мааса до р. Элет. Эти отлично составленные приказы удовлетворили меня, за исключением ограничения, заранее наложенного на продвижение обеих армий. Они имели целью наилучшим образом обеспечить взаимодействие, но таили в себе опасность для развития успеха. Их осуществление могло подорвать порыв, который, наоборот, надо было поддерживать во чтобы то ни стало и в первую очередь. Отсюда моя записка от 25 сентября:

«Характер и значение операции, предпринимаемой 26 сентября, требуют немедленного использования всех достигнутых преимуществ; прорыв линии сопротивления должен быть немедленно же развит на возможно большую глубину, для чего надо избежать всякой паузы. В частности, продвижение американской 1-й армии между Маасом и французской 4-й армией, а также численность американской армии обеспечивают последнюю от всякого риска; поэтому нужно, чтобы она без дополнительных указаний, по инициативе своего командующего, продолжала свое продвижение возможно дальше вперед.

Поэтому главной заботой американской армии должно быть возможно более глубокое и быстрое развитие своего успеха в направлении на Бюзанси.

Французская 4-я армия своим продвижением к р. Эне в районе Ретеля, проведенным столь же быстро, решительно и инициативно, будет обеспечивать американскую армию. Она должна во всяком случае поддерживать связь с нею, но отнюдь не замедлять движения этой армии, которое остается решающим.

Таким образом, не может быть и речи об указании этим двум армиям фронтов, дальше которых они не должны выдвигаться, так как подобное ограничение может помешать им полностью использовать благоприятную обстановку и подорвать порыв, который прежде всего необходимо поддерживать.

При создавшейся обстановке в первую очередь важно развивать ударную силу союзных армий.

Главнокомандующий союзными армиями рассчитывает на решимость и инициативу каждой из этих армий.

Главнокомандующий Северными и Северо-восточными армиями благоволит обратиться к армиям с соответствующим призывом».

За этой запиской последовала другая, от 27-го, о принципах, которыми в данной обстановке должны были руководиться начальники всех степеней при принятии решений:

«При той обстановке, в которой мы сейчас находимся, внезапность и масштаб атак, предпринимаемых нами против противника, заставляют его спешно поддерживать свои войска, занимающие атакованные участки, и не позволяют ему ни сосредоточить вполне боеспособные войска, могущие провести планомерную операцию, ни собрать достаточные силы артиллерии и пехоты на заранее оборудованной позиции сколько-нибудь значительного протяжения, в итоге не давая ему возможности организовать сражение крупного масштаба, даже оборонительное.

Следовательно, если мы не дадим противнику времени собраться с силами, мы повсюду будем встречать только дезорганизацию, перемешанные части или, по меньшей мере, импровизацию в использовании сил.

Конечно, при отходе противник может опираться на большое число пулеметов или прикрываться ими. Но их недостаточно для создания прочной оборонительной системы, и их действия можно во всяком случае парировать, в частности, маневрируя мелкими частями.

При таких условиях атакующие войска должны сразу же

добиваться прорыва, организуя для этого ударные группы (из пехоты и артиллерии), предназначенные для продвижения на объекты, обладание которыми обеспечит потрясение фронта противника.

Поэтому следует:

— в корпусах — выбирать и назначать отдаленные важные объекты;

— в дивизиях — выбирать промежуточные объекты;

— в частях (полках, батальонах) — точно и быстро охватывать и обходить пункты, на которых они частично задержаны, особенно пулеметами.

В настоящее время исход сражений зависит от решимости командиров корпусов, от инициативы и энергии командиров дивизий.

Сражение снова решается большей активностью командования и выносливостью войск».

Союзное наступление (операции «В» и «С»), начатое 26 сентября в 5 ч. 30 м. американской 1-й армией, в 5 ч. 25 м.— французской 4-й армией, после сильнейшей артиллерийской подготовки на первых порах дало ощутительные результаты между Маасом и р. Сюип. На всем фронте наступления первая позиция противника была захвачена, а в некоторых пунктах пройдена; в среднем наши войска продвинулись вперед на 3—4 *км*.

Чтобы следить на месте за развитием операций, я после полудня 26-го расположился на командном пункте в замке Труа-Фонтэн (к северу от Сен-Дизье). Я оставался там и 27-го, а затем ездил к ген. Петэну, временно расположившемуся в Нетанкуре, и в штаб ген. Гуро в Шалон-Сент-Меми.

27 и 28 сентября сопротивление противника одновременно усилилось и стало более активным. Вскоре 4-я армия натолкнулась на оборонительные сооружения, устроенные немцами в долине р. Пи, тогда как американская 1-я армия, стесненная фланкирующим огнем из района Аргонны, оказалась задержанной на линии Апремона.

Однако 29 сентября французской 4-й армии, сосредоточившей свои усилия в центре, удалось охватить линию р. Пи и отбросить противника на вторую позицию, устроенную между Сом-Пи и Монтуа. Но американская 1-я армия, скучившаяся в узком коридоре между Маасом и Аргонной, встретившая перед собой сильное сопротивление, опиравшееся на труднопроходимую, пересеченную местность, задержанная в своем

продвижении фланкирующим огнем одновременно из Аргонны и с восточного берега Мааса, продолжала топтаться на месте. Ее командование думало преодолеть затруднения, увеличив свои силы в первой линии; но от этого затруднения только возросли, и вскоре все тылы и пути подвоза армии оказались совершенно забитыми. Чтобы выйти из этого положения, я, по соглашению с ген. Петэном, решил снять с американской полосы наступления несколько дивизий и использовать их частью к востоку от Мааса, частью к западу от Аргонны. Во избежание потери времени они должны были быть введены в состав находившихся на месте французских корпусов. Затем ген. Першинг должен был принять командование над франко-американскими силами, действующими на обоих берегах Мааса, тогда как командующий новой французской армией (2-й армией) принял бы командование над союзными силами, действующими по обе стороны Аргонны.

Ген. Вейгану было поручено сообщить об этих мероприятиях ген. Першингу, который в целом согласился с ними, но отказался от введения новой французской армии в район Аргонны. Чтобы удовлетворить его, я согласился сохранить существующее положение в этом отношении «при условии, что американские атаки возобновятся немедленно и, раз возобновившись, будут продолжаться без остановки...»

В то время как американская 1-я армия восстанавливала порядок в своих частях, прежде чем возобновить операции в направлении на Мезьер, французская 4-я армия участвовала своим центром и правым флангом в атаках 5-й армии, имевших целью захват Шампаньских высот и Реймского массива (операция «Д»). 30 сентября 5-я армия внезапно атаковала между рр. Вель и Эной и отбросила немцев, несмотря на их сильное сопротивление. Продолжая 1 октября свое наступление, она добилась еще более важных результатов, чем накануне, вынудив противника перейти обратно на восточный берег канала Эна — Марна от Берри-о-Бак до Невилет, причем захватила 2 500 пленных и около 30 орудий. В то же время 4-я армия при поддержке американской 2-й дивизии атаковала и захватила сильную германскую позицию на высотах к югу от Орфея, овладела такими прочными опорными пунктами, как Нотр-Дам-де-Шан и Блан-Мон, и взяла более 18 000 пленных и 200 орудий (1 и 3 октября).

Этот двойной успех не замедлил принести плоды. 5, 6 и 7 октября немцы отошли на широком фронте к северо-

востоку от Реймса и расположились за р. Сюип и линией р. Арн.

4 сентября американская 1-я армия возобновила наступление. Ее левый фланг и центр, продвигаясь вдоль Аргонны, достигли Апремона, Эгзермона и Жена. Ее правый фланг, задерживаемый фланкирующим огнем с высот на восточном берегу Мааса, продвинулся очень незначительно. Было совершенно необходимо ликвидировать эти фланкирующие батареи путем захвата высокого берега Мааса от Дэн-сюр-Мез до Данвиллера. С 8 по 10 октября французский 17-й корпус, поддержанный двумя американскими дивизиями (33 и 39-й), начал операции на правом берегу Мааса и после жестоких боев утвердился на линии Сиври-сюр-Мез, Бомон.

Как ни ценны были результаты франко-американского наступления, они все же были «ниже того, чего можно было ожидать, учитывая, что противник скован на всем фронте и только в некоторых пунктах оказывает сопротивление потрепанными, разнородными, наспех собранными частями, к тому же в районе, в котором все оборонительные сооружения противника были уже захвачены». Вследствие отсутствия достаточного руководства завязавшееся сражение носило несколько несвязный характер. Командование, находившееся слишком далеко от поля сражения, «не вело его с полной энергией, обеспечивая осуществление своих замыслов».

Поэтому ген. Петэну было предложено дать высшему командованию (группами армий и армиями) директивы, «чтобы обеспечить в нынешней фазе маневренной войны личное руководство сражением на месте в определенные дни. Первейшая задача командования попрежнему заключается в том, чтобы воодушевлять, увлекать, бодрствовать, проверять».

Отдавая эти директивы, Петэн снова указал объекты наступления:

— 4-й армии — двигаться прямо на Эну в направлении на Ретель;

— 5-й армии — наступать в направлении на Нешатель, Суассон, чтобы облегчить движение 10-й армии на Лаон.

Наступление возобновилось 8 октября. В то время как американская 1-я армия, освободив Аргонну, подошла к южным выходам из Гранпрэ и овладела высотами Романь и Кюнель, французская 4-я армия, атаковавшая крупными силами в направлении на Коруа, Машю, утвердилась на северном бе-

регу р. Арн и на высотах Монтуа. Слева от нее 5-я армия с боем овладела переправой через р. Сюип между Агилькуром и Сент-Этьеном, между тем как к северу от Эны 10-я армия, перейдя в свою очередь в наступление, форсировала р. Элет и вышла на высоты вокруг Серни-ан-Лануа и Жюминьи.

Это грозное продвижение нанесло противнику чувствительный удар. 11, 12 и 13 октября он оказался вынужденным провести крупное отступательное движение на всем фронте между Эной в районе Вузье и Уазой в районе Ля-Фер и отойти на сильно укрепленную позицию (позиции Хундинга и Брунхильды), оборудованную на линии Ля-Фер, Креси-сюр-Серр, Сисон, Шато-Порсьен и в долине Эны ниже Гранпрэ.

15 октября франко-американские армии подошли вплотную к этой позиции и немедленно приняли необходимые меры для атаки.

3. Франко-британское наступление против фронта Камбрэ, Сен-Кантен

27 сентября британские 1-я и 3-я армии (ген. Хорн и Бинг) двинулись вперед в направлении на Камбрэ и на рассвете атаковали германские позиции между р. Сансе и Виллер-Гисленом. Перейдя через Северный канал, они блестящим ударом овладели знаменитыми опорными пунктами Маркион, Бурлон, Флескьер и продвинулись на 6 *км* в расположение противника, захватив более 8 000 пленных и более 100 орудий. 28 сентября они продолжали наступление, взяли Фонтэн-Нотр-Дам и Маркуэн, переправились через Шельду, к северу от этого последнего пункта, а на следующий день, 29-го, подошли к самым воротам Камбрэ. Весь участок позиции Гинденбурга в полосе наступления был в их руках.

На этот блестящий успех британская 4-я армия (Ролинсона) ответила южнее не меньшим успехом. 29 сентября она в свою очередь атаковала позицию Гинденбурга между Вандюилем и Ольноном, захватила ее первые линии и, решительно двинувшись в направлении на Боэн (Bohain), перешла через Сен-Кантенский канал между Баликуром и Ляокуром.

Справа от нее французская 1-я армия (ген. Дебенэ) атаковала к югу от Сен-Кантена и в ожесточенных боях овладела опорным пунктом Серизи.

Франко-британское наступление продолжалось с ожесточением и в следующие дни. 3 октября, в то время как британские армии, продвигаясь вдоль Шельды выше Маньера, достигли окраин Ле-Катлэ и линии высот к востоку от Сен-Кантенского канала, французская 1-я армия, расширив свой фронт наступления к северу от Сен-Кантена, перешла через канал в районе Трокуа, охватила Сен-Кантен с севера и юга и снова заняла этот город.

Оставалось только захватить последние редюиты позиции Гинденбурга в этом районе. 5 октября последовала атака. Британская 4-я армия, переправившись через Шельду между Кревкером и Ле-Катлэ, овладела плато Боревуар, Монбреэн и этим успехом завершила в своей полосе наступления захват знаменитой позиции Гинденбурга. Зато справа от нее французская 1-я армия, попрежнему имевшая основной задачей поддержать во что бы то ни стало правый фланг британской армии, наткнулась на очень энергичное сопротивление к востоку и северо-востоку от Сен-Кантена. Возобновив свои атаки в следующие дни, она овладела Ледэном (6 октября) и продвинулась на Фонтэен-Ютерт. 8-го она взяла этот последний пункт и охватила с фланга германские оборонительные сооружения к северо-востоку от Сен-Кантена. Вскоре, благодаря продвижению британской 4-й армии, она пожала плоды своей настойчивости.

В тот день, когда позиция Гинденбурга оказалась целиком в руках британской армии, фельдмаршал Хейг отдал распоряжение о немедленном развитии успеха и о том, чтобы быстрым продвижением не дать противнику времени прочно устроиться на своем втором тыловом рубеже — позиции Хундинга, которая к югу от Камбрэ подходила к позиции Гинденбурга ближе, чем на всем остальном фронте.

Поэтому Хейг приказал своим 3 и 4-й армиям, попрежнему прикрытым справа французской 1-й армией, провести 8 октября общее наступление в направлении на Боэн, Бюзиньи и захватить высоты к югу от Камбрэ. В дальнейшем британская 1-я армия должна была попытаться форсировать Шельду севернее этого города в районе Рамийи.

Во исполнение этих распоряжений наступление английских 3 и 4-й армий было с полным успехом проведено 8 октября между Камбрэ и Секеаром; одним ударом была захвачена вся позиция Хундинга на намеченном фронте. Армия Дебенэ, захватив, как мы видели выше, плато Фонтэн-Ютерт,

продолжила и поддержала действия англичан. 9 октября британская 1-я армия в свою очередь форсировала Шельду в Рамийи и южнее.

Этот успех, дополнив успехи предыдущих дней, нанес немцам глубокий удар и вынудил их к отходу на широком фронте между рр. Сансе и Уазой. Следуя по пятам противника, авангарды союзников вышли 12 октября на берег р. Сель между Аспром и ле-Като, на западную опушку леса Андиньи и на северный берег Уазы выше Берно.

Таким образом, они на своем левом фланге подошли вплотную к третьей тыловой позиции противника, устроенной примерно на линии Бушен, Ля-Капель, Ле-Като, Ирсон, Мезьер, а на правом — к участку позиции Хундинга, проходившему по западному берегу Уазы между Мон д'Ориньи и устьем р. Серр.

4. Наступление фландрской группы армий к северу от р. Лис

Формирование фландрской группы армий, решенное, как мы видели, 11 сентября, было проведено с величайшей быстротой. Времени у нас было в обрез. Если бы осенняя непогода застала нас еще в стадии подготовки в низменных районах Фландрии, опустошенных войной, было бы почти невозможно вывести бельгийскую армию из этого района. Эту армию пришлось бы перебросить с левого берега Изера, превращающегося осенью в море грязи, на правый берег, который за 4 года сражений и артиллерийской стрельбы превратился почти в сплошное болото и который плохая погода сделала бы безусловно непроходимым.

Обеспечив фландрскую группу армий командованием в лице короля бельгийского и ген. Дегута с его штабом, пришлось дать ей необходимые силы для выполнения задачи, возложенной на нее согласно общему плану союзного наступления. Кроме бельгийской армии, в состав ее вошли британская 2-я армия (Плюмера) и французские 2-й кавалерийский корпус и два армейских корпуса (7 и 34-й). Чтобы обеспечить их необходимой материальной частью, имуществом связи и транспортными средствами, пришлось обратиться к английской армии, к французской армии и даже к парижскому военному губернаторству. Британский военно-морской флот со своей стороны обеспечил круглосуточную помощь авиационной группой.

Я настоял, чтобы все эти средства, предоставленные в распоряжение бельгийского короля, были использованы с самого начала, чтобы сразу же добиться крупных результатов. С этой целью я просил фельдмаршала Хейга подействовать на ген. Плюмера и, во избежание всяких ложных толкований, совершенно определенно указать, что вся британская 2-я армия будет с первого же дня находиться в распоряжении с в о е г о командующего. Ее атаки, направленные к северо-востоку от Коминского канала, должны были иметь целью возможно скорее достигнуть Зандворде и Крюйсекке.

При таких условиях в 5 ч. 30 м. 28 сентября после трехчасовой артиллерийской подготовки началось наступление фландрской группы армий между Диксмюд и р. Лис. Оно сразу же имело большой успех; была полностью захвачена первая германская позиция и взята часть второй.

На следующее утро я был во Фландрии. Я повидался с ген. Плюмером в Касселе, с королем Альбертом в Ля-Пане, с ген.-лейт. Жиленом в Хоутхеме. Я просил их быстро продвинуться на Рулер и Туру. Впрочем, недостатка в наступательном порыве не было. 29 сентября был занят Диксмюд; весь Пасхендаэльский гребень и сильная позиция Мессин, Витсхаэте оказались во власти союзников. За два дня у противника было взято почти 10 000 пленных и 200 орудий.

30-го продвижение продолжалось, но из-за плохой погоды оно сильно замедлилось. Тем не менее британская 2-я армия подошла к Менэну и вышла на левый берег р. Лис от Варнетона до Вервика.

После незначительного продвижения 1 и 2 октября было решено остановиться, чтобы, восстановив тыловые сообщения, организовать новое мощное наступление.

Здесь сказались трудности, вытекающие из характера местности. Войскам пришлось продвигаться по грунту, изрытому воронками от снарядов, наполненными водой. Войска вышли на твердый грунт, но позади во многих местах на правом берегу Изера дороги стали непроходимыми. Оказалось невозможным исправить их насыпкой земли, так как соседние участки представляли собой сплошное болото. В некоторых полосах снабжение войск как продовольствием, так и огнеприпасами было приостановлено. Мы были вынуждены первым делом перебросить продовольствие на самолетах. Чтобы сделать возможным движение транспорта, надо было прежде всего исправить пути сообщения. Это требовало

в некоторых местах постройки нескольких километров дорог из сплошных досчатых настилов на сваях.

Однако результаты нашего бесспорного успеха во Фландрии уже давали себя знать. Угрожаемые одновременно наступлением фландрской группы армий к северу от р. Лис и английских армий к югу от р. Сансе, немцы начали новый отход перед фронтом английской 5-й армии (ген. Бэрдвуда), которая действовала справа от британской 2-й армии и находилась в связи с 1-й армией.

2 октября были вновь заняты Ля-Бассэ и Ланс, 3-го — Армантьер. 4-го авангарды ген. Бэрдвуда дошли до железной дороги Армантьер, Ланс и канала р. От-Дель, где они связались с авангардом ген. Хорна, левый фланг которого также продвигался вслед за отступающим противником.

Неустойчивость положения немцев, поколебленного нашими победоносными ударами с 18 июля, распространившись на Фландрию, не позволила противнику восстановить свою оборону. Этот благоприятный для наших армий фактор должен был сохраниться и усиливаться при условии, что мы немедленно используем его и не дадим противнику времени оправиться. Это казалось тем более несомненным, что, по полученным сведениям, немцы после Дуэ не имели в Бельгии ни одного прочного тылового рубежа. Поэтому в своих письмах от 6 и 9 октября я настаивал на том, чтобы фландрская группа армий как можно скорее восстановила свои коммуникации для возобновления наступления:

«Поражение, понесенное противником на английском фронте,— говорилось во втором письме,— а также развитие наших атак на франко-американском фронте создают исключительно благоприятную обстановку для продолжения наступления в Бельгии.

При этой обстановке особенно важно, чтобы вы поспешили с наступлением, а для этого вы должны насколько возможно ускорить подготовку...»

Однако, несмотря на добрую волю всех, фландрская группа армий смогла подготовиться к возобновлению наступления только к 14 октября. Но в этот день, имея войска уже в районах, не опустошенных войной, обеспечив себе сообщения, она могла продолжать сражение и, получив мощные средства усиления, при всякой погоде развивать свое наступление, пока сопротивление противника не будет окончательно сломлено.

Глава двенадцатая

Проблемы численности, военной промышленности и сообщений осенью 1918 г.

Сможем ли мы поддерживать это непрерывное и с каждым днем все возраставшее усилие, которое союзные армии развивали с июля? Этот серьезный вопрос осенью 1918 г. стоял перед главным командованием и правительствами Антанты и охватывал пополнение личным составом, снабжение огнеприпасами и военным имуществом, восстановление путей сообщения на отвоеванных территориях.

Важно отметить, что от правильного и своевременного разрешения этих задач зависела возможность для союзных армий развивать успехи и добиться окончательной победы путем безостановочного наступления. Задержка же в удовлетворении потребностей действующей армии могла сделать бесплодной часть их успеха и впоследствии потребовать от них кровопролитных и мощных усилий, так как противник успел бы оправиться.

Недостаточно было указать 24 июля план наших операций. Надо было также подготовить средства для их обеспечения.

1. Личный состав

С 1 июля по 15 сентября французская армия потеряла 7 000 офицеров и около 272 000 рядовых. В начале октября в большинстве дивизий был некомплект от 1 000 до 2 500 человек в каждой; все имевшиеся пополнения были уже зачислены в части, а в ближайшие недели положение еще ухудшилось, так как к потерям от огня противника присоединилось выделение некоторого количества личного состава в тыл для исправления путей.

Однако мы оставили прежнее число дивизий и старались покрыть временный некомплект, проводя различные паллиативные меры внутри самих дивизий и реорганизуя воинские части. Так, например, ген. Петэну пришлось уменьшить штатный состав учебной группы дивизии, сократить до 175 человек численность пехотной роты и приказать командующему танковыми частями аналогичным образом урегулировать недостаток танков и личного состава.

Большие затруднения встречало также пополнение конским составом. Конский запас во Франции был почти исчерпан, и

нам пришлось с сентября ввозить из Америки ежемесячно более 10 000 лошадей, что поглощало часть тоннажа, предназначенного для перевозки американских войск, а кроме того, требовало довольно больших сроков. Чтобы выйти из создавшегося положения, ген. Петэн был вынужден принять некоторые временные меры, например, предписать командованию выводить вперед только число дивизионов и батарей, соответствующее числу имеющихся запряжек, или упразднить по одному орудию на батарею в различных частях артиллерии конной тяги.

Британская армия потеряла с 1 июля по 15 сентября 7 700 офицеров и 166 000 рядовых и, подобно французской армии, не могла пополнить некомплект.

Лондонское правительство, склонное придавать авиации и танкам, быть может, слишком большое значение в отношении ко всем вооруженным силам, было готово расформировать несколько пехотных дивизий. На конференции, состоявшейся 7 октября в Версале под председательством Ллойд-Джорджа, я вынужден был выступить против этого намерения и добился того, что число британских дивизий было оставлено без изменения, хотя для этого пришлось бы временно сократить их состав. Я также посоветовал ген.-лейт. Вилсону заменить свежими британскими дивизиями, находившимися в Италии, усталые дивизии во Франции, которые могли бы закончить свое пополнение и восстановление по ту сторону Альп (в Италии.— *Ред.*)

Итальянский 2-й корпус после атак, которым он подвергся летом на французском фронте, имел некомплект в 13 000 человек, и итальянское правительство желало, чтобы его восстановление было компенсировано возвращением в Италию всех рабочих, работавших во Франции в силу соглашения от 13 января 1918 г.

К счастью, Клемансо добился передачи вопроса об этой репатриации на обсуждение заинтересованных главнокомандующих. Мне удалось убедить ген. Диаца, что возврат всех итальянских рабочих причинит французским армиям величайший ущерб, и было решено, что будет послано обратно за Альпы только 4 000 из этих рабочих. Кроме того, чтобы оправдать оставление во Франции итальянской рабочей силы, ген. Петэну было предложено установить строгую организацию и контроль труда, «обеспечивающие рациональное и полное использование рабочих рук, которыми он располагал».

В конце концов итальянский 2-й корпус был укомплектован как некоторым количеством этих рабочих, так и пополнениями, прибывшими из Италии.

Американская армия сама имела некомплект, который 10 октября составлял до 90 000 человек на 30 дивизий, действовавших на фронте. Правда, этот некомплект был только временным, так как перевозки из Америки во Францию продолжались очень интенсивно, но в данный момент он мог несколько затруднить намеченные операции. Поэтому ген. Першинг счел своим долгом осведомить меня об этом некомплекте и спросил, не следовало ли бы мне изменить мои решения. Разумеется, я целиком сохранил установленный план наступлений.

Другая трудность состояла в снабжении американской армии лошадьми, которые в большом числе требовались для организации ее дивизий. Необходимость перевозить в первую очередь пехотинцев и пулеметчиков заставила отсрочить посылку из Соединенных Штатов лошадей, необходимых, главным образом, для артиллерийских частей. Правда, закупки лошадей в Испании и выделение некоторого количества их из французского и английского конского запаса позволили удовлетворить ближайшие потребности, но на доставку лошадей из Америки можно было рассчитывать только с сентября, что, как мы говорили выше по поводу французской армии, влекло за собой некоторые неудобства.

По этим отдельным данным можно судить об усилиях главного командования и штабов осенью 1918 г., необходимых для пополнения численного состава союзных армий. Если эту задачу и не удалось разрешить полностью, все же импровизированные мероприятия, к которым прибегли, всегда подсказывались мне двумя требованиями: не допустить замедления темпа операции и во что бы то ни стало сохранить число союзных дивизий.

2. Огнеприпасы и вооружение

Хотя снабжение боевыми припасами не представляло таких затруднений, как пополнение личным составом, все же оно внушало некоторое беспокойство.

К концу июля министр вооружения Лушер указал мне, что французские армии ежедневно расходуют в среднем 280 000 75-*мм* снарядов, тогда как производится их только

220 000; поэтому он должен был покрывать разницу из запасов. В августе положение стало даже критическим ввиду задержки с отправкой из Америки во Францию стали для 75-*мм* снарядов, и мне пришлось просить ген. Першинга настоять перед своим правительством на ускорении этой отправки.

Со своей стороны, ген. Петэн несколько раз и очень энергично предписывал своим подчиненным строго контролировать расход боевых припасов.

Кризис был полностью изжит только в октябре, когда Соединенные Штаты смогли посылать во Францию готовые снаряды.

От французской военной промышленности также потребовались напряженные усилия для постройки и ремонта многочисленных машин, необходимых для боя: орудий, самолетов, танков и т. д. В этой области нам приходилось удовлетворять не только наши собственные потребности, но и в значительной степени потребности американской армии, которую промышленность Соединенных Штатов еще не была в состоянии снабжать всей необходимой материальной частью. Я часто принимал в своей ставке ответственных лиц, занимавшихся этими вопросами: Клемансо, Лушера, Тардье, ген. Буржуа, Ле-Рона и других. Я беседовал с ними о ходе работ или производства как во Франции, так и в Америке, о поставках американцам, о металле, который надо было затребовать в обмен у Соединенных Штатов, о необходимых закупках в Англии и т. д.

Чтобы уменьшить импорт угля и тем увеличить свободный тоннаж, мне пришлось, по просьбе Лушера, обратиться к Хейгу, прося его, чтобы британская армия уступила 4 000 военнопленных для работы на шахтах Центральной Франции. Но Хейг не смог выполнить эту просьбу.

3. Пути сообщений

Известно, в каком состоянии систематического опустошения, отступая под нашими ударами, немцы оставляли территорию. Многие из этих разрушений отнюдь не оправдывались военной необходимостью, а объяснялись только той «радостью вредить» (Schadenfreude), которую наш противник возвел в догмат и использовал как средство борьбы.

Правда, 6 сентября я просил Клемансо довести до сведения противника, что он должен «под угрозой самой строгой ответственности и самых суровых репрессалий прекратить этот варварский образ действий», но разрушения продолжались в Северной Франции и в Бельгии вплоть до заключения перемирия.

Наряду с этими ничем не оправдываемыми разрушениями другие, вполне отвечающие военной необходимости, как разрушения на путях сообщений — железных дорогах, водных путях, очень задерживали наступление союзных армий. Восстановление этих путей сообщений было одной из важнейших задач, которые главному командованию и штабам пришлось разрешать осенью 1918 г. Оно потребовало активного руководства, опытного личного состава и большого количества технического имущества.

В августе 1918 г. управление этими службами было реорганизовано и придано главному командованию союзными армиями. Оно возглавлялось французским генералом [1] и имело основной задачей обеспечивать общие потребности союзных армий в отношении их снабжения и их сообщений, в особенности на отвоеванных у противника территориях; отсюда его название: «Главное управление сообщений и снабжения действующей армии».

Набор личного состава, необходимого для восстановления и эксплоатации путей сообщений, разрушенных противником, встретил серьезные затруднения. Несмотря на недостаток личного состава, от которого уже страдали армии, им пришлось выделить значительное количество рабочих-специалистов. Показывая пример, французская армия, со своей стороны, выделила для обслуживания железных дорог 100 000 человек. Для набора остальных пришлось прибегнуть ко всем возможным источникам: к репатриированным пленным из Германии, к рабочим, замененным на заводах военнопленными, к гражданским заключенным и т. д. Одно время даже Бельгия выделила личный состав службы эксплоатации для Северной Франции.

Что же касается материалов, необходимых для восстановления железных дорог, то их заказали либо французской, либо английской или американской промышленности. Так, из Соединенных Штатов поступало по 70 000 т рельсов в ме-

[1] Ген. Пайо.

сяц, что позволяло восстанавливать примерно 200 *км* пути. Большая часть машин ремонтировалась министерством вооружений.

Наконец, мне пришлось обратить внимание на организацию службы портов и службы морского транспорта на освобожденном бельгийском побережье и дать по этому вопросу директивы ген. Дегуту.

Приведенный краткий очерк проблемы численности, военного материала и сообщений не имеет другой цели, как показать, насколько эта проблема влияла на развитие операций осенью 1918 г., каковы были в общих чертах размеры этой проблемы, встреченные затруднения, приложенные усилия.

Глава тринадцатая

Общее наступление союзных армий

(С 15 октября по 11 ноября 1918 г.)

При своем общем движении вперед на фронте в 350 *км*, простиравшемся от Северного моря до Уазы, союзные армии, брошенные каждая по своему направлению, должны были встретить позиции противника, более или менее оборудованные, занятые более или менее крупными силами, способными оказать сопротивление, которое трудно было оценить заранее, разве только по характеру местности на каждом из этих направлений и по величине продвижения, оказавшегося возможным на каждом из них. Местность понижалась и становилась более ровной от правого фланга союзных армий к левому, от высоких берегов Мааса к обширным, сравнительно легко проходимым равнинам Фландрии. Там именно в прошлом, до Ватерлоо, решались судьбы Европы.

К северу от Уазы нам было легче всего сосредоточить и использовать превосходство сил. В настоящее время это превосходство заключалось, главным образом, в более многочисленной и лучше питаемой, чем у противника, материальной части. Об этом свидетельствовало значительное продвижение британских армий в этом районе. Нам надо было развивать его. Впрочем, ввиду сходящихся направлений наших ударов, удары, успешно нанесенные на каком-либо участке оборонительной системы противника, должны были отражаться и на соседних участках, приводя их к падению посредством охвата, даже если бы они и были способны к сопротивлению.

Поэтому 10 октября я ориентировал в этом смысле фельдмаршала и вместе с тем предписал ген. Петэну усилить французскую 1-ю армию, наступавшую справа от англичан.

«Сегодня, 10 октября, наши успехи развиваются на трех направлениях:

1) на бельгийском направлении;

2) в направлении на Солем, Васиньи;

3) в направлении на Эну, Маас.

Самым выгодным является, благодаря успеху британских армий, направление на Солем, Васиньи. Поэтому успех на этом направлении следует развивать возможно бо́льшими силами, чтобы наряду с продвижением на Монс, Авен, осуществить два маневра:

а) Маневр, согласованный с операцией в Бельгии, с целью освобождения района Лиля; его будут проводить британские силы между Шельдой и Самброй в северо-восточном направлении.

Чтобы дать британским армиям возможность расширить фронт своих атак к северу, граница между полосами наступления британских и французских армий продолжается по общей линии: к югу от Васиньи, к югу от Авен...

б) Маневр, согласованный с наступлением на Эне, Маасе, для охвата линии р. Серр; он проводится французской 1-й армией.

Поэтому первые же свободные французские силы должны быть приданы 1-й армии, чтобы позволить ей провести этот маневр. Силы, освободившиеся впоследствии, будут использованы для подкрепления наступления либо в Бельгии либо на Эне и Маасе».

15 октября между Уазой и Аргонной франко-американские армии, нацеленные на Мезьер, подошли вплотную к сильной германской позиции (позициям Хундинга и Брунхильды), проходившей примерно по линии Ля-Фер, Кресисюр-Серр, Сисон, Шато-Порсьен, Вузье, Граннрэ.

К северу от Уазы британские армии, наступавшие на Монс, Авен, вышли в тот же день на фронт Васиньи, Ле-Като, Солем, Дуэ. Таким образом они охватили с юга район г. Лиля, которому фландрская группа армий, со своей стороны, угрожала с севера между р. Лис и морем.

14 октября фландрская группа армий, избавившись от забот о своих коммуникациях и вышедшая на местность с твердым грунтом, еще не опустошенную, возобновила на-

ступление между Царреном и Вервиком в очень благоприятных условиях. Для поддержки наступления ей были приданы две «обстрелянные» американские дивизии. Кроме того, чтобы обеспечить организацию командования соответственно увеличению французских сил во Фландрии, во главе 6-й армии был поставлен ген. Буасуди, тогда как на ген. Дегута было возложено общее ведение всех операций под высшим руководством бельгийского короля.

Усиленная таким образом фландрская группа армий, безостановочно продолжая свое продвижение в направлении на Туру, Куртрэ и Менэн, быстро захватила пространство. Овладев 14 октября Хоогледе, Рулером и Моорзееле, она 15-го миновала Кортемарк, подошла к воротам Куртрэ, вступила в Менэн и Вервик. 16-го в ее руки попали Туру, Лихтервельде, Ардуа, Изегем.

Тогда противник не выдержал. Он очистил все бельгийское побережье, а с ним позиции своих бронированных батарей и свои базы подводных лодок, откуда он целыми месяцами и годами угрожал Англии и ее сообщениям с Францией.

17 октября бельгийская армия снова заняла Остенде, 19-го — Бланкенберге и Зеебрюгге; 19-го она дошла до голландской границы и Шипдонского канала, а король Альберт торжественно вступил в освобожденный Брюгге.

Фландрская группа армий выполнила задачу, которую главнокомандующий союзными армиями возложил на нее пять недель назад: «Разбить противника в Бельгии и отвоевать провинцию к северу от р. Лис».

22 октября я сам приехал поздравить победителей и, обратившись к ним с новым призывом, просил их немедля продолжать движение вперед, в то же время приводя в порядок свои части, восстанавливая тыловые сообщения и реорганизуя тыловые службы, в особенности портовую службу и морской транспорт, на освобожденном побережье Бельгии.

Во время этого наступления фландрской группы армий между Северным морем и р. Лис правофланговая группа британских армий, согласно намеченному плану, продолжала свои атаки в направлении на Васиньи, Солем. 17 октября британская 4-я армия овладела Ле-Като, несмотря на очень сильное сопротивление противника. 18-го и 19-го, захватив Васиньи и лес Андиньи, она отбросила немцев на восточный берег канала Самбра—Уаза, а затем, выдвинувшись левым флангом на тот берег р. Сель во взаимодействии с британ-

ской 3-й армий, овладела Солемом (20 октября) и продвинулась до окраин Ландреси и опушек Мормальского леса (24 октября).

Левее ее английская 3-я армия, очистив от противника район к югу от р. Сансе, форсировала р. Экайон и подошла к воротам Ле-Кенуа и Валансьена (24 и 26 октября).

В то время как таким образом развивался двойной маневр, предпринятый на севере, на левом фланге — фландрской группой, а на правом — левофланговой британской армией, центр, образованный британскими 1 и 5-й армиями, нажимая на противника с фронта, окончательно принудил его к общему отходу. Отход начался 17 октября на фронте между рр. Лис и Скарп и продолжался десять дней. 17 октября были снова заняты Лиль и Дуэ, 18-го — Туркуэн и Рубэ, 19-го — Маршьен и Бушен, 20-го — Денэн, 21-го — Сент-Атан. 27-го англичане вышли на левый берег Шельды от Турнэ до Валансьена.

Со своей стороны, правофланговые соединения фландрской группы армий, снова брошенные вперед, переправились через р. Лис между Куртрэ и железной дорогой Рулер, Оденард. 19 октября они овладели Куртрэ и немедленно двинулись дальше в направлении на Шельду, которой они достигли между Авальгемом и Турнэ (20—26 октября).

Используя этот успех, левый фланг и центр фландрской группы армий 31 октября снова перешли в наступление и за четыре дня боев в свою очередь отбросили противника на правый берег Шельды.

Таким образом, маневр, предписанный моей директивой от 10 октября, развивался севернее Уазы в самых благоприятных условиях.

Поэтому я уже 19 октября смог направить действия армий в этой части поля сражения на новые цели, попрежнему продвигая правофланговые армии к их общей цели — Мезьеру.

Итак, я приказал:

«Чтобы использовать приобретенные преимущества, союзные армии действуют следующим образом:

1. Фландрской группе армий наступать в общем направлении на Брюссель; ее правому флангу двигаться на Аль, подойдя к Шельде в Пеке, к Дендеру в Лессине.

Во время этого движения форсирование крупных водных преград: Шельды, Дендера... сочетать, в случае надобности,

с фланговыми действиями в обход этих линий, проводимыми британскими армиями.

2. Британским армиям (5, 1, 3, 4-й) наступать южнее линии Пек, Лессин, Аль, направляясь правым флангом через Фруадшапель и Филиппвиль на Ажимон (к северу от Живэ).

Задачей британских армий остается — отбросить противника в труднопроходимый массив Арденн, где они перережут его главную рокадную линию, и в то же время содействовать продвижению фландрской группы армий, облегчая ей форсирование главных водных преград—Шельды, Дендера...

Сами они будут поддержаны французской 1-й армией.

3. Французским армиям (1, 10, 5, 4-й) и американской 1-й армии действовать к югу от вышеуказанной линии.

Их задачи:

Французской 1-й армии — поддерживать наступление британских армий, наступая в направлении Ля-Капель, Шимэ, Живэ, и правым флангом обойти противника, оказывающего сопротивление на линии р. Серр, Сисон.

Французским 5 и 4-й армиям и американской 1-й армии — выйти в район Мезьера, Седана и Мааса, овладев линией Эны посредством маневра обоих флангов: левого (французской 5-й армии) — в направлении на Шомон-Порсьен, правого (французской 4-й и американской 1-й армий) — в направлении на Бюзанси, Ле-Шен».

* * *

Итак, французская 1-я армия должна была продолжать выполнять свою задачу по поддержке британских армий и в то же время охватывать своим правым флангом противника, оказывающего сопротивление на линии р. Серр, Сисон. Рассмотрим теперь эту вторую часть задачи в общих рамках франко-американского наступления, начавшегося между Уазой и Маасом.

С 18 по 26 октября, наступая в связи с британским правым флангом и используя его продвижение на Васиньи, французская 1-я армия захватила окопы позиции Хундинга, находившиеся между Уазой у Мон д'Ориньи и р. Серр выше Асси. В то время как этим успехом она начала осуществление охвата линии рр. Серр и Эны, 10-я армия атаковала правее ее к северо-востоку от Лаона, захватила Верней-сюр-Серр и

Нотр-Дам-де-Льес и перешла через осушительный канал между Велем и Пьерпоном.

Под этим двойным нажимом немцы днем 27-го очистили широкую полосу местности между Гизом на Уазе и Кресисюр-Серр.

В то же время французская 5-я армия, выполняя полученные распоряжения, атаковала к западу от Шомон-Порсьена, и 25-го днем ей удалось вместе с высотами Банонь-Рекувранс захватить последний участок позиции Хундинга, еще остававшийся в немецких руках между Сен-Кантеном и Эной.

Таким образом, в конце октября маневр, предписанный 10 октября левому крылу французских армий для захвата линии Эны, развивался вполне успешно.

Как же в это время обстояло дело с маневром правого крыла — французской 4-й и американской 1-й армий?

В середине октября, после трех недель ожесточенной борьбы, стоившей больших потерь, американская 1-я армия достигла своим левым флангом дефиле у Гранпрэ, а своим центром — высот Романь-ля-Монфокон.

Движение с юга на север по Аргонне, несомненно, представляло для американских штабов большие затруднения. Большая часть дорог в этом районе проходит с запада на восток, а пересеченный характер местности не позволяет легко создавать новые сообщения. Отсюда — разнообразные трудности, встреченные при снабжении участвовавших в сражении многочисленных американских войск; между тем необходимо было поддерживать их рвение и питать их мощные усилия.

Вместо того чтобы установить французское руководство, которое благодаря своему опыту могло сгладить некоторые затруднения, я счел, что наилучшим способом облегчить американцам их задачу будет — положиться на инициативу самого американского командования, а для этого установить, как с французским, британским и бельгийским главнокомандующими, непосредственные сношения между союзным главным командованием и главнокомандующим американскими армиями ген. Першингом; из американских войск 1-я армия действовала на фронте Аргонна, Маас, а 2-я — в Воэвре, не говоря о других американских войсках, распределенных по другим участкам фронта.

Чтобы увеличить усилие, которое требовалось от американских армий, я, не колеблясь, расширил права американского

командования. Оно получило полную самостоятельность, а для обеспечения согласованности операций в Аргонне и Шампани и тесного сочетания ударов, на ген. Мэтра, командовавшего в этом районе французской центральной группой армий, была возложена координация действий французских войск на правом фланге его группы с действиями американской 1-й армии.

Однако замедление темпа операций в Аргонне было иначе истолковано некоторыми кругами, не так хорошо отдававшими себе отчет в трудностях, с которыми встречается командование при управлении современными массовыми армиями. Так, 21 октября под впечатлением «топтанья на месте» американской армии Клемансо написал мне нижеследующее письмо, имевшее в виду не более не менее как смену американского главнокомандующего:

«Я со дня на день откладываю разговор с вами о кризисе американской армии. И это не потому, что я могу сообщить вам что-нибудь относительно положения дел, которое вы, конечно, знаете лучше, чем кто-либо другой, так как в качестве главнокомандующего союзными армиями вам первому неизбежно приходится страдать от него. Мы слишком часто и слишком долго беседовали с вами об использовании американских войск, чтобы теперь даже кратко возвращаться к этому вопросу.

Вам пришлось на месте наблюдать осуществление желаний ген. Першинга, который благодаря своему непреодолимому упрямству восторжествовал над вами и над вашими непосредственными подчиненными. Обзор этих фактов мог бы привести только к тщетным сожалениям.

Вы ведете бой, и потому вспоминать о прошлых событиях и сказанных словах здесь неуместно. Речь идет исключительно о завязавшемся грандиозном сражении, которое вы сумели повести так, что выдвинулись сами в первый ряд великих полководцев.

Я думаю исключительно о предпринятой на сегодняшний день операции в надежде доставить вам военные средства, которые позволят вам блестяще завершить ряд славных подвигов, с которыми навеки будет связано ваше имя.

По конституции я являюсь главой французской армии.

Интересы этой армии слишком очевидно требуют однородности организации всех соединений, подчиненных вам.

С моей стороны было бы преступлением допустить, чтобы армия без конца истощалась в боях, и не сделать всего, чтобы союзная армия, поспешившая к ней на помощь, была в состоянии выполнить возложенную на нее оперативную задачу.

Французская и британская армии вот уже три месяца без устали ведут ежедневные бои, неизбежно истощающие их, и это в то время, когда немедленное пополнение их личным составом невозможно. Эти армии опрокидывают противника натиском, которому удивляется весь мир, а наши добрые американские союзники, горящие желанием драться и единогласно признанные отличными солдатами, после первого скачка топчутся на месте и, несмотря на большие потери, не могут захватить местность, назначенную им в качестве объекта. Никто не может сказать, что эти отличные войска нельзя использовать, но они не используются.

Не надо быть специалистом, чтобы понять, что неподвижность вашего правого крыла не могла входить в ваши намерения, и, несмотря на другие вполне благоприятные условия, мы упустили преимущество известных движений, которые не могли быть осуществлены из-за недостатка организации. Мне известны все усилия, которые вам пришлось приложить, чтобы побороть сопротивление со стороны ген. Першинга; именно потому, что вы не упустили ни одного из средств убеждения, я не могу уклониться от обязанности задать себе вопрос, не пришло ли теперь, после неудачи безрезультатных переговоров, время изменить образ действий.

Когда ген. Першинг отказался исполнить ваши распоряжения, вы могли обратиться к президенту Вилсону. По причинам, которые вы считали основанными на высших соображениях, вы отсрочили это решение конфликта, опасаясь того влияния, которое оно могло оказать на события и размеры которого вам трудно было рассчитать заранее.

Я позволил себе не согласиться с вашим мнением. Вы имели право думать, что я слишком поспешно рекомендую радикальное разрешение задачи. Вы захотели продлить испытание.

Однако теперь, когда я узнал, что вы взяли в свои руки непосредственное командование войсками ген. Першинга, я не могу удержаться от мысли, что это испытание должно быть последним из тех, которые нами пережиты. Я от души

желаю, чтобы оно оказалось удачным, что может случиться, если вам чудесным образом удастся совместить управление частной армией с руководством всеми союзными армиями по общему плану.

Мне кажется, что вам потребуется не очень много времени, чтобы притти к окончательному выводу по этому вопросу. Если ген. Першинг согласится, наконец, повиноваться, если он примет условия квалифицированных советников, присутствие которых при себе он допускал лишь для того, чтобы отвергать их советы, я буду рад.

Но если эта новая попытка примирить две противоположные точки зрения не приведет к ожидаемым вами счастливым результатам, я вынужден сказать, что, по-моему, никаких отсрочек больше не должно быть. Тогда, несомненно, придет время открыть президенту Вилсону правду, всю правду относительно положения американских войск. Эту правду ни вы, ни я не имеем права скрывать от него.

Президент Соединенных Штатов неоднократно заявлял, что он готов следовать вашему совету во всех вопросах военного порядка. Он, несомненно, оценит по достоинству и ваше долготерпение и окончательное решение, которое вы вынуждены будете принять.

Разделяете ли вы мое мнение или держитесь противоположного,— вы должны признать, что так дальше продолжаться не может. Вот почему я был бы счастлив, если бы вы сочли возможным дать мне ответ в ближайшем будущем.

Если я счел своим долгом поделиться с вами этими замечаниями, то только потому, что в этом деле на французское правительство и на конституционного главу французской армии ложится не менее непосредственная ответственность, чем на вас. Вы не истолкуете ложно воодушевляющих меня чувств и воздадите должное моим намерениям, как и я воздаю должное вашим.

Клемансо».

Полнее оценивая затруднения, испытываемые американской армией, я не мог согласиться на решение, которое имел в виду Клемансо. Не входя по этому поводу в дискуссию с председателем совета министров, я просто остался при своем решении и 23-го ответил ему:

«На 20 октября американские дивизии были распределены следующим образом:

	Боеспособные пехотные дивизии		
	Во французских и британских армиях	Под командой ген. Першинга	
На французском фронте			
В Вогезах	3	—	
В 4-й французской армии	2	—	
Во французской фландрской армии	2	—	
Распределена между отдельными французскими дивизиями	1	—	
На британском фронте	2		
В Аргонне и Лотарингии:			
в 1-й линии	—	14	
во 2-й „	—	6	
Итого	10	20	
		30	
На базах	—	9	
В процессе выгрузки	—	4	
Всего		43	

Как показывает эта таблица, из 30 боеспособных дивизий 10 распределены между союзными армиями (французскими и британскими), 20 находятся под командой ген. Першинга и составляют самостоятельную американскую армию.

Я рассчитываю сохранить эти две части, которые носят различный характер и существование которых представляется мне по ряду причин необходимым.

Я рассчитываю также изменять это распределение в зависимости от обстановки, увеличивая число 10, уменьшая число 20, когда подготовляемые операции позволят это.

Такими мерами я думаю уменьшить слабость главного командования лучше, чем приказами, которые я, конечно, мог бы отдавать ему, но исполнения которых оно может оказаться не в состоянии добиться, так как для этого ему нужны были бы опытные командиры корпусов, дивизий и штабов. Впрочем, такие кризисы обычно переживают все импровизированные армии, причем на первых порах боеспособность их сильно понижается.

Однако нельзя отрицать усилия, сделанного американской армией. После наступления под Сен-Миелем 12 сентября она 26-го атаковала в Аргонне. С 26 сентября по 20 октября

она потеряла от огня противника 54 158 человек ради, правда, незначительного выигрыша на узком фронте, но на особенно труднопроходимой местности и преодолевая серьезное сопротивление противника».

Однако в то же время, чтобы по возможности ускорить возобновление комбинированного наступления французской 4-й армии и американской 1-й, а также чтобы облегчить их продвижение, я издал 21 октября директиву, в которой наряду с объектами, подлежащими достижению, указывал приемы их достижения.

«Чтобы обеспечить тесное взаимодействие американской 1-й и французской 4-й армий, необходимо заметить следующее.

Общая цель комбинированных действий американской 1-й армии и правофланговой группы французской 4-й армии заключается в выходе в район Бюзанси (американская 1-я армия), Ле-Шен (французская 4-я армия), чтобы охватить линию Эны с востока.

Операции, проведенные до сих пор этими армиями в районе Олизи, Гранпрэ и к северу от Сен-Жювена, в результате полностью обеспечили связь между ними через дефиле у Гранпрэ и дают американской армии возможность выйти из лесистого района, стеснявшего ее действия.

Теперь, когда достигнут этот первый необходимый результат, комбинированное наступление этих армий должно иметь целью достижение намеченных объектов: Бюзанси, Ле-Шена в обход лесистого массива Аргонны с запада и с востока путем более широких операций, не растрачивая сил в дорогостоящих и малопроизводительных лесных боях.

Для этого нужно:

1. Чтобы американская армия без малейшей задержки организовала и провела мощное наступление в направлении на Бу-о-Буа, Бюзанси, лес Ля-Фоли, воспользовавшись захваченным ею широким выходом к северу от леса Лож и от Романь и не втягиваясь в лесные бои в Аргонне и в районе Бантвиля.

Только наступление такого крупного масштаба позволит ей достигнуть намеченной цели.

2. Чтобы французская 4-я армия, только поддерживая связь с американской армией через Гранпрэ, быстро перешла в наступление крупными силами через Вузье на Катр-Шан и через Ванди, Терон и севернее на Але, а также на Ле-Шен, решительно расширяя фронт своего наступления.

Обращаю внимание командующего американской армией и командующего центральной группой армий на вышеизложенные директивы, имеющие целью одновременно расширить действия каждой армии в отдельности и обеспечить согласованность их усилий для достижения намеченных объектов.

Им предлагается сообщить о мерах, которые они намереваются принять каждый со своей стороны для выполнения этих директив, а также об установленных ими соглашениях для достижения взаимодействия».

Таким образом, должно было возобновиться расширенное франко-американское наступление по обе стороны Аргонны на укрепленной, относительно легко проходимой местности.

Оперативные планы, составленные во французской 4-й армии и в американской 1-й армии во исполнение этой директивы, не вполне соответствовали задуманному мною маневру. В указанных ими приемах сказывалось отсутствие гибкости, могущее затормозить быстрое развитие достигнутого успеха. В них проявлялся метод наступления, основанный на достижении последовательных рубежей, заранее указанных на карте, что свидетельствовало о чрезмерной заботе о поддержании равнения.

Не таким, по моему мнению, должен был быть темп, придаваемый операциям в том положении, в котором мы очутились, так как:

«... Крупных результатов, как те, которых мы добиваемся в настоящий период войны, при усиливающемся с каждым днем истощении противника, можно ожидать только от быстрого и возможно более глубокого продвижения.

Войска, брошенные в наступление, должны знать только свое направление наступления. На этом направлении они продвигаются вперед так далеко, как только могут, атакуя и обходя противника, оказывающего сопротивление, нисколько не заботясь о равнении, причем самые передовые части действуют в интересах тех, которые временно задержаны. Таким образом, они действуют не против рубежей, заранее намеченных на местности, но против противника, которого они не выпускают, раз вцепившись в него».

Разделяя в принципе эту точку зрения в отношении «направлений развития успеха, на которых надо дерзко продвигаться вперед, без оглядки и без всякой заботы о равнении», ген. Петэн не считал возможным обойтись на практике без назначения промежуточных рубежей достижения. По его мне-

нию, «идет ли речь о прорыве укрепленной полосы или о наступлении по неукрепленной местности, все равно этот прием обязателен, так как всегда необходимо против обороняющегося противника распределять усилия в зависимости: 1) от опоры, которую противник находит или, повидимому, должен найти в тех или других оборонительных сооружениях, в тех или других неровностях местности, 2) от возможности использования огня артиллерии и пехоты».

Но 1 ноября он отдал своим войскам директиву, примирявшую обе точки зрения.

«Указание последовательных рубежей наступления,— писал он в ней,— никогда не должно задерживать порыва атакующих войск и уменьшать шансы возможно более глубокого продвижения...

Из этого следует, что такое указание, вообще говоря, оправдывается только в период прорыва через укрепления противника.

Как только начинается преследование, главным фактором успеха становится скорость, и главной заботой начальника должна быть мысль о направлении. Вцепившись в противника, нельзя отпускать его...

В это время каждая часть должна знать только направление развития успеха, которое ей было указано и на котором чрезвычайно важно смело продвигаться вперед, не равняясь по соседям...»

Таким образом, взгляды главнокомандующего союзными армиями и главнокомандующего французскими армиями полностью совпадали.

Во всяком случае важно было как можно скорее приступать к действиям. Поэтому союзное главное командование настаивало перед ген. Першингом на ускорении начала его наступления к западу от Мааса:

«Чрезвычайно важно,— писало оно ему 27 октября,— чтобы американская 1-я армия могла начать свои операции в условленный день, т. е. 1 ноября, и затем продолжать их до достижения крупных и верных результатов.

Поэтому я предписываю, чтобы атаки, которые будут предприняты американской 1-й армией, развивались и продолжались безостановочно до тех пор, пока эта армия не овладеет дорогой Бу-о-Буа, Бюзанси и районом восточнее ее и не обеспечит занятия этого района, как первый результат».

Этим атакам должны были способствовать повторные

операции, предпринимавшиеся с 13 октября французской 4-й армией к востоку от Вузье и обеспечившие ей занятие предмостного плацдарма на правом берегу Эны между Ванди и Фалезом, что позволяло ей теперь для облегчения задачи американской армии привлечь на себя значительную часть германских войск, устроившихся для обороны в Аргонне.

При таких условиях 1 ноября началось американское наступление, которое с самого начала увенчалось блестящим успехом и привело в тот же день к захвату позиций противника до дороги Бюзанси, Стенэ, в то время как слева французская 4-я армия расширила район, занятый ею к востоку от Эны.

Немедленно было предписано без задержки развивать достигнутые результаты и продолжать комбинированную франко-американскую операцию в направлении на Седан, Мезьер.

Впрочем, поколебленный противник не замедлил отступить между Эной и Маасом. 2 ноября попали в наши руки Круа-о-Буа, Бюзанси, Виллер-деван-Дэн, Дулькон. 3-го была освобождена вся северная часть Аргонны, были заняты Бельвальские высоты и левый берег Мааса до Дэна. 4 ноября франко-американское наступление продолжалось за Стенэ и Ле-Шен, наши войска проникли в лесистый район к югу от Бомона и продвинулись вдоль Мааса почти до Стенэ.

Я горячо поздравил ген. Першинга с очень важными результатами, достигнутыми «благодаря доблести командования, энергии и мужеству войск», и просил его продолжать свои операции «в направлении на Маас в районе Базей и выше по течению» и теперь же по возможности развивать их на правом берегу этой реки.

За несколько дней до этого, ввиду отзыва из Франции австрийских дивизий, в результате перемирия, заключенного с Австрией, Першингу было предложено провести наличными силами американской 2-й армии «частные операции, достаточно энергичные для того, чтобы добыть разведывательные данные о противнике и развить всякий достигнутый частный успех».

В самом деле, что же происходило к востоку от Мааса?

* * *

Мы видели выше, что с 8 по 10 октября французский 17-й корпус, усиленный двумя американскими дивизиями (33 и 29-й), расширил на правом берегу Мааса наступле-

ние, предпринятое на левом берегу главными силами американской армии, и после жестоких боев достиг линии Сивриcюр-Мез, Бомон.

Продолжая операции в последующие дни, он наткнулся на все усиливающееся сопротивление противника; материальные средства, которыми он располагал, были недостаточны для того, чтобы сломить препятствия, задерживавшие его продвижение. С каждым днем он выигрывал все более скромное пространство. Повидимому, противник решил во что бы то ни стало удержать правый берег Мааса — предположение, тем более правдоподобное, что в этом заключалась единственная для него возможность прикрыть и обеспечить отход разбитых армий своего правого крыла и центра.

Чтобы подорвать эту решимость, выйдя в тыл его обороне на Маасе, союзное главное командование сочло, что пришло время атаковать по обе стороны Мозеля, в общем направлении на Лонгви, Люксембург, с одной стороны, и на Саар — с другой.

«Эти атаки будут иметь тем больше шансов на начальный успех, чем скорее они начнутся, так как в данное время противник имеет на фронте 127 дивизий к западу от Мааса и только 32—к востоку от него.

Они будут иметь еще больше данных на успешное завершение, так как противник вскоре лишится своей главной рокадной линии через Мезьер и Седан.

Следовательно, было бы выгодно использовать французские силы, которые освободятся, благодаря сокращению нашего фронта, на тех участках Лотарингского фронта к западу и востоку от Мааса, где наши средства и характер местности допускают немедленные действия, а также разработать вопрос об участии в этих операциях американских войск, которые окажутся свободными или будут выделены, когда продвижение на левом берегу Мааса позволит использовать эти силы на новом направлении».

Это решение наступать в районе Мозеля казалось тем более обоснованным, что подсчет, недавно произведенный разведывательным отделом штаба французского главнокомандующего, показал как диспропорцию между численностью германских сил по ту и другую стороны Арденн, так и невозможность для германского верховного командования восстановить равновесие между этими силами после того дня,

когда оно будет лишено возможности пользоваться железной дорогой Ирсон — Мезьер.

Вышеуказанное решение не должно было явиться неожиданным для исполнителей, которым в этой давно уже стабилизировавшейся части фронта должно было быть поручено осуществление этого решения, так как они были подготовлены к возможности движения вперед.

Я лично говорил об этом с командующим 8-й армией (ген. Жерарром) 20 сентября во время моей поездки к восточной группе армий, а со своей стороны, ген. Петэн уже больше месяца назад приказал ген. Кастельно разработать план подготовки наступления на фронте этой группы.

Поэтому планы операций были составлены очень быстро.

Уже 21 октября главнокомандующий французскими армиями представил свои предположения относительно общей организации наступлений, намеченных в Лотарингии. Этот проект, очень разумно обоснованный, представлял однако то неудобство, что в общем не допускал быстрого исполнения. В частности, операция, намеченная к западу от Мозеля, потребовала, по целому ряду причин, сроков, несовместимых с необходимостью немедленно использовать благоприятное положение, созданное слабостью противника и недостатком у него резервов в этом районе. Наоборот, к востоку от Мозеля условия представлялись более благоприятными, и поэтому мы решили использовать наличные силы первым делом с этой стороны, но уже без промедления.

Итак, временно отказавшись от операции на Люксембург, мы сократили размах первоначального плана, все же стремясь, даже сравнительно ограниченными силами, достигнуть важных результатов... «в военном отношении, — захватив ценой небольших потерь всю глубину оборудованной оборонительной полосы, существующей уже 4 года, путем возможно более широкого использования успеха; в моральном отношении, — сделав первый шаг на территорию, которую противник считал своей собственной и которую мы должны были отвоевать у него».

При таких условиях ген. Петэну было предложено подготовить наступление, которое, начавшись с фронта Номени-Арракур и прикрытое в сторону Меца, должно было вестись в общем направлении на Сент-Аволь, Саарбрюкен. 25 октября Петэн донес, что наступление может состояться около 15 но-

ября, и сообщил о мерах, намеченных им, чтобы выделить необходимые для наступления крупные соединения.

27-го он дал командующему Восточной группой армий ген. Кастельно директиву, устанавливавшую цель, объекты наступления и силы, назначенные для его проведения. Проведение наступления возлагалось на две армии: 8-ю (ген. Жерара), уже находившуюся на месте, и 10-ю (ген. Манжена), которую предстояло снять с фронта Эны, перевезти на Восточный фронт и расположить между американской 2-й армией и французской 8-й армией. В этих операциях, которые по распоряжению Петэна должны были развиваться «не как атака укрепленной линии на непрерывном фронте, а как маневр», приняли бы участие 20 дивизий (из них 4—5 американских), 10—12 полков полевой артиллерии, 180—200 тяжелых батарей, три полка легких танков и две группы средних танков, кавалерийский корпус и воздушная дивизия.

С другой стороны, главнокомандующий французскими армиями просил о предоставлении ему «некоторого числа американских дивизий». Впрочем, он в самом благоприятном случае мог рассчитывать на участие 6—8 американских дивизий, не считая прикрытия в сторону Меца, которое должна была обеспечивать американская 2-я армия.

30 октября ген. Кастельно отдал свои распоряжения. Возлагая аналогичную задачу по прорыву и развитию успеха на 10-ю и 8-ю армии, из которых одна должна была действовать к северу от леса Гремсэ и высоты Дельм, а другая — к югу от леса Безанж, он предполагал, что силы обеих армий будут примерно равны. Главное командование внесло в эти предположения некоторые поправки, так как условия развития успеха были гораздо более благоприятными в 10-й армии; поэтому, а также принимая во внимание, что ей придется обеспечить себя на важном Мецском направлении, следовало придать ей бо́льшую часть имеющихся сил и средств.

5 ноября ген. Петэн передал эти замечания командующему Восточной группой армий, предлагая ему внести соответствующие поправки в его первоначальные распоряжения, что и было сделано на следующий день.

Тем временем шло сосредоточение союзных сил в Лотарингии, и 6 ноября прибыли на место ген. Манжен и его штаб.

Несмотря на выраженное ген. Петэном желание получить 10—12 американских дивизий (4— для образования заслона против Меца в интересах 10-й армии, 6—8— для самого на-

ступления), нельзя было рассчитывать на такое широкое участие американцев. К тому же, добавляли в ответе ему, «безусловно важно начать наступление в Лотарингии как можно скорее, полагая, что численность сил имеет меньшее значение, чем время начала действий».

Вместе с тем мы всячески старались предоставить в распоряжение ген. Петэна возможно большее число американских соединений. Так, мы выделили некоторые силы из американской 1-й армии, сократив фронт этой армии немедленно по прибытии ее на Маас. Я также написал ген. Першингу, прося о предоставлении 6 дивизий его резерва, а несколько дней спустя я снова, с целью успокоить его, написал ему:

«...Командующий французской 10-й армией, которому будут подчинены эти дивизии, примет меры к тому, чтобы использовать их по возможности на своем левом фланге, а я, со своей стороны, отдам распоряжение о том, чтобы они вскоре были снова подчинены американскому командованию... На сегодняшний день важнее всего быстрота действий. Вот почему я снова настаиваю на этом перед вами».

В то же время я просил главнокомандующего польской армией ген. И. Галлера об участии в ближайших наступательных операциях 1-й польской дивизии, которая после пребывания на спокойном участке фронта была способна принять активное участие в сражении.

Таким образом, благодаря общей активности, удалось в короткий срок провести организацию наступления в Лотарингии. Оно должно было начаться 14 ноября с «28 пехотными дивизиями, 3 кавалерийскими дивизиями, поддержанными крупной массой артиллерии и примерно 600 танков[1]». Это было наступление на фронте 30 *км* в дополнение к фронту в 350 *км,* на котором уже велось победоносное сражение. Наступление должно было быть предпринято в новом направлении, где оно не могло встретить крупных сил противника. Следовательно, была надежда на блестящее начало, на быстрый захват пространства глубиной в несколько десятков километров. После этого наступление, несомненно, наткнулось бы на разрушения, которые, впрочем, задерживали и продвижение других армий. Этот удар являлся дополнением к их ударам, расширял, усиливал эти удары, не изменяя их характера. Но это было движение к Рейну, в направлении

[1] Отчет ген. Петэна.

на Берлин, еще раз подтвержденное для всех союзных армий концентричностью повторных и с каждым днем усиливавшихся ударов. Такое движение по этому пути не могло не привести к окончательному решению войны.

* * *

Во всяком случае в начале ноября перед левым крылом союзных армий вставала препятствием линия Шельды ниже Валансьена и вплоть до Гента, тогда как в Шампани часть их центра должна была натолкнуться на сильные оборонительные сооружения на р. Серр.

Развивая на левом берегу Мааса операции, предпринятые американской 1-й армией и французской 4-й армией, мы охватили бы линию р. Серр с востока. Мы обошли бы ее с запада, продвигая французскую 1-ю армию и британский правый фланг к северу от Уазы. При этом последнем продвижении мы одновременно обошли бы с юга линию Шельды, тогда как фландрская группа армий должна была атаковать ее на севере, впереди Гента. Таким образом, оставалось только усилить операции этих группировок.

В предвидении важных событий, которые должны были развернуться на севере, я 18 октября перевел свой штаб из Бонбона в Санлис.

Мы предполагали развивать движение союзных армий непрерывно, в указанной выше последовательности. Так закончилась остановка, которую мы вынуждены были сделать в конце октября.

С 1 по 5 ноября американская 1-я и французская 4-я армии непрерывными атаками на широком фронте с успехом развивали свой охватывающий маневр и 5 ноября вышли примерно на линию Ле-Шен, Бомон, Стенэ.

Точно так же правофланговая группа англичан, поддержанная армией ген. Дебенэ, продвинулась в направлении на Авен, Филиппвиль.

Благодаря этому двойному удару мы 5 и 6 ноября овладели линией р. Серр.

Для этого пришлось снова договориться с фельдмаршалом Хейгом. Так как мы просили его особенно усилить продвижение его правого фланга, он стремился снова получить в свое распоряжение британскую 2-ю армию, которая была временно придана фландрской группе армий и которая могла

бы образовать его левое крыло, давая ему таким образом возможность перераспределить свои силы. Я без труда доказал ему, что для того, чтобы поддержать желательный темп продвижения фландрской группы армий, надо было оставить британскую армию в ее теперешнем составе, пока она не отвоюет Бельгию до Шельды.

Действительно, после того как 1 ноября фландрская группа армий вышла на Шельду выше Гента, британская 2-я армия снова перешла с 4 ноября в непосредственное подчинение Хейгу. Отсюда моя записка от 2 ноября:

«После ряда удачных действий фландрская группа армий только что достигла р. Шельды выше Гента.

Так как теперь основной маневр, имеющий целью ликвидировать оборону Шельды, должен быть проведен главными силами британских армий к югу от Валансьена, необходимо вернуть в распоряжение британского командования все его силы.

Поэтому маршал Фош имеет честь просить бельгийского короля считать, что с полудня 4 ноября британская 2-я армия снова перейдет в непосредственное подчинение фельдмаршалу Хейгу».

Между тем успехи, достигнутые французской 1-й армией с 24 по 27 октября, позволили мне написать Хейгу 27-го:

«... Продвижение ген. Дебенэ позволяет возобновить при самых благоприятных условиях наступление главных сил британских армий во взаимодействии с французской 1-й армией в направлении на Монс, Авен, Ля-Капель — объекты, указанные союзным армиям в этом районе».

29 октября Хейг во исполнение этой директивы приказал своим 4, 3 и 1-й армиям быть готовыми возобновить наступление с 3 ноября.

Фактически они возобновили его с полным успехом 4 ноября при сильной поддержке французской 1-й армии, наступавшей на Гиз.

Это был новый смертельный удар для германской армии.

Уже с 5 ноября под этим натиском, а также под непрерывным нажимом франко-американцев на левом фланге, противник начал между Моносским каналом и Эной в районе Ретеля широкое отступательное движение, которое в следующие дни распространилось до Мааса.

8 ноября франко-бельгийские войска фландрской группы армий овладели переправами через Шельду между Экке и

Оденардом, что усилило общее отступление противника, который отходил теперь на всем фронте от голландской границы до подножья Маасских высот.

Глава четырнадцатая

Перемирие

С начала октября, как только бельгийская армия вышла из болот Изера на твердый грунт, союзные армии могли продолжать ряд предпринятых ими атак и развивать зимой победоносное сражение, которое они вели с 18 июля. Чтобы придать ему большую мощь, они готовились расширить его фронт до Мозеля, а вскоре затем и до Вогез.

Очевидно, они должны были вести наступление в точно определенном направлении, а именно — на главные силы германских армий, которые они уже теснили и база которых находилась в Северной Германии, а голова в Берлине. Наши удары, наносимые без перерыва в этом направлении, не могли не поколебать, не расстроить и вскоре не уничтожить военную мощь противника и в итоге не принудить германское государство к переговорам, превратив его в правительство без армии. Однако на этом направлении, не говоря уже о разрушениях, которые противник произвел бы на необходимых для нас путях сообщений и которыми он мог бы замедлить наше продвижение, он, продолжая борьбу, мог бы задержаться на серьезном препятствии, а именно — на Рейне. Там он мог надолго задержать наш марш и, следовательно, под прикрытием реки восстановить свои силы.

В предвидении этих препятствий наступление союзников было организовано так, чтобы они могли как можно скорее дойти до Рейна и форсировать его, используя без промедления возрастающую дезорганизацию сил противника.

Когда эта преграда будет захвачена, Германия окажется во власти союзников, даже если бы им пришлось дойти до Берлина. Таковы были высшие соображения, положенные в основу руководства союзными армиями, поскольку политика не вмешивалась в него, чтобы замедлить или изменить развитие их операций.

Еще 6 октября 1918 г. германское правительство через посредство своего посланника в Берне и швейцарское правительство обратилось с нотой к президенту Соединенных Шта-

тов Америки. Оно просило последнего «взять в свои руки дело мира, оповестить об этом все воюющие государства и предложить им прислать уполномоченных для открытия переговоров». Оно заявляло о своей готовности начать переговоры на основе программы, изложенной в послании президента Вилсона конгрессу от 8 января 1918 г. и в его последующих заявлениях, в особенности в заявлении от 27 сентября 1918 г. Наконец, признавая свое бедственное положение, оно просило о «немедленном заключении общего перемирия на суше, на море и в воздухе».

На эту ноту президент Вилсон ответил 8 октября, ставя предварительным условием заключения перемирия, чтобы германские армии были немедленно отведены с захваченных территорий.

Со своей стороны, я в тот же день, 8 октября, по собственному почину представил Клемансо краткий проект обязательств, которые, по-моему, следовало потребовать от противника «на случай, если поднимется вопрос о прекращении военных действий, хотя бы на короткое время». Эти обязательства вытекали из трех основных принципиальных положений:

«Для армий, действующих во Франции и в Бельгии, не может быть речи о прекращении военных действий, прежде чем они:

1. Освободят страны, захваченные вопреки всякому праву: Бельгию, Францию, Эльзас-Лотарингию, Люксембург, и водворят обратно их население.

Итак, противник должен будет очистить эти территории в пятнадцатидневный срок и немедленно репатриировать их жителей. *Это — **первое условие перемирия**.*

2. Обеспечат удобную исходную оперативную базу, позволяющую нам продолжать войну до уничтожения сил противника в случае, если мирные переговоры не приведут ни к чему.

Для этого нам нужно получить на Рейне два или три тет-де-пона на линии Раштадта, Страсбурга, Ной-Бризаха (тет-де-пон — полукруг, очерченный на правом берегу радиусом в 30 *км*, принимая за центр береговую опору моста на правом берегу) в тот же пятнадцатидневный срок. *Это — **второе условие перемирия**.*

3. Получат в руки залоги репараций, которых надо будет потребовать за разрушения, произведенные в союзных стра-

нах, и требование о которых будет предъявлено во время переговоров о мирном договоре.

Для этого левобережные области Рейна будут очищены войсками противника в тридцатидневный срок; эти области будут оккупированы и управляемы союзными войсками совместно с местными властями до подписания мира. *Это — третье условие перемирия.*

Кроме того, надлежит поставить следующие дополнительные условия:

4. Все военное имущество и всякого рода запасы, которые германские войска не смогут вывезти в установленные сроки, должны быть оставлены на месте; уничтожать их будет запрещено.

5. Все воинские части, не покинувшие указанные территории в установленные сроки, будут разоружены и взяты в плен.

6. Железнодорожное имущество, путевое и эксплоатационное, останется не месте и не должно подвергаться никакому разрушению. Все захваченное бельгийское и французское имущество (или его эквивалент) будет немедленно возвращено.

7. Всякого рода военные сооружения, используемые войсками, лагери, бараки, парки, арсеналы..., будут оставлены нетронутыми, причем запрещается увозить или разрушать их.

8. Это относится также ко всякого рода промышленным предприятиям и мастерским.

9. Военные действия прекратятся через 24 часа после утверждения условий договаривающимися сторонами».

Фактически в первой половине октября мы находились еще слишком далеко от северного Рейна, чтобы быть в состоянии рассчитывать на оккупацию его в случае немедленного заключения перемирия, но мы могли обеспечить себе обладание южным Рейном, к которому наши армии находились гораздо ближе и который гарантировал нам возможность обойти препятствие в случае возобновления военных действий. Вот почему в своей записке от 8 октября я требовал тет-де-понов в Ной-Бризахе, Страсбурге и Раштадте. Они давали нам возможность обойти препятствие, каковым являлась река Рейн в среднем ее течении, если бы пришлось снова взяться за оружие после приостановки операций в данное время.

Как мы видим, между этими предложениями и един-

ственным условием эвакуации, предложенным до этих пор президентом Соединенных Штатов, была значительная разница. Правда, казалось, что президент Вилсон, устанавливая некий минимум, без которого вообще не могло быть речи о перемирии, не исключал этим требований, которые могли быть признаны необходимыми со стороны союзников; эту-то последнюю часть условий я и изложил перед главами правительств Антанты, собравшимися в Париже в министерстве иностранных дел после полудня 9 октября. Однако, несмотря на мнение Клемансо, который предпочел бы не вмешиваться теперь же в переговоры между Берлином и Вашингтоном, Ллойд-Джордж, во избежание недоразумений в будущем, убедил своих коллег в необходимости обратиться к президенту Вилсону с посланием, чтобы обратить его внимание на недостаточность его условий, которые, сказал Ллойд-Джордж, не помешают «противнику извлечь из перемирия выгоду и в случае истечения срока перемирия, не закончившегося заключением мира, оказаться в более благоприятной военной обстановке, чем к моменту перерыва военных действий. Ему была бы предоставлена возможность выйти из критического положения, спасти свою материальную часть, привести в порядок свои войсковые единицы, сократить свой фронт, отойти без потерь в людях на новые позиции, которые он успел бы занять и укрепить».

Он добавил:

«Условия перемирия могут быть установлены лишь после консультации с военными специалистами и в зависимости от военной обстановки, создавшейся к моменту начала переговоров».

Ллойд-Джордж очень кстати настаивал на посылке этого письма, так как немцы, как того можно было ожидать, не преминули ухватиться за представившуюся им неожиданную возможность с честью выйти из затруднительного положения.

12 октября принц Макс Баденский поспешил сообщить в Вашингтон, что он готов, «чтобы заключить перемирие, согласиться на предложения об эвакуации, сделанные президентом».

Но Вилсон, предупрежденный тем временем союзниками об опасности, повел переговоры по более твердому пути. 14 октября он телеграфировал германскому канцлеру:

«...Следует ясно понять, что условия перемирия — это вопрос, который должен быть предоставлен усмотрению и мне-

нию военных советников правительства Соединенных Штатов и союзных правительств, и что правительство Соединенных Штатов не сможет признать никакого соглашения, которое не содержало бы безусловно удовлетворительных гарантий и обеспечения сохранения нынешнего превосходства армий Соединенных Штатов и союзников на поле сражения...»

Было бы самоуверенностью думать, что берлинское правительство, каким бы оно ни было, добровольно склонится перед новыми требованиями Белого дома [1]. Когда условия, предъявленные для заключения перемирия, вдруг показались ему слишком строгими, оно сделало вид, что не замечает их.

Не будучи в состоянии отклонить условия перемирия, берлинское правительство направило их к союзным генералам в надежде добиться более приемлемых условий. Зачем, заявляло оно, говорить о военных преимуществах, рассчитать которые было бы трудно? Не лучше ли будет при определении прибылей и убытков войны базироваться на легко исчислимых цифрах, как, например, на численности сил обеих сторон на поле сражения?..

«Германское правительство,— писал канцлер 20 октября,— принимая предложения, касающиеся эвакуации занятых территорий, исходило из того принципа, что порядок этой эвакуации, а также условия перемирия будут установлены на основании суждения военных советников и что существующее соотношение сил на фронтах должно лечь в основу соглашений, обеспечивающих и гарантирующих условия эвакуации и перемирия. Германское правительство предоставляет президенту позаботиться о создании условий, необходимых для урегулирования подробностей. Оно уверено в том, что президент Соединенных Штатов не допустит никаких требований, не совместимых с честью германского народа и с установлением справедливого мира...»

Союзные правительства не попали в ловушку, расставленную принцем Баденским; пора было положить конец переговорам, которые вот уже две недели велись между Берлином и Вашингтоном.

Они могли привести только к путанице; к тому же было нежелательно, чтобы немцы начали смотреть на президента Вилсона, как на какого-то арбитра между правительствами

[1] «Белый дом» — резиденция президента США — правительство США. — *Ред.*

Антанты и центральными империями. В такой игре союзники могли все потерять и ничего не выиграть; важно было, чтобы слово без промедления перешло к военным советникам.

* * *

Во время создания Высшего военного совета в 1917 г. техническими военными советниками союзных правительств были их военные представители, находившиеся в Версале. Последовавшее спустя четыре месяца учреждение главного командования союзными армиями несколько уменьшило значение этих представителей, но номинально они тем не менее оставались советниками правительств, и в качестве таковых им пришлось 8 октября вырабатывать проект перемирия с Германией.

Однако, как ни естественно было для союзных правительств запросить мнения своих военных представителей, еще естественнее было прежде всего посоветоваться с командованием армиями. Оно лучше кого-либо другого знало состояние войск, усилия, на которые они еще были способны, условия, при которых они могли бы остановить свои операции, не потеряв преимуществ, приобретенных победой, и на всякий случай обеспечив себе благоприятную обстановку для возобновления военных действий. Таким образом, оно было ответственно за условия перемирия так же, как и за ведение сражения; это-то я и подчеркнул в своем письме от 16 октября председателю совета министров:

«В своем письме от 8 октября я имел честь сообщить вам главные условия, на которых мы в тот день могли бы, по моему мнению, подумать о заключении перемирия. А в своем ответе от 14 октября на германские предложения президент Вилсон заявляет, что для установления условий перемирия надлежит обратиться к «военным советникам» правительств.

Это выражение «военные советники», уже неоднократно употреблявшееся во время предыдущих разговоров, представляется двусмысленным и требует объяснения. Фактически единственными военными советниками, достаточно авторитетными, чтобы обсуждать условия перемирия, являются главнокомандующие. Только они ответственны перед своими правительствами за безопасность своих армий и за условия, в которых военные действия возобновились бы в случае прекращения перемирия. Только они в курсе состояния армий и поведения противника.

Что касается французского и бельгийского театра, я считаю, что советником правительства является главнокомандующий союзными армиями, который должен договориться с главнокомандующими французскими, британскими и американскими армиями и с начальником штаба бельгийской армии.

Третье условие предусматривает взятие в свои руки залогов репараций, которых можно будет потребовать за разрушения, произведенные в союзных странах и требование которых будет предъявлено во время переговоров о мирном договоре. Эти залоги состоят в оккупации областей на левом берегу Рейна, которые будут очищены войсками противника в определенный срок и которые будут заняты и управляться союзными войсками совместно с местными властями до заключения мира.

Достаточно ли будет этих залогов для обеспечения репараций, которых требуют Франция и ее союзники, в особенности Бельгия?

В случае утвердительного ответа и после удовлетворения требований о репарациях какова будет судьба этих областей? Будет ли продолжаться наша оккупация? Аннексируем ли мы часть этих областей или мы будем стремиться к созданию нейтральных, автономных или независимых государств буферного типа?..

Должны ли условия перемирия полностью откладывать на будущее судьбу этих областей?

На все эти вопросы военное командование, которому придется подписывать перемирие и обсуждать его условия в тот момент, когда противник попросит его, должно получить ответ после предварительного рассмотрения их совместно с правительством. Ясно, что перемирие должно дать нам в руки залоги, гарантирующие получение во время переговоров о мире условий, которые мы хотим продиктовать противнику, и совершенно очевидно, что мы удержим только те преимущества, которые будут зафиксированы в условиях перемирия; в отношении же территориальных уступок окончательными будут только те, на которые противник согласится при заключении перемирия.

Мне кажется, что для этого я должен находиться в постоянных и тесных сношениях с ответственным лицом из министерства иностранных дел, которому будет поручено держать меня в курсе ваших намерений и намерений союзных правительств. Я смог бы таким образом определить условия

перемирия, обеспечивающие наряду с военными гарантиями и необходимые дипломатические гарантии, согласовать эти условия с создавшейся военной обстановкой и, следовательно, всегда быть в состоянии без малейшей задержки действовать в этом смысле в интересах, за которые я несу ответственность не только перед французским правительством, но и перед правительствами, доверившими мне командование своими армиями.

Если вы разделяете мою точку зрения, то я прошу вас не отказать сообщить мне фамилию представителя министерства иностранных дел, с которым мне придется отныне сотрудничать».

В этом письме я, как мы видели, указывал территории, которые мы должны сохранить как залог репараций, подлежащих уплате союзникам, на будущий статус этих территорий,— словом на ряд вопросов политического порядка, которые необходимо было рассмотреть немедленно и относительно которых правительство должно было притти к определенному мнению, чтобы информировать о нем командующего армиями, которому будет поручено сообщить его противнику.

Углубленная предварительная разработка политических условий перемирия была, очевидно, необходима, если мы не хотели оказаться застигнутыми врасплох событиями и понимали, что перемирие, связанное с остановкой огромных армий, должно содержать в зародыше главные условия окончательного мира и что впоследствии нельзя будет внести коренных изменений в обстановку, создавшуюся в результате прекращения операций.

Однако председатель совета министров, желая сохранить за правительством полную свободу действий, отклонил в своем письме от 23 октября мое предложение о назначении в мое распоряжение представителя министерства иностранных дел.

Условия перемирия должны были быть в конце концов установлены союзными правительствами. Поэтому разработка их естественно производилась самыми активными из них.

Правительства только что были официально информированы о положении дела президентом Вилсоном. Прекратив свою переписку с Берлином, последний отсылал германское правительство к трибуналу союзников, предоставляя им свободу заключать или не заключать перемирие, а также продиктовать противнику условия, которые полностью обеспечили бы интересы соответствующих народов и дали бы объединившимся

правительствам неограниченную власть в деле обеспечения и вынуждения исполнения условий мира, на которые согласится германское правительство...

У союзных правительств не было никакой причины отвергать, как основу мира, принцип 14 пунктов при условии уточнения или изменения некоторых из них, если союзники сочтут это желательным; у них не было также оснований противиться прекращению военных действий, если условия, которыми они намеревались его обставить, будут приняты противником.

Поэтому они предложили мне составить подробный проект с военной точки зрения. Клемансо, говоривший от имени союзных правительств, принял меня в Париже 24 октября вместе с ген. Петэном. Мы договорились устно об условиях, которых надо было потребовать, чтобы обеспечить союзным армиям полную безопасность и получить достаточный залог. Блокада должна была быть удержана, а продолжительность перемирия — довольно ограниченной. Продвижение, осуществленное с 8 октября, позволяло усилить и уточнить некоторые пункты записки, составленной в тот день.

Во всяком случае я, чтобы посоветоваться с союзными главнокомандующими, собрал на следующий день после полудня в моем штабе в Санлисе главнокомандующих американской, британской и французской армиями, а также начальника штаба французского военного флота вице-адмирала де-Бона[1], и предложил им по очереди изложить свои условия перемирия.

Фельдмаршал Хейг, говоривший первым, заявил, что, по его мнению, германская армия в целом еще не достаточно разбита, и может оказать еще серьезное сопротивление, что она может отойти на свою границу и оборонять ее против равных или даже превосходных сил. С другой стороны, британская армия имела некомплект в 50 000 человек пехоты, французская армия была истощена, а американская еще не вполне организована. Поэтому он считал, что условия, которые следует продиктовать Германии, должны быть умеренными и предусматривать только:

1) эвакуацию Бельгии и занятых французских территорий;

---

[1] Начальник штаба бельгийской армии не мог ввиду дальности расстояния прибыть во-время. Он приехал в Санлис на другой день и одобрил текст, который я показал ему.

2) эвакуацию Эльзас-Лотарингии и передачу Меца и Страсбурга союзникам;

3) возвращение железнодорожного подвижного состава, угнанного из Франции и Бельгии, репатриацию жителей.

Не входя в обсуждение этих условий, причины, из которых они вытекали, казались неосновательными. Германская армия, потерявшая за несколько месяцев огромное пространство, массу пленных и имущества, была разбитой армией, которая не могла не быть сильно деморализованной и глубоко потрясенной. Что же касается союзных армий, то надо было признать, что победоносные армии никогда не бывают «свежими». Мы находились в периоде, который можно было сравнить с вечером после сражения, когда победитель потерял столько же людей, сколько побежденный, что не мешает последнему быть совершенно дезорганизованным. Со стороны немцев нельзя было ожидать серьезного сопротивления.

Спрошенный в свою очередь ген. Петэн заявил, что надо лишить немцев возможности возобновить войну, для чего он требует:

1) занятия союзниками левого берега Рейна между голландской и швейцарской границами в пятнадцатидневный срок с тет-де-понами на правом берегу;

2) уступки немцами 5 000 паровозов и 100 000 вагонов в совершенно исправном состоянии.

Что же касается ген. Першинга, то он, считая, что военная обстановка более благоприятствует союзникам и оправдывает суровые условия перемирия, предлагал потребовать:

1) немедленной эвакуации всех территорий, занятых противником;

2) занятия Эльзас-Лотарингии союзниками;

3) отхода немцев на правый берег Рейна и занятия союзниками тет-де-понов на этом берегу;

4) перевозки морем американской армии и ее имущества без всяких ограничений;

5) немедленной репатриации всех жителей территорий, занятых немцами;

6) передачи всех подводных лодок и их баз союзникам или нейтральному государству;

7) возвращения всего железнодорожного подвижного состава, угнанного из Бельгии и Франции.

В конце заседания, на котором главнокомандующим было предложено высказать свои взгляды на перемирие, были

составлены военные условия для представления их союзным правительствам. По существу эти условия сводились к следующему:

1. Немедленная эвакуация областей, захваченных вопреки всякому праву: Бельгии, Франции, Эльзас-Лотарингии, Люксембурга, и немедленная репатриация их жителей.

2. Уступка противником 5 000 орудий, 30 000 пулеметов и 3 000 минометов.

3. Эвакуация германской армией областей на левом берегу Рейна, занятие союзниками тет-де-понов радиусом в 30 *км* на правом берегу Рейна в Майнце, Кобленце, Кельне, Страсбурге и установление на том же берегу нейтральной зоны шириной в 40 *км* к востоку от реки.

4. Запрещение противнику производить разрушения и повреждения на эвакуированных территориях.

5. Выдача 5 000 паровозов и 150 000 вагонов в полной исправности.

6. Выдача 150 подводных лодок, увод надводного флота в порты Балтийского моря и занятие Куксгафена и Гельголанда союзными флотами.

7. Сохранение блокады до выполнения вышеперечисленных условий.

Я сам отвез эти условия в Париж после полудня 25 октября и передал выработанный нами текст президенту республики и председателю совета министров. Когда во время моего разговора с Пуанкаре последний заметил, что немцы могут счесть эти условия неприемлемыми и отвергнуть их, я ответил ему: «Тогда мы будем продолжать войну, так как в том положении, которого на сегодняшний день достигли союзные армии, нельзя остановить их победоносное продвижение, не лишив Германию всякой возможности сопротивляться и не получив прочных залогов заключения мира, добытого ценой таких огромных жертв!»

Мы могли прекратить свое движение на Берлин, только овладев позицией на Рейне, преграждающей путь туда на участке между Кельном и Майнцем.

Зато письмом от 29 октября я предостерег Клемансо против тенденции некоторых союзников проявить чрезмерную суровость в военно-морских условиях перемирия:

«26 октября я имел честь представить вам военные условия перемирия.

Весьма вероятно, что к ним будут добавлены военно-мор-

ские условия. Последние не могут быть приняты без проверки, так как, если бы они оказались слишком суровыми, они привели бы к тому, что сухопутным армиям пришлось бы продолжать дорогостоящую борьбу за спорные преимущества.

Поэтому я прошу вас выслушать меня, прежде чем будет принят окончательный проект условий перемирия».

* * *

31 октября утром в Париже у полк. Хауса, специально присланного во Францию президентом Вилсоном, состоялось первое совещание глав союзных правительств. В начале заседания стало известно, что Турция подписала Мудросское перемирие и что Австрия окончательно выведена из строя.

При таких условиях, когда мне предложили высказать свое мнение об общей военной обстановке, я без труда показал, насколько благоприятно для нас сложились события.

За три месяца слишком немцы, разбитые во Франции и в Бельгии, оставили уже более 260 000 пленных и 4 000 орудий. Военное положение Германии свидетельствует о глубокой дезорганизации, тогда как мы в состоянии вести сражение, если понадобится, всю зиму на фронте в 400 *км*, а также продолжать войну до полного уничтожения противника, если это окажется необходимым.

После этого доклада полк. Хаус спросил меня, считаю ли я предпочтительным продолжать войну с Германией или заключить с ней перемирие.

На это я ответил ему: «Я веду войну не ради войны. Если я добьюсь путем перемирия условий, которые мы хотим продиктовать Германии, я буду удовлетворен. Когда цель достигнута, никто не имеет права проливать больше ни одной капли крови».

В тот же день, 31 октября, после полудня в Версале состоялось пленарное заседание Высшего военного совета. В начале этого заседания, которое должно было быть посвящено рассмотрению условий перемирия с Австро-Венгрией, мне снова было предложено взять слово, и я повторил свое утреннее заявление о том, что военная обстановка становится все более благоприятной для союзников.

1 ноября началось подробное рассмотрение условий перемирия, которые предстояло продиктовать Германии.

Утром в военном министерстве в Париже состоялось первое совещание глав союзных правительств. На нем были прочтены предложенные мною условия об оккупации левого берега Рейна. По этому вопросу открыли прения, чтобы дать фельдмаршалу Хейгу возможность снова изложить свою точку зрения и повторить свои заявления от 25 октября, которые, очевидно, выражали взгляды Ллойд-Джорджа и его коллег.

Тот тезис, по которому при прекращении военных действий союзные армии должны были остановиться на границах Бельгии, Люксембурга и Эльзас-Лотарингии, т. е. на левом берегу Рейна и на некотором расстоянии от него, короче говоря, с препятствием перед самым носом, был совершенно неприемлем с военной точки зрения. Он предоставлял Германии возможность восстановить свои армии под прикрытием Рейна во время выработки условий мира, а также возможность, в случае непринятия ею этих условий, возобновить борьбу в обстановке, неблагоприятной для союзных армий. Последние могли лишиться значительной части преимуществ, добытых трудно доставшимися победами. Не овладев Рейном по условиям перемирия, союзные правительства рисковали сорвать заключение мира, к которому они стремились. Моя точка зрения была принята.

Чтение и обсуждение условий продолжались после полудня в Версале. Было решено, что к условиям перемирия будут добавлены пункты, касающиеся русского фронта, и что эти пункты будут выработаны моим штабом.

2 ноября после полудня в Версале состоялось следующее заседание, на котором были обсуждены военно-морские условия перемирия и условия, касающиеся русского фронта.

В этот самый час австрийское командование получило от ген. Диаца текст условий перемирия, предъявленных Антантой. Что сделает венское правительство? Примет оно их или нет? А если оно примет их, то не помешает ли выполнению его обещаний распад двуединой монархии? Все эти вопросы занимали умы правителей Антанты и настолько влияли на ход прений после полудня 2 ноября, что Ллойд-Джордж не поддержал своих военно-морских экспертов и отказался от части их требований о выдаче германского военно-морского флота.

Но как только стала известна капитуляция Вены, он снова стал целиком поддерживать эти требования. Они заключа-

лись, в частности, в разоружении Германией своего военно-морского флота, выдаче большого числа ее кораблей как подводных, так и надводных, и значительного количества военно-морского имущества; это были суровые условия, совокупность которых могла стать неприемлемой для Германии и помешать таким образом подписанию соглашения о перемирии, которое в смысле сухопутных условий вполне удовлетворило бы нас. Предусматривая случай, что военно-морские пункты своей суровостью заставят Германию отвергнуть условия перемирия и мы вынуждены будем продолжать на суше кровопролитную борьбу, чтобы захватить материальную часть морского флота, не представляющую для нас интереса, я обратил внимание правительств на ответственность, которая ляжет на нас, если мы прольем кровь наших солдат без явной выгоды для дела союзников. На это мне ответили, что я должен включить военно-морские пункты в условия перемирия и что если противник сочтет их неприемлемыми, можно будет подумать о допустимом смягчении их. Фактически противник принял все условия.

Предложения, касающиеся русско-румынского фронта, были приняты без возражений. По этому поводу министр иностранных дел Пишон поднял вопрос о восстановлении Польши, что являлось одной из военных целей союзников; но этот вопрос признали выходящим из рамок условий перемирия, которое должно было только потребовать возвращения Германии в ее восточные границы 1914 г.

Наконец, 4 ноября после последнего чтения, окончательный текст условий перемирия был утвержден главами союзных правительств и сообщен по кабелю президенту Вилсону. Кроме того, было решено, что сообщение этого текста парламентерам, надлежащим образом уполномоченным германским правительством, и ведение переговоров с ними на этой основе будет возложено на меня, причем ко мне будет прикомандирован британский адмирал.

Передавая в Вашингтон утвержденные ими условия, союзные правительства, по особому настоянию Великобритании, сделали оговорки относительно принципа свободы морей, который являлся одним из 14 пунктов президента Вилсона; последний не преминул отметить это в послании, адресованном им Германии 5 ноября и отсылавшем ее к союзному главному командованию. Вот доказательство того, что союзные правительства, если бы они только догадались это сде-

лать, могли в этот момент избавиться от всяких формул, способных стеснить их при будущих переговорах.

* * *

Как бы то ни было, я немедленно отдал распоряжение о приеме германских парламентеров, которые неожиданно явились бы в наши передовые линии; имея намерение в случае, если я буду заранее осведомлен об их прибытии, направить их на линию Живэ, Ля-Капель, Гиз, я послал особую директиву ген. Дебенэ.

В то же время мы предостерегали армию против ложных слухов, которые противник мог бы распространить в связи с ожидаемым заключением перемирия.

В ночь с 6 на 7 ноября в 0 ч. 30 м. я получил первую радиограмму от германского главного командования. Оно сообщало фамилии уполномоченных, назначенных берлинским правительством, просило меня назначить место встречи и добавляло: «...Германское правительство было бы счастливо, в интересах человечества, если бы прибытие германской делегации на союзный фронт могло привести к прекращению военных действий».

Я немедленно ответил следующими простыми словами: «Если германские уполномоченные желают встретиться с маршалом Фошем, чтобы попросить у него перемирия, они явятся во французское сторожевое охранение на шоссе Шимэ, Фурми, Ля-Капель, Гиз. Отданы распоряжения принять их и доставить на место встречи».

7-го утром меня предупредили о том, что германские уполномоченные, выехав в полдень из Спа, прибудут во французское расположение между 16 и 17 часами. Как германским, так и французским командованием были приняты меры для прекращения огня с обеих сторон во время проезда делегации противника.

В сопровождении ген. Вейгана, трех офицеров моего штаба и британской военно-морской делегации под председательством первого морского лорда адмирала Уэмисса, я в 17 час. выехал из Санлиса и поехал экстренным поездом на место, избранное для встречи с германскими уполномоченными, в уголке Компьенского леса, к северу и вблизи от станции Ретонд.

Что же касается германской делегации, то она, непрерывно задерживаемая в пути заторами на дорогах в германском тылу, подъехала к французскому расположению только

в 21 час, а на место назначения прибыла с опозданием на 12 часов.

Только 8 ноября в 7 час. утра привезший ее поезд остановился вблизи моего.

* * *

Два часа спустя, в 9 час. утра в вагоне-канцелярии французского поезда состоялось первое заседание.

Нижеследующий отчет, который я представил после подписания перемирия председателю совета министров и президенту республики, содержит подробное изложение всего, что произошло в Ретонде между союзными и германскими уполномоченными.

Добавлю, что 9 ноября, чтобы подчеркнуть волю союзников покончить с германским сопротивлением, я послал главнокомандующим следующую телеграмму:

«Противник, дезорганизованный нашими непрерывными атаками, отходит на всем фронте.

Важно продолжать и ускорить наши действия. Обращаюсь к энергии и инициативе главнокомандующих и их армий, чтобы сделать достигнутые результаты решающими».

И все, чувствуя, что ветер победы увлекает их знамена, ответили мне: «Положитесь на нас, мы будем наступать, сколько понадобится».

Отчет

Переговоры, которые должны были закончиться заключением перемирия с Германией, происходили в вагоне-канцелярии поезда маршала Фоша. Поезд маршала и поезд, привезший германских уполномоченных из Тернье, были поставлены на кривые тупики тяжелой артиллерии большой мощности вблизи станции Ретонд в лесу Эгль.

8 ноября. Экстренный поезд с германскими уполномоченным прибывает на свой тупик 8 ноября в 7 час.

Маршал сообщает германским делегатам, что он сможет принять их начиная с 9 час. Они просят, чтобы их приняли в 9 час.

В указанный час они переходят в поезд маршала.

Маршал Фош, при котором находятся адм. сэр Рослин Уэмисс, ген. Вейган и адм. Хоуп, предлагает германским делегатам предъявить свои полномочия. Делегаты вручают маршалу свои полномочия, составленные в следующих выражениях.

1. Полномочие.

«Я, нижеподписавшийся, канцлер германской империи Макс, принц Баденский, настоящим уполномочиваю:

императорского статс-секретаря г. Матиаса Эрцбергера (в качестве председателя),

императорского чрезвычайного посланника и полномочного министра графа Альфреда Оберндорфа

и генерал-майора прусской службы Детлефа фон Винтерфельдта вести от имени германского правительства переговоры о перемирии с уполномоченными держав, состоящих в союзе против Германии, и заключить соответствующее соглашение под условием его принятия правительством.

(Подпись): *Макс, принц Баденский.*

Берлин, 6 ноября 1918 г.»

2. Полномочие.

«Я, нижеподписавшийся, канцлер германской империи Макс, принц Баденский, настоящим назначаю наряду с другими уполномоченными для переговоров о перемирии с державами, входящими в союз против Германии:

императорского капитана 2-го ранга Фанселова,

королевский генерал-от-инфантерии Эрих фон Гундель

освобождается от должности уполномоченного; поэтому на приложенном полномочии его фамилия вычеркнута.

(Подпись): *Макс, принц Баденский.*

Берлин, 6 ноября 1918 г.»

Маршал удаляется с адм. Уэмиссом и ген. Вейганом для рассмотрения этих полномочий, а затем, вернувшись в помещение, где происходит конференция, предлагает председателю германской делегации назвать ему членов делегации. Таковыми являются:

статс-секретарь Эрцбергер,
ген.-майор фон Винтерфельдт,
полномочный министр граф Оберндорф,
кап. 2-го ранга Фанселов,
кап. генерального штаба Гейер,
ротмистр фон Хельдорф.

В свою очередь маршал представляет членов союзной делегации:

адм. Уэмисса,
ген. Вейгана,
адм. Хоупа,
кап. 2-го ранга Мэриота

и переводчиков:

кап. 3-го ранга Бэгота,
офицера-переводчика Ляперша.

Члены делегаций рассаживаются за столом.

Маршал Фош спрашивает германских делегатов о цели их приезда.

Эрцбергер отвечает, что германская делегация прибыла, чтобы выслушать предложения союзных держав относительно заключения перемирия на суше, на море, в воздухе, на всех фронтах и в колониях.

Маршал Фош отвечает, что он не имеет никаких предложений.

Граф Оберндорф спрашивает, как маршал желает, чтобы выражались. Он не придает значения форме выражений, он может сказать, что делегация просит сообщить ей условия перемирия.

Маршал Фош отвечает, что не имеет сообщить никаких условий.

Эрцбергер зачитывает текст последней ноты президента Вилсона, сообщающей, что маршал Фош уполномочен сообщить условия перемирия.

Маршал Фош отвечает, что он уполномочен сообщить условия перемирия, если германские делегаты попросят перемирия.

«Просите ли вы перемирия? Если вы его просите, я могу сообщить вам условия, на которых его можно получить».

Эрцбергер и граф Оберндорф заявляют, что они просят перемирия.

Тогда маршал Фош заявляет, что сейчас будет зачитан текст условий перемирия. Так как этот текст довольно длинен, то сперва будут зачитаны только главные пункты, затем делегатам будет сообщен весь текст.

Ген. Вейган зачитывает главные пункты условий перемирия (текст, принятый 4 ноября в Версале).

Немедленно после чтения Эрцбергерг взял слово, прося немедленного прекращения военных действий. Он сослался при этом на состояние дезорганизации и недисциплинированности, царящее в германской армии, на революционный дух, который вместе с лишениями проникает в страну. Он подробно описал трудности, испытанные им и его делегацией при проезде через германские армии и переезде через их фронт, где приказы даже о прекращении огня выполняются очень неохотно.

В этом комплексе явлений он видел признаки близкого нашествия большевизма на Германию, а когда Центральная Европа будет охвачена им, Западной Европе, сказал он, будет чрезвычайно трудно защититься. Только прекращение атак союзников позволит восстановить дисциплину в германских армиях и, восстановив порядок, спасти страну.

Я ответил ему: «В ту минуту, когда открываются переговоры относительно подписания перемирия, невозможно остановить военные действия, пока германская делегация не примет и не подпишет условий, являющихся прямыми последствиями этих операций».

Ввиду невозможности для меня удовлетворить устную просьбу Эрцбергера, попросил слова ген. фон Винтерфельдт. «Он имеет специальное поручение от главного командования и германского правительства».

Он прочел следующее приготовленное им заявление:

«Условия перемирия, с которыми мы только что ознакомились, требуют от нас внимательного рассмотрения. Ввиду нашего намерения притти к какому-нибудь результату, мы рассмотрим их как можно скорее; но это все же потребует известного срока, тем более что придется запросить наше правительство и верховное командование.

Тем временем борьба между нашими армиями будет продолжаться, и она неизбежно потребует как от бойцов, так и от населения напрасных жертв в последнюю минуту, жизней, которые можно было бы сохранить их семьям.

При таких условиях германское правительство и верховное командование имеют честь повторить предложение, сделанное ими третьего дня в их радиограмме, а именно: чтобы маршал Фош согласился на немедленное объявление о временном прекращении военных действий на всем фронте, которое должно вступить в силу сегодня же в определенный час и очень несложные условия которого могли бы быть установлены в кратчайший срок».

Маршал Фош отвечает: «Я являюсь главнокомандующим союзными армиями и представителем союзных правительств. Правительства установили свои условия. Военные действия не могут прекратиться до подписания перемирия. Поэтому я вполне готов притти к соглашению, и я по мере возможности помогу вам в этом. Но военные действия не могут прекратиться до подписания перемирия».

По окончании заседания германские делегаты просят спросить маршала, не будет ли возможно продлить на 24 часа срок ответа ввиду времени, необходимого для сообщения условий их правительству.

Маршал приказал передать им, что так как этот срок установлен союзными правительствами, он не может изменить его.

Германские делегаты, посовещавшись между собой, просят послать по радио следующую телеграмму:

«Германские уполномоченные по заключению перемирия германскому имперскому канцлеру, главному военному и главному военно-морскому командованиям.

В пятницу утром уполномоченные получили в ставке союзников условия перемирия, а также уведомление о том, что они должны принять или отклонить их в 72-часовой срок, истекающий в понедельник утром в 11 час. (по французскому времени).

Германское предложение о немедленном заключении соглашения о временном прекращении военных действий было отклонено маршалом Фошем.

Германский курьер с текстом условий перемирия отправляется в Спа, так как нет другого подходящего способа сообщения. Просьба уведомить о получении и возможно скорее отослать курьера обратно с вашими последними инструкциями.

В настоящее время в присылке других делегатов нет необходимости.

(Подпись): *Эрцбергер*».

Эта радиограмма посылается в 11 ч. 30 м.

Уполномоченные также решают послать в качестве курьера ротмистра Хельдорфа, чтобы доставить в германскую ставку текст условий.

Штаб маршала принимает меры, чтобы обеспечить пере-

возку этого курьера и его переезд через фронт; курьер уезжает в 13 час.

Граф Оберндорф, ген. фон Винтерфельдт и кап. Фанселов просят отдельных бесед с ген. Вейганом и адм. Хоупом, чтобы получить некоторые объяснения.

Эти беседы имеют место после полудня: у графа Оберндорфа и ген. фон Винтерфельдта — с ген. Вейганом, у кап. Фанселова — с адм. Хоупом.

Ниже приводится краткий отчет об этих беседах.

«Прежде всего граф Оберндорф спрашивает, не выставили ли союзники такие жестокие условия, чтобы заставить Германию отвергнуть их.

На это ему отвечают, что союзники сообщают условия, на которых они могут согласиться на перемирие. В их намерениях нет ничего скрытого.

Затем граф Оберндорф спрашивает, не намереваются ли союзники сорвать перемирие, чтобы сразу приступить к переговорам о мире.

Ему отвечают, что маршал Фош должен и хочет вести здесь только переговоры о перемирии».

В дальнейшей беседе с графом Оберндорфом, а также в последующей беседе с ген. фон Винтерфельдтом, задаются вопросы по поводу различных условий перемирия. Главные мысли и доводы, выставленные во время этих разговоров германскими делегатами с целью добиться смягчения этих условий, можно свести к следующему:

«Германия хочет перемирия. Если они (германские делегаты) здесь, то это потому, что Германия не может поступить иначе. Поэтому они вполне искренни.

Германская армия переживает неслыханные затруднения: усталость войск, сражающихся без отдыха четыре месяца, и вытекающее отсюда ослабление дисциплины; заторы на дорогах и железных дорогах, парализующие всякое движение. Вынуждать ее к быстрым передвижениям — значит мешать ей привести себя в порядок.

Германская армия была бы не в состоянии, даже если бы захотела, возобновить борьбу, раз будет подписано перемирие; поэтому нет смысла диктовать ей слишком суровые условия.

Относительно военных пунктов, касающихся выдачи вооружения, они протестуют только против выдачи 30 000 пулеме-

тов; их останется недостаточно, чтобы в случае необходимости, стрелять по германскому народу.

Действительно, внутреннее положение в Германии очень серьезно, там происходит революция, страна заражена большевизмом. Необходимо поддерживать в ней порядок. Сами союзники заинтересованы в том, чтобы избежать большевистской заразы, а также чтобы обеспечить платежеспособность своих должников, так как ожидаются требования очень крупных репараций.

Следовательно, все должны быть заинтересованы в том, чтобы германская армия вернулась в Германию в порядке, а для этого надо удлинить сроки, установленные для эвакуации. Необходимо удлинить их не на несколько дней, а на несколько недель.

Наконец, Германии угрожает голод; пункты условий перемирия, касающиеся блокады и железнодорожного подвижного состава, бесчеловечны, так как они парализуют снабжение населения продовольствием и вызовут смерть женщин и детей.

В итоге — надо сохранить Германии армию в полном порядке, чтобы дать ей возможность подавить революцию и надо помочь ей предотвратить голод».

На это был дан общий ответ, что состояние дезорганизации, в котором находится германская армия, является результатом победоносного наступления союзных армий в течение более четырех месяцев, и что союзное главное командование обязано обеспечить себе по условиям перемирия, самое меньшее, обладание всеми приобретенными преимуществами.

Заканчивая эти разговоры, ген. Вейган совершенно четко указывает, что:

1) отдельные собеседования, вроде тех, которые только что имели место, являются лишь обменом мнениями, ни к чему не обязывающими собеседников и имеющими целью просто дать германским делегатам необходимые объяснения, чтобы позволить им формулировать свои просьбы с полным знанием дела;

2) вопросы или просьбы германских делегатов должны представляться в письменном виде.

Решено, что делегаты так и сделают и подадут доверительную записку ген. Вейгану, который рассмотрит вопросы, подлежащие представлению маршалу Фошу (чтобы избежать

первого рассмотрения этих вопросов на пленарном заседании).

9 ноября. В 15 ч. 45 м. германская делегация передает ген. Вейгану текст Замечаний относительно условий перемирия с Германией.

Текст этот приносят граф Оберндорф и ген. фон Винтерфельдт, которые повторяют вчерашние доводы, не говоря ничего нового, что стоило бы отметить.

10 ноября. В 21 ч. 30 м. делегатам вручают текст ответа на Замечания относительно условий перемирия с Германией.

В тот же день в 18 ч. 30 м. маршал Фош приказывает передать германским уполномоченным следующую ноту:

Главное командование
союзными армиями

Штаб

Ставка главнокомандующего

10 ноября 1918 г.

«По условиям текста, врученного маршалу Фошу, полномочия тт. германских уполномоченных ограничены в отношении заключения соглашения оговоркой о принятии его канцлером.

Так как срок, назначенный для заключения перемирия, истекает завтра в 11 час., имею честь спросить тт. уполномоченных, получили ли они согласие германского канцлера на сообщенные ему условия, и если нет, то не следует ли немедленно запросить у него об ответе.

По приказу главнокомандующего начальник штаба союзных армий, дивизионный генерал
(подпись) *Вейган*».

В 21 ч. 30 м. германские делегаты отвечают следующей нотой:

«Германские уполномоченные имеют честь ответить главному командованию союзными армиями на вопрос, заданный им 10 ноября, что они еще не получили решения имперского канцлера.

Уполномоченные уже предприняли шаги для возможно скорой передачи им инструкций.

(Подпись) *Статс-секретарь Эрцбергер*».

Тем временем между 19 и 20 час. были получены следующие две радиограммы:

1. «Германское правительство германским уполномоченным при главном командовании союзников.

Германское правительство принимает условия перемирия, поставленные ему 8 ноября.

Имперский канцлер, 3084».

2. «Германское главное командование уполномоченным при главном командовании союзников.

Германское правительство сообщает главному командованию для передачи помощнику статс-секретаря Эрцбергеру нижеследующее:

Вашему превосходительству разрешено подписать перемирие. Благоволите в то же время потребовать занесения в протокол следующего заявления.

Германское правительство приложит все силы к тому, чтобы выполнить условия перемирия. Однако нижеподписавшиеся считают своим долгом указать на то, что выполнение некоторых пунктов этих условий обречет на голод население той части Германской империи, которая не должна быть оккупирована.

Оставление в подлежащих эвакуации областях всех запасов, предназначавшихся для продовольственного снабжения войск, а также равносильное упразднению ограничение транспортных средств, необходимых для перевозок, при сохранении блокады сделают невозможным снабжение продовольствием, а также всякую организацию распределения продуктов питания.

Поэтому нижеподписавшиеся просят разрешить им вступить в переговоры об изменении некоторых пунктов, так чтобы можно было обеспечить питание.

Имперский канцлер.

P. S. Главное командование снова обращает ваше внимание на пункты, сообщенные сегодня в полдень ген. фон Винтерфельдту. Сообщите по радио о подписании перемирия».

Около 21 часа начала, кроме того, поступать очень длинная шифрованная радиограмма от фельдмаршала Гинденбурга.

Передавая телеграммы германским делегатам, ген. Вейган

спрашивал Эрцбергера, считает ли он, что эти телеграммы являются подлинным выражением ожидаемого согласия канцлера. Эрцбергер отвечает утвердительно, указывая, что номер 3084, стоящий после подписи в первой телеграмме, является условным числом, подтверждающим эту подлинность.

Затем германских делегатов спрашивают, в котором часу они смогут участвовать в пленарном заседании, чтобы принять и подписать окончательный текст условий перемирия. Германские делегаты просят дать им некоторое время, чтобы расшифровать телеграмму Гинденбурга и рассмотреть ответы союзного главного командования на их замечания.

Делегатов просят сообщить при первой возможности час, когда сможет начаться это пленарное заседание...

11 ноября. 11 ноября в 2 ч. 05 м. германские делегаты сообщают, что они готовы к открытию заседания. В 2 ч. 15 м. заседание начинается.

Маршал Фош заявляет, что надо принять окончательный текст условий перемирия, и приказывает ген. Вейгану зачитать его, заменив переработанные части текста от 8 ноября новым текстом, указанным в Ответе на Замечания.

Текст зачитывается, обсуждается и принимается постатейно [1].

В 5 ч. 05 м. принимается окончательный текст.

Решено, чтобы возможно скорее прекратить военные действия, что последняя страница этого текста будет немедленно перепечатана на машинке и подписана.

В 5 ч. 10 м. союзные и германские уполномоченные подписывают последнюю страницу.

Ввиду политических событий, происходящих в Германии, союзное главное командование требовало (в конце Ответа на Замечания) добавления к тексту условий следующего пункта:

«В случае если германские корабли не будут выданы в указанные сроки, правительства союзников и Соединенных Штатов будут иметь право занять Гельголанд для обеспечения их выдачи».

Германские делегаты заявляют, что не могут согласиться подписать этот пункт, но готовы поддержать его принятие германским правительством. По этому поводу заключено особое соглашение.

---

[1] Текст Условий перемирия см. Рене Турнес «Фош и победа союзников 1918 года». Воениздат, 1938 г.

Эрцбергер просит слова и зачитывает декларацию, текст которой за подписями четырех германских уполномоченных он передает маршалу Фошу.

11 ноября 1918 г.

Декларация германских уполномоченных по поводу заключения перемирия

«Германское правительство, конечно, приложит все свои силы для выполнения продиктованных ему условий.

Нижеподписавшиеся уполномоченные признают, что по некоторым пунктам была по их настоянию проявлена известная доброжелательность. Поэтому они могут считать, что замечания, сделанные ими 9 ноября по поводу условий перемирия с Германией, и ответ, врученный им 10 ноября, являются составной частью всего соглашения.

Но они не могут допустить никакого сомнения насчет того, что, в особенности, краткость сроков эвакуации, а также выдача необходимых транспортных средств, грозят создать обстановку, при которой они могут оказаться не в состоянии продолжать выполнять условия, без всякой вины германского правительства...»

Маршал Фош объявляет заседание закрытым, и германские уполномоченные удаляются.

Немедленно по всему фронту была послана по радио и передана по телефону главнокомандующим следующая телеграмма:

«1. Военные действия прекратятся на всем фронте 11 ноября в 11 час. по французскому времени.

2. Впредь до новых распоряжений союзным войскам не переходить через линию, достигнутую в этот день и в этот час.

Точно донести об этой линии.

3. Всякие сношения с противником воспрещаются до получения инструкций, посланных командующим армиями».

В течение утра германским уполномоченным вручаются различные документы. В 11 ч. 30 м. их поезд отбывает с тупика в Ретонде на Тернье, где они должны пересесть в свои автомобили.

По их просьбе германскому капитану Гейеру была предоставлена возможность отправиться на самолете в германскую ставку с текстами документов и картой.

Около 12 ч. 30 м. этот офицер вылетел на самолете с посадочной площадки в Тернье.

Начальник штаба главнокомандующего
союзными армиями дивизионный генерал
(Подпись) *Вейган.*

11 ноября в 11 час. прекратилась стрельба на всем фронте союзных армий. После 52 месяцев сражений наступило внушительное молчание...

Глава пятнадцатая

Марш на Рейн

Несколько дней спустя, согласно протоколу, приложенному к условиям перемирия, союзные армии двинулись вперед, чтобы дойти до Рейна и занять Рейнскую область с тремя тет-де-понами в Кельне, Кобленце, Майнце.

Прежде чем проследить за их победоносным продвижением, можно задать себе вопрос, целиком ли они исполнили свой долг перед своими странами, заключив 11 ноября перемирие?

Перемирие, подписанное главнокомандующим союзными армиями, не было ни мирным трактатом, ни даже предварительными переговорами о мире. Оно было приостановкой военных действий в разгаре борьбы с целью прекратить пролитие крови и дать воюющим странам необходимое время для выработки мирного трактата. Хотя текст условий перемирия включал некоторые политические или финансовые пункты, подлежащие немедленному осуществлению, он не предопределял положения воюющих государств по окончании борьбы. Союзные правительства взяли на себя важную задачу: заключение мирного трактата.

Чтобы обеспечить правительствам возможность целиком выполнить эту задачу, союзные армии и их командование прекращали свои операции в достаточно благоприятной военной обстановке. Это лишало противника всякой возможности противиться решениям союзных правительств и условиям мира. Рейн был преградой, под прикрытием которой Германия могла бы поставить под сомнение победы наших армий, восстановить свои силы и оспаривать условия мира.

Наши армии должны были завладеть этой преградой. Они

готовились даже держать оба берега Рейна, чтобы в случае необходимости возобновить свое продвижение, положить конец противодействию германского правительства. Доказательством служит то, что 28 июня 1919 г. германское правительство беспрекословно подписало трактат в том виде, в каком его выработали союзные и присоединившиеся правительства.

Кроме того, занятие Рейнской области по условиям перемирия являлось для союзников залогом, могущим обеспечить урегулирование вопроса о возмещениях, которых они собирались потребовать.

Таким образом, благодаря этой возможности возобновить в случае необходимости борьбу с командующей позиции и получению залога, обеспеченного условиями перемирия и представляющего собою закрепление победы, союзное главное командование дало в руки союзным правительствам все средства к тому, чтобы заключить мир на условиях, которые они признают достаточными, а также заставить противника выполнить эти условия.

К тому же не следует думать, что подписание перемирия было преждевременным с нашей стороны, что нам было бы выгоднее отсрочить его на несколько дней или даже на несколько недель, чтобы окончательно завершить поражение германцев военным разгромом, новым Седаном.

По этому поводу мы уже говорили выше, какого эффекта можно было ожидать от наступления, подготовленного к востоку от Мааса на 14 ноября и не состоявшегося ввиду прекращения военных действий 11 ноября. После удачного начала оно свелось бы к расширению на 30 *км* фронта в 300 *км*, на котором мы победоносно вели сражение от Северного моря до Лотарингии, но характер этого фронтального натиска не изменился бы и не улучшился в нашу пользу.

Начиная со второй половины июля, союзные армии в ряде боев разбили и отбросили германские армии, взяв у противника 7 990 офицеров, 355 000 солдат, 6 215 орудий, 38 662 пулемета,— цифры, превосходящие все, известное до сих пор из истории, и равносильные нескольким Седанам. Своими повторными ударами они внесли в ряды противника деморализацию, граничащую с бунтом.

Продолжение военных действий позволило бы нам углубить и расширить эти показательные результаты, не изменив их по существу. Численность армий в несколько миллионов человек, вооруженных скорострельными огневыми средствами,

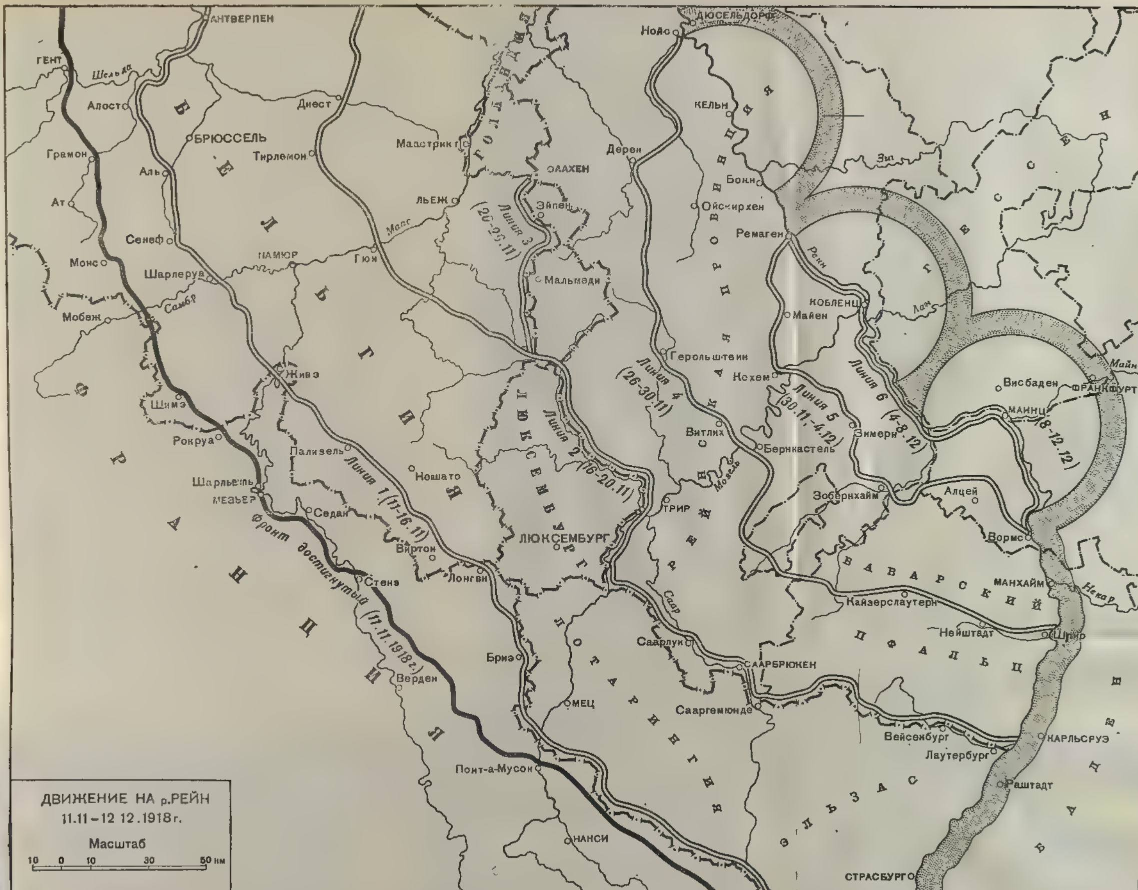

ДВИЖЕНИЕ НА р.РЕЙН
11.11–12 12.1918 г.
Масштаб
10 0 10 30 50 км
АНТВЕРПЕН
ГЕНТ
Шельда
Алост
Диест
БРЮССЕЛЬ
Тирлемон
Маастрихт
Грамон
Аль
Ат
ЛЬЕЖ
Маас
Сенеф
НАМЮР
Гюи
Монс
Шарлеруа
Самбр
Мобеж
Живэ
Шимэ
Рокруа
Шарльвиль
МЕЗЬЕР
Пализель
Нешато
Седан
Виртон
Лонгви
Стенэ
Верден
Бриэ
МЕЦ
Понт-а-Мусон
НАНСИ
Фронт достигнутый (11.11.1918 г.)
Линия 1 (11-16.11)
Линия 2 (16-20.11)
Линия 3 (20-26.11)
Линия 4 (26-30.11)
Линия 5 (30.11-4.12)
Линия 6 (4-8.12)
(8-12.12)
БЕЛЬГИЯ
ФРАНЦИЯ
ГОЛЛАНДИЯ
ЛЮКСЕМБУРГ
ЛОТАРИНГИЯ
ЭЛЬЗАС
РЕЙНСКАЯ ПРОВИНЦИЯ
ГЕССЕН
БАВАРСКИЙ ПФАЛЬЦ
БАДЕН
ААХЕН
Эйпен
Мальмеди
ЛЮКСЕМБУРГ
ДЮСЕЛЬДОРФ
Нойс
КЕЛЬН
Дерен
Бонн
Ойскирхен
Ремаген
Рейн
Зиг
Лан
КОБЛЕНЦ
Майен
Герольштейн
Кохем
Витлих
Бернкастель
Мозель
ТРИР
Саар
Саарлуи
СААРБРЮКЕН
Сааргемюнде
Зимерн
Зобернхайм
Алцей
Висбаден
ФРАНКФУРТ
Майн
МАИНЦ
Вормс
МАНХАЙМ
Некар
Кайзерслаутерн
Нейштадт
Шпейр
Вейсенбург
Лаутербург
КАРЛЬСРУЭ
Раштадт
СТРАСБУРГ

Схема 14

располагающих большим количеством военного имущества и отходящих на сравнительно ограниченном пространстве, должна была сохранить за борьбой все ее характерные особенности.

С германской стороны мы видим беспорядочные массы, остатки более 200 дивизий, отходящие толпами, своего рода движущийся муравейник, затопивший страну, но вооруженный орудиями, пулеметами, винтовками — и поэтому неприступный, а тем более непроницаемый благодаря скорострельности своего вооружения, до тех пор, пока атакующий не подведет большего числа орудий и пулеметов.

Эти массы, подобно великому стихийному бедствию, опустошали страну, оставляя повсюду следы разрушения, разрушенные дороги и мосты, а кроме того, брошенное имущество, загромождавшее дороги.

Отсюда — какие затруднения для отрядов преследования, в случае необходимости быстро развернуть достаточные силы, чтобы еще больше расстроить эту отступающую толпу, прорвать или охватить ее! Они могли действовать только мощной артиллерией!

Но по мере продвижения этих отрядов их надо было снабжать продовольствием и боевыми припасами, что еще значительно замедлило бы их движение ввиду отсутствия железных дорог и вследствие состояния автогужевых дорог.

И таким темпом они вели бы кампанию до Рейна, чтобы, устроив на нем новую прочную базу и исправив необходимые пути подвоза, снова двинуться вперед, если бы до тех пор в массах противника не разразилась катастрофа.

Германия, изголодавшаяся за 4 года войны, имеет только дезорганизованную армию, неспособную остановить победоносное нашествие союзников и взбунтовавшуюся против своих начальников. Страна отдана на милость победителей. Она беспрекословно подписывает перемирие, чтобы спасти от разрушительной войны остальные свои установления.

* * *

Уже 11 ноября я отдал главнокомандующим общую директиву, устанавливающую порядок занятия союзными войсками наших территорий, эвакуируемых противником.

17 ноября эти армии перешли через фронт, на котором они находились в момент прекращения военных действий.

30 ноября все занятые противником территории (Франция, Бельгия, Люксембург, Эльзас-Лотарингия) были снова заняты союзными армиями. 25-го я вступил в Мец, а 26-го — в Страсбург.

Тем временем мы подготовлялись к скорой оккупации рейнских областей. Они должны были быть разделены на четыре зоны: Майнскую, Кобленцскую, Кельнскую, Аахенскую, подчиненные соответственно французскому, американскому, британскому и бельгийскому командованиям. В каждой зоне должны были, как принцип, находиться войска одного государства; однако было предусмотрено, что для придания оккупации общесоюзнического характера гарнизоны на тет-де-понах, а также в районе на левом берегу Рейна между кельнским тет-де-поном и голландской границей, будут состоять из войск нескольких союзных государств.

Всего союзные армии должны были первоначально иметь в Рейнской области как в первой линии, так и в резерве, 16 корпусов общим составом в 40 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, которые должны были содержаться за счет германского правительства.

Фактически общесоюзный характер оккупации тет-де-понов не был соблюден целиком. Так, кельнский тет-де-пон был полностью передан англичанам, так как французскую дивизию, которая должна была войти в состав его гарнизона, пришлось перевести в бельгийскую аахенскую зону.

1 декабря союзные армии вступили в Германию. 9-го они достигли Рейна, 13-го переправились через него, а 17 декабря были целиком заняты тет-де-поны.

С этого дня армии Антанты стояли на страже на Рейне. Отсюда они видели у своих ног побежденную Германию; им стоило сделать шаг, чтобы помешать ей снова подняться, если бы она попыталась это сделать. Отсюда они позволяли союзным правительствам продиктовать центральным империям такие условия мира, какие те сочтут нужным. Они исполнили свою задачу до конца.

* * *

Однако как ни спешили с окончательным заключением желанного для всех мира, переговоры, которые должны были привести к его заключению, естественно затянулись. Позднее прибытие во Францию президента Вилсона, размеры предста-

вившихся проблем, необходимость достигать по всем вопросам предварительного соглашения между союзниками, которые часто расходились во мнениях,— все это требовало таких сроков, что, несмотря на добрую волю и напряженный труд создателей трактата, союзникам понадобилось четыре месяца, чтобы закончить свое дело, и пять, чтобы его приняла Германия.

Между тем перемирие, подписанное в Ретонде, должно было оставаться в силе только 36 дней. Этот срок истекал 17 декабря, когда союзные уполномоченные по заключению мира только начали прибывать в Париж. Поэтому пришлось продлить соглашение от 11 ноября.

Переговоры, предпринятые с этой целью, происходили в Трире, в вагоне-канцелярии поезда маршала, между теми же делегатами, что в Ретонде 12 и 13 декабря 1918 г.

Не входя в подробности этих переговоров, достаточно отметить, что они привели к следующим результатам:

1. Срок перемирия был продлен на один месяц, т. е. до 17 января 1919 г.

2. Союзное главное командование оставило за собой право занять, когда оно признает нужным, в качестве новой гарантии нейтральную зону на правом берегу Рейна к северу от кельнского тет-де-пона до голландской границы.

Надеялись, что это новое соглашение позволит дождаться момента, когда немцам будут вручены предварительные условия мира, к чему стремились сами союзники. Действительно, это было бы естественным решением, позволявшим несколько разгрузить военный аппарат.

К сожалению, Совет четырех[1] своевременно не принял этого решения, и я снова отправился в Трир на 15 и 16 января для переговоров с германскими делегатами относительно вторичного продления перемирия, приведших к следующим главным решениям:

1. Продление перемирия на один месяц, до 17 февраля.

2. Поставка Германией земледельческих машин и орудий.

3. Создание в Берлине союзной комиссии для контроля за русскими военнопленными в Германии.

4. Подробности мероприятий по выполнению некоторых условий соглашения от 11 ноября касательно выдачи герман-

---

[1] Вилсон, Клемансо, Ллойд-Джордж и Орландо. — *Ред.*

ских судов и возвращения имущества, увезенного во Францию и в Бельгию.

5. Чтобы обеспечить снабжение Германии и остальной Европы продовольствием, германское правительство передало на все время перемирия весь германский торговый флот под контроль союзников для плавания под их флагами.

6. Главное командование оставило за собой право занять, когда оно сочтет нужным, в качестве новой гарантии сектор крепости Страсбурга, образованный фортами на правом берегу Рейна, с полосой местности шириной в 5—10 *км* впереди этих фортов.

Соглашение о вторичном продлении перемирия было заключено, как и первое, в надежде на то, что его хватит до заключения предварительного мирного соглашения. Так как условия этого соглашения не были выработаны и союзные правительства даже отказались от него, перемирие было продлено в третий раз, но на этот раз было установлено, что это продление будет последним, что срока ему указано не будет, а союзные державы оставили за собой право просто прекратить его действие, предупредив об этом за трое суток.

Никаких новых постановлений принято не было. Проведение в жизнь и завершение выполнения еще не вполне осуществленных пунктов были переданы постоянной комиссии по перемирию.

С другой стороны, немцам было предложено немедленно отказаться от всяких наступательных операций против поляков в Познани или во всякой другой области, и была установлена демаркационная линия, за которую их войска не должны были переходить.

28 июня 1919 г. мир был заключен и подписан в Зеркальной галерее Версальского дворца.

Приложение

ПЕРЕЧЕНЬ СХЕМ, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ

Том I

№№ схем		Стр.
1.	20-й корпус. Прикрытие (1—10.8 1914 г.)	37
2.	20-й корпус. Сражение под Моранж (19—20.8 1914 г.). Положение вечером 19.8. Германское наступление 20.8	48
3.	20-й корпус. Отход на р. Мерт (21—28 августа 1914 г.) и контрнаступление	58
4.	Арм. группа Фоша. Отступление (30.8—5.9 1914 г.). Фронты группы в 18 час.	70
5.	9-я армия. Сражение на Марне (6—10.9 1914 г.)	84
6.	9-я армия. Преследование (9—15.9 1914 г.)	96
7.	9-я армия. Стабилизация фронта	116
8.	Положение 5.10 1914 г.	126
9.	Положение 12.10 1914 г. по прибытии на фронт британских корпусов	134
10.	Положение 17.10 1914 г. перед сражениями на Изере и под Ипром	142
11.	Сражение на р. Изер (18—30.10) и сражение под Ипром (21.10—12.11 1914 г.)	144
12.	Общее расположение сил союзников на севере в апреле 1915 г.	193

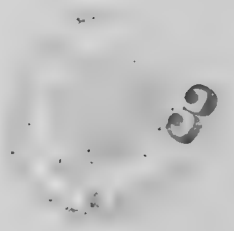
Том II

13.	Положение союзных армий перед Амьеном 26 марта 1918 г.	245
14.	Движение на Рейн 11.XI—12.XII 1918 г.	427
15.	Наступление немцев в 1918 г. (вклейка в конце книги).	
16.	Наступление союзных армий в 1918 г. (вклейка в конце книги).	

Редактор майор *Бородин*
Технические редакторы
Дождев, Лукашкин
Корректоры:
Гиленко, Богоявленская,
Мержелов

Сдано в производство 5.3.39
Подписано к печати 7.8.39
Формат бумаги 84×108¹/₃₂
Объем 27 печ. л. + 9 вклеек = 3¹/₄
28,3 уч.-авт. л.
Уполн. Главлита № Г. —3188
Издат. № 134
Зак. № 178

Отпечатано
в первой типографии
Гос. воен. изд-ва НКО СССР
Москва, ул. Скворцова-Степанова,
дом № 3



39911

НАСТУПЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ АРМИЙ В 1918 г.
Фронт 18.7 и положение союзных армий в начале союзных наступлений
Фронт 11.11 и положение союзных армий ко дню заключения перемирия
Союзные наступления
18.7 – 4.8 (2-е сражение на Марне)
26.9 – 15.10 (От Северного моря до Мааса)
8.8 – 18.9 (в Пикардии)
15.10 – 11.11 (общее наступление)
12 – 15.9 (с. Миэль)
Линия Гинденбурга
Другие германские линии (Хундинга и др.)
МАСШТАБ
10 0 10 20 30 км
БЕЛЬГИЯ
АРДЕННЫ
РЕЙНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЛЮКСЕМБУРГ
ЛОТАРИНГИЯ
АРТУА
ПИКАРДИЯ
АНТВЕРПЕН
БРЮССЕЛЬ
БРЮГГЕ
ГЕНТ
Остенде
Дюнкерк
Диксмюд
Ипр
ЛИЛЬ
МОНС
НАМЮР
ЛЬЕЖ
АРРАС
АМЬЕН
БОВЭ
ЛАОН
РЕЙМС
МЕЗЬЕР
Седан
ПАРИЖ
ШАЛОН-СЮР-МАРН
БАР-ЛЕ-ДЮК
НАНСИ
МЕЦ
Саарбрюкен
Шельда
Дендер
Самбр
Маас
Мозель
Саар
Сомма
Уаза
Эна
Марна
Сена
Бельг. армии
Брит. 2 армия
Брит. 5 армия
Брит. 1 армия
Брит. 3 армия
Брит. 4 армия
Фр. 1 армия
Фр. 3 армия
Фр. 10 армия
Фр. 6 армия
Фр. 9 армия
Фр. 5 армия
Фр. 4 армия
Фр. 2 армия
Фр. 8 армия
1 армия США
1 А США с 26.9
2 А США с 14.10
10 А с 6.11
Штаб 2 армии
Штаб 5 армии
Штаб 1 армии
Штаб 3 армии
Штаб 4 армии
Ставка брит. главноком.
Штаб рез. группы армий
Штаб 10 армии
Штаб 6 армии
Штаб 5 армии
Штаб 4 армии
Штаб 2 армии
Штаб 1 армии США
Ставка Фоша
Бомбон в 8 км
Штаб франц. главноком.
Провен в 10 км
Штаб 9 армии
Вильнокс в 8 км
Штаб центр. группы армий
Штаб главноком. США
Шомон в 80 км
17-20.10 (герм. отход)
17-23.10 (герм. отход)
Район, очищенный германцами с 8.8 по 4.9
Фронт достигнутый 11.11 1918 г.
Герм. отход 7-8.11
5-9.11
11-13.10 (герм. отход)
5-7.10 (герм. отход)
9-10-11.11
28.9
26.8
21.8
8.8
18.7
20.7
19.7
26.9
12.9
Наступление, намеченное на 14.11

Схема 16

Фош

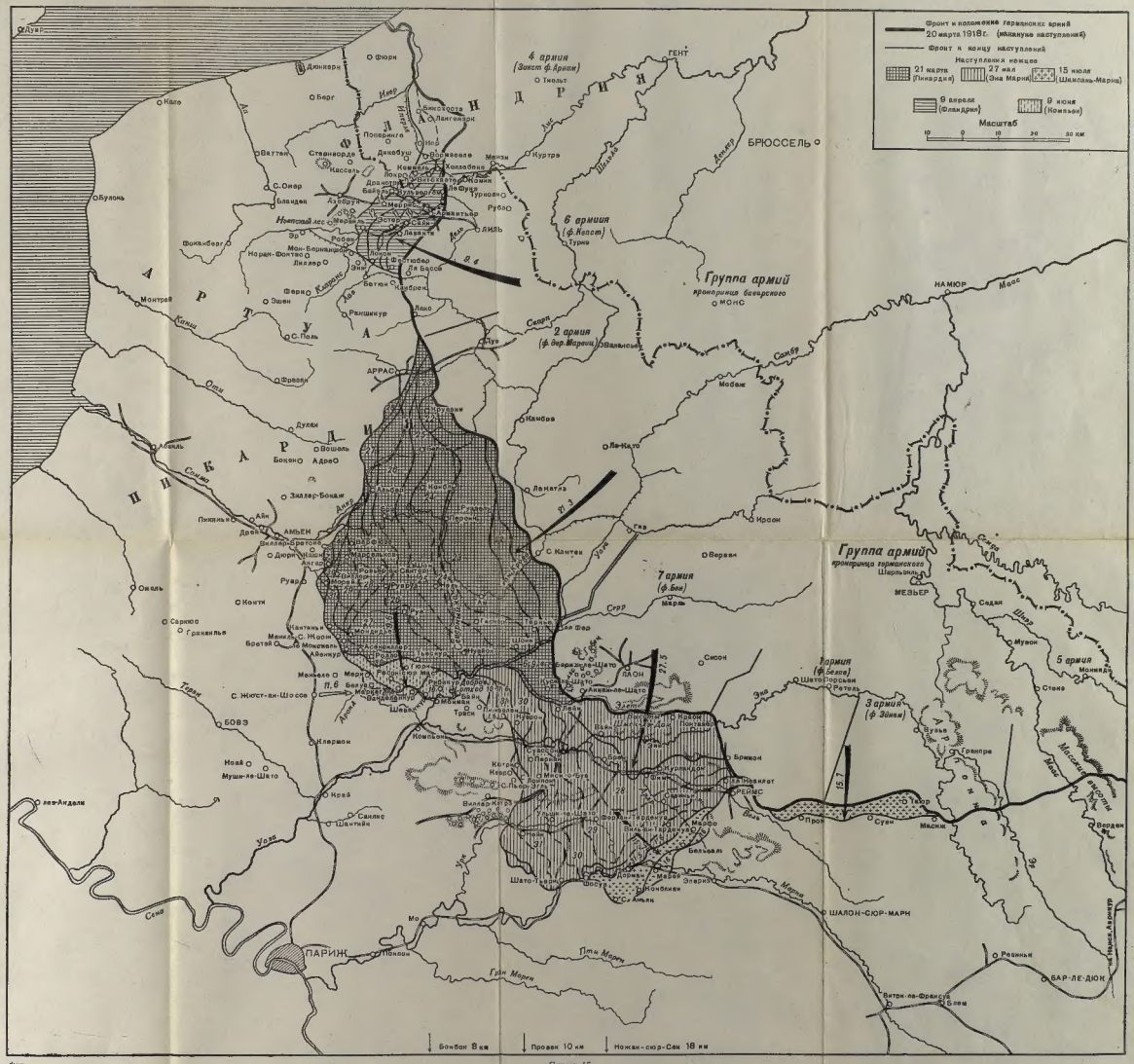

Фронт к положению германских армий 20 марта 1918 г. (накануне наступления)
Фронт к концу наступлений
Наступления немцев
21 марта (Пикардия)
27 мая (Эна Марна)
15 июля (Шампань-Марна)
9 апреля (Фландрия)
9 июня (Компьен)
Масштаб
10 0 10 20 30 км
4 армия (Закст ф. Аркам)
6 армия (ф. Кеаст)
2 армия (ф. дер. Марвиц)
7 армия (ф. Бен)
1 армия (ф. Белов)
3 армия (ф. Эдиен)
Группа армий кронпринца баварского
Группа армий кронпринца германского
ФЛАНДРИЯ
АРТУА
ПИКАРДИЯ
БРЮССЕЛЬ
ГЕНТ
МОНС
НАМЮР
АРРАС
АМЬЕН
ЛАОН
РЕЙМС
МЕЗЬЕР
ШАЛОН-СЮР-МАРН
БАР-ЛЕ-ДЮК
ПАРИЖ
БОВЭ
Бомбон 8 км
Провен 10 км
Нижан-сюр-Сен 18 км

Схема 15